

ТРУДЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ГОСКУЛЬПРОСВЕТИЗДАТ

1955

ТРУДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО
МУЗЕЯ

Выпуск XXII

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1953

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
проф. А.Я. Брюсова

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1953

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск является продолжением серии сборников археологических статей, издаваемых Государственным Историческим музеем (ГИМ)¹. Статьи сборника касаются различных вопросов, постановка или разрешение которых потребовалась в связи с задачами, возникавшими при построении экспозиции музея по разделам древнейшей и древней истории народов СССР. Основным материалом при разрешении поставленных проблем послужили фонды археологических коллекций музея и результаты экспедиционных работ, организованных и проводившихся под руководством сотрудников музея. Это обусловило дробность тематики сборника, но не лишило его значения, поскольку предлагаемые статьи восполняют некоторые пробелы в музейной экспозиции, строящейся на основе имеющихся в музее фондов. Часть статей — И. К. Цветковой, Н. В. Трубниковой — является сокращенным изложением кандидатских диссертаций, написанных также на темы, обусловленные требованиями экспозиционного показа.

Дискуссия по вопросам языкознания, открытая на страницах «Правды», труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», последующие критические статьи лингвистов, историков, археологов и этнографов вскрыли порочность пропагандировавшейся Н. Я. Марром и его учениками вульгарной схемы истории народов и поставили перед историками и археологами задачу подлинно марксистского изучения каждого конкретного общественного образования на различных этапах развития человеческого общества — родовых и племенных общностей, народностей и наций.

В плане конкретизации истории формирования древних племен и народностей написаны помещенные в этом сборнике статьи И. К. Цветковой «Волосовские неолитические племена», Н. В. Трубниковой «Племена городищской культуры», В. П. Левашевой «Белореченские курганы». Произведенный авторами этих статей анализ вещественных материалов по археологии неолита и раннего железного века Окской долины, Среднего Поволжья, Северного Кавказа XIV—XV веков показывает сложный путь развития местных племен, их расселения и скрещения, культурной и, возможно, языковой ассимиляции.

Выход в свет произведения И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» ставит перед советскими археологами новые задачи. Экономика древних общественных образований должна быть подвергнута

¹ Труды ГИМ, вып. I, VIII, XI, XII, XVI, XVII.

тщательному анализу, в том числе и на археологическом материале. В особенности это относится к древнейшим периодам истории, о которых мы не имеем письменных данных.

Археологический материал в статьях авторов предлагаемого сборника дает представление о характере хозяйства, о первобытном обмене и о торговле продуктами производства. Таким образом, новые археологические данные, систематизированные и опубликованные в этих статьях, содержат ценный материал по экономике ранних общественных образований. Материал этот, конечно, окажет помощь при разработке проблемы истории экономического развития древнего общества.

Немаловажное значение для изучения истории древних племен в средней полосе европейской части СССР имеет статья В. М. Раушенбах «Неолитические стоянки Верхней Клязьмы».

На основе полученного в результате раскопок материала автору удалось наметить последовательность развития льяловской археологической культуры, которая имеет такое большое значение при изучении древнейших этапов развития племен всей средней и северной части европейской территории СССР.

Статья А. В. Успенской «Курганы южной Белоруссии» и статьи Л. А. Голубевой «Раскопки в Рузе», М. В. Фехнер «Археологические памятники в Белозерском и Кирилловском районах Вологодской области», устанавливая хронологизацию этих памятников, составляют часть начатого под руководством Б. А. Рыбакова археологами-славяноведами ГИМ систематического исследования древнерусских городищ и селищ.

Таким образом, публикация всех этих новых материалов, заполняющих некоторые пробелы в наших знаниях по истории древних общественных образований на территории нашей Родины, может оказать помощь советским историкам и археологам, разрабатывающим марксистскую историю народов, населяющих территорию СССР.

А. Брюсов

В. М. РАУШЕНБАХ

**НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ
ВЕРХНЕЙ КЛЯЗЬМЫ**

В одной из своих последних работ¹ М. Е. Фосс ориентировочно намечает ареал распространения льяловской культуры. Термин «льяловская культура» завоевал себе достаточно прочное место в археологической литературе. Но пока еще ни в одной из работ не дано четкой и определенной характеристики льяловской культуры. Это объясняется тем, что до настоящего времени еще не было проведено детального обследования территории Московской области, в частности долины р. Клязьмы, по берегам которой известны неолитические стоянки с материалом, весьма близким к материалу Льяловской стоянки. Целью настоящей работы является опубликование материалов неолитических стоянок верхнего течения р. Клязьмы.

В течение 1945—1948 гг. автором настоящей статьи был обследован ряд мест по р. Клязьме между Москвой и Орехово-Зуевым, где были сделаны находки неолитической керамики. Материалы исследований стоянок у д. Гридино, близ станции Дрезна, на Бисеровом озере у станции Купавна, у д. Б.-Буньково² в окрестностях г. Ногинска, стоянки на Желтой горе и на «Кладбище» у г. Орехово-Зуева дают возможность прийти к заключению о безусловной принадлежности этих стоянок к одной культуре и о сходстве этого материала с материалом Льяловской стоянки. Все эти стоянки относятся к одной археологической культуре — к льяловской.

Сама Льяловская стоянка, расположенная на левом берегу р. Клязьмы близ с. Льялово Московской области, была раскопана Б. С. Жуковым при участии Б. А. Куфтина в 1923—1925 гг. Характер материала Льяловской стоянки очень своеобразен. Особенно интересна керамика. Большая часть обломков глиняных сосудов содержит примесь песка и мелкоотделанного гранита; только 1,7 процента обломков содержит примесь толченых раковин³. Толщина стенок колеблется от 3 до 8—9 мм. Венчики прямые или слегка отогнутые. Типичным элементом орнамента

¹ М. Е. Ф о с с. Неолитические культуры севера европейской части СССР «Советская археология» (СА), вып. IX. М.—Л., 1947.

² В. М. Раушенбах. Неолитическая стоянка у д. Б.-Буньково. Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры (КС ИИМК) АН СССР, вып. XXXII. М.—Л., 1950.

³ Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялово Моск. уезда. «Труды Антропологического ин-та», вып. I. Приложение к «Русскому антропологическому журналу», т. XIV, вып. 1—2, М., 1925.

являются глубокие, конические в разрезе, ямки, расположенные в шахматном порядке. Другие элементы орнамента представлены оттисками зубчатого штампа и, реже, желобчатыми вдавлениями в виде горизонтальных поясов; кроме того, встречается ромбический орнамент, столь характерный для белевской культуры, в довольно значительном количестве ногтевой орнамент, а также косые и продолговатые ямки. Чрезвычайно характерно для льяловской керамики строго зональное расположение элементов узора. По подсчету Б. С. Жукова, в керамике Льяловской стоянки преобладает округлоямочный элемент орнамента (83 процента), ромбический же встречается редко. К сожалению, Б. С. Жуков не указывает в своей работе, как была орнаментирована небольшая часть сосудов с примесью толченой раковины и какова толщина их. А это было бы очень ценно, так как позволило бы произвести сравнение с керамикой других стоянок, которые содержат одновременно обломки сосудов льяловского и волосовского типов.

Изделия из кремня Б. С. Жуков делит на две группы: группу так называемых пиковидных орудий, обработанных грубыми сколами, и группу орудий, обработанных тонкой отжимной ретушью. Аналогии пиковидным орудиям Б. С. Жуков искал в типах кампинийских пиков, прототипы которых он видел в орудиях ранненеолитической культуры маглемозе. Основываясь на значительном количестве орудий микролитического вида и отсутствии полированных орудий, Б. С. Жуков относил Льяловскую стоянку к глубокой древности, считая ее по времени даже близкой к эпохе маглемозе. Однако такое мнение о древности Льяловской стоянки представляется нам несколько чрезмерным, так как в ее материале имеется обломок шлифованной сланцевой привески и шлифовальные плиты, наличие которых указывает, что шлифовка была льяловцам известна и применялась ими. Что же касается абсолютной даты, установленной Б. С. Жуковым для Льяловской стоянки, — середина III тысячелетия до н. э., — то эта дата не вызывает возражений.

Наиболее близкой по характеру материала к Льяловской стоянке является стоянка у д. Гридино¹. В 1948 г. нами были произведены небольшие раскопки этой стоянки.

Гридинская стоянка расположена на правом берегу р. Клязьмы. Берег этот сильно размыт, и видимо сохранилась лишь самая незначительная часть стоянки. Материал со стоянки Гридино представлен главным образом керамикой и небольшим количеством кремневых орудий. Керамику этой стоянки безусловно можно считать керамикой льяловского типа. Сосуды изготовлены из глины с примесью дресвы. Толщина стенок не превышает 5—6 мм. Обжиг хороший, ровный. Характерен орнамент, который представлен здесь преимущественно округлыми, правильной формы ямками, расположенными в шахматном порядке (рис. 1).

Даже гребенчатый элемент представлен очень слабо: в виде горизонтальных или вертикальных оттисков зубчатого штампа (рис. 1, 2). На двух черепках имеются оттиски полулунного зубчатого штампа, также характерного для керамики типа льяловской (рис. 1, 3). Ни прочерченных поясов, ни ромбических оттисков, появляющихся уже в Льялове, здесь нет. Керамика Гридинской стоянки производит впечатление крайне архаичной, и по абсолютной датировке ее нельзя считать более поздней, чем Льяловская.

¹ Деревня Гридино находится в Орехово-Зуевском районе Московск. области, неподалеку от станции Дрезна Московско-Горьковской железной дороги.

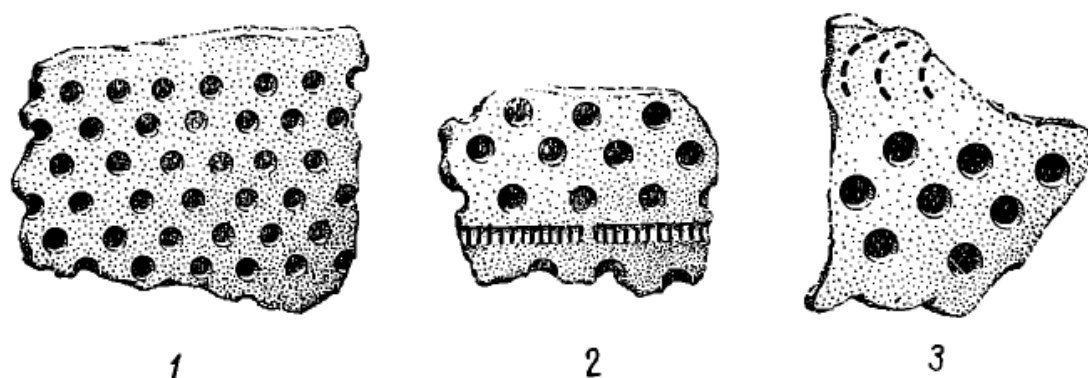

Рис. 1. Керамика из стоянки у д. Гридино

Кремневый инвентарь невелик и представлен несколькими скребками (рис. 2, 1—5), ножевидными пластинками, двумя обломками ножей и обломками наконечника дротика. Интерес вызывает находка полированного кремневого тесла (рис. 3), наличие которого как бы противоречит синхронизации Гридинской стоянки с Льяловской стоянкой. Но, как отмечено было выше, отсутствие полированных орудий в Льялове представляется случайным явлением. Впрочем, найденное на Гридинской стоянке полированное тесло, возможно, не является предметом местного изготовления. Сильно уплощенное, прекрасно отполированное, с округлым обушком, оно и по технике обработки, и по форме близко к кремневым топорам-теслам ранних фатьяновских могильников московской груп-

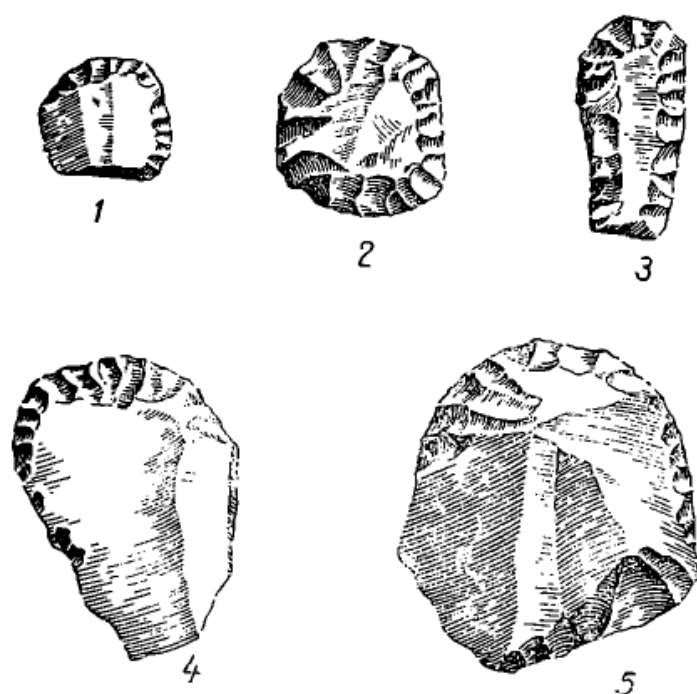

Рис. 2. Кремневые орудия из стоянки у д. Гридино (1/2 nat. вел.)

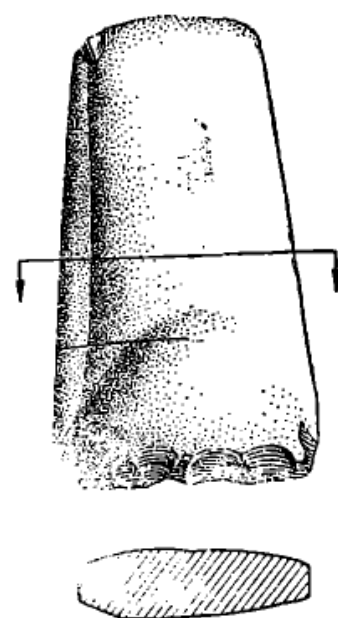

Рис. 3. Топор из стоянки у д. Гридино (1/2 nat. вел.)

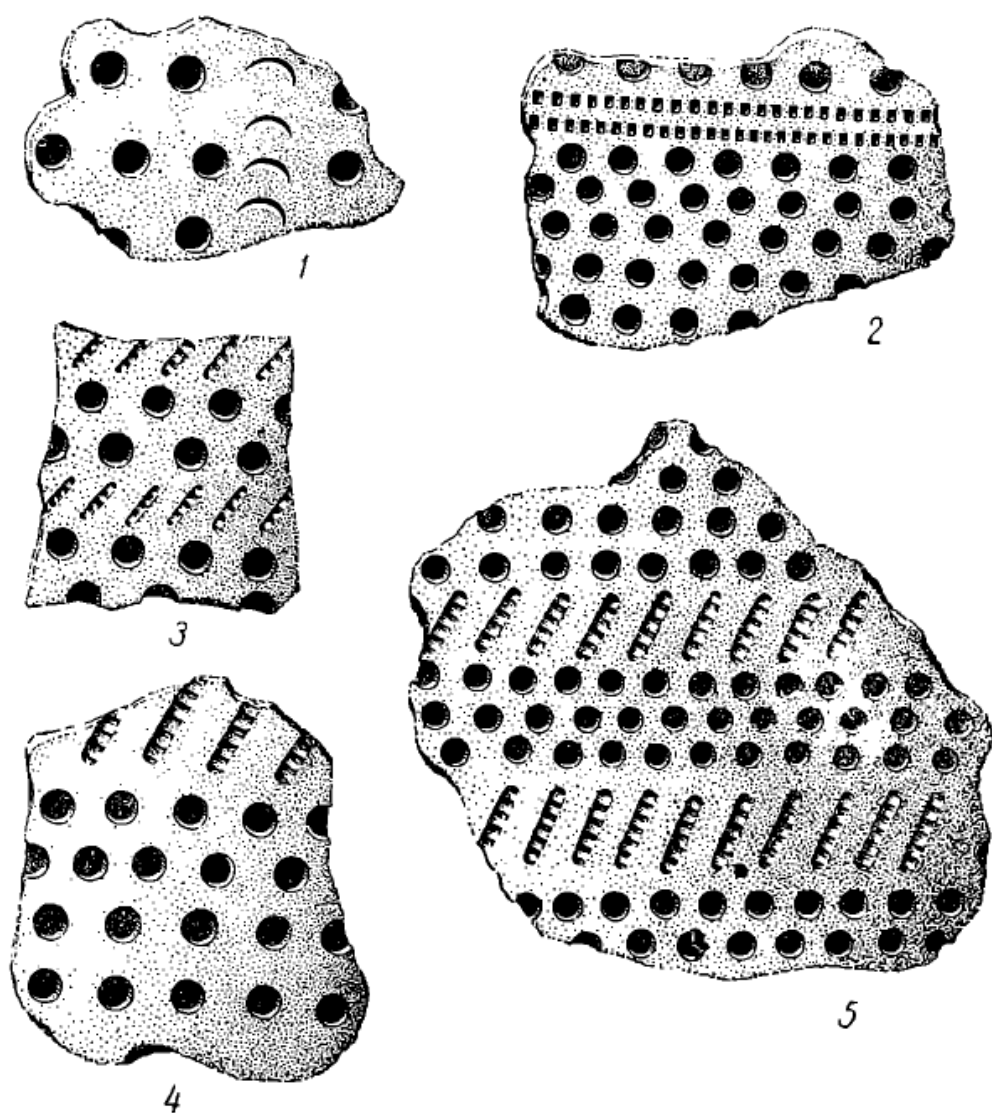

Рис. 4. Керамика из стоянки у Бисерова озера

пы. Принимая во внимание устанавливаемый О. А. Граковой¹ факт продвижения фатьяновцев в Московскую область во второй половине III тысячелетия до н. э., можно, с одной стороны, объяснить наличие данного тесла на Гридинской стоянке сношениями местного населения с фатьяновцами, а с другой стороны, определять дату Гридинской стоянки приблизительно второй половиной III тысячелетия до н. э. Дата эта близка к дате, устанавливаемой Б. С. Жуковым для Льяловской стоянки. Таким образом, Гридинскую стоянку можно считать стоянкой льяловского типа, синхронной по времени со стоянкой у с. Льялово.

Довольно близким к материалам с Льяловской и Гридинской стоянок является материал стоянки у Бисерова озера, хотя и относящийся, повидимому, к более позднему времени. Бисерово озеро находится в 1 км от станции Купавна Московско-Горьковской железной дороги. Основные коллекции из раскопок Л. Д. Пимакина у Бисерова озера хранились в краеведческом музее г. Истры и были варварски уничтожены немецко-

¹ О. А. Гракова. Хронология памятников Фатьяновской культуры. КС ИИМК АН СССР, вып. XVI. М.-Л., 1947.

фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны; сохранилось лишь очень небольшое количество материала в Ногинском краеведческом музее. В этой коллекции имелось более сотни обломков глиняных сосудов и несколько десятков кремневых орудий. Керамика со стоянки у Бисерова озера изготовлена из тонко отмученной глины с примесью песка и дресвы (рис. 4, 1—5). Толщина стенок сосудов не превышает 5—6 мм. Орнамент очень близок к орнаменту керамики с Льяловской и Гридинской стоянок и к первой группе орнамента керамики со стоянки у д. Б.-Буньково. Элементы орнамента представлены глубокими округлыми с коническим дном ямками, различными вариантами зубчатого штампа и так называемым ногтевым орнаментом (рис. 4, 1). Эта керамика производит впечатление довольно ранней, но чрезвычайно разнообразный характер кремневых орудий, совершенство их отделки и, наконец, значительное число полированных орудий заставляют датировать эту стоянку более поздним временем, чем Льяловскую. Кремневые орудия представлены прекрасно сделанными наконечниками стрел и дротиков ранней листовидной формы (рис. 5, 1), ромбической и с черешком (рис. 5, 2—5). Большая часть скребков сделана из массивных отщепов округлой формы, хотя имеются и концевые скребки (рис. 5, 6—7). Тесла чаще всего подтреугольной формы, обработаны круглыми сколами с заполировкой рабочего края (рис. 5, 8—10). Эти тесла весьма близки к теслам из Волосовской стоянки и к заготовке тесла со стоянки у д. Б.-Буньково (рис. 6). Несмотря на такой характер кремневых орудий, в коллекции нет ни одного черепка от сосуда более позднего типа, как, например, керамика второй группы на стоянке у д. Б.-Буньково. Следовательно, стоянку у Бисерова озера возможно датировать более поздним временем, чем Льяловскую и Гридинскую стоянки, и более ранним, чем стоянку у д. Б.-Буньково, то есть примерно началом II тысячелетия до н. э. Повидимому, к этому же времени относится стоянка у Святого озера, раскопанная Б. А. Куфтиным. Материал Святоозерской стоянки представлен в основном большим количеством керамики и осколками кремня. Из кремневых орудий в коллекции имеется лишь одно сверло¹.

Толщина стенок сосудов колеблется от 5 до 8 мм; в качестве примеси в тесте глины преобладает очень мелкий песок и лишь изредка встречается дресва. Орнамент, как и на керамике Льяловской стоянки, ямочно-гребенчатый с зональным расположением элементов. Преобладают, как это наблюдается на керамике стоянок льяловского типа, округлые, довольно глубокие с конусообразным дном ямки. В отличие от керамики Льяловской стоянки здесь нет того сотообразного расположения ямок в шахматном порядке, которое характерно для льяловской керамики. Кроме обычного типа оттисков зубчатого штампа в виде широких и неглубоких зубчатых овалов, имеются треугольники, выполненные ямками, ногтевой орнамент в различных его вариантах и орнамент веревочный (рис. 7, 1—6). В отличие от льяловской керамики здесь совсем нет ромбического орнамента. Керамика стоянки у Святого озера производит впечатление более поздней, чем льяловская и гридинская, и очень близка к керамике Бисерова озера. На более позднюю дату указывает не только отсутствие шахматного порядка в расположении

¹ Материал хранится в Музее антропологии при МГУ. В 1951 г. М. Е. Фосс был начат раскопки новой стоянки на Бисеровом озере.

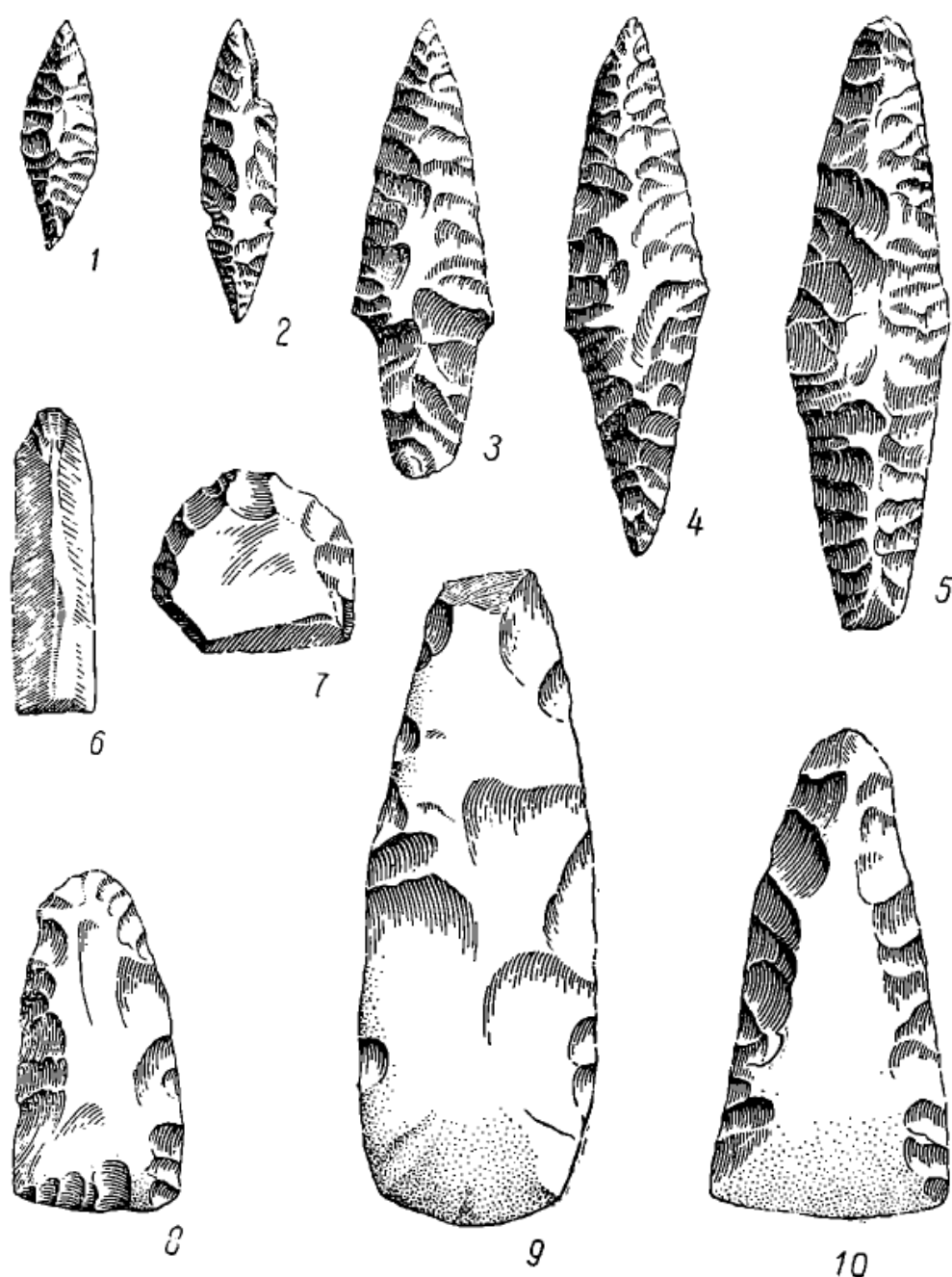

Рис. 5.
Кремневые
орудия из
стоянки у
Бисерова озера
(1/2 нат. вел.)

ямок, но и значительное количество веревочного орнамента. Интересно отметить наличие в святоозерской керамике одного черепка с толщиной стенки около 13 мм, орнаментированного отрисками широкой и глубокой гребенки обычного волосовского типа (рис. 7, 6). При этом в глине этого черепка имеется не только песок, но и растительная примесь, что делает его легким и несколько пористым и невольно заставляет привлечь в качестве аналогии волосовскую керамику первой половины II тысячелетия до н. э. Более точно датировать материал стоянки на Святом озере невозможно из-за отсутствия кремневых орудий и данных по стратиграфии. Пыльцевой анализ образцов культурного слоя со стоянки на Святом озере позволил Д. А. Герасимову отнести эту стоянку к середине суббореального периода¹.

¹ Д. А. Герасимов. Изменения климата и истории лесов Тверской губернии в послеледниковую эпоху, по данным изучения торфяных болот. Изв. Главн. ботанического сада, т. XXI, вып. 4. М., 1926.

Несколько выше по течению р. Клязьмы, у д. Б.-Буньково Ногинского района Московской области, автором настоящей статьи была раскопана еще одна неолитическая стоянка. Раскопки этой стоянки дали исключительно интересный материал. Особый интерес вызывает керамика. Как было указано в небольшой статье, посвященной этой стоянке¹, ее керамику по характеру орнамента, обжигу и примесям к тесту можно разбить на четыре группы. Первую группу керамики составляет небольшое число черепков (около 25 процентов от общего числа), орнаментированных округлыми ямками с коническим дном и различными вариантами оттисков гребенчатого штампа, то есть типичным узором для стоянок льяловского типа. Эта группа керамики находит себе полную аналогию в льяловской керамике, хотя уже утрачивает в какой-то степени четкость нанесения узора и шахматный порядок расположения ямок. Небольшой ее процент говорит за то, что эта группа является для Б.-Буньковской стоянки пережиточным явлением. Вторая и третья группы представлены керамикой, которую легче всего сближать с керамикой волосовской культуры. Черепки этих двух групп обычно толстостенные. Сосуды сформованы из глин со значительной примесью органических веществ (скорее всего растительного характера) и поэтому легки и пористы. Заглаживание сосудов очень неаккуратное, орнамент нанесен неряшливо. Этот орнамент состоит чаще всего из оттисков широкого, вертикального или наклонно поставленного зубчатого штампа; часто встречается также рамчатый штамп как широкий, так и узкий, что также весьма характерно для волосовской керамики. И, наконец, имеются черепки, орнаментированные глубокими прочерченными линиями, которые находят себе аналогию в керамике Панфиловской стоянки, относящейся к поздней стадии волосовской культуры.

Если керамика Б.-Буньковской стоянки находит себе аналогию частично в льяловской керамике, частично в волосовской, то кремневый инвентарь Б.-Буньковской стоянки ближе всего к волосовскому. Как говорилось, для кремневого инвентаря Льяловской стоянки характерны пережиточные черты обработки каменных орудий грубыми сколами, хотя часть орудий уже обработана тонкой отжимной ретушью. То, что для Льяловской стоянки было пережиточным явлением, уже совсем утратило свое значение в эпоху более поздних стоянок типа Бисерова озера; кремневые орудия этих стоянок обработаны тщательной отжимной ретушью, а техника полирования завоевала себе прочное место. Еще более ярко это прослеживается на кремневых орудиях Б.-Буньковской стоянки. Кремневые орудия здесь изготовлены тонкой отжимной техникой и по формам весьма близки к кремневым орудиям волосовской культуры. Я не говорю о типах наконечников стрел, которые настолько разнообразны в Волосовской стоянке, что трудно не найти среди них аналогий почти для любой неолитической стоянки средней по-

Рис. 6. Заготовка
тесла из стоянки
у д. Б.-Буньково
($\frac{2}{5}$ nat. вел.)

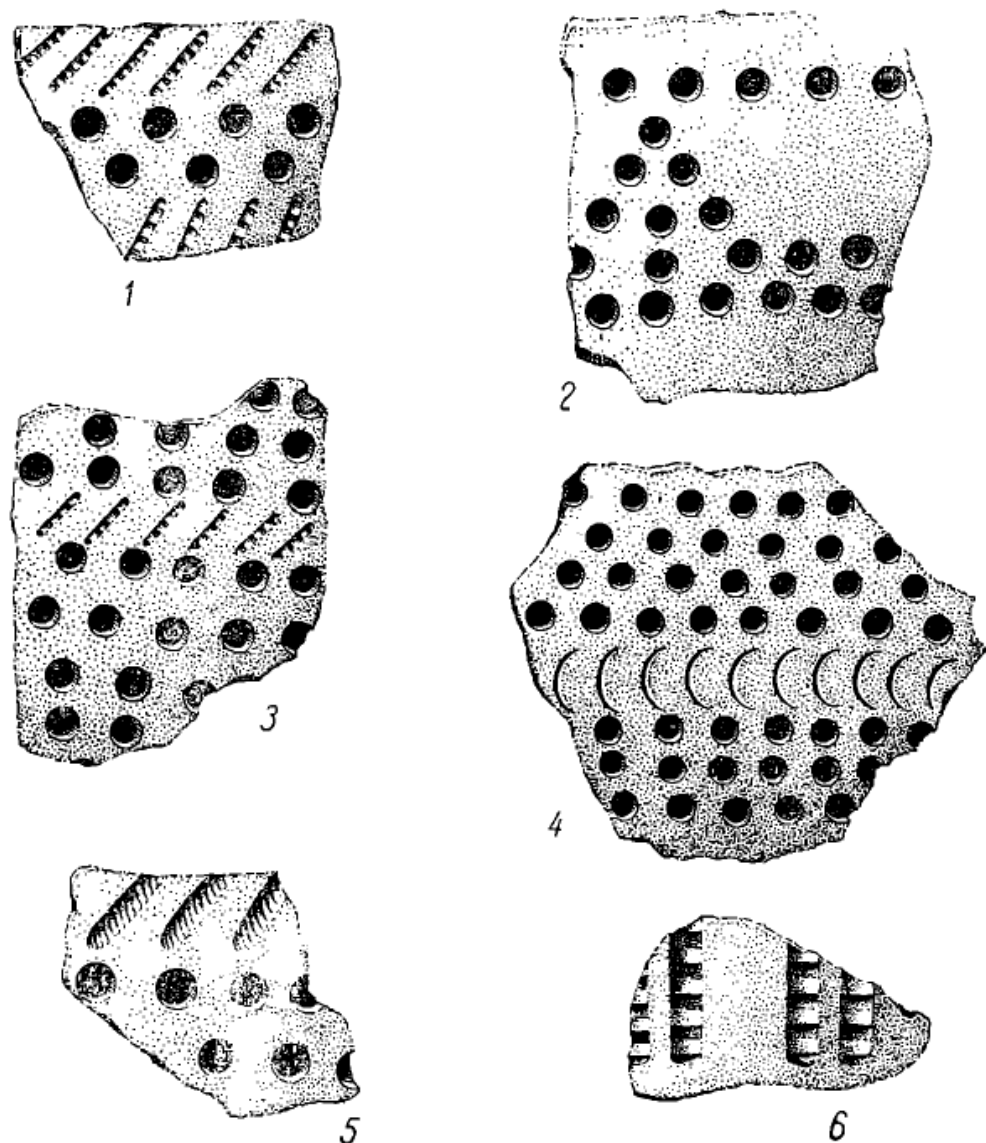

Рис. 7 Керамика из стоянки у Святого озера

лосы. Но, помимо этого, типы скребков, широкие, пластинчатые, изогнутые полулунные ножи и значительное количество резчиков, столь характерных для волосовской культуры, — все это также сближает Б.-Буньковскую стоянку с Волосовской. И, наконец, находка на Б.-Буньковской стоянке фигурного кремня в виде головки медведя еще больше подчеркивает сходство обеих стоянок. Все эти черты сходства позволяют считать Б.-Буньковскую стоянку синхронной по времени с Волосовской стоянкой, то есть датировать ее примерно второй четвертью II тысячелетия до н. э.

Итак, все рассмотренные стоянки отличаются прежде всего характерными чертами керамики. Это керамика льяловского типа, тонкостенная, изготовленная из хорошо отмученной глины с примесью песка либо дресвы, орнаментированная, как правило, глубокими, правильной формы округлыми ямками с коническим дном. Чаще всего, особенно на ранних стадиях развития, эти ямки нанесены чрезвычайно аккуратно, в шахматном порядке. Вариантов гребенчатого штампа немного: это

либо горизонтальные, либо вертикальные оттиски гребенки, либо, что бывает реже, полулунные. Расположение элементов орнамента всегда строго зональное. Эти черты свойственны в той или иной степени керамике всех вышеуказанных стоянок с тем только различием, что наибольшую строгость в нанесении орнамента можно видеть в материалах Льяловской и Гридинской стоянок.

Керамика же из стоянок Святое озеро и Б.-Буньково в некоторой мере утрачивает эту строгость и четкость рисунка. И если переход к следующей стадии развития керамики можно едва проследить по материалу стоянки у Святого озера, по наличию сосудов, орнаментированных веревочным орнаментом, и одного черепка так называемого волосовского типа, то в материалах стоянки у д. Б.-Буньково этот переход выражен очень резко: в этом материале керамики льяловского типа значительно меньше и уже преобладает керамика волосовского и панфиловского типа.

Если выделение специфических черт керамики льяловского типа не представляет особых затруднений и ее легко отличить от керамики Языковской, Федоровской и других стоянок, то кремневые орудия не дают пока подобной возможности. Рассматривая кремневые орудия всех этих стоянок, нам почти не удастся найти в них особых отличий от кремневых орудий стоянок Окской долины. Так, ножи Б.-Буньковской стоянки и стоянки у Бисерова озера изготовлены из широких пластинчатых отщепов, как и большинство ножей Волосовской стоянки; наконечники стрел также находят себе полную аналогию в волосовском материале. То же можно сказать о сверлах, проколах и резчиках. Иными являются только безусловно кремневые орудия самой Льяловской стоянки.

Стоянок по течению р. Клязьмы известно еще немного, и поэтому четко и определенно устанавливать стадии развития льяловской культуры пока представляется преждевременным, но поставить вопрос о выделении особой льяловской культуры своевременно, и все описанные выше стоянки должны войти ареал распространения этой культуры.

Можно лишь ориентировочно указать, что такие стоянки, как Льяловская и Гридинская, могут быть отнесены к ранней стадии льяловской культуры, стоянки же у Бисерова озера и у кладбища г. Орехово-Зуева, по видимому, можно будет отнести ко второй стадии ее развития; стоянки у Святого озера и у Б.-Буньково будут иллюстрировать третью стадию развития льяловской культуры.

Что касается датировки этих стоянок, то наиболее ранней следует считать Льяловскую стоянку. Ее абсолютная дата, предложенная Б. С. Жуковым, — 3000—2500 лет до н. э. — не вызывает возражений. Стоянка Гридино по своей керамике ближе всего стоит к Льяловской, и ее можно считать синхронной последней; кремневое же тесло, близкое по типу к топорам раннефатьяновских могильников московской группы, дает возможность датировать эту стоянку второй половиной III тысячелетия до н. э.

Стоянка Бисерова озера, несмотря на наличие керамики льяловского типа, все же является более поздней. Здесь нет уже четкости и аккуратности нанесения орнамента, ямки имеют несколько неправиль-

---

Стоянка кладбища г. Орехово-Зуева известна лишь по случайному материалу, так как вся стоянка разрушена современными могилами. Керамика ямочно-гребенчатая, очень близка к бисеровской.

ную форму, отсутствует шахматный порядок в их расположении, встречается большое количество вариантов гребенчатого орнамента. Все это говорит о более поздней дате и заставляет отнести эту стоянку примерно к началу II тысячелетия до н. э. Стоянка у Святого озера как бы является переходной от Бисеровской стоянки к стоянкам типа Б.-Буньковской; здесь еще не сложились окончательно волосовские орнаментации, но уже появился веревочный орнамент. Б.-Буньковскую же стоянку по значительному количеству аналогий с Волосовской следует считать синхронной с последней и датировать ее второй четвертью II тысячелетия до н. э.

Все эти стоянки представляют компактную группу, достаточно резко отличающуюся по типам вещей от стоянок других известных нам неолитических культур в двуречье Ока — Волга.

И. К. ЦВЕТКОВА

**ВОЛОСОВСКИЕ
НЕОЛИТИЧЕСКИЕ
ПЛЕМЕНА**

ВВЕДЕНИЕ

Большой археологический материал неолитических поселений и могильников, накопленный в течение ряда десятилетий, и новые методы его обработки, используемые советскими археологами, позволяют в настоящее время дать не только описание материальной культуры первобытных племен, но и подойти к правильному освещению некоторых вопросов их конкретной истории.

Предлагаемая работа и представляет собой такую попытку показать на основании археологического материала исторические судьбы группы племен, населявших во II тысячелетии до н. э. район нижнего течения Оки. В основу работы положено девять памятников: стоянки Волосовская, Панфиловская, Владычинская, Володарская, Садовый бор, Коренец, Холомониha, Гавриловка I и стоянка на Волосовском холме «А».

В результате изучения всех этих памятников оказалось, что наряду с общими чертами материальной культуры, характеризующими волосовскую культуру в целом и позволяющими проследить этапы ее развития, в определенных районах намечаются некоторые местные черты. При сопоставлении археологического материала из этих районов оказалось возможным проследить пути расселения волосовских племен, которое охватило все пространство нижнего течения Оки.

Многочисленные археологические памятники по Оке и ее притокам не раз привлекали внимание исследователей. Первыми исследователями этих памятников были А. С. и П. С. Уваровы¹, А. А. Спицын и В. И. Каменский².

В 1895 г. В. А. Городцовым было начато систематическое археологическое обследование берегов Оки. С 1895 по 1910 г. им были произведены разведки, сопровождавшиеся раскопками, по берегам Оки от г. Белева до г. Муром³. В 1900 г. В. А. Городцовым впервые в России была

¹ А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, тт. 1 и 2. М., 1882.

² А. А. Спицын и В. И. Каменский. Стоянка каменного века близ г. Балахны. Записки отд. русской и славянской археологии Русского археологического общества, т. VII, вып. 1.

³ В. А. Городцов. Материалы для археологической карты долины и берегов Оки. Труды XII археологического съезда. М., 1902. Он же. Археологические исследования в долине р. Оки, произведенные в 1898 г. «Древности», т. XVII, 1901. Он же. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. «Древности», т. XXIV, 1914.

сделана попытка выделения неолитических культур¹. Большую работу по изучению памятников волго-окского междуречья провели Б. С. Жуков, которым была выделена льяловская неолитическая культура², О. Н. Бадер и М. В. Воеводский, выделившие балахнинскую неолитическую культуру³. Наконец, за последние годы А. Я. Брюсовым были выделены на Оке еще две неолитические культуры — белевская и рязанская⁴.

Под термином «археологическая культура» нами подразумевается единство археологического материала, прослеживаемое на определенной территории. Это единство выражается главным образом в орнаменте, покрывающем глиняные сосуды, а также в некоторых характерных типах орудий и украшений. При этом в течение определенного отрезка времени происходят некоторые изменения. Так, например, сохраняя в каждой культуре свои местные особенности, орнамент с течением времени несколько изменяется, образуя в своем развитии преемственно связанные типологические ряды. Археологическая культура является отражением в материальной культуре определенных связей между людьми, которые существовали в прошлом. Единство археологического материала на определенной территории показывает, что древние племена, населявшие ее в течение определенного отрезка времени, выработали свои особые черты в производстве материальной жизни.

Отражая исторические явления, археологическая культура, само собой разумеется, не может не изменять своего содержания с течением времени. Поэтому содержание термина «археологическая культура» для разных эпох развития человеческого общества будет различно. В данном случае речь идет об археологической культуре, выделяемой по памятникам позднего неолита. При изучении археологической культуры следует выделять вещи определенной группы памятников, расположенных на данной территории; к ним могут быть отнесены только такие предметы, которые повторяются в материале всех этих памятников и не встречаются среди материалов памятников, расположенных на соседних территориях, или встречаются там в небольшом количестве в качестве привозных вещей. Внутри этой категории вещей следует различать, с одной стороны, вещи, типичные для отдельных этапов развития данной культуры, характеризующие хронологические особенности памятников, с другой стороны, вещи, типичные для ограниченного района внутри всей данной области. Такие вещи будут характеризовать местные особенности отдельных групп одновременных памятников, что, как мы увидим ниже, имеет большое значение для исторических выводов. Кроме того, необходимо учитывать связи между племенами, иногда удаленными друг от друга на большое расстояние.

Наиболее ценным материалом, позволяющим наметить этапы развития той или иной культуры, а также местные особенности отдельных вариантов культуры, является керамика. В районе распространения данной культуры она всегда будет иметь ряд ярких и своеобразных черт, отлича-

¹ В. А. Городцов. Русская доисторическая керамика. Труды XI археол. съезда (АС), т. 1, 1900.

² Б. С. Жуков. Теория хронологических и территориальных модификаций некоторых неолитических культур Восточной Европы, по данным изучения керамики. «Этнография», т. 1, М., 1929.

³ О. Н. Бадер и М. В. Воеводский. Стоянки Балахнинской низины. Известия Гос. Акад. истории материальной культуры (ГАИМК), вып. 106. М., 1935.

⁴ А. Я. Брюсов. Очерки истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

ющих ее от керамики других культур; при внимательном изучении керамики, в особенности орнамента, покрывающего сосуды, можно наметить не только хронологические отличия, но и местные варианты. Вероятно, этот факт можно объяснить тем, что орнамент соответствовал родовой или племенной символике.

Анализируемый таким образом материал (при достаточном его количестве) дает возможность восстановить картину племенных делений, которые в большинстве случаев представляют собой группы родственных племен, реже — отдельные племена.

Конечно, мы никогда, повидимому, не сможем полностью, во всех деталях, восстановить историю древних племен, но тем не менее кое-что сделать можно.

В классических трудах Ф. Энгельса показано, что на известной ступени развития общества в силу относительного перенаселения отдельных районов происходило частичное расселение населения. Условиями, вызывавшими расселение племен, являлась экстенсивная форма охотничье-рыболовческого хозяйства и система родовой организации, которая не могла охватить большого количества населения на большой территории.

В частности, изучение отдельных неолитических культур позволило некоторым исследователям частично разрешить вопрос о процессе расселения населения на обширной территории севера и центральной части европейской территории СССР по окончании ледникового периода.

В разрезе данной темы нас может интересовать в этом отношении следующее положение. В центральной части среднерусской полосы известны памятники льяловской культуры, относящиеся ко второй половине III тысячелетия до н. э. Одним из таких памятников является Льяловская стоянка, расположенная в верховьях Клязьмы. Рассматривая материал многочисленных более поздних стоянок севера европейской территории СССР, мы находим, что их керамика часто преемственно связана с керамикой льяловского типа. Это дало возможность М. Е. Фосс, говоря о неолитических культурах севера — карельской, беломорской, каргопольской, — сделать заключение, что, «судя по керамике, в ранней стадии развития эти культуры связаны генетически, представляя собой ответвления одной из культур льяловского типа, бытовавших в III тысячелетии до н. э. Это позволяет высказать гипотезу о генетической связи северных культур с льяловской и рассматривать центральную часть Среднерусской полосы как родину этих культур»¹ Точно так же А. Я. Брюсов, прослеживая сходство керамики стоянок типа Воронцовской (белевская культура), отметил, что «эти стоянки несомненно старше стоянок карельской культуры (типа сунской), керамика которой обнаруживает черты заимствования от древней керамики белевской культуры»². В этих случаях мы имеем дело с постепенным расселением племен из окско-клязьминского междуречья. С уходом части населения на большое расстояние на новых местах постепенно развивается из общей основы самостоятельный тип культуры; старых культурных традиций становится все меньше и меньше, пока, наконец, они почти совершенно не исчезают. Таким образом, здесь вместе с процессом образования новых племен идет процесс сложения новых культур.

¹ М. Е. Фосс. Неолитические культуры севера. СА, 1947, вып. IX. Л., стр. 31.

² А. Я. Брюсов. Белевская неолитическая культура. КС ИИМК АН СССР, вып. XVI. М., 1947.

Но если группы людей, отсегментовавшись от племени, ушли от него на сравнительно небольшое расстояние, то, развивая в дальнейшем свою самостоятельную культуру, они благодаря непрерывно продолжающейся связи должны иметь много общих черт с культурой оставшегося населения. Примером такого рода сегментации могут служить памятники волосовской культуры, расположенные в низовьях Оки. Племена волосовской культуры, расселяясь на сравнительно небольшом расстоянии друг от друга, сохраняли в своем инвентаре признаки, общие для всей культуры, в противоположность далеко ушедшим от первоначального местожительства северным племенам.

Расселение неолитических племен по берегам Оки и Волги и их притокам непрерывно происходило в конце III тысячелетия до н. э. В это время здесь образовывались самостоятельные, довольно крупные племенные группы с различной материальной культурой. У этих расселившихся на обширной территории различных родственных племен должен был существовать общий для этих племен язык. «Конечно, были наряду с этим диалекты, местные говоры, но над ними превалировал и их подчинял себе единый и общий язык племени или народности»¹.

Приведенный ниже анализ археологического материала показывает, что образование новых археологических культур, характеризующих слагающиеся в силу сегментации новые племена, а следовательно, и диалекты единого племенного языка, происходило именно таким образом.

Одной из этих археологических культур является волосовская культура.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Территория распространения волосовской культуры

Территория распространения волосовской культуры охватывает район нижнего течения Оки приблизительно от устья р. Клязьмы на северо-востоке до района среднего течения р. Вететьмы на юге. Северная граница проходит по нижнему течению р. Клязьмы в районе г. Вязники; юго-западная граница намечается в районе верховьев Пры; юго-восточная граница проходит в районе среднего течения р. Тёши; северо-восточная граница намечается восточнее устья Клязьмы (рис. 1).

Однако эти границы не были одинаковыми на протяжении всего периода существования волосовской культуры. Об этом свидетельствует тот факт, что в районе низовьев Оки до г. Горбатова, а также по нижнему течению Клязьмы в районе гг. Гороховец и Вязники известно большое количество памятников, относящихся к раннему этапу развития балахнинской культуры². На юге последним таким памятником является стоянка Плеханов бор на правом берегу Оки, напротив села Чулково³. Памятники, относящиеся к более поздним этапам развития этой культуры, встречаются восточнее, в районе низовьев Оки, от бассейна р. Сеймы до г. Горького, и севернее, по правому берегу Волги в районе гг. Балахны и Городец⁴.

¹ И. В. Сталин. Относительно марксизма в языковедении. М., 1950, стр. 10.

² Материал хранится в музеях гг. Дзержинска и Вязники.

³ А. С. Уваров. Указ. соч.

⁴ Материал хранится в Дзержинском городском музее.

Рис. 1. Территория распространения волосовской культуры

Таким образом, северо-восточная граница территории распространения волосовской культуры — период существования в этих районах памятников балахнинской культуры проходила, повидимому, несколько южнее г. Павлова (см. карту).

Расширение территории волосовской культуры произошло позднее. Об этом свидетельствуют стоянки Володары, Гавриловка I и Холomonиха, расположенные в низовьях Оки и Клязьмы. Эти стоянки относятся ко второму этапу развития волосовской культуры и возникли в результате расселения племен из района г. Муром.

Повидимому, еще в IV тысячелетии до н. э. в центральной части европейской территории СССР была распространена раннеолитическая культура, характеризующаяся ямочно-зубчатой керамикой. Памятники, относящиеся к древнейшему этапу этой культуры, пока неизвестны. Однако на основании единства начальных типов орнамента во всех керамических группах центральной части европейской территории СССР можно предполагать существование этого древнейшего этапа.

Уже во второй половине III тысячелетия до н. э. в керамике древних неолитических племен, заселявших эту территорию, намечаются некоторые местные черты.

Так, в районе нижнего течения Клязьмы выделяется раннеолитическая культура, характеризующаяся ямочно-зубчатой керамикой типа льяловской¹, в районе г. Белева выделяется раннеолитическая культура, характеризующаяся керамикой типа стоянки Воронеж², в районе низовьев Оки и Клязьмы имеются раннеолитические памятники с керамикой типа керамики стоянки Гавриловка II³.

При картографировании стоянок, характеризующихся керамикой льяловского типа, выяснено, что территория их распространения охватывает районы верхнего и среднего течения Клязьмы (см. карту). Наиболее древней из этих стоянок является стоянка Гридино⁴, дальше находится Льяловская стоянка; к несколько более позднему времени, повидимому, к концу III тысячелетия до н. э., относятся стоянки Круглое озеро⁵, Святое озеро⁶, Бисерово озеро⁷.

К этому же времени относятся наиболее древние из известных в настоящее время неолитические памятники на территории распространения волосовской культуры: стоянка у д. Сонино⁸, Малоокуловская стоянка⁹ и нижний культурный слой стоянки Садовый бор¹⁰, расположенные в районе г. Муром; стоянки Ушмары, Коренец¹¹ и нижний культурный слой

¹ Б. С. Жуков. Неолитическая стоянка близ с. Льялово. Труды Антропологического института при МГУ, вып. I. Прилож. к «Русскому антропологическому журналу», кн. XIV М., 1925.

² А. Я. Брюсов. Белевская неолитическая культура. КС ИИМК АН СССР, вып. XVI. М., 1948.

³ Раскопки И. К. Цветковой 1950—1951 гг. Материал хранится в Гос. Историческом музее (ГИМ) и в Горьковском краеведческом музее.

⁴ Раскопки В. М. Раушенбах 1949 г. Материал хранится в ГИМе.

⁵ Разведки М. Е. Фосс 1949 г. Материал хранится в ГИМе.

⁶ Разведки Б. А. Куфтина. Материал хранится в Антропологическом музее МГУ.

⁷ Раскопки М. Е. Фосс 1951 г. Материал хранится в ГИМе.

⁸ Ф. Я. Селезнев. Приокские древнейшие поселения. Труды Владимирского областного музея, вып. 3. Владимир, 1928. Материал хранится в Муромском краеведческом музее; разведки И. К. Цветковой 1950 г. Материал хранится в ГИМе.

⁹ А. В. Збруева. Малоокуловские курганы. СА, вып. IX. М.—Л., 1947.

¹⁰ Ф. Я. Селезнев. Указ. соч.

¹¹ Сборы В. Леонова и У. Монастырева. Материал хранится в ГИМе.

Владыченской стоянки¹, расположенные в верховьях Пры. Характерной особенностью всех этих стоянок является наличие ямочно-зубчатой керамики, преемственно связанной с керамикой льяловского типа (рис. 2).

В начале II тысячелетия до н. э. в судьбах племен, заселявших районы верхнего и среднего течения Клязьмы и среднего течения Оки, произошли, повидимому, большие изменения. В то время в районе муромского течения Оки выделяется самостоятельная группа родственных племен, характеризующихся волосовской культурой. В районе рязанского течения Оки выделяются племена рязанской культуры. Дальнейшее развитие льяловской культуры во II тысячелетии до н. э. прослеживается в районе верхнего течения Клязьмы, а также по течению Дубны и Яхромы, где известны такие памятники, как Буньковская стоянка², стоянка Николо-Перевоз³, Языковская стоянка⁴.

Мы не можем в настоящее время проследить преемственной связи материала конца III тысячелетия до н. э. со стоянками на территории распространения волосовской культуры с материалом этой культуры в начале II тысячелетия. Точно так же мы не располагаем в настоящее время такими данными, которые позволили бы говорить о заселении в начале II тысячелетия до н. э. территории муромского течения Оки племенами, пришедшими из каких-то других областей. Таким образом, вопрос о происхождении волосовской культуры остается пока не разрешенным.

Описание характерных для волосовской культуры предметов

Волосовская культура является одной из самых ярких и своеобразных неолитических культур, известных на теперешней центральной части европейской территории СССР. Наиболее ценным материалом, отражающим особенности археологической культуры в целом, а также позволяющим наметить хронологические этапы этой культуры, является керамика.

Под керамикой волосовского типа подразумеваются толстостенные сосуды с округлым или уплощенным дном, сделанные из глины с примесью толченой раковины или с растительной примесью. Края сосудов прямые, иногда отогнуты наружу или загнуты внутрь. Шейки и плечики отсутствуют. Внешняя поверхность сосудов сглажена, причем нередко сглаживание производилось после нанесения орнамента. На внутренней поверхности часто заметна штриховка, получившаяся в результате заглаживания зубчатым штампом или концом щепки. Сосуды изготовлялись ручным способом с применением ленточной техники.

К наиболее характерным чертам орнамента, покрывавшего обычно всю поверхность сосудов, относится отсутствие геометрической правильности орнаментального рисунка; расположение орнаментальных линий как в горизонтальном, так и в вертикальном направлениях; использование для нанесения орнамента разнообразных зубчатых или рамчатых штампов. Наиболее характерными орнаментальными узорами являются

¹ Раскопки О. Н. Бадера. Материал хранится в Гос. Эрмитаже и в Рязанском краеведческом музее.

² В. М. Раушенбах. Неолитическая стоянка у д. Б.-Буньково. КС ИИМК АН СССР, вып. XXXII. М., 1950.

³ Раскопки Б. С. Жукова. Материал хранится в Волоколамском краеведческом музее; разведки В. М. Раушенбах 1948 г. Материал хранится в ГИМе.

⁴ О. Н. Бадер. Неолитические погребения на Верхней Волге. СА, вып. III. М., 1937.

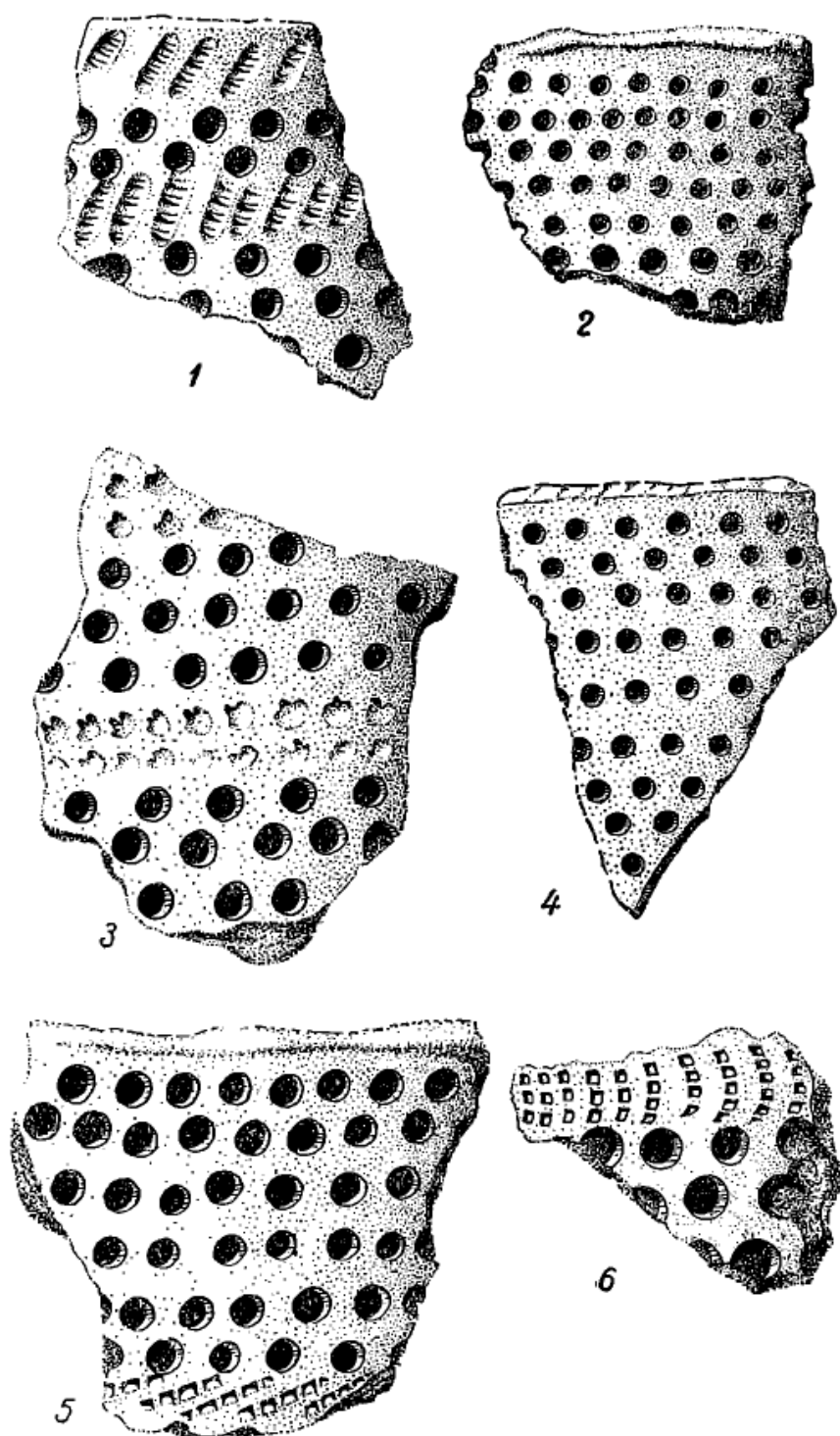

Рис. 2. Керамика льяловской культуры:

1 — Льяловская стоянка; 2 — стоянка Гридино; 3 — Языковская стоянка; 4 — стоянка Круглое озеро; 5 — стоянка Садовый бор; 6 — стоянка Сонино

зигзаг, сетка и елочный узор, а также беспорядочно разбросанные по поверхности сосуда разнообразные ямчатые вдавления (рис. 3). Эта керамика получает распространение на первом этапе развития волосовской культуры и сохраняется на втором и третьем этапах.

В технике изготовления кремневых орудий на всем протяжении развития волосовской культуры характерно применение крупных отщепов в

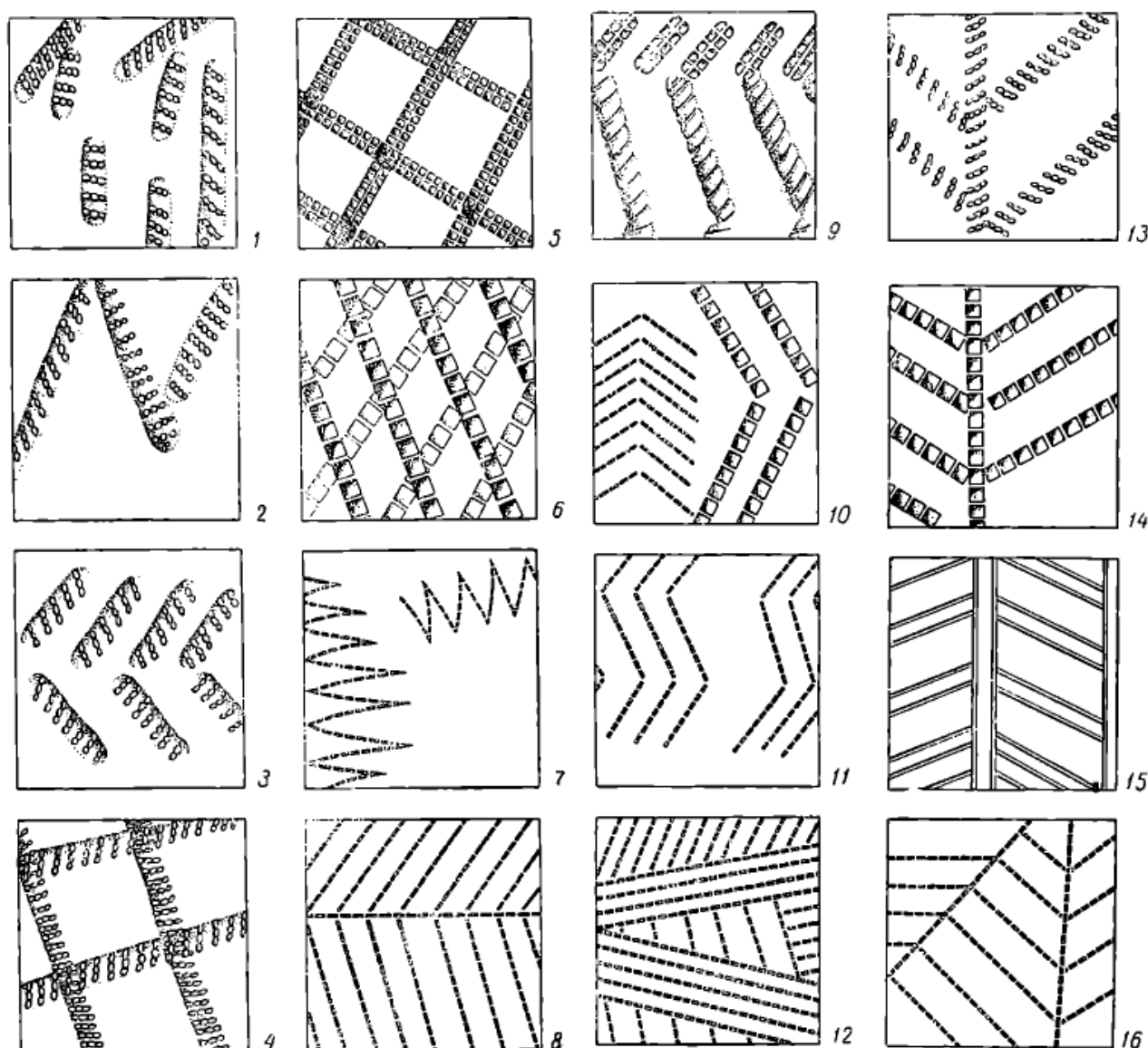

Рис. 3. Керамика волосовской культуры:

1-й ряд (слева направо) — район верховьев Пры; 2-й ряд — район г. Муром; 3-й ряд — район низовьев Оки; 4-й ряд — район низовьев Клязьмы

противоположность, например, соседней балахнинской культуре, для которой характерны орудия из пожевидных пластин. Состав кремневых орудий отличается огромным разнообразием форм и прекрасной выделкой. «Руководящими» типами вещей, отличающими волосовскую культуру от других неолитических культур, являются резчики из массивных отщепов с вытянутым, отретушированным со стороны спинки рабочим концом (рис. 4, 1, 10), «угловые скребки», или скребки-резчики, у которых обработан один боковой край, образующий угол с рабочим лезвием¹, скобели из пластинчатых отщепов с несколькими округлыми выемками (рис. 4, 5—6), полированные долота с широким и узким желобком, с высокой спинкой и тупым обушком (рис. 5, 2, 4)

¹ М. Е. Фосс. К методике определения каменных орудий. КС ИИМК АН СССР, вып. XXV М., 1949.

Одной из характерных особенностей волосовской культуры является частое применение дублированных орудий: дублированные сверла, сверла-скобели, скребки-резчики и т. п. Перечисленные типы орудий в большом количестве встречаются на всех памятниках волосовской культуры, тогда как на территории распространения других неолитических культур они или совершенно отсутствуют или встречаются в виде единичных находок.

Этапы развития волосовской культуры

В развитии волосовской культуры намечаются три этапа, сменяющие один другой в хронологической последовательности.

Первый этап развития волосовской культуры характеризуется материалами Волосовской стоянки¹, а также материалами верхнего горизонта культурного слоя Владычинской стоянки² и стоянки Коренец³.

Хотя керамика волосовской культуры сохраняет свой стиль на протяжении всех этапов развития волосовской культуры, однако оказывается возможным проследить в ней некоторые хронологические отличия: подавляющее большинство сосудов на первом этапе сделано из глины с примесью толченых раковин; имеющиеся обломки днищ свидетельствуют о наличии сосудов с округлым и уплощенным дном; наиболее характерными орнаментальными рисунками являются вертикальный и горизонтальный зигзаг и сетка, образованные отпечатками зубчатого и рамчатого штампов или веревочки (рис. 3, 4—7). Но уже на этом этапе появляются некоторые черты, характерные для керамики второго этапа: например, среди керамики Волосовской стоянки встречается небольшое количество обломков сосудов из глины с растительной примесью. Характерно, что среди керамики Владычинской стоянки, которая относится к несколько более раннему времени, чем Волосовская стоянка, обломков сосудов из глины с растительной примесью нет. Заметим также, что в керамике памятников второго этапа также всегда имеется небольшое количество керамики, характерной для первого этапа.

Волосовская стоянка находится в Мордовичковском районе Горьковской области на северном краю д. Волосово, на невысокой песчаной дюне, на правом берегу р. Велетьмы. Несмотря на то, что стоянка неоднократно посещалась различными исследователями, собранный ими многочисленный материал опубликован далеко не полностью. Первыми исследователями стоянки были А. С. и П. С. Уваровы (А. С. У в а р о в. Археология России. Каменный период, тт. 1 и 2. М., 1882); последующие раскопки были произведены П. П. Кудрявцевым (P. P. Coudrjavcew. Les vestiges de l'homme préhistorique de l'âge de pierre près du village de Volosovo. Congrès international d'archéologie et d'anthropologie. 2-ème session à Moscou. T. II, 1893), а также В. М. Иверсеном и Филимоновым; в 1910 г. раскопки стоянки были произведены В. А. Городцовым (В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 г. «Древности», т. XXIV М., 1914); наконец, в 1925 г. стоянка была окончательно докопана Б. С. Жуковым.

² Владычинская стоянка находится в Клепиковском районе Рязанской области, на расстоянии около 3 км к юго-западу от г. Владычено. Раскопки стоянки были произведены О. Н. Бадером в 1926 и 1927 гг. (материал не издан, хранится в Гос. Эрмитаже и в Рязанском краеведческом музее).

³ Стоянка Коренец находится в Коробовском районе Московской области, на западном берегу оз. Мартыновского, близ д. Коренец. В настоящее время стоянка совершенно разрушена. Материал происходит из сборов В. Леонова и У. Монастырева (хранится в ГИМе).

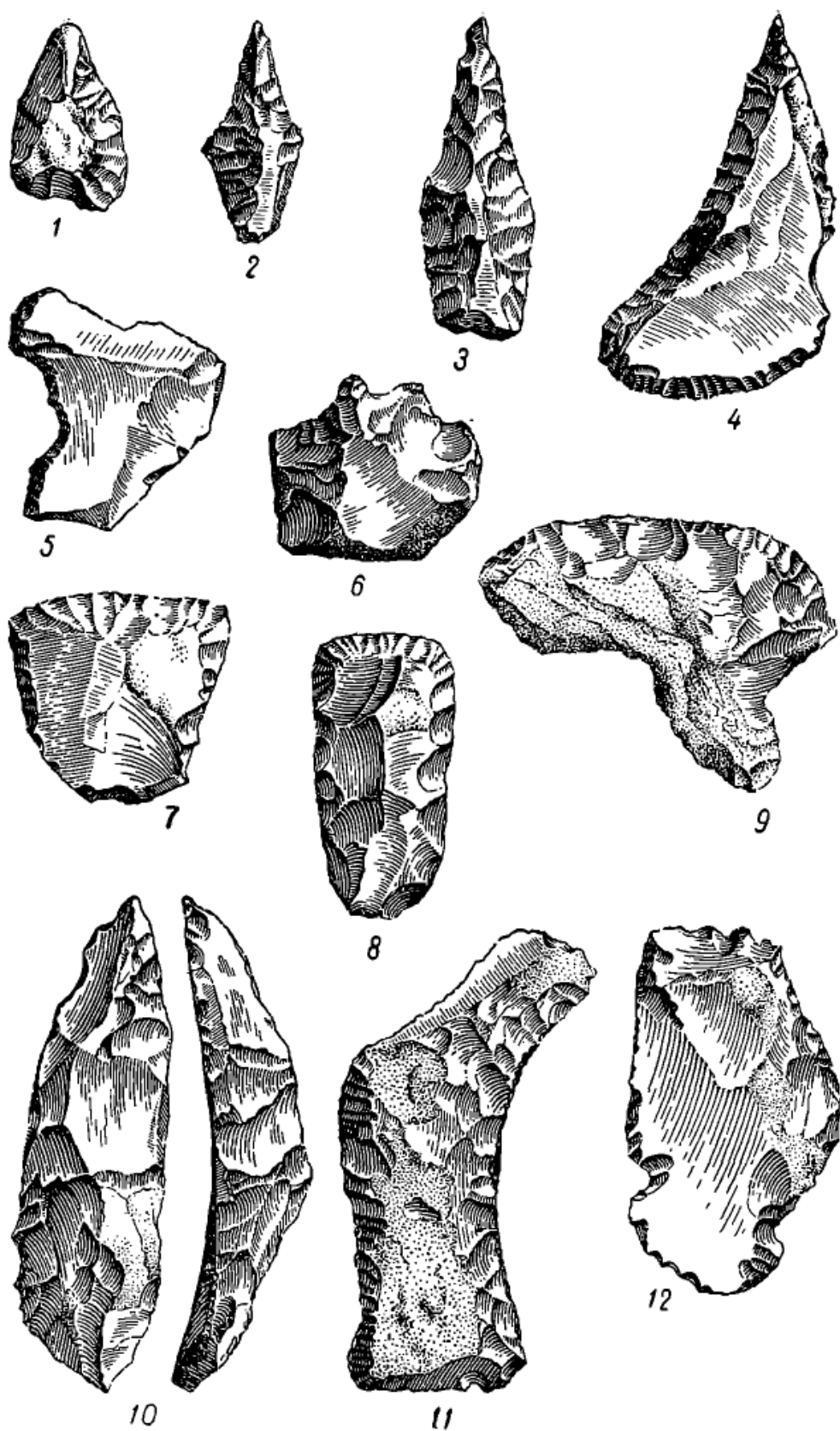

Рис. 4. Кремневые орудия волосовской культуры:
 1, 10 — резчики; 2, 3, 4 — сверла; 5, 6 — скобели; 7, 8 — скребки; 9 —
 стрелы; 11, 12 — ножи ($\frac{2}{3}$ н. в. в.)

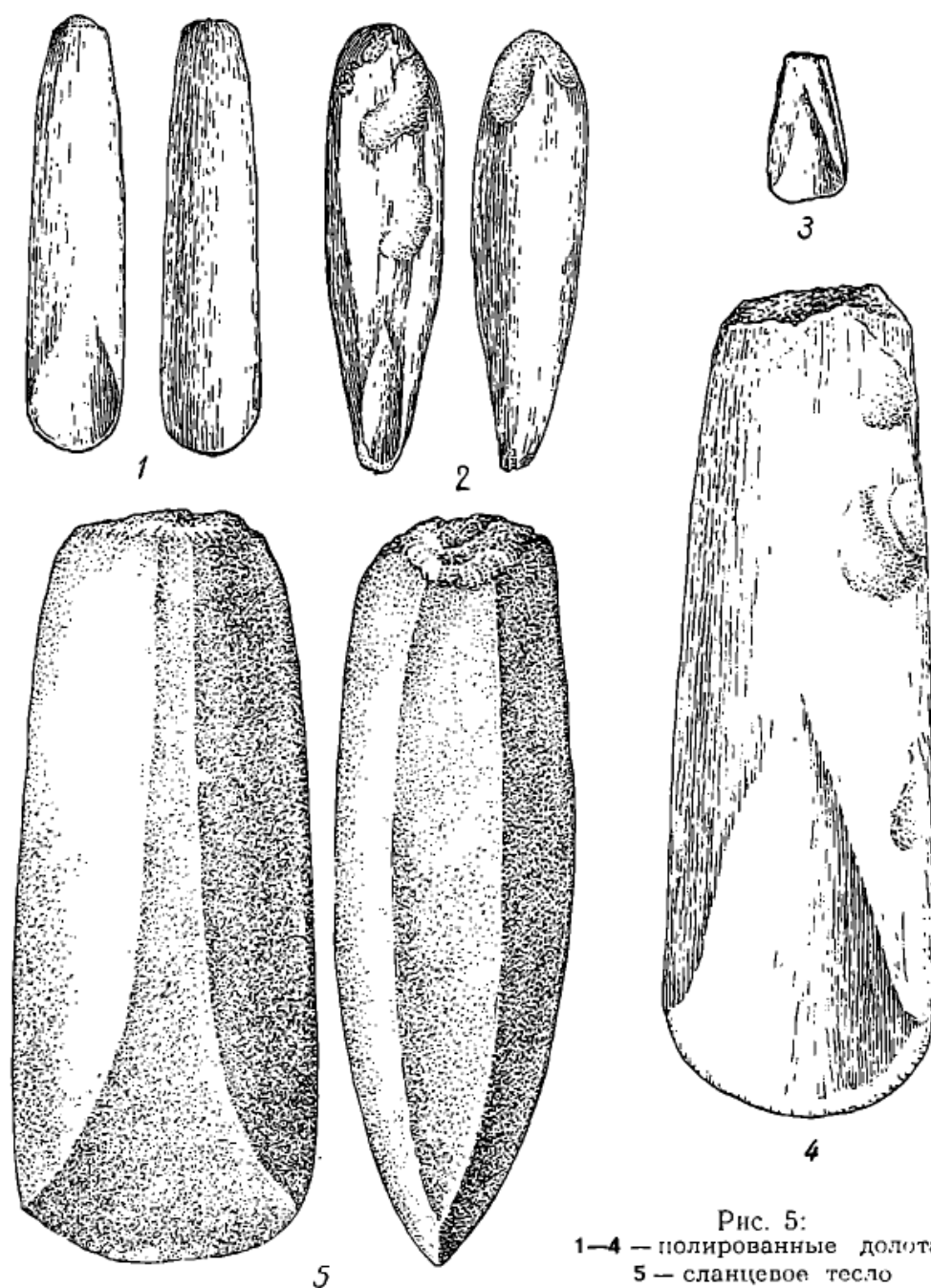

Рис. 5:
1—4 — полированные долота;
5 — сланцевое тесло
($\frac{2}{3}$ нат. вел.).

Второй этап развития волосовской культуры характеризуется материалами Панфиловской стоянки¹, стоянок Холомониха², Володары³,

¹ Панфиловская стоянка находится в Муромском районе Владимирской области на расстоянии около 1,5 км к югу от с. Панфилово, на левом берегу р. Илемни. Стоянка была открыта в 1929 г. Ф. Я. Селезевым. В 1924 г. В. А. Городцовым были произведены раскопки стоянки, последующие раскопки производились в 1946 г. Е. И. Горюновой; наконец, в 1950 г. стоянка была окончательно докопана мной.

² Стоянка Холомониха находится в Вязниковском районе Горьковской области на расстоянии около 1 км к юго-западу от д. Липовые усадьбы, на невысокой песчаной дюне. Стоянка была открыта в 1916 г. Н. М. Соколовым и П. И. Поповым. В 1927 г. О. Н. Бадером были произведены раскопки стоянки (материал не издан; хранится в Гос. Эрмитаже).

³ Стоянка Володары находится в Володарском районе Горьковской области на расстоянии около 3 км к юго-юго-востоку от с. Володары, на невысокой песчаной дюне, на берегу ныне пересохшей речки. Стоянка была открыта в 1941 г. Б. А. Сафоновым. Раскопки производились мной в 1945—1946 и 1948 гг. (И. К. Цветкова. Стоянка Володары. КС ИИМК АН СССР, вып. XX. М., 1948).

Гавриловка¹ и материалами верхнего горизонта культурного слоя стоянки Садовый бор². Признаки, отличающие керамику этого этапа, следующие: подавляющее большинство сосудов сделано из глины с растительной примесью; наряду с сосудами с уплощенным дном появляются сосуды с плоским дном; на внутренней и внешней поверхности сосудов всегда заметны следы заглаженной штриховки; так как штриховка часто производилась после нанесения орнамента, последний бывает частично стерт; орнамент сохраняет большинство черт, характерных для керамики первого этапа (отсутствие геометрической правильности орнаментального рисунка, расположение орнаментальных линий как в горизонтальном, так и в вертикальном направлениях, применение для нанесения орнамента рамчатых и зубчатых штампов); однако орнаментальные рисунки обладают рядом черт, отличающих их от керамики первого этапа.

Наряду с длинными оттисками зубчатого штампа и веревочки широкое развитие получает нарезка (рис. 3, 11). Наиболее характерным орнаментальным узором является зигзаг. Часто зигзаг перерезается поясками, состоящими из оттисков зубчатого штампа или ямчатых вдавлений.

Близким к такому узору является узор в виде вертикальных полос, состоящих из длинных оттисков зубчатого штампа с отходящими от них наискось такими же полосами. Наконец, этот узор переходит в настоящий елочный узор (рис. 3, 13).

Третий этап развития волосовской культуры характеризуется материалом стоянки на месте Старшего Волосовского могильника³. Керамика этой стоянки делится на две группы. К первой принадлежат обломки толстостенных сосудов из глины с растительной примесью; орнаментальные рисунки этих сосудов сохраняют орнамент в виде зигзага и сетки, образованных длинными оттисками зубчатого штампа (рис. 3, 5—6), иногда встречаются оттиски рамчатого штампа. Но все эти орнаментальные рисунки нанесены крайне небрежно. Ко второй группе принадлежат обломки сосудов также из глины с растительной примесью. Орнамент, покрывающий главным образом верхнюю часть сосудов, состоит из разнообразных, довольно небрежных ямчатых вдавлений или оттисков короткого овального зубчатого штампа. Внешняя поверхность этих сосудов сглажена до блеска.

В верхних горизонтах культурного слоя стоянок, относящихся ко второму этапу развития волосовской культуры, нередко встречается керамика, характерная для третьего этапа.

¹ Стоянка Гавриловка I находится в Дзержинском районе Горьковской области, на юго-западном краю д. Гавриловка, на песчаной дюне, на левом берегу р. Волосаниха. Стоянка была открыта в 1945 г. Б. А. Сафоновым. Раскопки производились мной в 1949—1950 гг. (материал не издан; хранится в ГИМе).

² Стоянка Садовый бор находится в Мордовшиковском районе Горьковской области на расстоянии около 2 км к северо-западу от с. Поздняково, на песчаной дюне, на берегу заболоченного озера. Стоянка была открыта в 1925 г. Ф. Я. Селезевым. Им же были проведены небольшие раскопки стоянки (Ф. Я. Селезев. Приокские древнейшие поселения. Труды Владимирского музея, вып. 3, Владимир, 1928). Дальнейшие раскопки были произведены мной в 1950 г. (материал хранится в ГИМе).

³ Стоянка на Волосовском холме «А» (название дано В. А. Городцовым) находится в Мордовшиковском районе Горьковской области рядом с Волосовской стоянкой. Впервые стоянка была обследована А. С. Уваровым (А. С. Уваров. Археология России. Каменный период. М., 1882). Последующие раскопки стоянки были произведены в 1910 г. В. А. Городцовым (В. А. Городцов. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. «Древности», т. XXIV М., 1914).

Датировка памятников волосовской культуры

Развитие волосовской культуры охватывает почти все II тысячелетие до н. э. Что касается датировки отдельных памятников, то на некоторых из них имеется ряд предметов, позволяющих более или менее точно установить их датировку.

Так, например, для датировки первого этапа волосовской культуры опорной датой является погребение на Владыченской стоянке, в котором была найдена бронзовая «манжета», типичная для унетицкой культуры на территории Моравии, где она датируется не позднее второй четверти II тысячелетия до н. э.

Второй этап развития волосовской культуры датируется третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Одним из доказательств такой датировки является наличие на Панфиловской стоянке и на стоянке Володары кремневых наконечников стрел сейминского типа, датируемых XIV веком до н. э.

Третий этап развития волосовской культуры датируется на основании найденного в погребении № 10 Старшего Волосовского могильника сосуда, украшенного ниже горла рядом округлых выпуклостей. Такие сосуды на территории рязанской культуры датируются началом четвертой четверти II тысячелетия до н. э.

Расселение племен волосовской культуры

В результате изучения памятников волосовской культуры было выяснено, что наряду с общими, очень своеобразными чертами материальной культуры, характеризующими волосовскую культуру в целом, а также позволяющими наметить этапы ее развития в определенных районах, в материале отдельных групп памятников прослеживаются некоторые местные черты. Эти особенности не являются результатом хронологического отличия и могут рассматриваться как отличия племенные.

Таких районов намечается четыре: район низовьев При, район г. Муром, район низовьев Клязьмы, район низовьев Оки. Эти четыре района расположены на значительном расстоянии друг от друга. Так, например, от района верховьев При до г. Мурома около 150 км; от г. Мурома до с. Володары около 200 км, от г. Вязники до с. Володары около 100 км (см. карту, рис. 1).

Таким образом, известные в настоящее время памятники волосовской культуры группируются в четырех небольших районах. Как известно по этнографическим данным, у всех народов, стоящих на сравнительно низкой ступени культурного развития, орнамент, которым украшались различные изделия (глиняные или деревянные сосуды, ковры, одежда и пр.), соответствует родовой или племенной символике. В этом отношении керамика волосовского типа является очень ценным материалом, позволяющим проследить некоторые местные, повидимому племенные, особенности орнамента.

В начале II тысячелетия до н. э. в районе верховьев р. При существовали Владыченская и Кореневская стоянки. Наиболее характерными орнаментальными узорами керамики верхнего культурного слоя этих стоянок являются широкие, длинные или короткие овальные отпечатки пере-

витого шнура или веревочки (рис. 3, 1—4) Хотя подобный орнамент встречается иногда и в керамике других групп памятников волосовской культуры, но нигде он не получает такого широкого развития, как в районе верховьев Пры. Кроме того, здесь встречаются некоторые орнаментальные узоры, типичные для керамики стоянок муромской группы;

таким узорам относятся, например, зигзаг или сетка, образованные оттисками широкого зубчатого штампа; чаще эти узоры здесь выполнены оттисками веревочки и перевитого шнура. Некоторое своеобразие этих орнаментальных рисунков позволяет заключить, что в районе верховьев Пры в начале II тысячелетия до н. э. существовала особая группа памятников волосовской культуры. Население этого района несомненно имело связь с населением района г. Мурома, сохраняя однако особые черты в своей материальной культуре.

В районе г. Мурома раскопано четыре памятника волосовской культуры: стоянки Волосовская, Панфиловская и Садовый бор и стоянка с могильником на Волосовском холме «А», относящиеся к разным этапам ее развития.

В керамике всех этих памятников прослеживаются некоторые характерные черты, отличающие ее от керамики, типичной для памятников, расположенных в других районах распространения волосовской культуры. Наиболее характерным орнаментальным узором керамики Волосовской стоянки является зигзаг, образованный длинными, широкими или узкими оттисками зубчатого штампа. При этом часто встречается вертикальный зигзаг (рис. 3, 7) Вторым характерным узором является сетка, образованная длинными оттисками зубчатого или рамчатого штампа (рис. 3, 5—6). Эти орнаментальные узоры, известные также в керамике Панфиловской стоянки и стоянки Садовый бор, доходят до позднего времени, встречаясь в керамике стоянки на Волосовском холме «А». В керамике Панфиловской стоянки и стоянки Садовый бор, которые относятся ко второму этапу развития волосовской культуры, наряду с орнаментом, типичным для стоянок типа Волосовской, появляются новые орнаментальные узоры. Эти узоры состоят из широких вертикальных зигзагов, образованных длинными оттисками зубчатого штампа или парезкой, которые разделены поясками из длинных оттисков того же зубчатого штампа или ямчатых вдавлений (рис. 3, 8) Таким образом, основным мотивом этих узоров является зигзаг, только несколько измененной формы. Кроме того, для керамики этих стоянок характерен узор в виде вертикальных полос из длинных оттисков зубчатого штампа с отходящими от них наискось такими же поясками.

Таким образом, памятники в районе г. Мурома характеризуют существование особого племени, длительное время во II тысячелетии до н. э. занимавшего этот район.

Прежде чем приступить к описанию особенностей материальной культуры нижнеокских и нижнеклязьминских памятников, относящихся ко второму этапу развития волосовской культуры, попробуем обобщить те выводы, которые могут быть сделаны на основании изучения материала этих памятников.

Повидимому, в средние II тысячелетия до н. э. начинается процесс расселения части населения из южных районов территории распространения волосовской культуры в низовья Оки и Клязьмы.

Причиной расселения племен является прежде всего система родовой организации и экстенсивная форма ведения хозяйства, препятство-

вавшие охвату племенным самоуправлением населения на очень большой территории. Поэтому естественный рост племени сопровождался переселением части населения на другие территории и образованием нового племени¹. Естественно, что группа людей, переселившаяся на другую территорию, первоначально поддерживала связь с оставшимся населением. Эта связь в археологическом материале выражается в сходстве большинства форм вещей. Последующее обособление групп переселенцев приводило постепенно к выработке новых форм вещей, отличие которых от старых будет зависеть в значительной мере от степени удаленности группы переселенцев от первоначального племени.

Причиной расселения волосовских племен к северу являлась, повидимому, перенаселенность южных районов, о чем свидетельствует прежде всего наличие в районе г. Мурома ряда стоянок волосовской культуры. Существенным при этом является то, что материал нижнего горизонта культурного слоя стоянок Володары, Гавриловка I и Холмошня, расположенных в районах низовьев Оки и Клязьмы, обнаруживает полное сходство с материалом стоянок, расположенных в районе г. Муром.

В низовьях Оки мы находим стоянки Володары и Гавриловка I, которые относятся ко второму этапу развития волосовской культуры. Время их существования совпадает со временем существования в районе г. Муром стоянок типа Панфиловской. Однако начало существования стоянки Володары относится к несколько более раннему времени, о чем можно судить по керамике, которая была найдена на полу землянки и которая относится к началу существования стоянки. Эта керамика совершенно аналогична керамике, характерной для стоянок типа Волосовской. Наиболее характерным орнаментальным узором этой керамики является горизонтальный или вертикальный зигзаг и сетка, образованные длинными отпечатками зубчатого или рамчатого штампа. Далее развитие узора уклоняется от пути развития узоров на керамике муромской группы. В среднем горизонте культурного слоя стоянки Володары таких орнаментальных узоров уже нет: зигзаг превращается в своеобразный елочный узор; вместе с тем появляется недлинный вертикальный зигзаг, образованный короткими узкими отпечатками зубчатого штампа, который в верхнем горизонте становится основным орнаментальным узором; наконец, в верхнем горизонте появляется сложный узор в виде заштрихованных треугольников, выполненных длинными отпечатками зубчатого штампа (рис. 3, 12). Все эти узоры, характерные для керамики среднего и верхнего горизонтов культурного слоя стоянки Володары, характерны также для керамики стоянки Гавриловка I и совершенно неизвестны в других районах волосовской культуры.

Тождественность керамики нижнего горизонта культурного слоя стоянки Володары с керамикой стоянок типа Волосовской нельзя объяснить только межплеменными связями. В этом случае наряду с керамикой, типичной для муромской группы памятников, в нижнем горизонте культурного слоя стоянки Володары существовала бы какая-то местная керамика. Кроме того, орнаментальные узоры керамики верхнего горизонта культурного слоя стоянки Володары почему-то в дальнейшем приобретают своеобразные местные черты, отличающие эту керамику от одновременной керамики в районе г. Муром. Факты эти можно объяснить, повидимому, тем, что во время существования в районе г. Муром стоя-

¹ Л. Г. Морган. Древнее общество. М., 1949, стр. 62.

нок типа Волосовской из этого района началось расселение части населения вниз по Оке. Результатом такого расселения и являются стоянки Володары и Гавриловка I. Переселившись из района г. Муром, население принесло с собой формы вещей, типичные для этого района. Постепенное обособление переселенцев повело к выработке новых форм предметов, в которых, однако, прослеживаются черты преемственности от их первоначальных типов.

Стоянка Холомониha в низовьях р. Клязьмы относится ко второму этапу развития волосовской культуры. Время ее существования совпадает со временем существования в районе г. Муром стоянок типа Панфиловской, а также со временем существования в низовьях Оки стоянок типа Володарской. Однако начало существования стоянки Холомониha относится к несколько более позднему времени, чем начало существования стоянки Володары. Об этом свидетельствует керамика нижнего горизонта ее культурного слоя, которая обладает рядом черт, характерных для керамики стоянок типа Панфиловской. В верхних горизонтах культурного слоя эта керамика приобретает совершенно новые черты, отличающие ее от керамики других районов волосовской культуры (рис. 3, 13—16).

Наиболее характерным узором керамики стоянок типа Панфиловской является узор в виде широкого вертикального зигзага, образованного длинными оттисками зубчатого штампа или нарезкой, разделенной поясками, выполненными тем же штампом или ямчатыми вдавлениями. Этот узор встречается в большом количестве в керамике нижнего горизонта культурного слоя стоянки Холомониha. Кроме того, здесь было найдено небольшое количество обломков сосудов с орнаментом в виде горизонтального зигзага или сетки, образованных длинными оттисками зубчатого или рамчатого штампа. Этот узор характерен для муромской группы памятников. При этом веревочный орнамент, распространенный в керамике Панфиловской стоянки, получает на стоянке Холомониha несколько более широкое развитие. Уже в нижнем горизонте культурного слоя стоянки Холомониha появляется елочный орнаментальный узор, образованный оттисками зубчатого и рамчатого штампов, веревочки или нарезкой. Этот узор получает затем дальнейшее развитие и становится основным орнаментальным узором в керамике среднего и верхнего горизонтов культурного слоя. В керамике Панфиловской стоянки елочного орнаментального узора нет.

Итак, в середине II тысячелетия до н. э. произошло, повидимому, новое расселение части населения из южных районов волосовской культуры. В результате этого расселения в низовьях Клязьмы появляются памятники типа стоянки Холомониha, свидетельствующие о сложении в этом районе нового племени.

Признаки существования памятников с материалом, характерным для волосовской культуры, прослеживаются и за пределами ее распространения. Так, в Костромской области, то есть на расстоянии около 350 км от северной границы распространения волосовской культуры, находится стоянка Станок (см. карту, рис. 1)¹. Судя по материалу, собранному во время раскопок, на стоянке имеется два культурных наслоения: нижний горизонт содержит неолитический культурный слой с материалом волосовского типа, верхний относится к более позднему времени — к раннедьяковскому периоду. Инвентарь нижнего горизонта культурного слоя

¹ Раскопки В. И. Смирнова. Материал хранится в Костромском и Ивановском краеведческих музеях.

стоянки Станок обладает всеми основными признаками, характерными для памятников волосовской культуры. Керамика этой стоянки совершенно аналогична керамике стоянки Холомониха.

Расположенная в Костромской области, стоянка Станок находится уже на территории распространения галичской культуры. Ни в материале памятников галичской культуры нет предметов, характерных для волосовской культуры, ни среди материала памятников волосовской культуры нет предметов, характерных для галичской культуры. Эти предметы не найдены и на стоянке Станок.

Так как материал из нижнего горизонта культурного слоя очень немногочислен, то дать какие-либо выводы на основании только этого материала представляется преждевременным. Но не исключена возможность, что стоянка Станок является результатом дальнейшего расселения населения с территории распространения волосовской культуры на север. На основании сходства керамики стоянки Станок с керамикой типа стоянки Холомониха можно предполагать, что исходным пунктом этого расселения является район низовьев Клязьмы. Но пока все это только предположение.

Другим памятником с материалом, характерным для волосовской культуры, известным за пределами территории ее распространения, является Безводновская стоянка. Эта стоянка расположена на левом берегу Волги, на расстоянии около 50 км к юго-юго-востоку от г. Горького, то есть на расстоянии около 150 км к востоку от места расположения стоянки Володары (см. карту, рис. 1). В Государственном Историческом музее хранится небольшой материал, собранный на Безводновской стоянке. Этот материал очень немногочислен и состоит исключительно из обломков глиняных сосудов. Наибольшее количество керамики принадлежит толстостенным сосудам волосовского типа, характерным для второго этапа развития волосовской культуры. При этом орнамент, покрывающий эти сосуды, совершенно аналогичен орнаменту керамики стоянок Володары и Гавриловка I.

К сожалению, левобережье Волги южнее г. Горького совершенно не обследовано в археологическом отношении. Материал, собранный на Безводновской стоянке, слишком немногочислен для того, чтобы сделать какие-либо серьезные выводы. Повидимому, Безводновская стоянка должна быть отнесена к памятникам волосовской культуры на позднем этапе ее развития. Тожественность некоторых орнаментальных узоров керамики этой стоянки с керамикой стоянки Володары позволяет сделать предположение о распространении населения юго-западной части Балахнинской низины, занятой в середине II тысячелетия до н. э. одним из племен волосовской культуры, на восток, в левобережье Волги.

Итак, со II тысячелетия до н. э. волго-окская равнина от верховьев Пры на юго-западе до г. Вязники на северо-западе и часть Балахнинской низины на северо-востоке были заселены племенами волосовской культуры. Заселение этой обширной территории произошло не сразу. До середины II тысячелетия до н. э. территория распространения волосовской культуры ограничивалась двумя районами: районом верховьев Пры и районом г. Муром. Районы низовьев Оки (приблизительно от г. Горбатова) и Клязьмы (район г. Вязники) были заселены племенами балахнинской культуры (см. карту, рис. 1). Таким образом, начавшееся в середине II тысячелетия до н. э. расселение южных племен волосовской культуры распространилось на территорию, занятую племенами балахнинской

культуры. Трудно определить, в каких условиях происходило это расселение, были ли столкновения между этими племенами или нет, вытеснены ли были «балахнинцы» или они еще ранее передвинулись в низовья Оки и в районы гг. Балахны и Городца. Пока мы знаем только, что в районе с. Володары и г. Горбатова, а также в низовьях Клязьмы — в районах гг. Гороховца и Вязников — известны наиболее ранние памятники балахнинской культуры, относящиеся к концу III или началу II тысячелетия до н. э., тогда как памятники балахнинской культуры, относящиеся к середине II тысячелетия до н. э., встречаются несколько восточнее — от бассейна р. Сеймы до г. Горького и севернее — по правому берегу Волги в районах гг. Вязников и Городца.

По археологическому материалу мы можем проследить две волны расселения из южных районов волосовской культуры вниз по Оке. В результате этого расселения в этих районах образовались два новых племени. Так как переселение происходило на сравнительно небольшое расстояние (приблизительно около 250 км), то образовавшиеся на новых территориях племена поддерживали связи с оставшимся населением. Это подтверждается многими общими чертами в материальной культуре этих племен. Но вместе с тем нужно отметить, что местные или племенные особенности выступают здесь очень резко.

Недостаточность данных не позволяет утверждать, что племена волосовской культуры продвинулись еще дальше на север, в район г. Кострома и на северо-восток, на левобережье Волги. Дальнейшие исследования помогут разрешить этот вопрос.

БЫТ ВОЛОСОВСКИХ ПЛЕМЕН

Расположение поселений и стратиграфия

Все известные в настоящее время стоянки волосовской культуры расположены на первой надпойменной террасе низкого берега Оки, на невысоких песчаных дюнах, на берегах озер и небольших рек, чаще неподалеку от их устья.

Стоянки волосовской культуры, как все неолитические поселения, имеют небольшие размеры. Так, например, площадь распространения культурного слоя на стоянке Володары занимает всего 2000 кв. м. Культурный слой всех без исключения стоянок отличается большой мощностью. Так, например, толщина культурного слоя Волосовской стоянки достигает 1,3 м, Панфиловской 0,8 м, стоянки Володары 0,9 м, что свидетельствует о продолжительности существования и постоянном характере поселений. Большинство стоянок волосовской культуры являются однослойными памятниками. При большой мощности культурного слоя это свидетельствует о непрерывности заселения их в течение длительного промежутка времени. К таким однослойным памятникам относятся, например, Волосовская стоянка, стоянки Володары и Холомониха и др. Распределение материала по отдельным горизонтам культурного слоя нередко позволяет выделить комплексы вещей, относящиеся к разным периодам существования стоянок. Но среди памятников волосовской культуры встречаются и двуслойные памятники. В этих случаях бывает трудно проследить два разновременных культурных наслоения, так как материал в мягком сыпучем песке часто перемешивается. Такая картина

наблюдается, например, на стоянке Садовый бор; повидимому, то же можно сказать о Владыченской стоянке и о стоянке Коренец. В таких случаях приходится пользоваться типологическим отбором материала.

Оперируя археологическими данными, а также используя этнографические материалы, можно приблизительно восстановить внешний вид поселений волосовской культуры.

Жилища

Для волосовской культуры характерны большие жилые землянки. Такие землянки были раскопаны на Волосовской и Панфиловской стоянках и на стоянке Володары. В пяти случаях землянки имели подчетырехугольную форму, в двух случаях — округлую форму. Землянки представляли собою большие полуподземные жилища размером до 100 кв. м (панфиловская землянка № 5), углубленные в землю на 80—90 см (володарские землянки). К этим землянкам пристраивались длинные выходы в виде узких коридоров с покатым полом. Иногда такие коридоры соединяли землянки друг с другом (володарские и панфиловские землянки). На полу землянок были обнаружены ямы от столбов, поддерживавших крышу. На полу володарской землянки № 2 были обнаружены остатки сгоревших деревянных столбов. В землянках были обнаружены очаги и кострища, расположенные напротив выхода (володарские землянки), или выложенные из камней очаги (панфиловская землянка № 1).

Судя по этнографическим данным, в каждой такой землянке могло жить по несколько семей. Л. Морган пишет, что обычно несколько семей индейцев жили в одном доме, ведя общее коллективное хозяйство¹. То же самое отмечает А. А. Потапов, описывая зимние жилища иганасанов², в которых размещалось обычно от двух до пяти семей.

Кроме жилищ, на некоторых стоянках волосовской культуры вне землянок были обнаружены довольно больших размеров кострища, вокруг которых были сосредоточены кости животных, птиц и рыб (стоянка Володары).

На Панфиловской стоянке и на стоянке Володары в результате раскопок обнаружены места для изготовления кремневых орудий в виде больших ям, на дне которых было найдено много кремневых осколков, законченных и незаконченных орудий, нуклеусов, отбойников.

К сожалению, нет ни одной стоянки волосовской культуры, которая была бы раскопана целиком. Поэтому невозможно установить количество и систему расположения жилищ на площади поселений. Судя по другим памятникам (например, Галичская стоянка³, раскопанная В. А. Городцовым), можно предполагать, что жилища располагались беспорядочно. Так же беспорядочно располагались кострища, ямы хозяйственного назначения и т. д.

Судя по расположению поселений волосовской культуры, а также по характеру археологического материала, можно установить, что основным занятием населения являлись рыболовство и охота. Почти на всех поселениях волосовской культуры сохранилось большое количество органиче-

¹ Л. Г. Морган. Дома и домашняя жизнь американских туземцев. М., 1934.

² А. А. Потапов. Иганасаны. М.—Л., 1948.

³ В. А. Городцов. Галичский клад и стоянка. Труды секции археологии. Российская ассоциация научно-исслед. ин-тов обществ. наук (РАНИОН), т. III. М., 1928.

ских остатков — отбросов пищи в виде костей животных, птиц и рыб. К сожалению, не во всех случаях было произведено определение костного материала. Особенно плохо изучен состав рыбных костей. Однако, судя по количеству рыбных костей и чешуи, можно предполагать, что рыболовство играло особенно большую роль в хозяйстве. Так, например, большие скопления рыбьей чешуи и костей были обнаружены В. А. Городцовым на Панфиловской стоянке. Среди них основное место занимали кости щуки и осетра. Большое количество рыбных костей и чешуи было найдено на стоянке Володары около могильных ям погребений; такие же кучи были найдены на полу володарских землянок.

Из орудий рыболовства на стоянках волосовской культуры найдено много гарпунов. Среди них имеются гарпуны с крупными клювовидными, редко расставленными зубцами или с одним зубцом у верхнего конца орудия (рис. 6, 1, 7). Нижняя часть некоторых гарпунов заострена и имеет округлое просверленное отверстие. Кроме гарпунов, встречаются составные рыболовные крючки (рис. 6, 3) с зарубкой в верхнем конце для привязи шнура. Но еще существеннее признаки наличия у волосовских племен рыболовных сетей, о чем можно заключить по отпечаткам их на стенках глиняных сосудов.

Однако можно предполагать, что ловля рыбы производилась в основном при помощи перегораживания рек, вероятно путем завала срубленными деревьями («заколы», «езики» и т. д.), в середине такого завала оставлялся узкий проход, где ставили различные ловушки («морды», «верши» и т. д.).

Второй не менее важной отраслью хозяйства волосовских племен являлась охота. Об этом свидетельствует большое количество костей диких животных и птиц, найденных при раскопках. Среди этих костей оказались кости лося (большинство), кабана, медведя, косули, лисицы, зайца, куницы, хорька, барсука, речного бобра. Кости птиц принадлежали гусю, глухарю, рябчику.

К охотничьему оружию относятся найденные на поселениях волосовских племен разнообразные кремневые и костяные наконечники стрел и кремневые наконечники дротиков (рис. 7, 5—7). Такие орудия иногда называют «индивидуальными». Но было бы неправильным делать заключение о преобладании индивидуальной охоты. Дело не только в том, каким орудием вооружен отдельный охотник, а в том, как организована вся охота. Этнографические же наблюдения показывают, что в обществах, подобных описываемому нами, наряду с индивидуальной охотой, и притом на первом месте, стоит коллективная охота путем загона, устройства заго-родей, ловчих ям и т. п., и в этих случаях охотник тоже бывает вооружен «индивидуальным» оружием — луком со стрелами, копьем или дротиком. Вероятно, существовали и другие формы охоты: вроде «перевесов» — на птиц, различных ловушек, расставленных в лесах на «путиках», и т. д.

Кроме рыболовства и охоты, известную роль в хозяйстве волосовских племен занимало, вероятно, собирательство. Единственным материалом этого рода в находках являются раковины *Unio*, находимые на поселениях в большом количестве.

Единственным прирученным животным являлась собака. На Волосозской стоянке был найден целый скелет собаки; череп собаки был найден на стоянке Володары. Кроме того, на некоторых стоянках найдены экскременты собаки. Остатков других домашних животных на стоянках волосовской культуры не найдено.

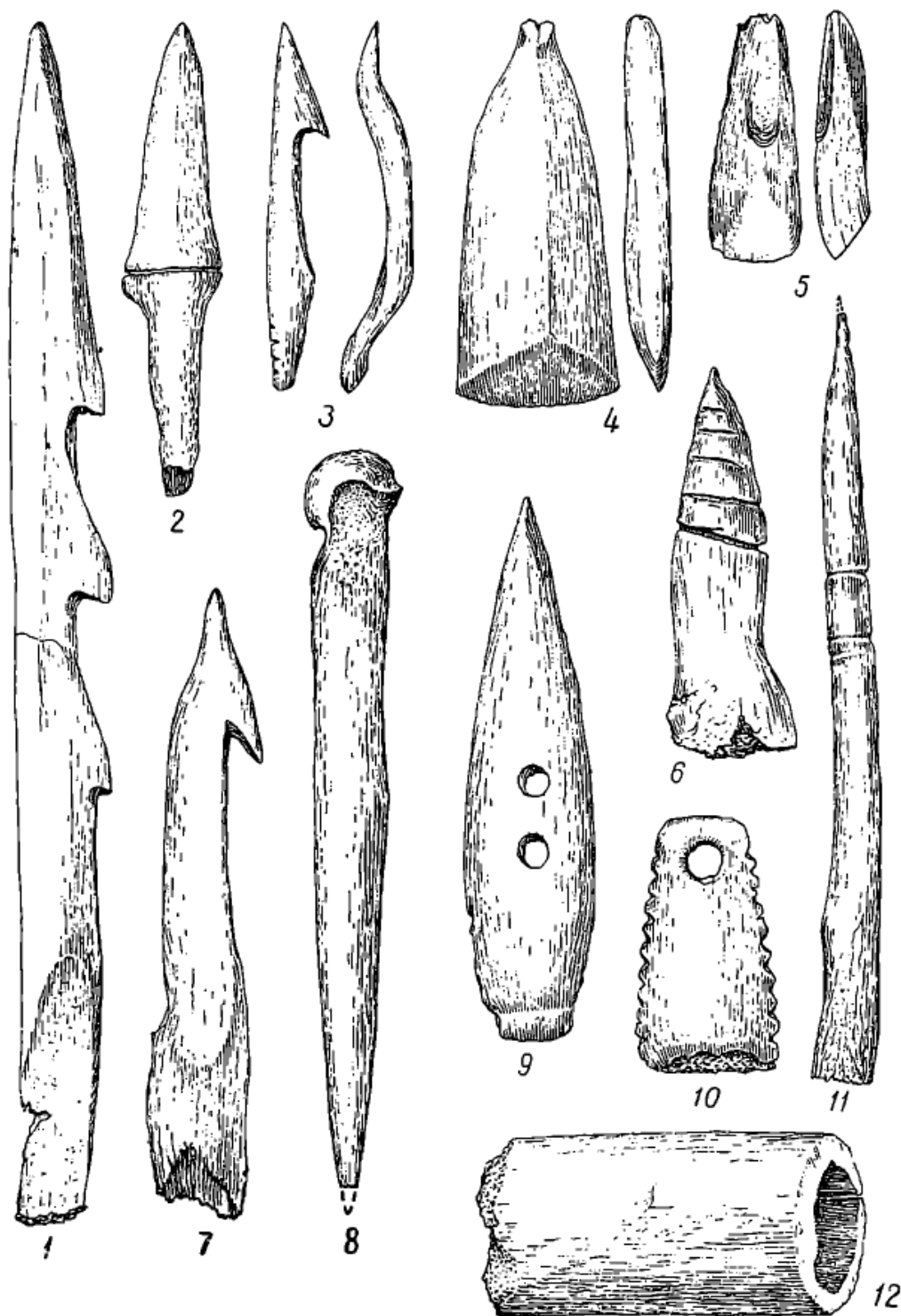

Рис. 6. Костяные орудия волосовской культуры:
1, 7 — гарпуны; 2 — наконечник стрелы; 3 — рыболовные крючки; 4—5 —
тесла; 6, 9, 11 — шилья; 8 — кочедык; 10 — штамп; 12 — навершие рукояти
($2/3$ нат. вел.)

Мы не имеем также ни одного факта, свидетельствующего о наличии земледелия.

Волосовские племена были знакомы с целым рядом простых производств. Одним из наиболее развитых производств было изготовление глиняных сосудов. Сосуды изготовлялись ручным способом с применением так называемой ленточной техники. К глине, из которой изготовлялись сосуды, добавлялись толченые раковины или растительная примесь,

Обжиг сосудов производился в ямах на костре. Размеры сосудов были различные — в зависимости от способа их употребления. Большие сосуды употреблялись, повидимому, главным образом для хранения запасов. Сосуды украшались разнообразным орнаментом, для нанесения которого употреблялись различные деревянные и костяные штампы (см. рис. 6).

Кремневые и костяные изделия волосовской культуры отличаются огромным разнообразием форм и прекрасной выделкой орудий. Отжимная техника, а также техника пиления, сверления, полирования достигла здесь своего наивысшего развития.

Кость обрабатывалась кремневыми орудиями — ножами, резчиками, сверлами. Из орудий, применявшихся для обработки кремня, можно назвать отбойники, ретушеры, отжимники, шлифовальные плиты. Кремень для изготовления орудий, повидимому, заготавливался специально в местах, богатых кремнем. Это предположение подтверждается находками на стоянках ям, наполненных большими сколами кремня. Кремень хранился в земле, так как на воздухе он выветривается, растрескивается, теряет прочность и становится негодным для обработки.

На всех стоянках волосовской культуры встречается огромное количество кремневых орудий. Прежде всего следует отметить строгую дифференциацию орудий по различным отраслям производства. Нередко оказываются целые серии одного типа орудий. Так, например, имеется огромное количество наконечников стрел и дротиков разнообразной формы и величины — в зависимости от рода дичи, для которой они предназначены.

Самыми распространенными являются листовидные наконечники стрел (рис. 7, 3), которые получили широкое распространение на севере и в центральной части европейской территории СССР в эпоху позднего неолита. К другому распространенному типу относятся треугольно-черешковые наконечники (рис. 7, 1). Реже встречаются ланцетовидные, ромбические и треугольные наконечники. Иногда встречаются треугольные наконечники с выемкой в основании. Наконечники дротиков представлены несколькими типами. Наиболее распространенным типом являются листовидные наконечники (рис. 7, 5—6), кроме того, встречаются ромбические и треугольно-черешковые наконечники, иногда с выемкой в основании. Все наконечники стрел и дротиков изготовлены из отщепов кремня с плоской двухсторонней ретушью по всей поверхности и со вторичной подправкой по краям.

Отсутствие на территории распространения волосовской культуры торфяниковых поселений не дает возможности судить об имевшихся деревянных предметах. Однако несомненно, что из дерева изготовлялся ряд предметов. Одним из доказательств этого является наличие на поселениях больших полуподземных жилищ, которые несомненно имели довольно сложное деревянное перекрытие. Косвенным доказательством наличия у волосовских племен лодок являются прослеженные довольно широкие связи этих племен с другими племенами. Этнографические данные указывают, что основным средством передвижения являлась лодка. Главным доказательством наличия деревянных предметов служат найденные многочисленные кремневые и каменные орудия, которые служили для обработки дерева.

Самым распространенным орудием этого типа являются скребки. Большая часть скребков изготовлена из массивных отщепов с крутой ретушью по рабочему краю (см. рис. 4, 7). Довольно большое количество

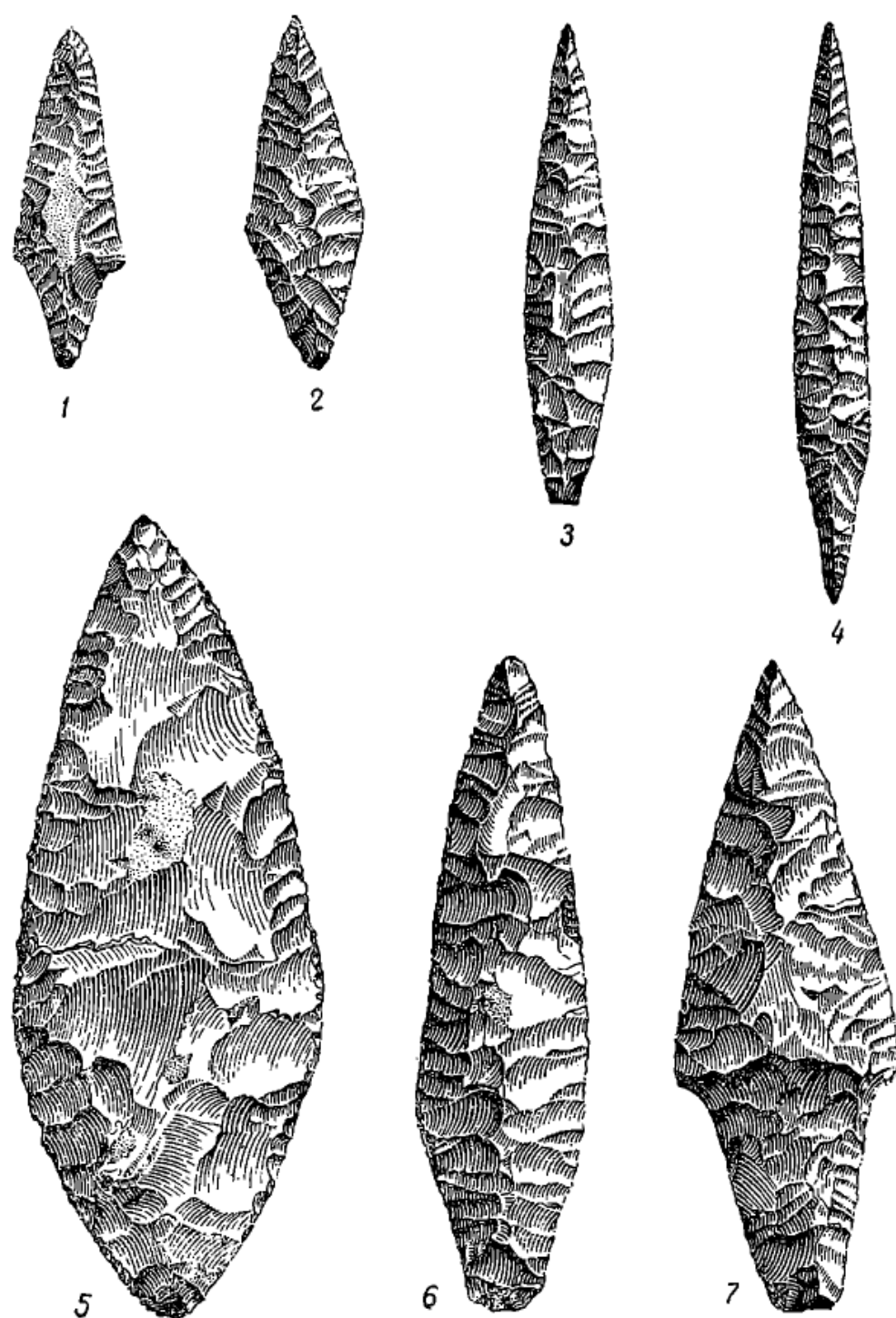

Рис. 7. Кремневые орудия волосовской культуры:
1—4 -- наконечники стрел; 5—7 — наконечники дротиков ($2/3$ нат. вел.)

скребков изготовлено из массивных пластинчатых отщепов (см. рис. 4, 8). Встречаются и так называемые угловые скребки. Наиболее распространенным типом являются скребки с округлым или прямым рабочим краем. Некоторые скребки имеют зубчики по краю; возможно, что они употреблялись для нанесения орнамента на глиняных сосудах. К скребкам примыкают скребла. Это те же скребки, но более массивные. Сделаны они из крупных массивных отщепов с широким, обработанным крутой ретушью рабочим краем (см. рис. 4, 9). К той же группе орудий принадлежат скобели с вогнутым лезвием, употреблявшиеся для обработки вы-

пуклых поверхностей. Среди них выделяются две группы: скобели из массивных отщепов (рис. 4, 6) и скобели из аморфных пластинчатых отщепов (рис. 4, 5). В большом количестве имеются ножи. Большинство ножей сделано из аморфных пластинчатых отщепов с ретушью по рабочему лезвию. Некоторые ножи имеют определенную законченную форму. К ним относятся, например, ножи с выемкой в основании (рис. 4, 12).

В большом количестве на всех памятниках волосовской культуры встречаются сверла и проколки. Все они сделаны из отщепов с ретушью по выступающему рабочему краю. Рабочая часть сверла делалась различной толщины — в зависимости от диаметра просверливаемого отверстия (рис. 4, 4). На рабочем лезвии некоторых сверл имеются резцовые сколы, которые способствовали большей эффективности работы.

Древних типов резцов на стоянках волосовской культуры нет. Их заменяет новый тип орудий — резчики. Эти орудия несколько напоминают по своей форме сверла. Выступающий рабочий край закруглен. Ретушь по нему нанесена только со стороны спинки. Иногда встречаются резчики с заполированным рабочим краем (рис. 4, 1).

Среди кремневых орудий, служивших для обработки дерева, наибольшего внимания заслуживают желобчатые долота с выпуклой спинкой, тупым обушком и довольно глубоким желобком, расширяющимся к округлому лезвию (рис. 5, 4). Встречаются также небольшие, а иногда и совсем маленькие долотца с высокой спинкой и очень узким желобком (рис. 5, 2). Кремневых шлифованных тесел сравнительно немного. Все они имеют округлое, чуть скошенное лезвие.

Наконец, следует отметить применение дублированных орудий: сверл-скобелей, дублированных сверл, скребков-резчиков, скребков-скобелей и т. д.

Для обработки дерева применялись также орудия из сланца, диорита и других пород камня. К ним относятся шлифованные сверленные тупообушные топоры, кремневые долота и сланцевые тесла (рис. 5, 5).

Многие из перечисленных выше орудий (ножи, скребки, резчики, сверла) применялись также для обработки шкур и кожи. Для обработки кожи служили и некоторые костяные орудия, шилья, изготовленные из мелких трубчатых и грифельных костей животных (рис. 6, 11). Эти шилья употреблялись без рукоятки. На утолщенной нижней части некоторых из них иногда делались надрезы для обматывания веревкой. Для заглаживания швов на коже употреблялись костяные ложила.

На стоянках волосовской культуры имеются орудия для изготовления изделий из лыка и луба. К ним относятся костяные кочедыки (рис. 6, 8), а также костяные тесла, употреблявшиеся для сдирания коры с деревьев (рис. 6, 4, 5).

Вероятно, существовали сосуды из бересты и корзины из прутьев. Наконец, следует сказать несколько слов о плетении. Уже отмечено было наличие рыболовных сетей, изготовлявшихся, повидимому, из крапивных нитей. Из орудий, употреблявшихся для плетения сетей, встречаются специальные костяные иглы. Кроме сетей, изготовлялись, повидимому, различные плетенки, а также веревки, о чем свидетельствуют отпечатки веревочки и перевитого шнура на глиняных сосудах.

Особую группу вещей, найденных на стоянках волосовской культуры, составляют украшения из кремня, сланца и кости. Среди них особый интерес представляют кремневые и костяные фигурки, изображающие животных и птиц. Иногда встречаются схематические изображения чело-

века (рис. 8, 6). Все эти украшения, повидимому, служили также амулетами. Такими же амулетами, вероятно, служили и многочисленные привески из зубов животных с округлыми просверленными отверстиями для привешивания (рис. 8, 4). Кроме того, встречаются сланцевые привески округлой или овальной формы с просверленными отверстиями для привешивания (рис. 8, 1—2).

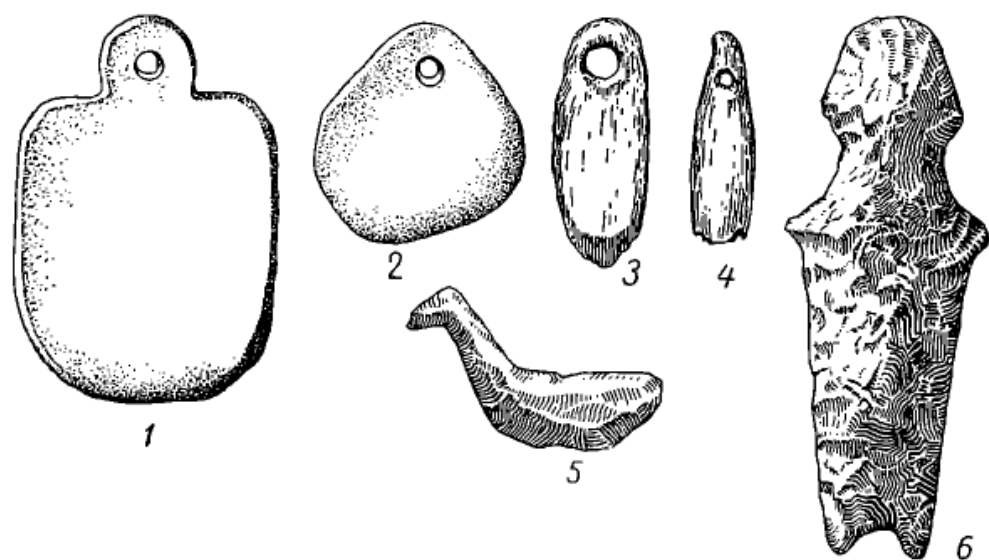

Рис. 8. Украшения:

1—2 — сланцевые привески; 3 — плоская костяная привеска;
4 — привеска из зуба животного; 5 — кремневое изображение
птицы; 6 — кремневое изображение человека ($\frac{2}{3}$ нат. вел.)

Производственные отношения людей на этой ступени развития в силу закона обязательного соответствия их характеру производительных сил могли иметь весьма примитивный характер. «Каменные орудия и появившиеся потом лук и стрелы исключали возможность борьбы с силами природы и хищными животными в одиночку. Чтобы собрать плоды в лесу, наловить рыбу в воде, построить какое-либо жилище, люди вынуждены работать сообща, если они не хотят стать жертвой голодной смерти, хищных животных или соседних обществ. Общий труд ведет к общей собственности на средства производства, равно как на продукты производства. Здесь не имеют еще понятия о частной собственности на средства производства, если не считать личной собственности на некоторые орудия производства, являющиеся вместе с тем орудиями защиты от хищных зверей. Здесь нет эксплуатации, нет классов»¹.

Общественный строй

Судя по размерам стоянок волосовской культуры, а также по количеству имеющихся на них одновременных жилищ, можно предполагать, что население отдельной стоянки состояло приблизительно из 50—60 взрослых человек. Привлекая этнографические данные, можно предполагать, что население стоянки представляло собой группы людей, принадлежавших к одному роду.

Интересные сведения о количестве человек, составлявших род, при-

¹ История ВКП(б). Краткий курс. М., 1951, стр. 119.

водит Б. О. Долгих в статье «О родоплеменном составе энцев»¹. Так, например, энецкое племя Самату имело 7 родов; род Ладозда состоял из 12 семей в 50 человек; род Сазу — из 4 семей в 25 человек; род Декутан — из 6 семей в 20 человек; род Созта — из 4 семей в 16 человек; род Солда — из 2 семей в 10 человек; род Санарэ — из 4 семей в 14 человек; род Масуадай — из 16 семей в 80 человек.

Несколько родовых поселений, расположенных на небольшом расстоянии друг от друга, составляли племя. Незаселенная область вокруг этих поселений составляла собственность племени, его промысловую территорию, на которой производилась охота и рыбная ловля. На территории распространения волосовской культуры прослеживаются четыре такие группы поселений, находившиеся на значительном расстоянии друг от друга.

Параллель этому можно найти в описании С. Крашенинниковым родовых поселков и родовой территории у современных ему камчадалов. Он писал, что «всякий острожек ту реку, при которой живет, считает за владение своего рода, и с той реки на другую никогда не переселяется... Если по какой-нибудь причине одна или несколько семей пожелает жить особливими юртами, то делают оные выше или ниже острожка по той же реке... На промыслы ходят камчадалы по своим же рекам»².

Исходя из периодизации Ф. Энгельса, можно предполагать существование у волосовских племен парной (или синдиасмической) семьи, при которой брак не был еще устойчивым и мог быть легко расторгнут любой из сторон. Женщина, как и в более раннее время, занимала господствующее положение, так как счет родства продолжал вестись по линии матери. Парная семья была еще слишком слаба для того, чтобы вести самостоятельное хозяйство.

Ф. Энгельс учит, что «Парная семья, сама по себе слишком слабая и слишком неустойчивая, чтобы вызвать потребность в собственном домашнем хозяйстве или только желание обзавестись им, отнюдь не упраздняет унаследованного от более раннего периода коммунистического домашнего хозяйства»³.

Вернемся к поселениям волосовской культуры. Группа людей, живших на поселении, вела самостоятельное коллективное хозяйство, производя все необходимое для жизни. На ряде поселений были обнаружены места для изготовления кремневых и костяных орудий. Твердо установившиеся определенные формы орудий заставляют предполагать существование на стоянках общинных мастеров, которые специально занимались изготовлением орудий. Особенно ярко это подчеркивается составом и характером орудий «волосовскогоклада». Но в общей сумме хозяйственной деятельности распределение труда в такой родовой общине носило несомненно еще совершенно примитивный характер.

Погребения. На некоторых стоянках волосовской культуры были открыты погребения, относящиеся ко времени существования этих стоянок. Оба володарских погребения были найдены в центральной части стоянки, неподалеку от землянок, рядом с местом для изготовления кремневых орудий. На Панфиловской стоянке погребение было обнаружено

¹ «Советская этнография» (СЭ), № 4. М., 1946.

² С. К. Крашенинников. Описание земли Камчатки. Полное собрание ученых путешествий по России, т. 1. СПб., 1819.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1950, стр. 48.

на полу землянок, рядом с очагом. Владыченское погребение также находилось в культурном слое стоянки. Немногочисленные находки неолитических погребений пока не позволяют точно установить форму существовавшего погребального обряда, но характеризуют некоторые его черты. Погребальные обряды примитивных народов в общем сводятся к погребению вместе с покойником принадлежавших ему при жизни вещей. Кроме того, во многих погребениях оказалась красная охра, которой засыпали покойника или дно могильной ямы. В могильной яме погребения № 1 на стоянке Володары было обнаружено кострище с пережженными орудиями. Несомненно, что здесь мы встречаемся с ритуалом, связанным с культом огня. Погребение Панфиловской стоянки, найденное в землянке, тоже находилось рядом с очагом. В погребении № 2 на стоянке Володары огонь был заменен охрой, которой была засыпана куча осколков кремня и кремневых орудий, найденных на дне могильной ямы. Следы охры имеются также около черепов в погребениях № 1 и № 2 на той же стоянке.

Что касается антропологического типа населения стоянок волосовской культуры, то, по определению М. М. Герасимова, оба скелета володарских погребений принадлежат к европеоидному типу. Мужчина отличается малыми размерами черепа, мезоцефального в основе, и обладает очень грацильным, резко профилированным широким лицом. Женский череп обладает более резким рельефом и отличается некоторой уплощенностью лица, что создает впечатление наличия лопанойдных черт в очень завуалированной форме. Скелет панфиловского погребения принадлежит к ярко выраженному европеоидному типу; череп, долихоцефальный в основе, обладает широким, высоким лицом.

II тысячелетие до н. э. характеризуется быстрым ростом производительных сил общества и улучшением способа производства материальной жизни. Благодаря улучшению в технике изготовления кремневых орудий создавалась значительно большая обеспеченность средствами существования. Появились хорошо оборудованные жилища и средства передвижения. Вследствие увеличения количества форм и улучшения техники производства орудий охоты и рыболовства росла эффективность этих промыслов, что создавало значительно большую обеспеченность средствами питания. Это влекло за собой быстрый рост населения, что в свою очередь приводило к естественной сегментации племен и к освоению новых, не заселенных еще пространств. Рост производительных сил общества приводил также к расширению межплеменного обмена, к расширению связей между племенами.

ОТНОШЕНИЯ ВОЛОСОВСКИХ ПЛЕМЕН С ДРУГИМИ ПЛЕМЕНАМИ

В неолитическую эпоху межплеменные связи получили довольно широкое развитие. Основной формой сношения между племенами был обмен. Не меньшую роль играли, вероятно, экзогамные браки. Наконец, мы не должны забывать и войн между племенами.

Территория распространения волосовской культуры соприкасалась на северо-востоке с территорией распространения балахнинской культуры, на юго-западе — с территорией распространения рязанской культуры (см. рис. 1).

Связи между племенами волосовской и рязанской культур прослеживаются в течение всего времени существования этих культур. Однако характер связей на разных этапах развития этих культур различен. В первой половине II тысячелетия до н. э. они прослеживаются по материалам памятников, расположенных в юго-западной части волосовской культуры и в северо-восточной части рязанской культуры. Так, среди находок в верхнем культурном слое Владыченской стоянки оказалось небольшое количество керамики, характерной для второго этапа развития рязанской культуры. На Борковской стоянке и на стоянке Черепки было найдено небольшое количество керамики волосовского типа; на стоянке Дубровичи¹ было найдено кремневое полированное долото с высокой спинкой и тупым обушком, характерное для памятников волосовской культуры. Повидимому, эта связь носила мирный характер межплеменных сношений, выражавшихся в форме обмена или, быть может, в форме экзогамных браков.

В конце II тысячелетия до н. э., когда в южной части территории распространения волосовской и рязанской культур появляются памятники, относящиеся к так называемой поздняяковской культуре, взаимоотношения племен волосовской и рязанской культур, повидимому, меняются (см. ниже).

Связи между племенами волосовской и балахнинской культур прослеживаются с начала II тысячелетия до н. э. Пока еще трудно определить характер этих связей. Однако не исключена возможность враждебных столкновений между этими племенами. Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что в середине II тысячелетия до н. э. начинается расселение племен волосовской культуры из района г. Муром в низовья Оки и Клязьмы. Кроме того, ни в одном из памятников балахнинской культуры не оказалось материала, характерного для волосовской культуры, тогда как на некоторых стоянках волосовской культуры имеется небольшое количество материала, характерного для памятников балахнинской культуры.

Так, например, на Волосовской стоянке найдено небольшое количество керамики, типичной для стоянок второго этапа развития балахнинской культуры. Такая же керамика найдена в небольшом количестве в верхнем культурном слое стоянки Садовый бор и на Панфиловской стоянке.

В середине II тысячелетия до н. э., когда происходило дальнейшее расширение территории волосовских племен к северу, племена балахнинской культуры занимали пространство между Окой, Волгой и Сеймой. Здесь известны такие памятники, как Балахнинская и Большекозинские стоянки, относящиеся ко второму этапу развития балахнинской культуры. Для всех этих стоянок характерна ямочно-зубчатая керамика «балахнинского типа» в сопровождении своеобразной керамики из глины с растительной примесью. Орнамент, покрывающий только верхнюю часть сосудов, состоит из небрежных ямчатых вдавлений и коротких оттисков зубчатого штампа. Эта керамика получает свое дальнейшее развитие в балахнинской культуре на стоянках, относящихся к концу II тысячелетия до н. э.²

На стоянках, относящихся к первому и второму этапам развития волосовской культуры, такой керамики нет. Но она появляется на стоян-

¹ Материал из раскопок В. А. Городцова. Хранится в ГИМе.

² Материал хранится в Дзержинском музее.

ке на месте Старшего Волосовского могильника, относящейся к третьему этапу развития волосовской культуры, а также в верхнем горизонте культурного слоя стоянки Холомониха. Ямочно-зубчатой керамики «балахнинского типа» на этих стоянках уже нет.

Предметы, характерные для первого этапа развития волосовской культуры, были найдены среди материала Языковской стоянки¹, относящейся к третьему этапу развития льяловской культуры. Эта стоянка расположена в районе г. Кашина, на значительном расстоянии от территории распространения волосовской культуры (см. карту, рис. 1). На этой стоянке имеется небольшое количество керамики волосовского типа и некоторые, характерные для волосовской культуры, типы кремневых орудий. Довольно значительное количество предметов, характерных для волосовской культуры, имеется среди материала Буньковской стоянки, которая также относится к третьему этапу развития льяловской культуры.

На территорию окских культур проникали иногда предметы из весьма отдаленных областей. Однако, повидимому, эти предметы не являются результатом постоянных связей окских неолитических племен с отдаленными племенами. Межплеменные пути, сложившиеся во II тысячелетии до н. э., не проходили по Оке. Этот путь использовался, повидимому, только местным населением, связывая племена окских культур. Однако на некоторых памятниках волосовской культуры оказались предметы совершенно не местного — дальнего происхождения.

Так, например, на Волосовской стоянке был найден клиновидный черешковый топор из серого диорита. Обломок такого же топора найден на Панфиловской стоянке. Такие топоры совершенно несвойственны культурам севера и центральной части европейской территории СССР, но встречаются в большом количестве в районе гг. Лепеля и Борисова в БССР.

При погребении, открытом на Владыченской стоянке, были найдены бронзовые украшения, типичные для унетицкой культуры: широкий, прямоугольной формы браслет (или «манжета») из бронзовой пластины, украшенный рядом горизонтальных вдавленных полос, и два небольших спиральных кольца из толстой проволоки.

Особого внимания заслуживают взаимоотношения волосовских и вообще окских племен со скотоводческими племенами юга и волго-клязьминского междуречья.

С конца II тысячелетия до н. э. территория окских неолитических племен была окружена племенами, освоившими скотоводство и металлургию. На западе и севере, на небольшом расстоянии от этой территории, проходила граница распространения фатьяновской культуры. С юга и юго-востока, также на небольшом расстоянии, начиналась область распространения катакомбной и полтавкинской культур (см. карту, рис. 1).

Племена фатьяновской культуры, появившиеся с конца III тысячелетия до н. э. в центральной части европейской территории СССР, резко отличались от местных неолитических охотническо-рыболовческих племен как по своей очень своеобразной материальной культуре, так и по типу хозяйства. Несмотря на то, что границы распространения фатьяновской культуры проходили на небольшом расстоянии от районов, занятых в это

¹ О. Н. Бадер. Археологические раскопки у д. Языково. «Антропологический журнал», № 2, М., 1936.

время местными неолитическими племенами, среди материалов фатьяновских могильников совершенно отсутствуют предметы, характерные для неолитических культур. А на территорию неолитических племен проникали только в очень небольшом количестве предметы, характерные для фатьяновской культуры. На территории распространения волосовской культуры найдено, например, только четыре типичных фатьяновских топоров. Один из них имеется в коллекции, собранной на Малоокуловской стоянке П. П. Кудрявцевым; этот короткий, довольно широкий топор, с намечающейся лопастью, принадлежит, по классификации О. А. Граковой, к раннему этапу фатьяновских топоров, распространенных главным образом в московской группе могильников¹. Между г. Муромом и с. Ковардинцы найдено было еще два таких же топора. Наконец, в районе д. Новашено (близ г. Мурома) был найден крупный лопастной топор, характерный для могильников ярославской группы². Кроме того, среди материалов из сборов В. Леонова и У. Монастырева на стоянке Коренец имеется обломок тонкостенного глиняного сосуда с орнаментом, типичным для керамики фатьяновской культуры. Подобный же черепок имеется среди материала со стоянки Нармы. Эти факты свидетельствуют о том, что между охотническо-рыболовческими племенами и племенами фатьяновской культуры, повидимому, все же существовала какая-то связь. Недостаточное количество имеющихся данных не позволяет сделать окончательное заключение о характере связей. Однако можно предположить существование враждебных столкновений между теми и другими племенами. Основанием для такого предположения может служить отсутствие предметов, характерных для неолитических культур, среди инвентаря фатьяновских могильников; небольшое же количество характерных для фатьяновской культуры предметов, найденных на территории неолитических племен, представлено главным образом боевыми топорами, которые могли попасть сюда в результате столкновений племен. Кроме того, о враждебных столкновениях окских неолитических племен с племенами фатьяновской культуры свидетельствует тот факт, что в районе распространения московской группы фатьяновских могильников неизвестно ни одного одновременного им неолитического памятника, тогда как в этом же районе имеются несколько более ранние (например, Льяловская стоянка) или несколько более поздние (например, стоянка Николо-Перевоз) неолитические памятники. Следовательно, можно предполагать, что под давлением фатьяновских племен происходили некоторые изменения границ распространения местных неолитических племен.

Некоторые предметы, найденные на неолитических стоянках центральной части европейской территории СССР, свидетельствуют о связи, существовавшей между неолитическими охотническо-рыболовческими племенами и скотоводческими племенами юга и юго-востока.

Так, например, на Волосовской стоянке был найден небольшой слиток бронзы, а также обломки плоскодонных баночных сосудов. На Панфиловской стоянке были найдены медное тесло, обломок медной спирали и обломок какого-то медного предмета. На стоянке Холомониха было найдено четырехгранное бронзовое шило. Наконец, на стоянке на Волосовском холме «А» были найдены плоскодонные сосуды баночной формы.

¹ О. А. Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КС ИИМК АН СССР, вып. XVI, М., 1947

² Хранятся в ГИМе.

Нельзя с уверенностью говорить о непосредственно существовавшей связи между окскими неолитическими племенами и племенами катакомбной или полтавкинской культур, так как прямых признаков, подтверждающих наличие таких связей, в археологическом материале нет. Возможно, что между территорией распространения окских неолитических культур и южных и юго-восточных скотоводческих культур существовала какая-то группа иных, тоже скотоводческих, племен, культура которых была близка к катакомбной.

О существовании такой культуры свидетельствуют до некоторой степени памятники конца II тысячелетия до н. э., известные в районе среднего течения Оки, то есть в южной части территории распространения рязанской и волосовской культур, приблизительно от района г. Муром до г. Рязани. В инвентаре этих памятников имеются бронзовые предметы, а среди костного материала встречаются кости домашних животных. Таковы, например, стоянки в районе с. Конищева, близ г. Рязани, Подборновская стоянка в районе г. Касимова, Поздняковская и Малоборская стоянки в районе г. Мурома¹, стоянка Коренец II в верховьях р. Пры² и др.

Эти памятники были выделены О. Н. Бадером в самостоятельную поздняковскую культуру. Происхождение этой культуры пока не выяснено. Можно только констатировать, что в конце II тысячелетия до н. э. территория среднего течения Оки, от Рязани до Мурома, была занята племенами поздняковской культуры.

Отсутствие достаточного количества материала не позволяет пока говорить о преемственной связи стоянок позднего этапа развития волосовской и рязанской культур со стоянками типа Поздняковской. Может быть, при дальнейших исследованиях окажется возможным проследить территорию их распространения к югу или к юго-востоку и доказать существование в районе между территорией распространения окских неолитических культур и известных в настоящее время скотоводческих культур юга какой-то самостоятельной культуры, а также выяснить пути дальнейшего развития волосовских и рязанских племен в конце II тысячелетия до н. э.

Можно высказать предположение, что в конце II тысячелетия до н. э. на территории среднего течения Оки расселились пришедшие с юга или, вернее, с юго-востока скотоводческие племена. Местные волосовские и рязанские племена были ими частично ассимилированы, частично, возможно, оттеснены на другие (неизвестные пока) территории.

В северной части территории распространения волосовской культуры в конце II тысячелетия до н. э. появляются памятники, характеризующиеся наличием сетчатой керамики. Такие памятники известны также и в других районах теперешней центральной части европейской территории СССР. Сетчатая керамика начинает свое развитие на стоянках, относящихся еще к первой половине II тысячелетия до н. э. Небольшое количество этой керамики имеется в материалах некоторых стоянок волосовской культуры. Может быть, в дальнейшем удастся связать поздний этап развития неолитических культур теперешней центральной части европейской территории СССР с поселениями, характеризующимися сетчатой керамикой, которые в свою очередь связаны с городищами дьякова типа.

¹ Все эти памятники были раскопаны О. Н. Бадером.

² Раскопки И. К. Цветковой 1951 г. Материал хранится в ГИМСе.

Итак, развитие волосовской культуры прослеживается на протяжении всего II тысячелетия до н. э., когда на юге теперешней европейской территории СССР и в области распространения фатьяновских племен уже произошел переход к скотоводству и металлургии. В то же время племена, населявшие центральные районы европейской территории СССР, оставались охотниками и рыболовами и на много дольше задержались на стадии неолита. Эти племена, окруженные скотоводческими племенами, не могли не иметь с ними связи. Этими связями и объясняются находки небольшого количества бронзовых предметов на некоторых неолитических стоянках.

Такие факты западноевропейские буржуазные археологи обычно пытаются объяснить миграциями населения, то есть переселениями целых народов, завоеваниями малокультурных племен племенами высококультурными и т. д. Ошибочность такого объяснения прежде всего доказывается материалами памятников этого времени, свидетельствующими о непрерывном в общем существовании одних и тех же племен в одних и тех же районах, только с небольшими иногда перемещениями границ.

Советская археология в противоположность буржуазным гипотезам показывает, что все эти изменения явились следствием сложных и многообразных процессов внутреннего развития древних племен, осложненного перекрещивающимися связями с соседними и более отдаленными племенами. В основе этих изменений лежало развитие производительных сил общества. Не расовое превосходство одних племен над другими и не страсть к завоеваниям толкали некоторые племена к расширению занятой ими территории, а естественный рост населения и вызванная этим сегментация. Вытеснение одних племен другими было при этом редким явлением. При наличии больших незаселенных или слабо заселенных пространств расселение по большей части происходило мирным путем. Не вследствие набегов воинственных племен на более мирные и не вследствие завоевания последних первыми в материальной культуре неолитических племен оказывались предметы из бронзы, а вследствие многообразных связей между племенами.

Первый и второй этапы развития волосовской культуры относятся ко времени позднего неолита, которое характеризуется быстрым развитием производительных сил общества и улучшением способа производства материальных благ. Вместе с тем росла материальная обеспеченность, которая влекла за собой непрерывный рост населения. Это неизбежно влекло к расселению части населения из слишком перенаселенных областей и к образованию новых племен на новых территориях. Таким образом происходило некоторое изменение границ племенных территорий. Развитие путей сообщения привело к расширению связей между племенами, часто удаленными друг от друга на значительное расстояние. На третьем этапе развития волосовской культуры, то есть в конце II тысячелетия до н. э., эти связи все более развиваются. В этот период волосовские племена, как и другие племена, населявшие центральную часть европейской территории СССР, вступают на новый путь развития, выразившийся немного позднее в переходе к скотоводству и в освоении металлургии.

Т. Б. ПОПОВА

К Е Р А М И К А
М Е Л Е К Е С С К И Х
К У Р Г А Н О В

Берега Волги и ее притоки усеяны большими и маленькими курганными могильниками, большая часть которых относится к срубной культуре. Каждая такая курганная группа представляет могильник, который принадлежал племенной группе, жившей в небольшом поселке. Иначе говоря, эти могильники являются родовыми кладбищами, где каждый курган является местом погребения отдельной патриархальной семьи. Основным погребением в кургане большей частью бывает погребение мужчины; оно более богато и по количеству положенных с умершим вещей, в частности посуды, и по орнаментике этих сосудов. Это мог быть глава патриархальной семьи или один из родичей, пользовавшийся особым почетом. Для такого члена большой семьи обычно и сооружался курган. Рядовых членов семьи хоронили в насыпи этого же кургана. В обычных нижневолжских курганах срубного времени содержится от 4 до 15, реже до 40 захоронений. Типичными для срубной культуры в Нижнем Поволжье являются четыре могильника, раскопанные В. А. Городцовым в 1925 г в Мелекесском районе Ульяновской области¹ 8 курганов было раскопано у с. Кайбел (околица); 4 — на Водянском поле (№ 1, 3, 4, 5); 2 — у с. Андреевка, в так называемой Высокой степи (Большой курган и курган № 1); 7 — у хутора «Красная звезда» (№ 1, 2, 3, 5, 6, 7 8.) Таким образом, всего в 21 кургане находилось 96 погребений. Эти могильники близко расположены друг от друга, материал в них аналогичный. Это дает возможность рассматривать их как нечто целое. Основным материалом из этих курганов является керамика, которая дает возможность не только отнести эти памятники к срубной культуре, но и датировать их. Остальной погребальный инвентарь этих погребений незначителен.

Эти четыре могильника являются типичными могильниками срубной культуры Поволжья. Каждый курган содержит от 4 до 15 захоронений. Курган № 1 у с. Кайбел по количеству захоронений самый большой. Он содержал 15 погребений, курган № 4 — 14 погребений.

По тем отрывочным сведениям, которые можно почерпнуть из описей, следует сделать вывод, что погребальный обряд всех четырех мо-

¹ В раскопках принимали участие студенты (в то время) Московского государственного университета А. В. Арциховский, А. Ф. Дубынин, С. В. Киселев и А. П. Смирнов.

гильников ничем не отличается от обычного для могильников срубной культуры.

Погребальный ритуал у племен срубной культуры был довольно устойчивым на всех этапах и по всей территории. Для Поволжья (как для ранней, так и для поздней стадии) довольно характерно отсутствие сруба в погребальной яме. Чаще всего это — простая яма, накрытая накатником из бревен или плах. В такой погребальной яме на подстилке из березовой коры или стеблей травы лежал покойник. Положение покойников различно, чаще всего скорчено на левом боку, реже на правом и на спине. Ориентировка покойников неустойчива, преобладает ориентировка на север с отклонениями на восток и запад. Рядом с покойником в могиле лежат кусочки красной краски, мела или известки; нередко обнаруживается в могиле зола или уголь, иногда и то и другое. Наличие красной краски в погребениях указывает на ранние этапы срубной культуры, и чем позднее погребение, тем меньше встречается краски; в поздних погребениях — «хвалынского» типа — мы ее совсем не встречаем. Погребальный инвентарь как рассматриваемых могильников, так и вообще всех могильников срубной культуры Поволжья, довольно беден и однороден. Обычно это в основном сосуды, которые ставятся в головы или у ног покойника, а иногда и там и тут. Почти всегда в погребениях можно встретить кости домашних животных. Это обычно кости голени коровы, овцы, редко кости лошади. Кроме сосудов, в погребениях встречаются, но довольно редко, ножи, топоры, копья, шилья, костяные и кремневые стрелы, бронзовые желобчатые браслеты, ребристые пронизы и другие вещи. Ввиду этого очень важное место в материале могильников, так же как и в материале поселений, занимает керамика.

Коллекция, полученная в результате раскопок В. А. Городцова, состоит главным образом из керамики (144 сосуда). По форме эти сосуды можно разделить на три группы: 1) остросереберные, 2) баночные (самая многочисленная группа) и 3) с выпуклыми боками и прямым горлом.

Острореберные сосуды, сосуды классической, то есть би-конической, формы в этой коллекции встречаются единицами. Ребро часто приходится не на середине высоты горшка и почти всегда очень слабо выражено. Размеры устья горла и высота таких горшков очень различны, но следует отметить, что остросереберных горшков таких миниатюрных размеров, какие можно встретить среди сосудов баночной формы, совсем нет. Максимальная высота остросереберных сосудов составляет 20—22 см, минимальная — 10 см. В этой группе сосудов много разновидностей; ребра то ясно, то слабо выражены; профили рассматриваемой группы поражают разнообразием: иногда края сосудов слабо отогнуты, иногда сосуд имеет суженное горло с плавно отогнутым краем. Обрезы краев сосудов довольно разнообразны: острые, закругленные, совсем прямые или срезанные, с разными наклонами. Все эти формы остросереберных сосудов не делятся хронологически и не могут быть выведены из других, а существуют параллельно. Техника выделки этих сосудов небрежная: большая часть сосудов даже не симметрична. Глина плохо промешана и отмучена; примесей много, и они разнообразны: дресва и раковины, иногда шамот. Большинство сосудов имеет поверхность, обработанную гребенчатым штампом; зачастую этим же штампом обрабатывалась и внутренняя поверхность сосуда. Гребенчатым штампом иногда обрабатывали лишь ту часть поверхности сосуда, которая не

была занята орнаментом. В большинстве случаев можно отметить, что для обработки поверхности сосуда и для нанесения орнамента, если таковой существует, употреблялся один и тот же штамп. Кроме обработки поверхности гребенкой, встречается и другой прием — обработка поверхности пучком травы, а также в некоторых случаях заглаживания поверхности водой; в последних случаях сосуды резко выделяются из остальной массы: они тщательно обработаны и, как правило, имеют пышный орнамент. Такая обработка поверхности сосуда, как «замывка» водой, встречается исключительно на остросереберных сосудах. Орнамент на сосудах этой группы наносился главным образом гребенчатым штампом.

Формы и размеры гребенчатых штампов довольно разнообразны (рис. 1, 14—15, 18—20); они отличаются как размерами, так и глубиной отпечатков. Иногда можно наблюдать применение сразу нескольких различных штампов при нанесении орнамента на одном и том же сосуде. Гребенчатый штамп можно разделить на два типа: штамп, дающий отпечатки двух линий, между которыми заключены отпечатки зубцов, и штамп, дающий отпечатки просто ряда зубцов. Разновидностью первого рода штампа является штамп продолговато-овальной формы с мелким рядом неглубоких зубчиков. Кроме зубчатого штампа, орнамент наносился на сосуд нарезками. Самым распространенным инструментом для нанесения нарезок была обыкновенная палочка или щепочка.

Орнаментация остросереберных сосудов много пышнее и богаче, чем на сосудах других типов. Орнаментальная полоса, безразлично чем нанесенная (нарезками или штампом), занимает лишь верхнюю часть сосуда до ребра. Орнаментом иногда покрывается и венчик сосуда.

Мотивы орнамента различны, но в основном состоят из полос, образуемых геометрическими фигурами: ромбами, треугольниками, квадратами. Встречается орнамент, образованный рядами крестов. Очень редким является орнамент, состоящий из рядов ямок.

Обжигались эти сосуды в кострах, а отсюда и неравномерность их обжига. Почти всегда в изломах сосуда срубной культуры имеют черный цвет.

Баночные сосуды Эта группа сосудов самая многочисленная. Формы баночных сосудов далеко не все однородны, часть из них имеет совершенно прямые стенки и часть — чуть-чуть наклоненные к внешней стороне, реже — к внутренней. Чаще других встречаются сосуды со стенками, сильно отклоненными к внешней стороне. Почти все сосуды имеют очень широкое устье и сравнительно небольшую высоту. Среди баночных сосудов можно выделить особую группу так называемых ритуальных сосудов. Это сосудики высотой иногда в 2—3 см, с диаметром горла в 5—6 см.

Все баночные сосуды сделаны более грубо и небрежно, чем сосуды остросереберной формы; они не симметричны, стенки очень толсты, причем толщина резко увеличивается к дну сосуда и в два-три раза превышает толщину стенок. Поверхность стенок в большинстве случаев неровная, бугристая и только слегка приглажена сверху. Все сосуды плохо обожжены. В тесте глины часто нет никаких примесей, иногда же попадаются дресва и раковины. Приемы орнамента, расположение его и инструменты для нанесения орнамента те же, что и на остросереберной посуде. Расположен орнамент весь по верхней части сосуда; иногда заполняется орнаментом весь бортик сосуда, а в некоторых случаях ор-

намент переходит на внутреннюю сторону сосуда. Большинство баночных сосудов вовсе не орнаментировано. Встречающиеся изредка орнаментальные мотивы не отличаются от орнаментики острореберных сосудов. Сосуды как баночной, так и острореберной формы хронологически одновременны. Это доказывается, во-первых, тем, что как те, так и другие встречаются и при ранних основных погребениях и при более поздних погребениях, впущенных в насыпь кургана; во-вторых, как баночные, так и острореберные сосуды можно встретить в одних и тех же погребениях. Оба типа сосудов мы имеем в развитом виде в Нижнем Поволжье уже в конце полтавкинской культуры.

Горшкообразные сосуды с прямой шейкой составляют третью группу керамики. Это самая малочисленная группа. Она представлена всего несколькими сосудами. Техника выделки их, примесь к тесту, техника нанесения орнамента те же, что и у первых двух групп керамики. Эти сосуды не находят себе аналогий среди сосудов срубной культуры. По форме и по орнаменту они связаны с памятниками полтавкинской культуры. Очень интересен в этом отношении сосуд из кургана № 1, погребения № 6, у с. Кайбел¹ (могильник у околицы), с выпуклыми боками, крупными плечиками и поднятой шейкой (рис. 2, 8). Высота его 10,5 см, ширина горла 12 см, а ширина дна 9 см. По формам и пропорциям аналогии этому сосуду можно найти только в полтавкинской культуре, то есть в эпоху, предшествовавшую срубной культуре. Не менее интересен и орнамент этого сосуда. Прежде всего следует заметить, что он нанесен не штампом или нарезкой, а перевитой веревочкой, что также является не характерным для срубной культуры. Веревоочный орнамент также указывает на более древнее время, чем орнаменты, существовавшие во время срубной культуры. Кроме того, стиль орнамента также не характерен для срубной культуры и типичен для полтавкинской культуры. Орнамент заполняет шейку, плечи и все туловище сосуда и представляет собою полосы из елочек и косых насечек, которые заключены между полосами отпечатков крученой веревочки, расположенными горизонтально. Подобного типа орнамент известен в раннем комплексе с поселения, расположенного на дюне близ с. Марычевка Саратовской области. Материал этой стоянки содержит ранний комплекс полтавкинской культуры и второй, более поздний, — времени развитой срубной культуры. Полтавкинский слой дюнного поселения с. Марычевка содержал керамику, аналогичную группе керамики, к которой относится сосудик из могильника у с. Кайбел. Аналогии этой керамике мы найдем в материалах П. С. Рыкова² и П. Рау³, относящихся к полтавкинской культуре. Таким образом, аналогии, которые можно найти только в предшествующей стадии, то есть в полтавкинской культуре, показывают, что коллекция, которая имеет такие элементы, может относиться только ко времени, непосредственно следующему за полтавкинской культурой.

В этом же отношении интересен еще один обломок сосуда из рассматриваемой коллекции (рис. 2, 6). Этот фрагмент покрыт горизонтальными рядами неглубоких клиновидных вдавлений. Подобный орнамент можно встретить также в ранних комплексах полтавкинской культуры.

¹ ГИМ, № 44657

² П. С. Рыков. К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье. Известия Краеведческого института, т. II. Саратов, 1925.

³ Paul Rau. Höckergräber der Wolga Steppe. Саратов, 1929.

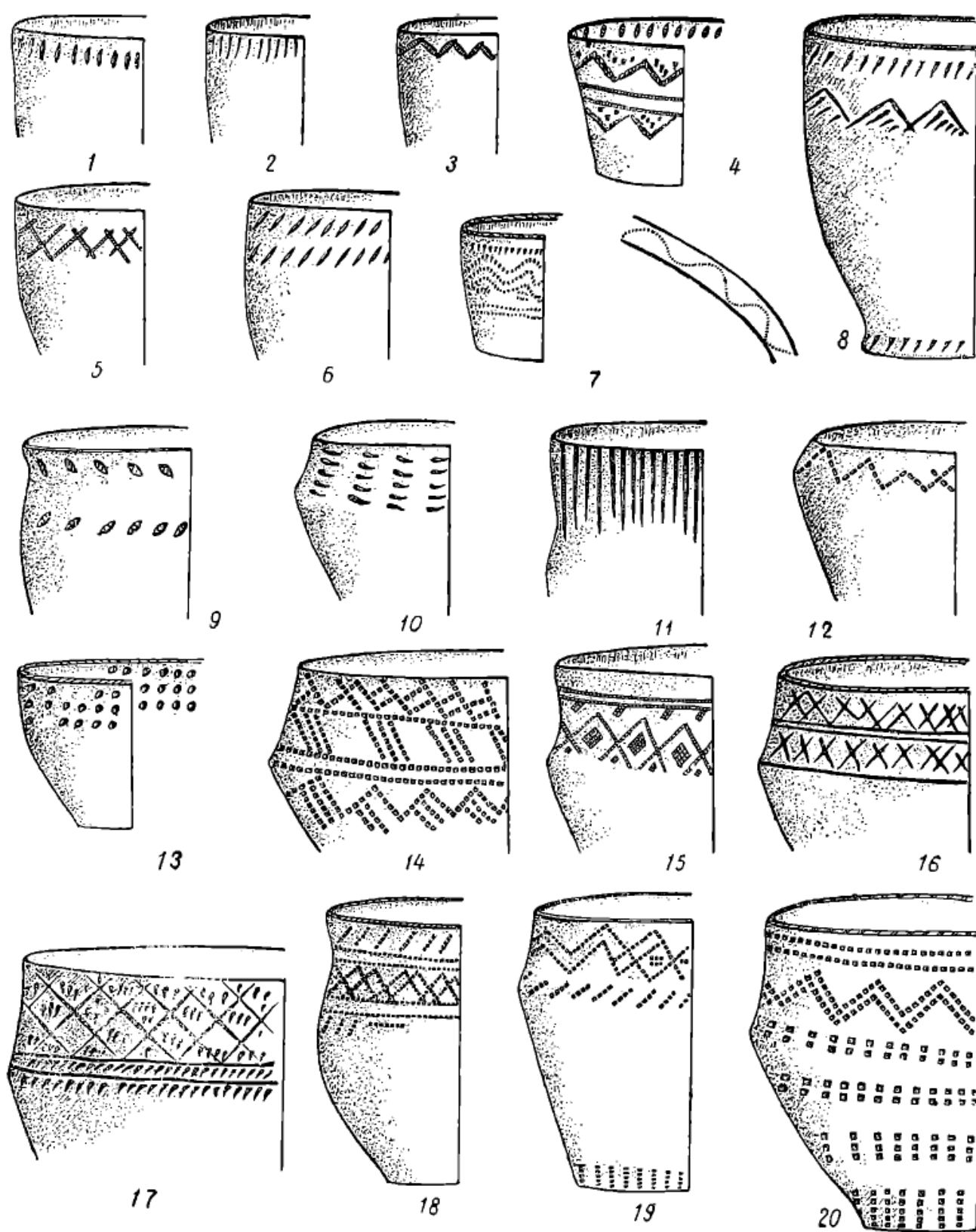

Рис. 1
1—20 — основные орнаменты острореберных и баночных сосудов из мелекесских курганов

Этот же тип орнамента мы имеем в керамике древнего слоя дюны у с. Марычевка, а также поселения у с. Кайбел из раскопок В. Н. Поливанова¹ и сборов В. А. Городцова. Это поселение, по всей вероятности, было одновременно могильником у с. Кайбел.

Другие вещи из этих могильников, кроме керамики, представлены чрезвычайно бедно.

Прежде всего следует отметить костяную плоскую круглую бляху из кургана № 3 «большое погребение» в могильнике у Водянского поля (рис. 2, 3). С одной стороны на бляхе нанесен нарезками узор, который представляет крестообразный значок и имеет на всех сторонах Т-образные концы. С другой стороны эта бляха имеет также нарезной узор, состоящий из многочисленных прямых линий, которые пересекаются под разными углами. Диаметр этой бляхи около 5 см. Верхняя поверхность с изображением креста отполирована, а обратная обработана очень плохо. Толщина бляхи различна — от 1,5 до 3 мм. В ее центре имеется небольшое круглое отверстие в 3 мм шириной. Бляха была найдена на крыше шалаша из прутьев и луба над мужским погребением. Костяк в домике-шалаше лежал скорченно на левом боку; руки лежали перед лицом погребенного. Около лица и рук стояли два сосуда; у ног стоял третий сосуд. Один из этих сосудов острореберный, два других баночные. Ноги покойника были посыпаны красной краской. Это необычное погребение в шалаше не могло принадлежать кому-либо из рядовых членов рода, которых хоронили в простых ямах могильников.

В могильнике у с. Кайбел (у околицы), кроме керамики, были найдены: обломок бронзового желобчатого браслета (курган № 7, погребение № 8), биконическое напрясло (курган № 2, погребение № 2) и небольшой обломок глиняного такого же напрясла (курган № 3, погребение № 3). В кургане № 5 был найден обломок кремневого наконечника стрелы.

В могильнике у хутора «Красная звезда» (курган № 3, погребение № 4) были найдены два бронзовых желобчатых браслета (рис. 2, 1—2), обломок браслета (курган № 5, погребение № 1), небольшой обломочек такого же желобчатого браслета (курган № 7, погребение № 1) и бронзовые пронизи из ребристой пластинки, свернутой в трубочку (курган № 8, погребение № 2, рис. 2, 5).

Все эти вещи — в основном украшения, широко распространенные в период срубной культуры Поволжья. В западных районах этих вещей нет, наоборот, их очень много в соседней, андроновской культуре. Желобчатые браслеты известны в Алексеевском поселении и могильнике² (погребение № 7), поселении Садчиковка³ и других пунктах. Ребристые пронизи также хорошо известны в памятниках главным образом андроновской культуры; такие же пронизи были обнаружены в Алексеевском могильнике (погребение № 13). Под г. Магнитогорском⁴ К. В. Сальниковым были найдены в курганах желобчатые браслеты с несомкнутыми концами.

¹ Ульяновский музей, № 6226, 6373, 6418.

² О. А. Кривцова-Гракова. Поселение и могильник у с. Алексеевка. Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948.

³ О. А. Кривцова-Гракова. Садчиковское поселение. МИА, т. 21. М.-Л., 1951.

⁴ К. В. Сальников. Экспедиция 1948 г. Свердловского университета. Доклад в ИИМК на сессии 4 марта 1949 г.

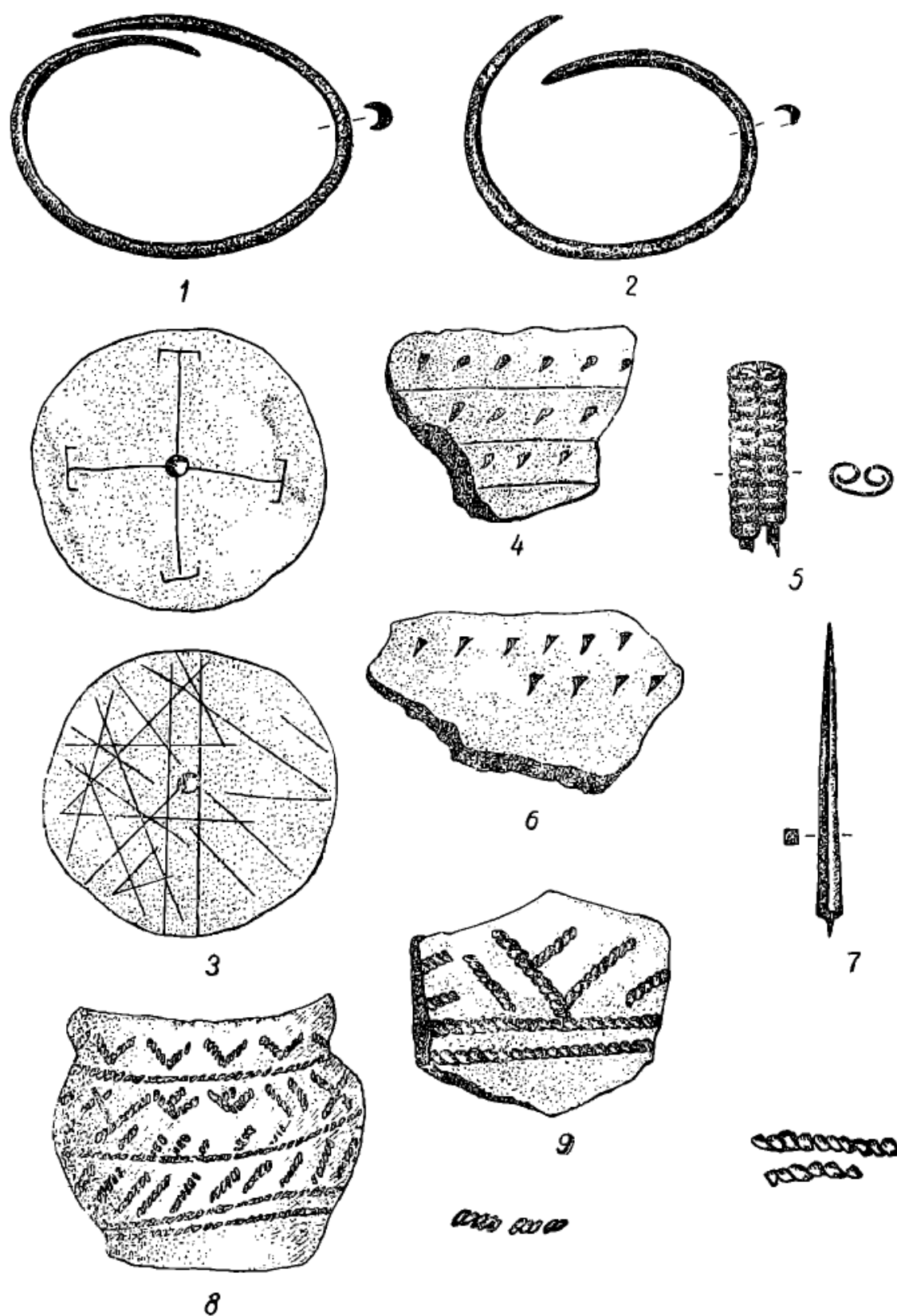

Рис. 2:

1—2—бронзовые браслеты из кургана № 3, погребение № 4, у хутора Красная звезда, 3—костяная бляха из кургана № 3 «большое погребение», у с. Кайбелы (Водинское поле), 4, 9—черепки из поселения у с. Марычевка, 5—бронзовая пронизка из кургана № 8, погребение № 2 у хутора Красная звезда, 6—черепок из насыпи кургана № 1 у с. Андреевка, 7—бронзовое шило из кургана № 2, погребение № 1, у с. Кайбелы (околица), 8—сосудик из кургана № 1, погребение № 6, у с. Кайбелы (околица) (4/5 н.п.в.)

Все эти аналогии указывают на теснейшие связи андроновской культуры со срубной культурой Поволжья, которые зародились еще в раннее время.

Рассматриваемая коллекция, главным образом керамика, из могильников с. Кайбел (Водянское поле и околица), у с. Андреевка, у хутора «Красная звезда» имеет аналогии как в самом Поволжье, так и во всех других памятниках срубной культуры. Полностью совпадают формы баночных и острореберных сосудов, техника их изготовления, манера орнаментации сосудов, мотивы орнамента, а также техника нанесения узора. Таким образом, эти могильники являются типичными могильниками срубной культуры. А некоторые специфические формы сосудов и их орнаментация, имеющие аналогии только в памятниках полтавкинской культуры, дают возможность отнести эти могильники к раннему срубному времени, то есть ко времени, непосредственно следующему за полтавкинской культурой. По абсолютной хронологии это третья четверть II тысячелетия до н. э.

И. В. ТРУБНИКОВА

П Л Е М Е Н А
Г О Р О Д Е Ц К О Й
К У Л Ь Т У Р Ы

Племена, населявшие около середины I тысячелетия до н. э. и в первые века нашей эры теперешние куйбышевское и саратовское Поволжье, среднее течение Оки, бассейны р. Мокши и Цны, являются одними из мало исследованных в археологическом отношении. Между тем история этих племен имеет большое значение для разрешения проблемы происхождения современных народов Поволжья: мордвы, чуваш, мари.

И. В. Сталин в своей работе «Национальный вопрос и ленинизм» отмечает, что современные нации сложились в эпоху разложения феодализма и становления капиталистических отношений, но были подготовлены к этому длительным периодом предшествующего развития.

«Конечно, элементы нации — язык, территория, культурная общность и т. д. — не с неба упали, а создавались исподволь, еще в период докапиталистический»¹.

Попыткой восполнения указанного пробела и является эта работа, посвященная специально разработке и выяснению племенного состава населения в этом районе в I тысячелетии до н. э. Вместе с тем изучение конкретных форм хозяйственной системы, сложившейся в обществе, характеризующейся городищной культурой, может послужить материалом и для освещения экономики общественных образований в эпоху зарождения элементов частной собственности. Изменение производственных отношений, в частности характеризующееся возникновением укрепленных городищ, показывает, что вместо «...производственных отношений, ставших уже старыми, появляются новые производственные отношения, роль которых состоит в том, чтобы быть главным двигателем дальнейшего развития производительных сил»².

Городищная культура, выделенная В. А. Городцовым в особую археологическую культуру по имени одного из городищ, до последнего времени оставалась недостаточно исследованной.

Работа написана на основании археологического материала, хранящегося в музеях Москвы, Рязани, Саратова и Хвалынска, с учетом фондов музеев Куйбышева, Моршанска, Мурома.

И. В. Сталин. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. XI, стр. 336.

И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР М., 1952, стр. 62.

На основании анализа этого материала оказалось возможным судить о культуре городецких племен в целом и ее местных вариантах, проследить процесс сложения ее, отметить значительную роль в этом отношении культур местных племен предшествующего времени. Стало возможным говорить о дате возникновения городищ и о переходе культуры предшествовавшего времени в культуру городецкую, совершившемся около середины I тысячелетия до н. э. (точнее, повидимому, около VII века до н. э.), о существовании этой культуры в течение ряда столетий в ряду других культур этого времени, а также разделить историю племен городецкой культуры по хронологическим этапам. Весь этот длительный период с VII века до н. э. по IV—V века н. э. можно разделить на два больших этапа: с VII века до н. э. по I—II века н. э. и с I—II по IV—V века н. э.

К первому периоду относится большое количество городищ с остатками укреплений, жилых сооружений, с жертвенниками и определенными типами вещей: изделиями из кости, камня, очень небольшим количеством металлических вещей и особенно с характерной керамикой с так называемым рогожным орнаментом. При настоящем состоянии знаний не представляется возможным расчленить детальнее весь этот многовековой период, но выделить памятники более ранние и более поздние возможно. Второй период с I—II по IV—V века н. э. — представлен верхними слоями ряда городищ с иными типами вещей, довольно большим количеством металлических предметов, в том числе рядом типов, известных по находкам в могильниках.

Стало возможным выделить местное, типичное для городецкой культуры, и наметить связи и сношения племен городецкой культуры с соседними областями. Особенно отчетливо при этом прослеживаются связи со скифо-сарматским миром. Ряд предметов типично скифских, ряд орнаментальных мотивов позволяют говорить об этом, причем эти связи по-разному прослеживаются в разных пунктах городецкой культуры: они заметнее в материалах поволжских городищ, тогда как, например, связь с культурой «полей погребений» отчетливее чувствуется в городищах окских.

Но особенно много общих черт имеют городецкие городища с соседней — дьяковской культурой.

Работая над историей племен городецкой культуры, прежде всего сталкиваясь с недостаточной исследованностью вопроса и слабой изученностью памятников; археологических раскопок на территории, занятой в древности городецкими племенами, производилось мало, материала опубликованного еще меньше, а имеющиеся археологические материалы в большинстве случаев лишены научной документации.

Первыми исследователями городецких городищ были В. А. Городцов, члены Саратовской ученой архивной комиссии Б. В. Зайковский, А. А. Кротков, С. Н. Чернов, П. Шишкин, С. Н. Щеглов, а также М. А. Радищев, А. А. Спицын, Н. К. Арзютов, И. В. Сеницын, П. П. Ефименко, Н. И. Милонов и др. В результате их работ городища «рогожной» керамики постепенно заняли место в археологической науке, впрочем, во многом оставаясь темным пятном.

Работы по исследованию городищ «рогожной» керамики были начаты В. А. Городцовым в 1898 г. раскопками Городецкого городища и продолжены в последующие годы исследованием городищ по рязанскому течению р. Оки.

Отчеты о раскопках в свое время были опубликованы, а вопрос о культуре типа Городецкого городища выдвинут в качестве проблемы, оставаясь таковой до последнего времени¹.

Одним из первых исследователей городецких городищ в саратовском Поволжье был член Саратовской ученой архивной комиссии Б. В. Зайковский. В трудах комиссии мы встречаем ряд его статей, сообщающих об открытии им того или иного памятника².

Другим исследователем, работавшим над городищами саратовского Поволжья, был А. А. Кротков³. В своей статье «О памятниках старины в Саратовской губернии» он указывал на связь городищ с водными путями древности, на группировку их по четырем линиям вдоль водных путей по Хопру, Медведице, Волге, Терешке.

Большие заслуги в деле опубликования и исследования городецких городищ имеет М. А. Радищев, опубликовавший результаты исследований городищ близ г. Хвалынского⁴.

Занимался городищами «рогожной» керамики и А. А. Спицын. В ряде своих работ он упоминает о них⁵, относя, впрочем, их к городищам дьякова типа, «финским обрядовым» городищам — жертвенным местам; слои золы, расколотые кости животных, казалось, убеждали в этом. А. А. Спицын указывал на широкое распространение городищ этого типа и на сходство поволжских городищ с окскими, на сходство их с городищами пензенскими и тамбовскими, на аналогичные находки в Самарской Луке.

Последующие работы археологов подтвердили это предположение, и районы Самарской Луки, Пензенщины и Тамбовщины в настоящее время входят в территорию городецкой культуры, а раскопки на городищах подтвердили их жилой бытовой характер.

Из поволжских городищ А. А. Спицыным было исследовано Ахматское городище под Саратовом.

На сходство археологических памятников Поволжья с памятниками дьяковской культуры указывал и В. И. Сизов⁶.

Над исследованием городищ среднего течения р. Оки, кроме В. А. Городцова, работали сотрудники рязанской ученой архивной комиссии.

Так, древние городища по правобережью р. Оки, близ с. Канищево, Борки, Коростово, обследовал А. И. Черепнин. В. А. Крейтон и И. И. Проходцев работали над городищем у д. Рубцово и т. д.

¹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований 1898 г. «Археологические известия и заметки», № 6—7. М., 1899. Он же. Дневники археологических исследований в долине Оки. «Древности», т. XVIII. М., 1901. Он же. Бытовая археология. М., 1910, стр. 371—85.

² Б. Зайковский. К открытию в Саратовской губернии стоянок и городищ медного века. Труды Саратовск. ученой архивн. комиссии. (СУАК), вып. 30. Саратов, 1913, стр. 197—209.

³ А. А. Кротков. О памятниках старины в Саратовской губернии. Труды СУАК, вып. 29. Саратов, 1912, стр. 157—166. А. А. Кротков и С. Н. Щеглов. Вторая поездка в с. Чардым, вып. 28. Труды СУАК. Саратов, 1911, стр. 43—49.

⁴ М. А. Радищев. Хвалынские городища. Труды СУАК, вып. 31. Саратов, 1914, стр. 159—171; Труды СУАК, вып. 33. Саратов, 1916, стр. 30 и сл.

⁵ А. А. Спицын. Ржевские древности. «Ржевский край», № 1. Ржев, 1926, стр. 157—172. Отчет археологической комиссии (ОАК) за 1912 г., 1916, стр. 73—75. А. А. Спицын. Саратовские древности. Прибавл. к вып. 29 Трудов СУАК. Саратов, 1912.

⁶ В. И. Сизов. Дьяково городище близ Москвы. Труды IX АС, т. II, М., 1897, стр. 256.

Перелом в изучении прошлого произвела Великая Октябрьская социалистическая революция. Советские ученые по-новому поставили дело изучения памятников прошлого, выдвинули обширную задачу детального археологического исследования территории Восточной Европы.

В 1920 г. над изучением рязанских городищ работал П. П. Ефименко. Он исследовал городище Вышгород под Рязанью¹.

Городище Вышгород не однослойное, и, помимо городецкого слоя, П. П. Ефименко различает слой более поздний, в котором обнаружены вещи, идентичные встречаемым в рязанских могильниках. При этом оба слоя были разделены прослойкой, не давшей находок. Поэтому П. П. Ефименко тогда же сделал вывод о существовании эпохи, когда укрепленные поселки по Оке запустели и связь верхнего слоя с более древним городищем, таким образом, оказалась случайной. Но вещи того же типа, что и в могильниках, были найдены также в верхних слоях Троице-Пеленицкого городища, где никаких прослоек В. А. Городцовым отмечено не было.

Останавливается П. П. Ефименко и на территории распространения городецкой культуры, указывая на область течения р. Дона, где встречаются подобные же находки. И, наконец, П. П. Ефименко говорит о связях с костеносными городищами, связях, отчетливо прослеживаемых только в северо-восточных областях этой культуры. Предметов, аналогичных встречающимся на костеносных городищах, почти нет ни в рязанских городищах ни в саратовском Поволжье, за исключением костяных поделок, распространенных в ту эпоху вообще очень широко.

О культуре городищ «рогожной» керамики писал в ряде своих работ П. Н. Третьяков². Обобщая в своих работах большой накопленный материал по исследованию окских и верхневолжских городищ, П. Н. Третьяков выделяет городища «рогожной» керамики в особую локальную группу, высказывает предположение о возможности расчленения ее в дальнейшем, в связи с накоплением материала, указывает на преемственность, существующую между ранними и более поздними поселениями в этих районах.

На специальной карте городищ рязанского течения р. Оки П. Н. Третьяков выделяет группы городищ более ранних и более поздних, различает группировку городищ. В отношении даты П. Н. Третьяков поправляет и уточняет В. А. Городцова, указывая на формы стрел, ведущих нас к VII—V векам до н. э.

Городищами «рогожной» керамики занимался также А. П. Смирнов. Он указывает на распространение культуры городищ «рогожной» керамики к северу от Саратова, вверх по Волге, дает ряд обобщающих данных по экономике и социальному строю той эпохи, говорит о хронологии городищ и территориальных границах культуры³.

П. П. Ефименко. К истории Западного Поволжья в первом тысячелетии н. э. по археологическим источникам. СА, т. II, 1937 стр. 39—56.

² П. Н. Третьяков. Древнейшие городища Верхнего Поволжья. СА, т. IX, 1947, стр. 61. Он же. К истории доклассового общества Верхнего Поволжья. Изв. ГАИМК, вып. 106, 1934, стр. 97—180. Он же. Некоторые вопросы этнографии восточных славян. КС ИИМК АН СССР, вып. V, 1940, стр. 10—16.

³ А. П. Смирнов. О возникновении государства Волжских Булгар. «Вестник древней истории» (ВДИ), № 2, 1938, стр. 99—112.

И, наконец, А. А. Мансуров в своей работе над археологической картой р. Прони указывает ряд новых пунктов интересующей нас культуры¹

К сожалению, вплоть до настоящего времени целые участки на территории городецкой культуры оказываются неисследованными. Таков, например, участок к северу от Вольска до Алексеевки в районе Хвалынского, от Хвалынского до Куйбышева, или городища пензенские и тамбовские, материал с которых все же имеется в местных музеях.

ПЛЕМЕНА ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

с VII века до н. э. по I—II века н. э.

Племена городецкой культуры, существовавшие в Восточной Европе в течение ряда столетий, занимали довольно обширные области лесостепи по рязанскому течению р. Оки, Среднему и Нижнему Поволжью, прилегающие районы Пензенщины и Тамбовщины. Южная граница распространения этих племен проходила несколько ниже Саратова.

Повсеместно на этой территории мы встречаем однотипные памятники в виде городищ, расположенных на мысах по берегам больших и малых рек. Находимые на этих городищах предметы очень характерны. Эта обширная область, занятая городецкими племенами, в культурном отношении не представляется абсолютно единой. В соответствии с внешним видом городищ, системой укрепления и особенно по находимым на городищах предметам можно выделить отдельные местные группы, местные варианты культуры.

Одну группу будут составлять городища по рязанскому течению р. Оки — от Спасска до Касимова, следующую — городища муромские, третью — городища саратовского Поволжья; городища саратовского Поволжья в свою очередь дают некоторые местные варианты: саратовский и хвалынский; местный вариант составляют также городища Самарской Луки, как и городища пензенские и тамбовские. Таким образом, можно различить пять групп городищ, имеющих местные особенности в пределах единой городецкой культуры: рязанскую, саратовскую, куйбышевскую, пензенско-тамбовскую и муромскую. Очень вероятно, что дальнейшие исследования позволят выделить еще одну группу городищ — северо-восточную — чебоксарскую.

Природные условия, в которых протекала жизнь обитателей городецких городищ, мало чем отличаются в разных районах, занятых этими племенами.

Расположены эти городища на высоких береговых мысах, иногда не непосредственно на берегу реки, а несколько поодаль, укрываясь, как, например, городища хвалынские, на гребнях гор; большое количество мы находим на берегах малых рек. В тех исключительных случаях, когда городища расположены иначе, они обычно относятся к более раннему времени — ко времени сложения городецкой культуры, к ее начальному периоду (например, Хвалынское городище № 17).

Характерным для всех городецких городищ является их малый размер: от 65 до 115 м в длину и 30—80 м в ширину. Городища обычно расположены на малодоступных местах. Кроме того, их защищали специальные сооружения в виде валов и рвов.

¹ А. А. Мансуров. Археологическая карта р. Прони. СА. т. IV 1937, стр. 223—227.

Валы насыпались обычно с тыловой, напольной стороны. Их бывало по два, реже по три, иногда по одному. Нередко укреплялась и противоположная часть мыса — «стрелка»; иногда вал и ров окружали городища со всех сторон. В некоторых случаях в валах устраивались проезды.

Наблюдается некоторая разница в системе укреплений каждой отдельной группы городищ. Так, если городища рязанские и саратовские имеют разнообразные типы укреплений, то укрепления куйбышевских городищ характеризуются большим единообразием и имеют невысокие валы без проездов. Некоторые дьяковские городища — Барвихинское, Прислон, а также некоторые из костеносных городищ Прикамья (Пижемское, Свиногорское, Ройское и др.)¹ близки по типу укреплений.

Любопытно расположение городищ группами, особенно показательны в этом отношении городища хвалынские. Вероятно, перед нами поселения различных родовых групп.

Большинство валов городецких городищ насыпалось просто из земли, взятой тут же из рва. Таковы валы Городецкого, Троице-Пеленицкого и ряда хвалынских городищ. Но в ряде случаев мы встречаемся со специальными креплениями валов. Так, вал Теньгушевского городища на Мокше оказался сооруженным из бревен, обожженные остатки которых лежали во всю длину вала, покрытые сверху глиной. Высота вала достигала 3 метров. Посредине имелся проезд².

Конструкцию из бревен и глиняную обмазку сверху имел вал Чардымского городища и валы некоторых хвалынских городищ, например Хвалынского городища № 4³.

Нам кажется, что нельзя принимать за остатки тына эти положенные горизонтально и наклонно бревна, покрытые сверху слоем глины. Конечно, это не исключает наличие тына, тем более что его остатки на городищах того времени встречаются нередко и известны по раскопкам В. А. Городцова на Каширском городище⁴, по раскопкам Л. А. Евтюховой на Барвихинском городище⁵.

Рядом исследователей высказывалась мысль об обрядовом назначении городецких и дьяковских городищ (А. А. Спицын, В. В. Гольмстен) или некоторых из них (В. А. Городцов). В. А. Городцова на это предположение наталкивало своеобразное расположение укреплений Троице-Пеленицкого городища, отсутствие следов жилищ, наличие открытых очагов и костных остатков человека. Все это приводило к мысли о культовом назначении Троице-Пеленицкого городища и заставило выделить его в особую группу холмищ.

Но очаги, тоже с остатками костей человека, находили и на других городищах, например на Алексеевском, возле Саратова⁶, они указывают на совершение религиозных церемоний на самом городище, а не на специальном холмике.

Исследование Городецких городищ позволяет с несомненностью делать вывод о их бытовом использовании, об их назначении служить

¹ Материалы по археологии восточных губерний России (МАНВР), т. 1, табл. А, Б.

² Е. И. Горюнов. Теньгушевское городище. Записки Научно-исслед. ин-та при Совете Министров Мордовской АССР Саранск, 1947.

³ М. А. Радичев. Хвалынские городища.

⁴ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. ГАИМК, вып. 85, 1934, стр. 8.

⁵ Л. А. Евтюхова. Барвихинское городище. СА, № 3, 1937, стр. 113—125.

⁶ Известия Нижне-Волжского института краеведения им. Горького, т. IV Саратов, 1931, стр. 51—52.

укрепленными пунктами для защиты населения и имущества. За это говорит и состав культурного слоя, насыщенного костями домашних животных, чешуей рыб, обломками керамики и различными предметами быта. Мощность его обычно невелика и не одинакова в разных местах городища. Так, Чардымское городище саратовской группы в местах расположения жилых строений имело слой мощностью 60—80 см и совершенно ничтожный в остальных частях. То же говорят и другие исследователи, как М. А. Радищев, в отношении хвалынских городищ, культурный слой которых в среднем равнялся 18—23 см и становился более значительным в местах расположения землянок. То же отмечается Е. И. Горюновой для Теньгушевского городища, где культурный слой вообще занимал $\frac{1}{3}$ всей территории городища и совпадал с остатками жилых строений. На Городецком и Троице-Пеленицком городищах, по наблюдениям В. А. Городцова, культурный слой распределялся также крайне неравномерно.

Остатки жилых сооружений прослеживаются почти на всех городищах городецкого типа. В саратовско-хвалынской группе они известны на Алексеевском и Чардымском городищах, а судя по наличию кусков глиняной обмазки с отпечатками прутьев, также на городищах Березниковском, Вольском, Танавском, на городищах хвалынских: № 1 — 10, 13, 15 (на остальных не упоминаются), на городищах рязанских: Городецком, Новоселковском, Недостоевском, Канищевском, Рубцовском и др.; в пензенско-тамбовской группе — на Теньгушевском городище.

Планировка жилых сооружений на городищах городецкого типа имеет много общего по разным группам. На основании имеющихся материалов планировка городищ и внешний вид их представляются в следующем виде. Жилища типа землянок и полуземлянок (при средней глубине земляночных ям от 0,5 до 1 м) имели четырехугольную форму, деревянные, иногда плетеные, обмазанные глиной стены, деревянную, вероятнее всего односкатную, кровлю, один вход, очаг из камней, иногда обмазанный глиной. Теньгушевское городище пензенско-тамбовской группы имело еще земляные, обмазанные глиной нары вокруг стен и две ступеньки у входа.

Наличие четырех столбов по углам жилища Чардымского городища, большое количество фрагментов обмазки на городищах именно саратовской группы говорят о том, что жилища на этих городищах были построены из тонких бревен, оплетенных плетнем и обмазанных снару жи глиной.

Прослеженные В. А. Городцовым кровли построек Городецкого городища были односкатными, сделанными из широких толстых досок.

Несколько иную планировку и иной облик жилых строений дает Хвалынское городище № 10. По свидетельству М. А. Радищева¹, земляночные ямы располагались вдоль краев городища; между ними оставался проход в виде «улицы»; почти все землянки состояли из двух частей — меньшей и большей, причем одна из частей отличалась большой глубиной. Размеры жилищ колебались от 10 до 18 м в длину и 8 м в ширину на Городецком городище; от 1 до 2×6—7 м — на хвалынских городищах; равнялись 4×6 м — на Чардымском; 10×3 м — на Теньгушевском.

Различна была и глубина земляночных ям. В рязанской группе они имели глубину до 1,5 м; на Новоселковском городище при наличии оча-

¹ М. А. Р а д и щ е в. Указ, соч., стр. 159.

гов ямы не отмечены вовсе, так же как и на Троице-Пеленицком городище; ямы жилищ Чардымского городища были углублены всего на 0,5 м, а на Теньгушевском — от 75 до 90 см. Такую же глубину в среднем имели и земляночные ямы хвалынских городищ.

Внутри жилищ, обычно в середине, мы встречаем очаги; иногда они находятся на поверхности пола, иногда слегка углублены; в одних случаях они сложены из камней, часто обмазанных глиной; в других случаях мы имеем дело с глинобитными очагами. Очаги эти имеют округлую форму и около 1 м в диаметре.

Как правило, жилища на городецких городищах оказываются сгруппированными в одной части. Остальная территория не занята строениями. На Чардымском городище невысокий вал даже отделял эту свободную площадь от застроенной. Возможно, что свободные места использовались в хозяйственных целях, например для загона скота. Подобная планировка прослеживается почти всюду. Исключение составляло только Хвалынское городище № 10, которое, впрочем, тоже имело свободное пространство в середине. Такое же свободное пространство — проход между землянками, «улицу» мы находим на Теньгушевском городище. Говоря о хвалынских городищах, необходимо отметить некоторые их особенности: прежде всего наличие земляночных ям за пределами городищенских укреплений, часто на склонах, а также в валах и рвах городищ. Исследованные М. А. Радищевым, они оказались принадлежащими ко времени бытования «рогожной» керамики¹. Землянка на склоне городища, но в его пределах, известна на Теньгушевском городище. О земляночном пятне на склоне Троице-Пеленицкого городища (где остатки жилых строений обнаружены не были) говорит и В. А. Городцов. Помимо указанных особенностей, М. А. Радищевым почти всюду отмечается для хвалынских городищ наличие, наряду с небольшими ямами, одной большой. С большой ямой в центре мы встречаемся и на Городецком городище рязанской группы. Подобная планировка поселка с большими строениями в центре, повидимому общественного характера, отмечается П. Н. Третьяковым² для городища в устье Соохты.

Такие же свободные, незастроенные пространства мы встречаем на некоторых городищах дьякова типа, например на Каширском³.

При исследовании городецких городищ мы сталкиваемся с остатками сооружений, которые могут быть истолкованы как культовые. Обращает на себя внимание их сходство с подобными же сооружениями дьяковых городищ. Еще В. А. Городцов, выделяя Троице-Пеленицкое городище в разряд холмищ, реконструировал его, как имеющее на гребне вала культовое изображение, перед которым горели костры⁴.

Мы уже говорили выше, что нет оснований считать Троице-Пеленицкое городище холмищем. Судя по имеющимся материалам, религиозные церемонии происходили не на стороне, на специальных холмищах, а на самих городищах. В пользу этого свидетельствуют сооружения в виде очагов-жертвенников, сделанные из глины или выложенные из камня, — сооружения, встреченные на ряде несомненно населенных жилых горо-

¹ М. А. Радищев. Указ. соч., стр. 159—171.

² П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э. Материалы и исследов. по археолог. СССР МИА, № 5, 1941, стр. 54.

³ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. Изв. ГАИМК, вып. 85, стр. 9.

⁴ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища. Рязань, 1930.

дищ. В пользу культового назначения этих сооружений говорят кости человека, обнаруженные на жертвеннике Алексеевского городища.

Повидимому, на городище жили и здесь же совершали религиозные церемонии. Эти особые сооружения встречаем в ряде случаев: в рязанской группе — на Городецком и, возможно, на Троице-Пеленицком городищах; в саратовской группе — на Алексеевском городище; из городищ хвалынских — на Хвалынском городище № 2, а также, может быть, на № 13 и 18.

Учитывая недостаточность сведений по этому вопросу, трудно сказать, имелось ли определенное место — жертвенник — для совершения религиозных церемоний на каждом городище или подобные сооружения обслуживали ряд городищ, определенные родовые группы. Во всяком случае, первые шесть хвалынских городищ, расположенных группой вблизи города, близких по системе укреплений, имели одно жертвенное место на городище № 2. На каких городищах совершались религиозные церемонии для других групп, сказать трудно, но возможно, что Алексеевское городище могло быть таким местом совершения обрядов для городищ саратовских, тем более что на городище Чардымском подобные сооружения не отмечены.

Что же представляли собой сооружения этого рода? Сделанные из глины, иногда обожженные, они имели обычно округлую или овальную форму и походили на подобного рода сооружения, известные по дьяковским городищам — Каширскому, «Топорок», Барвихинскому.

Отличался от них жертвенник Алексеевского городища. Круглый, диаметром в 1,7 м, он был сложен из камней в один ряд таким образом, что в центре, где были положены плоские камни, получалась впадина (в настоящее время жертвенник смонтирован в Саратовском областном музее краеведения). Камни очага имеют следы сильного накала. Зола, угли, кости коровы, овцы и человека лежали на очаге и возле него. Неподалеку находилась землянка.

Обломки сосудов с рогожным орнаментом, «глиняные лепешечки» позволяют связывать это сооружение с временем городецкой культуры, хотя оно очень близко к жертвеннику одноименного — Алексеевского — поселения в Казахстане (раскопки О. А. Граковой)¹.

Очаги из камней отмечены В. А. Городцовым на Троице-Пеленицком городище, М. А. Радищевым — на хвалынских городищах, а очаги глинобитные — Е. И. Горюновой на Теньгушевском городище. Чем руководствовались в этих случаях обитатели городецких городищ и чем объясняется разница в типе очагов и жертвенников, сказать невозможно.

Кости человека на Алексеевском и Троице-Пеленицком городищах и большой размер самого жертвенника как будто убеждают в культовом назначении этого сооружения. Видеть в нем остатки сооружения для ремесленного, в частности металлургического производства, как это предложил П. Н. Третьяков в отношении «жертвенника» и городища «Топорок», пока нет данных². Ни металлических шлаков, ни льячек, ни металлических предметов вблизи этих сооружений найдено не было, хотя на городищах они вообще имеются. Трудно даже сказать, имелись ли над ними какие-либо надземные сооружения в виде навеса.

Из предметов, обычно связываемых с культом, могут быть отмечены обломок так называемого «рогатого» кирпича с Городецкого городи-

¹ Труды ГИМ, вып. 17. М., 1948, стр. 59—164.

² П. Н. Третьяков. Указ. соч., стр. 38—40.

ща и костяной топорик с Троице-Пеленицкого, покрытый загадочными знаками.

«Рогатые кирпичи» известны в городищах дьяковых — Каширском, Огубском, в Юхновском городище на Десне¹, в городищах Прикубанья, а также были встречены в могильниках Северного Кавказа, например в раскопках Е. И. Крупнова, в Нестеровском могильнике². В этом последнем они были обнаружены вблизи могилы вместе с обломками сосудов и костей животных.

Костяной топорик Троице-Пеленицкого городища, хранящийся в Рязанском музее, покрыт какими-то изображениями³. Одна сторона выпуклая и лучше обработана, чем другая. Поверхность отполирована, и по ней с обеих сторон процарапаны изображения. По краям заметны следы действия огня. Конец тупой. Два сквозных полукруглых отверстия расположены перпендикулярно одно к другому. Любопытно, что некоторые из этих изображений встречаются на вещах, найденных в других местах. Так, знак в виде елочки имеется на пряслице Юхновского городища; знак в виде двух смежных заштрихованных треугольников — на пряслице Каширского городища⁴; знак, напоминающий фигуру животного, — на скифских пряслицах (например, из Яблоновки, курган № 6, рис. 1, 12).

На основании изучения материалов, добытых в результате раскопок, можно сделать выводы о занятиях населения. Значительное место в этом отношении приходится отводить скотоводству, судя по большому количеству костей домашних животных. Кости домашних животных отмечают исследователями на всех городищах.

Определение их повсюду показало наличие одних и тех же видов домашних животных: на всей территории, занятой городецкими городищами, мы встречаем лошадь, корову, свинью, овцу. По данным В. А. Городцова, больше всего найдено костей лошади, меньше всего — овцы.

Имеются данные о породах домашних животных. В. А. Городцов отмечает, что лошадь Городецкого и Троице-Пеленицкого городищ была некрупной, корова — средней, свинья — малорослой, овца — некрупной. Большое количество костей лошади указывает на ее значение в хозяйстве той эпохи. В. А. Городцов при этом отмечает значительный процент костей жеребят, что свидетельствует об употреблении этого животного в пищу.

Те же породы домашних животных встречаем в это время в соседних областях, занятых городищами дьякова типа. Значительную роль в жизни городецких племен играло также рыболовство; уже самое местоположение городищ по берегам рек способствовало ему и свидетельствует об этом.

О большом количестве костей рыб и колоссальном количестве рыбьей чешуи говорит В. А. Городцов в своих отчетах о раскопках Городецкого и Троице-Пеленицкого городищ. Из видов рыб им отмечаются стерлядь и щука. О большом количестве костных остатков рыбы мы имеем сведения по саратовским городищам: среди них отмечают находки осетровых щитков (на городищах Чардымском, Березниковском).

¹ ГИМ, № 76990.

² ГИМ, № 82199.

³ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища. Рязань, 1930.

⁴ ГИМ, № 57980, 61876.

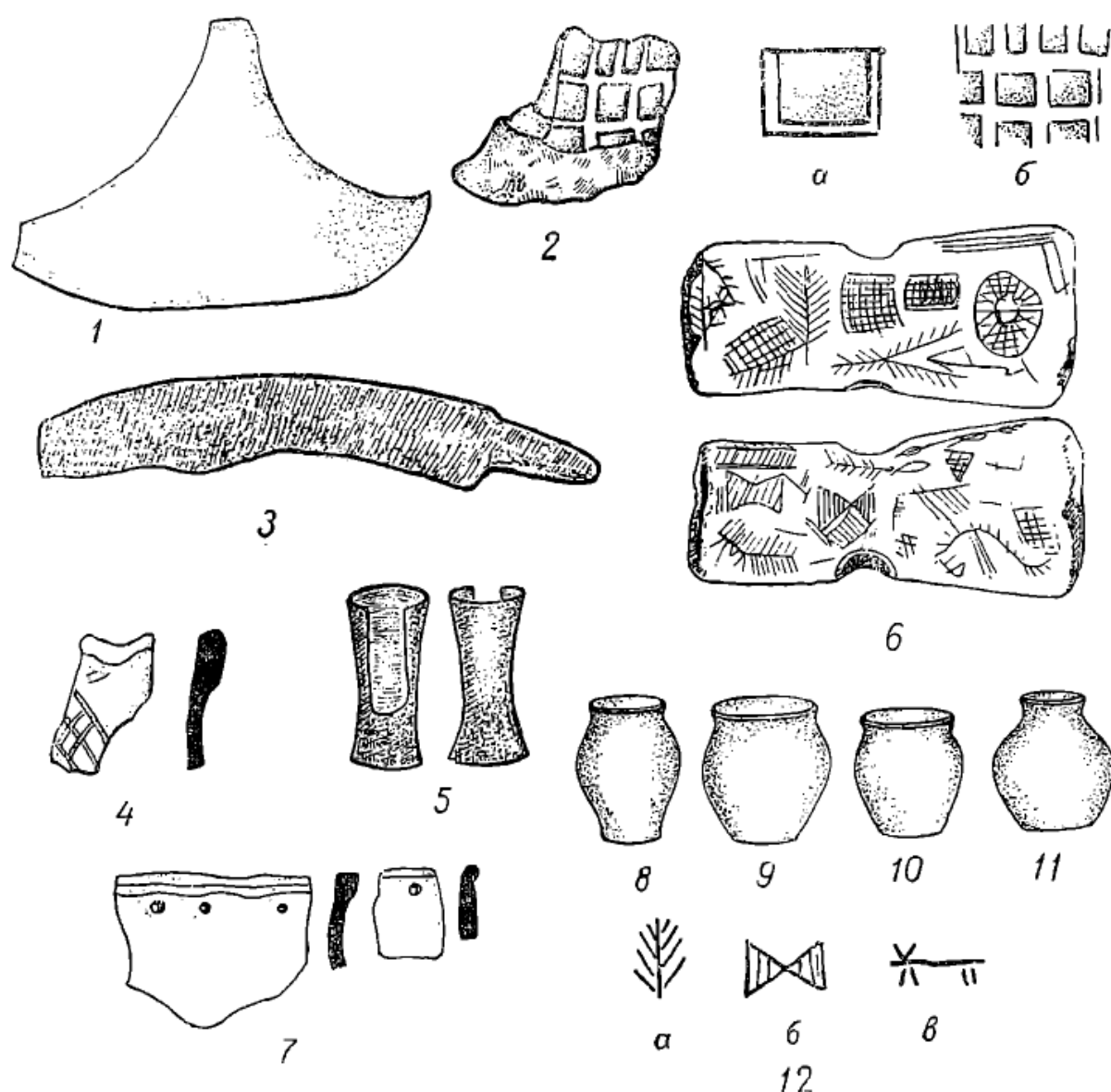

Рис. 1

1 — нож из кости с Чардымского городища; 2 — штампик для нанесения рогожного орнамента: а — клетка на его боковой грани; б — клетка основного штампа; 3 — нож железный с Алексеевского городища; 4 — обломок тигля с Хвалынского городища № 1; 5 — железное орудие с Чардымского городища; 6 — топорик из кости с Троице-Пеленицкого городища; 7 — обломки сосудов с Львовского городища; 8—11 — сосуды с Чардымского городища; 12 — изображения, встречающиеся на предметах этого времени

Костяные гарпуны и железный рыболовный крючок, найденные на Городецком городище, дополняют картину (рис. 2, 5).

В большом количестве найдены грузила. Они имеются почти на всех городищах, и рязанских и саратовских: Городецком, Троице-Пеленицком, Новоселковском, Вышгородском, Алексеевском, Ахматском, Чардымском, Березниковском. Грузила по своим формам однообразны: пирамидальные, упрощенно-пирамидальные, округлые с отверстием в верхней части; сделаны они из глины и лишь в одном случае (Новосел-

ковское городище) из камня. Подобной формы грузила являются в эту эпоху широко распространенными. Мы встречаем их в скифских комплексах юга и в греческих колониях Причерноморья (рис. 2, 14). Находки костей рыб в городищах хвалынских упоминаются в отчете М. А. Радищева, но грузил в составе коллекции нет, как нет ни гарпунов, ни крючков. Может быть, причиной этому является малая исследованность этих городищ, а может быть, здесь имела значение большая удаленность от реки.

Обитатели городищ занимались также охотой на диких животных и птиц. Но, повидимому, охота не играла особенно большой роли в эту эпоху. Кости диких животных встречаются значительно реже, чем домашних.

В этом отношении мы имеем сведения по ряду городищ: Троице-Пеленицкому, Городецкому, Новоселковскому, Чардымскому. Охотились главным образом на лося, медведя, лисицу, куницу, бобра, волка. Из птичьих костей найдены кости тетерева, гуся. Из орудий охоты в инвентарях городищ встречаем костяные наконечники стрел — трехгранные и круглые.

Было известно городецким племенам и земледелие. У нас нет данных, чтобы говорить о его большом значении в ту эпоху, но оно существовало, и это подтверждается находками. Были найдены плитки для растирания зерна, каменные терки-куранты и песты (городища Чардымское, хвалынские, Городецкое). Кроме того, на Чардымском городище было найдено железное втульчатое орудие, возможно применявшееся при обработке земли (рис. 1, 5.) Аналогичное орудие было найдено на Семибратнем городище на Кубани¹; близкое по типу орудие имеется в составе северского клада².

В слоях более позднего времени на городище Троице-Пеленицком были найдены даже железные серпы. Во всяком случае земледелие было примитивным, вероятно подсечным, на близлежащих землях.

На основании имеющихся археологических материалов можно судить о состоянии различных отраслей производства в ту эпоху. Обитателям городищ была известна обработка металлов — железа и бронзы, кости и камня, выделка предметов из глины. А также, судя по имеющимся в составе коллекций предметам, были известны обработка кожи, дерева и ткачество.

Предметов, сделанных из металла (железа и бронзы), среди находок немного, особенно в первом периоде. Встречаются железные ножи, прямые и округлые; они известны почти на всех городищах. Эти ножи с изогнутой спинкой были в ту эпоху чрезвычайно распространены (рис. 1, 3). Мы встречаем их в областях, занятых культурой дьяковской, и в скифских комплексах на юге. Имеются железные четырехгранные и круглые шилья, известные также в городищах рязанских и поволжских; форма таких четырехгранных железных шильев очень архаична: четырехгранные шилья из бронзы мы встречаем в Поволжье среди комплексов срубного и даже еще более раннего времени. Есть также предметы из бронзы, например браслет, согнутый из узкой тонкой пластины, с Ловецкого селища (рис. 2, 3).

Несмотря на небольшое количество металлических изделий в первом периоде истории городецких племен, можно говорить о местной

¹ СА, т. VII, 1931, стр. 262, рис. 6.

² ГИМ, № 544—48.

обработке металлов, выделке металлических вещей местными мастерами. В этом убеждают результаты проведенных на городищах исследований.

Железные и медные шлаки, куски криц, ложковидной формы льячки для отливки металла, нередко с шлакированной поверхностью, были найдены на многих городищах (рис. 2, 10). Шлаки и льячки отмечаются В. А. Городцовым среди находок в землянках Городецкого городища. Льячки, некоторые с шлакированной поверхностью, найдены на Троице-Пеленицком городище (последнее обстоятельство еще раз подчеркивает бытовое, а не культовое назначение этого городища). На городищах поволжских шлаки и льячки были найдены на городищах Чардымском, Березниковском и Ахматском. На городищах хвалынских о местной обработке металлов говорит только один предмет — обломок, повидимому принадлежавший краю льячки или тигля, с носиком и с поверхностью, покрытой рогожным орнаментом (рис. 1, 4). Льячки в виде ковшичка с носиком известны с Троице-Пеленицкого городища.

О характере производства мы имеем возможность судить на основании исследований Е. И. Горюновой на Теньгушевском городище, где была открыта мастерская, устроенная на склоне городища в землянке круглой формы (5,5—5,7 м в диаметре при глубине 2 м); она имела четыре ступени у входа и два глинобитных очага внутри: один в центре помещения, другой у стены. О работах, производившихся в землянке, свидетельствуют угли и зола, железные шлаки, заготовленные кости конечностей животных. Повидимому, помещение было мастерской, где работали по металлу и по кости. Землянка представляет большой интерес, так как свидетельствует о местной обработке металлов.

Наличие в составе коллекций, в частности с Городецкого городища каменных массивных топоров-молотов и довольно большого числа округлых камней позволяет высказать предположение о применении их в процессе металлургического производства для раздробления руды (рис. 2, 11, 4).

Остатки подобной мастерской (с кусками руды и с камнями для ее дробления) на селище дьяковского времени из раскопок М. Е. Фосс (на стоянке Умиление в Костромской области) хранятся в ГИМе.

Трудно решить, обрабатывалась ли руда и проводились ли дальнейшие работы по металлу на всех городищах или только на некоторых. Вероятно, выработка металлических изделий производилась на городище Чардымском для близлежащих городищ саратовской группы, на Хвалынском городище № 1 — для городищ хвалынских (первых шести), на городищах Городецком и Троице-Пеленицком — для определенных групп рязанских городищ.

Подводя итог, можно сказать, что изделия из металлов не были очень многочисленными, особенно в первый период существования городищ, но местная обработка руд и выработка из них изделий производились в течение всего периода существования этой культуры.

Более многочисленными и разнообразными были изделия из кости и рога. Они представлены орудиями труда в виде игл, шильев, проколов, рукоятками для металлических предметов, предметами вооружения в виде наконечников стрел, гарпунами и такими предметами, как топорик Троице-Пеленицкого городища (рис. 2, 2, 5—9 и рис. 1, 6).

Особенно многочисленными и разнообразными были изделия из кости на городищах рязанской группы: Городецком, Троице-Пеленицком,

Вышгородском. На городищах саратовских их меньше; на городищах хвалынских они почти отсутствуют.

Возможно, что причина этого явления кроется в недостаточной исследованности городищ. Так, Чардымское городище, исследованное полнее, дало большое количество разнообразных изделий из кости. Но даже и в этом случае изделия из кости на городищах рязанских многочисленней, чем на городищах других групп. Помимо кости, употреблялись в дело и рога животных. Отпиленные рога со срезами, куски рога со следами обработки встречаются довольно часто.

Среди найденных на городищах предметов имеется большое количество орудий недоделанных, недоработанных. В некоторых случаях можно даже проследить процесс производства, приемы обработки кости.

Об обработке кожи свидетельствуют имеющиеся среди находок с Чардымского городища сделанные из кости в виде лопаточек ножи (рис. 1, 1). При обработке кожи могли употребляться и костяные иглы, шилья, проколки, наряду с такими же металлическими.

На существование прядения и ткачества указывает также ряд предметов — прежде всего пряслица, сделанные из глины, реже из камня. Большей частью они круглые, иногда конические или биконические, реже продолговатые и фигурные. Пряслица различной формы были найдены на Чардымском городище. Нередко они украшены узорами из точек в виде пунктирных волнистых линий (рис. 2, 1).

На существование тканей указывает наличие отпечатков их на керамике. Мы имеем в виду не сетчатую или рогожную керамику, о которой речь будет ниже, а действительные отпечатки обычных тканей. Такой отпечаток имеется в одном случае на днище сосуда с Городецкого городища; на этом днище сохранился отпечаток обычной ткани типа грубой домотканной холстины с обычным клетчатым, горизонтальным и вертикальным, переплетением нитей. Остатки подобных тканей дошли до нас в отдельных фрагментах из окских могильников.

При шитье употреблялись сделанные из кости и металла иглы, шилья, проколки. Кроме того, в составе коллекции имеются поделки из камня, сходные с такими же из Огубского городища, где они были определены В. А. Городцовым как утюжки и, нам кажется, могут рассматриваться в качестве таковых.

На умение обрабатывать дерево указывает существование деревянных жилых строений, остатки которых были прослежены неоднократно на разных городищах.

В. А. Городцов указывал, что кровли землянок Городецкого городища были сделаны из толстых досок. Можно также предполагать существование тына вокруг городища, сделанного из поставленных вертикально заостренных бревен; остатки такого палисада были прослежены В. А. Городцовым на Каширском городище; существование палисада отмечалось также Л. А. Евтюховой на Барвихинском городище.

К орудиям, пригодным для обработки дерева, помимо железных ножей, можно отнести еще одно, о котором уже упоминалось в другой связи. Это — железное орудие с втулкой, небольшим перехватом и прямым краем. Подобные орудия при неотдифференцированности функций в то время вполне могли употребляться для двух целей — при копке земли и обработке дерева (рис. 1, 5).

Кроме того, при обработке дерева применялись костяные долота. Более поздние такие же металлические долота повторяют их форму.

Изделия из камня можно свести к нескольким категориям: 1) плитки; 2) терочки; 3) метательные камни; 4) песты; 5) пряслица; 6) грузила; 7) орудия неопределенного назначения.

Плитки различны по своему внешнему виду и назначению. Одни, хорошо обработанные, вытянутой овальной формы, напоминают каменные блюда¹ другие грубо оббиты, имеют лишь заглаженную рабочую поверхность². Размеры их различны: 17,5 см в длину, 29 см и т. д. Помимо целых экземпляров, имеется большое количество обломков. Сделаны они обычно или из серого песчаника или из красного гранита. Употреблялись они, повидимому, для различных целей: растирания зерна, дробления руды (о последнем назначении свидетельствуют находки М. Е. Фосс в Галиче) и других целей.

Терочки — камни неправильно округлые, с уплощенными гранями. Их довольно много на некоторых городищах, например на Троице-Пеленицком.

Метательные камни из песчаника или гранита, круглых очертаний, встречаются в небольшом количестве, например, на хвалынских городищах. Размер их 5—7 см в диаметре. Они могли употребляться для военных целей в качестве метательных камней.

Имеются песты из камня, несколько расширяющиеся книзу (Чардымское городище).

Пряслиц из камня немного; они найдены на Троице-Пеленицком и других городищах, причем на Троице-Пеленицком городище есть и недоработанные изделия, по которым можно проследить процесс их изготовления: сначала куску камня придавалась соответствующая форма, а затем просверливалось отверстие.

Большое грузило, близкое по форме к пирамидальным, имеется Новоселковского городища, округлые — с Троице-Пеленицкого.

Изделия из глины представлены очень большим количеством находок. Особенно многочисленны обломки глиняной посуды, которые и составляют основную массу находок на городищах.

Посуда городецких городищ неоднородна и имеет различные форму и орнамент. В техническом отношении все сосуды городецких городищ близки друг к другу.

Все они сделаны от руки, очень грубо и небрежно, из плохо промытого глиняного теста с различными примесями: дресвы, песка, реже шамота и еще реже — толченой раковины; имеют слабый обжиг, разную форму и разные типы орнаментации (рис. 1, 9—11).

Помимо посуды, из глины делались пряслица, грузила; глина шла также на обмазку стен жилищ, очагов.

Орнаменты на сосудах с городецких городищ можно разделить на следующие группы. К первой группе относятся орнаменты сосудов с поверхностью, покрытой узором в виде рядов более или менее отчетливых клеток (рис. 3, 3, 11; рис. 2, 13).

В археологической литературе этот орнамент известен под названием «рогожного» или «псевдорогожного». Для городищ рязанского течения р. Оки и саратовского Поволжья он является типичным и основным. Наличие его, как и его отсутствие, позволяет отнести памятник к определенному времени. «Рогожным» орнамент был назван первым

¹ Чардымское городище. Саратовский музей, № 1701.

² Троице-Пеленицкое городище. ГИМ, № 61879.

его исследователем В. А. Городцовым по кажущемуся способу его нанесения — тиснение рогожей.

Много писалось и говорилось на этот счет. Одни считали этот орнамент, как и орнамент сетчатый, результатом техники выделки сосуда (В. А. Городцов, В. И. Сизов), другие — своеобразным орнаментальным мотивом, нанесенным рогожей или сходной с ней плетенкой.

Довольно давно был высказан и другой взгляд, по которому этот «рогожный» или «псевдорогожный» орнамент наносился штампом (Н. Арзютов). Работа над темой в течение довольно длительного времени, просмотр очень большого количества «рогожной» керамики, убедили нас в справедливости мнения Н. К. Арзютова. В этом убеждает и внимательный осмотр коллекций. Без труда выделяются границы штампа на фрагментах, покрытых «рогожным» орнаментом, его повторения. Нередко на одном и том же экземпляре штамп оказывается повернутым в разные стороны или одна часть сосуда оказывается орнаментированной одним штампом, другая — другим. Границы штампа можно выделить на любом фрагменте, и нигде не найдешь прямой строчки орнамента, что было бы неизбежно при нанесении его какой-либо плетенкой или тканью. Линия орнамента всюду прерывается.

Но каким же был штамп — деревянным, как полагал Н. Арзютов? Однако в пользу этого нет никаких данных.

Среди коллекций Саратовского областного музея автору данной статьи встретилась поделка или фрагмент ее из камня (гранита), очень небольшого размера, с насечкой в виде мелких клеток на поверхности. Сохранилось два ряда клеток, по четыре в ряд. На боковой грани — остатки крупных клеток (0,7 см в длину). Размер предмета 2 см, величина площади, занятой мелкими клетками, $1,5 \times 1,4$ см.

Оттиск с этого предмета на пластилине дал обычные мелкие клетки «рогожного» орнамента, а боковая грань — крупные. Мне кажется, что имеются все основания считать обнаруженный мной в Саратовском музее предмет за штамп для нанесения орнамента (рис. 1, 2, а, б).

К сожалению, точный паспорт предмета неизвестен. Он значителен как происходящий из раскопок М. А. Радищева на одном из хвалынских городищ. Интересно, что оттиск с нашего штампа совпадает с орнаментом на черепках в коллекции М. А. Радищева с хвалынских городищ.

Любопытно, что тождество отпечатка с имеющимися образцами получается полное: выходит даже рамка, четко разграничивающая между собой отдельные клетки, что возможно только при наличии штампа, сделанного из камня.

«Рогожный» орнамент городищ рязанского течения р. Оки по своему характеру принципиально не отличается от такового городищ поволжских и указывает на одну и ту же (культурную и хронологическую) эпоху. Повсюду можно выделить четыре его типа соответственно величине и форме клетки: крупнорогожный с прямоугольными или квадратными клетками, среднерогожный, мелкорогожный и «беспорядочный». Варианты по группам городищ пока не улавливаются.

Зато в отношении форм сосудов картина получается более пестрая. Если формы сосудов с «рогожным» орнаментом мало разнообразны в городищах рязанских, то они более разнообразны в городищах поволжских.

Для рязанских городищ можно указать (как на основную, первую группу) на обычный горшок с разной степенью выпуклости стенок и с бо-

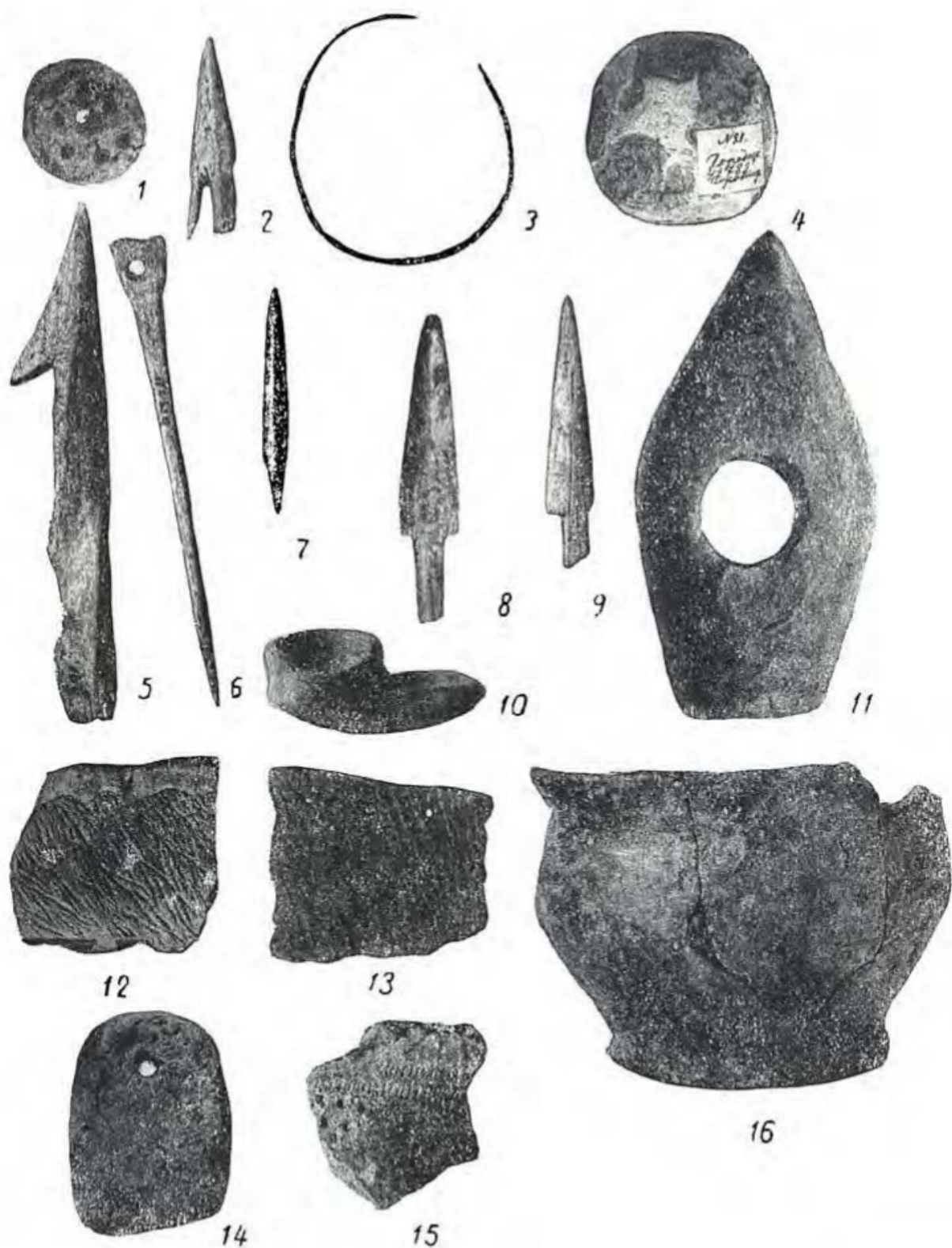

Рис. 2:

1 — пряслице с Городецкого городища; 2 — наконечник стрелы из кости с Городецкого городища; 3 — браслет бронзовый с Ловецкого селища; 4 — округлый камень с Городецкого городища; 5 — гарпун из кости с Городецкого городища; 6 — игла костяная с Ловецкого поселения; 7 — предмет из кости с Троице-Пеленицкого городища; 8 — наконечник стрелы из кости с Троице-Пеленицкого городища; 9 — наконечник стрелы из кости с Троице-Пеленицкого городища; 10 — льячка с Городецкого городища; 11 — топор каменный с Ловецкого поселения; 12—13 — обломки сосудов с Городецкого городища; 14 — грузило глиняное с Троице-Пеленицкого городища; 15 — обломок сосуда с Троице-Пеленицкого городища; 16 — обломок сосуда с Троице-Пеленицкого городища.

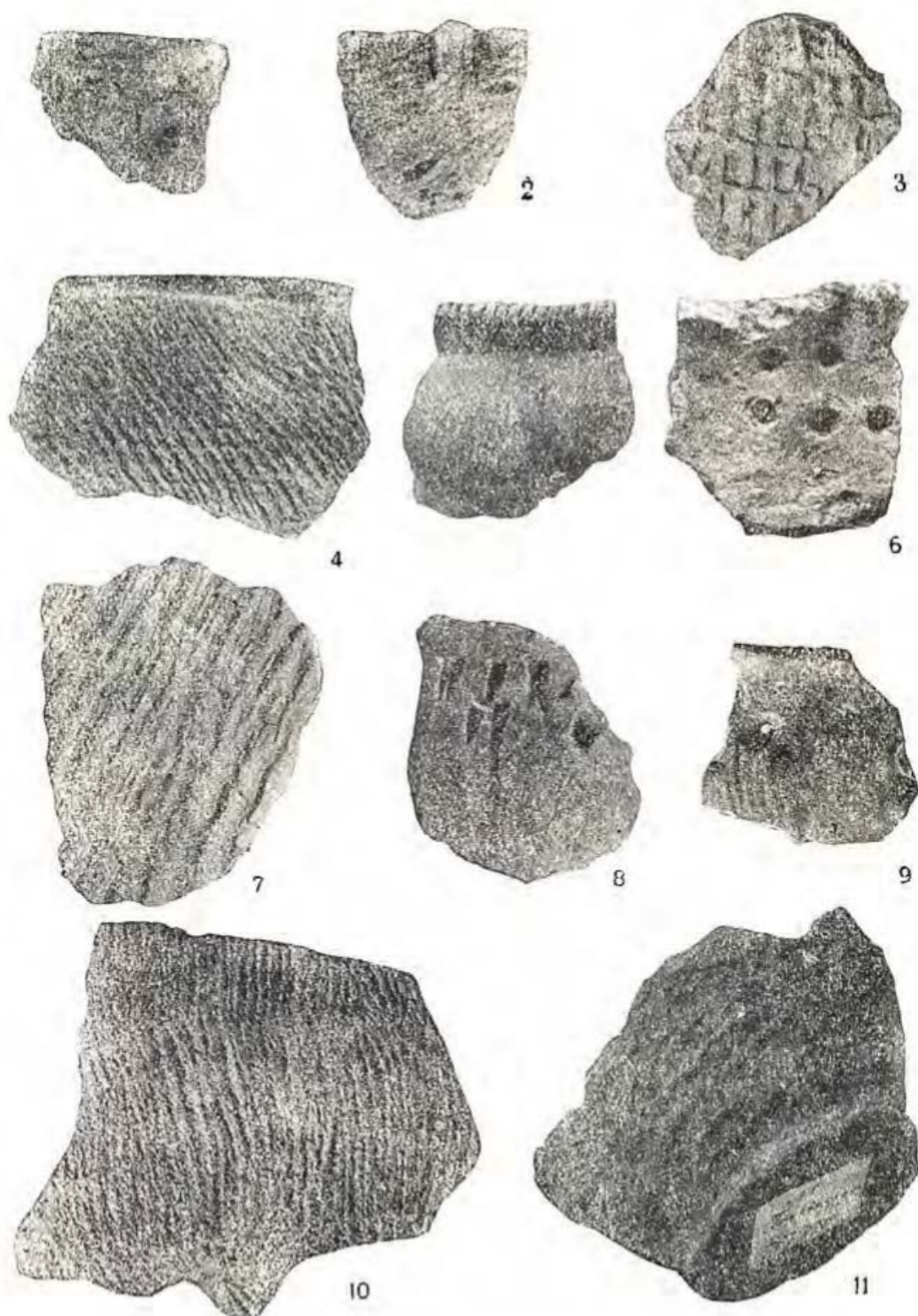

Рис. 3:

1 — обломок сосуда с Троице-Пеленицкого городища; 2 — обломок сосуда с Городецкого городища; 3 — обломок сосуда с Троице-Пеленицкого городища; 4 — обломок сосуда с сетчатым орнаментом с Городецкого городища; 5—8 — обломки сосудов с Троице-Пеленицкого городища; 9—10 — обломки сосудов с Городецкого городища; 11 — обломок сосуда с рогожным орнаментом с Городецкого городища. Обломок сосуда с Троице-Пеленицкого городища.

лее или менее отогнутым краем. Иногда делались сосуды, по форме близкие к баночным. «Рогожный» орнамент покрывал сосуды целиком, кроме одного случая (на Городецком городище), когда верхняя часть сосуда была оставлена гладкой. Гладким нередко оставлялся и обрез края. Иногда же «рогожный» орнамент сочетался с другими мотивами орнаментации — ямками, сквозными отверстиями вдоль края, зарубками, нарезками и защипами по краю. Преобладающие размеры сосудов: диаметр горла 10—11 см, толщина стенок от 0,5 до 1,2 см. Были, повидимому, и большие экземпляры. Очень маленькие сосуды «рогожным» орнаментом, повидимому, не покрывались. Нередко у днища оказывается выступающий вперед валик. В одном случае с Городецкого городища на днище встретился отпечаток ткани, указывающий, может быть, на технический момент — подстилку ткани под днище при лепке сосуда.

Ко второй группе можно отнести сосуды с сетчатым орнаментом. Как и рогожный, сетчатый орнамент не представляется однообразным и бывает то более крупным, то средним, то мелким (рис. 3, 4).

Наличие в керамике Городецкой культуры сетчатого орнамента и едва ли случайное большое количество его на сосудах из городищ рязанской группы, расположенных в непосредственной близости от городищ льяковских, указывает на связи племен городецкой и дьяковской культур.

Чем наносился сетчатый орнамент, является ли он результатом отпечатка тканей, сеток или тоже наносился штампом, пока сказать трудно. Обращает на себя внимание часто встречающееся расположение его в виде углов, тогда как некоторые места кажутся очень похожими на отпечатки штампа. Сопоставляя различные виды сетчатого орнамента с отпечатками различных тканей на пластилине, хочется отметить наибольшую близость его к отпечаткам древних новгородских тканей с крупным плетением (фрагменты их хранятся в ГИМе и происходят из раскопок А. В. Арциховского).

К третьей группе относятся сосуды со сквозными отверстиями вдоль края, встречающиеся в довольно большом количестве в городищах городецкой культуры, особенно в городищах рязанских. Обломков с подобным орнаментом много на городищах Троице-Пеленицком, Льговском, Карцевском. По форме — это обычные сосуды типа горшков с разного рода венчиками, иногда еще с нарезками по краю. Этот орнаментальный мотив чрезвычайно напоминает скифскую керамику юга. Появление его в рязанских городищах в более позднее время, например на Троице-Пеленицком городище, свидетельствует о медленном проникновении его в область р. Оки, вероятно через городища поволжские, связанные со скифским югом более непосредственно.

К четвертой группе относятся сосуды с рубчатыми узорами по краю. Они имеются также в большом количестве как в городищах саратовских, так и в рязанских. Эти узоры в виде зарубок или грубых нарезок, иногда просто защипов, расположены то прямо, то вкось, то часто, то редко по обрезу венчика. Этот вид орнамента является опять-таки широко распространенным в скифо-сарматском мире. Как и предыдущий, этот вид орнамента в городищах рязанских бытует в позднее время их существования (городище Троице-Пеленицкое), а также в эпоху могильников. Подобные же нарезки на венчиках имеют сосуды из Борковского и Кошибеевского могильников (рис. 3, 5).

Сосуды с орнаментом последних двух групп также грубой ручной работы; глина, из которой они сделаны, с примесями.

К пятой группе мы относим сосуды с лощеной поверхностью. Сделаны они из хорошо промешанной глины, хорошо обожженные, черные или светлорыжие. Формы их не разнообразны; это или сосуды типа горшков, с прямыми или несколько вкось поставленными венчиками, или миски. Они встречаются обычно на городищах более поздних, но имеются в верхних слоях Троице-Пеленицкого и Вышгородского городищ, где их довольно много; в городищах саратовского Поволжья они немногочисленны (рис. 2, 16). Подобную лощеную керамику мы находим в довольно большом количестве в городищах дьякова типа (имеется она, например, в самом Дьякове городище, в коллекциях из раскопок И. И. Булычева в бывшей Калужской губернии). Ее проникновение в городищенскую культуру, возможно, шло оттуда, и не случайно ее появление в больших количествах именно в городищах рязанских, куда она могла попадать с городищ дьяковской культуры.

Сосудами разных форм без орнамента представлена шестая группа, многочисленная в городищах поволжских и рязанских. В эту группу входят сосуды довольно большого размера типа горшков, но более вытянутых пропорций, напоминающие сосуды могильников (таковы некоторые сосуды Чардымского и Троице-Пеленицкого городищ), и сосуды небольшие, некоторые из которых близки по формам к изделиям сарматским, наконец, сосуды совсем маленькие, миниатюрные. Последних очень много. В отношении форм, вероятно, они подражают сосудам обычным, бытовым, воспроизводя различные их типы.

Говоря об орнаментах на глиняных сосудах, нельзя не отметить их большое разнообразие на городищах рязанских. По крайней мере ряд орнаментальных мотивов можно встретить только на р. Оке.

К седьмой группе надо отнести сосуды с узорами, напоминающими отпечатки каких-то вязаных изделий в виде вертикальных борозд, расположенных поясами и покрывающих всю поверхность сосуда. Иногда у края в виде дополнительного мотива имеется ряд сквозных отверстий. Эта группа представлена довольно большим количеством экземпляров на Городецком городище. Невозможно решить, имеем ли мы здесь дело с отпечатками какого-либо штампа или с действительной тканью-плетенкой (рис. 3, 10).

Восьмую группу составляют сосуды с бороздчатым орнаментом, покрывающим сверху донизу сосуды рязанской группы. Эти борозды бывают и более крупными и более мелкими; иногда в качестве сопутствующего им узора мы встречаем ряд сквозных отверстий вдоль края. Обработка поверхности этих сосудов крайне грубая и небрежная (рис. 3, 7).

К девятой группе относятся сосуды со штриховым орнаментом. Часто этот орнамент настолько правилен, что кажется нанесенным каким-то орудием. Особенно много обломков сосудов с подобными отпечатками на Городецком городище.

Сосуды десятой группы — со штриховым орнаментом и ямками. Представлены рядом обломков с Городецкого городища (рис. 3, 2, 9).

Штрихи неглубокие, идущие в разных направлениях по поверхности сосуда. Подобная штриховка могла появиться в результате сглаживания, вытирания поверхности сосуда пучком травы. Ямки, иногда фигурные (Ловецкое селище), реже сквозные отверстия покрывают, кроме того, стенки сосудов этого типа.

К одиннадцатой группе относятся сосуды с ямочным орнаментом. Их очень немного с рязанских городищ (рис. 3, 6). Имеются просто

украшенные ямками стенки сосудов. Иногда этот мотив орнаментации, встреченный на Троице-Пеленицком городище, сочетается на керамике с этого же городища с другим, например с веревочным (рис. 2, 15).

К двенадцатой группе относятся сосуды с рядом ямок, расположенных в виде треугольника, или просто с вертикальными углублениями (рис. 3, 8).

Последние два типа орнаментации, встреченные на Троице-Пеленицком городище, имеют аналогии в орнаменте на керамике позднедьяковских городищ (Барвихинское городище)¹.

Тринадцатая группа сосудов представлена только одним обломком с остатком узора в виде кружков. В. А. Городцов отмечает на Каширском городище наличие инструмента для нанесения подобного узора (рис. 3, 1).

Из глины делали также бусы, круглые, без орнамента, известные среди находок с Чардымского городища, и так называемые «лепешечки» — предметы, грубо слепленные из глины, неопределенного назначения, которые найдены в сравнительно небольшом количестве на городищах саратовской группы — Алексеевском и Чардымском; находимые близ очагов, они, повидимому, имели хозяйственное назначение (служили крышками для маленьких сосудов), а может быть культовое. Близ очага Алексеевского городища был найден сосуд маленького размера и подобная «лепешечка».

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДИЩ «РОГОЖНОЙ» КЕРАМИКИ С СОСЕДНИМИ ПЛЕМЕНАМИ

Взаимоотношения со скифами и сарматами

Городецкие племена не жили совершенно обособленно от соседних племен. Обитатели городищ «рогожной» керамики, как о том свидетельствует археологический материал, имели сношения с соседями и были связаны с племенами дьяковской культуры, причем ее элементы отчетливее выявляются в материалах с городищ рязанского течения р. Оки, чем с городищ поволжских, а также с племенами степными, скифо-сарматскими, причем здесь наблюдается обратное: элементы скифо-сарматские отчетливее проявляются в материалах с городищ приволжских и в меньшей степени с окских. Эти сношения со степным югом прослеживаются уже очень рано — в VII—VI веках до н. э. — и становятся еще более заметными в сарматское время.

Об этих связях племен лесной полосы и племен степных и о находках отдельных вещей южного происхождения в пределах городищ «рогожной» керамики имеется довольно много сведений в литературе. Высказывались даже предположения, что городища Чардымское, Алексеевское и другие, расположенные близ Саратова, могли быть скифо-сарматскими укреплениями.

Однако, расположенные на самой границе с кочевым степным миром, эти городища в целом дают совершенно иной материал, иной облик культуры и принципиально не отличаются от городищ более северных или окских, с которыми составляют единую культурную общность. А отдельные общие элементы в материальной культуре городищ «рогожной» керамики и скифских или сарматских памятников могут быть объяснены взаимным воздействием.

¹ Собрание ГИМ.

В области, занятой городищами рогожной керамики, известен ряд находок южного происхождения, например римский шлем, найденный близ Хвалынского, по типу близкий к шлему, найденному Н. И. Веселовским на Кубани; римская кастрюля, удила, клад золотых спиральных браслетов, относящихся еще к скифскому времени. На находку монеты Филиппа Македонского в этих районах, так же как и на найденную на Троице-Пеленицком городище боспорскую монету III века, указывал В. А. Городцов^{1,2}. Неоднократно упоминаются в литературе находки римских монет II—III веков, равно как и более поздних. На Тамбовщине также можно отметить ряд находок скифо-сарматского времени; сюда, например, относятся хранящийся в Моршанском музее скифский котел³ и скифского типа кинжал, найденный в окрестностях г. Вольска, близ Саратова⁴.

А. А. Спицын в своей статье «Саратовские древности»⁵, говоря о проникновении сарматской культуры в область лесной полосы, намечает и путь этого проникновения — из прикавказских степей по ергеням и Дону.

Этого вопроса касались разные авторы на страницах «Трудов саратовской ученой архивной комиссии», считая наиболее вероятным путь донской⁶. Повидимому, нельзя не принимать в расчет и путь волжский, тем более что ряд находок говорит в его пользу. Так, известны находки ольвийских монет в Астрахани, греческих свинцовых пломб V века на Терновском городище и ряд находок в нижних слоях золотоордынских городов. Повидимому, эти вещи греческого или римского происхождения попадали сюда через посредство скифских, а позднее сарматских племен.

Из вещевого материала, найденного на интересующих нас городищах Поволжья и Оки, не представляет труда выделить категории предметов, близких к скифским и сарматским. В ряде случаев типы имеющих в нашем распоряжении вещей восходят к VII—VI векам до н. э.

Особенно любопытен в этом отношении керамический материал. В городищах «рогожной» керамики, наряду с керамикой «рогожной», имеется многочисленная группа сосудов грубой ручной работы в форме горшка с несколько отогнутым краем и в разной степени выпуклыми боками. Вдоль края сосуды этой группы украшены зашипами или нарезками и рядом сквозных отверстий, расположенных параллельно краю. Керамику этого рода — и целую и в обломках — мы встречаем на поволжских городищах — Алексеевском, Ахматском, Березниковском, Таганском, Чардымском, Вольском и на городищах приокских — Львовском, Троице-Пеленицком, Вышгородском.

Сходные экземпляры имеются из раскопок В. А. Городцова на Бельском городище на Украине. Подобную керамику дают памятники скифского времени на Северном Кавказе, например Нестеровское поселение и могильник, для более позднего времени — могильники Поволжья I века до н. э. — III века н. э. Впрочем, в отношении формы сосуды этого

¹ В. А. Городцов. Бытовая археология. М., 1910, стр. 371—385.

² В. А. Городцов. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища 1926 г. Рязань, 1930, стр. 3.

³ Сведения, любезно сообщенные мне проф. А. П. Смирновым.

⁴ ГИМ, № 43888.

А. А. Спицын. Саратовские древности. Прибавл. к вып. 29, 1912.

А. А. Кротков, С. И. Щеглов. Вторая поездка в с. Чардым Саратовского уезда. Саратов, 1911, вып. 28, стр. 43—49; А. А. Кротков. О памятниках старины Саратовской губернии, вып. 29, 1912, стр. 157—166.

времени близки к типу скифских горшков. Повидимому, этот мотив орнаментации, возникший в скифское время, жил долго.

В городищах «рогожной» керамики подобные изделия довольно многочисленны и если в поволжских городищах хронологически они не поддаются выделению, то в городищах окских мы их встречаем в комплексах более поздних (городища Троице-Пеленицкое, Вышгород, Карцевское).

Интересно, что эти мотивы орнаментации, свойственные памятникам скифским, были перенесены на керамику «рогожную». Сосуды с поверхностью, покрытой «рогожным» орнаментом, имеют часто и форму, близкую к форме горшка скифского типа, и край, орнаментированный нарезками и рядом сквозных отверстий. Обломки сосудов с орнаментами этого рода мы встречаем на городищах Алексеевском, Вольском, Танавском, Городецком и других по рр. Оке и Волге.

Близки к сосудам, встречающимся в областях, занятых скифами, изделия типа корчаг. Обломки их мы встречаем среди находок на городищах Вольском и Танавском. Эти сосуды чрезвычайно близки по форме к сосудам в комплексах скифского времени на Северном Кавказе (на Нестеровском поселении близ г. Грозного¹, в Моздокском могильнике²). Сходные экземпляры имеются также из раскопок И. А. Зарецкого в бывшей Харьковской губернии (с. Опишлянка, курган № 13)³, в раскопках С. А. Мазараки в Аксютинцах (курган № 3) и др.

Обращает на себя внимание также группа сосудов со сквозными отверстиями, но расположенными не вдоль края, а по поверхности. Эта группа сосудов особенно многочисленна в городищах поволжских. Назначение отверстий неясно. Сосуды, покрытые отверстиями, имеются в упомянутых уже комплексах Северного Кавказа.

Кроме того, К. Ф. Смирнов указал нам на имеющиеся (правда, небольшого размера) сосуды из могильников Поволжья, относящиеся к сарматскому времени, причем тогда они использовались, повидимому, в качестве курильниц.

На ряде городищ Волги и Оки встречается еще одна любопытная группа сосудов с поверхностью, покрытой лощением черного и светлокоричневого цвета. Обломков сосудов этого рода немного. На городищах поволжских — Алексеевском, Ахматском, Березниковском — они встречаются в очень небольшом количестве. На городищах приокских их больше, особенно в верхних слоях таких городищ, как Троице-Пеленицкое и Вышгородское. Это последнее обстоятельство указывает на дату этих городищ и на связи с более южными областями.

Из других керамических поделок, которые возможно сопоставить с изделиями юга, обращают на себя внимание грузила пирамидальной формы. Подобной формы грузила обычны в городищах «рогожной» керамики. Они имеются на Ахматском, Березниковском и Чардымском городищах; на Троице-Пеленицком, так же как и на Городецком, подобные грузила, рано появившись, бытуют очень долго, встречаясь в более поздних комплексах, например на Троице-Пеленицком городище. Подобные грузила встречаем повсюду на юге, в Причерноморье, в Поволжье же — в сарматских погребениях римского времени.

¹ ГИМ, № 80802.

² А. А. Иессен   Б. Б. Пиотровский. Моздокский могильник. Л., 1940, табл. VII и VIII.

³ ГИМ, № 17464.

К изделиям, повидимому, привезенным с юго-востока можно отнести некоторые из пряслиц, особенно пряслица округло-пирамидальные. Они встречаются в сарматских погребениях в Заволжье, например в с. Харьковке, в комплексах первых веков нашей эры¹. Пряслица были найдены на Алексеевском и Чардымском городищах. При этом особенно любопытны пряслица с Чардымского городища; они очень разнообразны по форме: одни из них круглые, другие кажутся сходными с маленькими сосудиками и т. п.

Обращает на себя внимание сходство этих изделий с пряслицами, найденными на Юхновском городище на Десне, давшем ряд находок скифского времени². Некоторые из поделок этого рода, найденные на Юхновском городище, имеют узоры из линий и черточек, причем сходные узоры мы имеем на предметах этого же времени и из других мест, как, например, на сосуде, орнаментированном узором в виде елочек, из раскопок³ в Заволжье. Сходный мотив имеется на пряслице Каширского городища. Аналогично этому узору мы найдем в орнаментации сосудов раннесарматских курганов Поволжья (раскопки 1924 г.), а также на костяной поделке в виде топорика из Троице-Пеленицкого городища⁴.

Вообще сарматские курганы Заволжья дают много таких же форм пряслиц, как и городища «рогожной» керамики.

Необходимо сказать несколько слов о так называемых «рогатых» кирпичах — предметах, распространенных в одних районах и не встречающихся в других.

В пределах собственно Скифии «рогатые» кирпичи — прямоугольные, с двумя выступами по краям и сквозным отверстием в середине — не встречаются, но обнаружены в комплексах скифского времени на Северном Кавказе. Они найдены Е. И. Крупновым в Нестеровском могильнике⁵, где связь их с погребальным культом несомненна, в песках близ с. Божиган, экспедицией Е. И. Крупнова 1948 г. в Долинском поселении близ Налчика и в других пунктах Кавказа. Б. А. Куфтин отмечает связь их с очажными комплексами⁶. В. А. Городцов указывает на наличие их на городищах Кубани. В поволжской группе городищ «рогожной» керамики «рогатые» кирпичи, повидимому, не бытовали, в городищах же приокских они есть, как и в соседнем районе — районе дьяковской культуры.

Что касается других предметов, то еще В. А. Городцов отмечал сходство в типе железных ножей из городищ «рогожной» керамики и скифских⁷.

Некоторые параллели в этом отношении можно провести также и в отношении изделий из кости. Сходство костяных наконечников стрел, найденных на Каширском городище, со скифскими VII века отмечалось еще В. А. Городцовым. Аналогичный найденному на Каширском городи-

¹ Фонды ГИМ.

² То же.

³ Альбом к диссертации К. Ф. Смирнова. «Памятники сарматской культуры». табл. XXXII, № 26.

⁴ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований Троице-Пеленицкого городища-холмища. Рязань, 1930, табл. II.

⁵ ГИМ, № 82199.

⁶ Б. А. Куфтин. К проблеме неолита внутренней Картлии и юга Осетии. Вестник Гос. музея Грузии, т. XIV, 1947, стр. 67—80.

⁷ В. А. Городцов. Старшее Каширское городище. ГАИМК, вып. 85, 1933, стр. 14.

ще «однокрылый» наконечник стрелы был найден В. А. Городцовым на Городецком городище. Эта интересная находка свидетельствует и о времени существования городища, с одной стороны, и о связях со скифским югом — с другой.

На эти же связи указывает и костяной трехгранный наконечник стрелы Алексеевского городища.

Ряд общих черт в материальной культуре городищ «рогожной» керамики и в культуре скифо-сарматских племен может объясняться взаимными связями этих племен, тем более, что области обеих культур граничили друг с другом и лишь Волга отделяла городища саратовские от могильников Заволжья (у с. Харьковка и др.)

Меньшее количество таких общих черт с материальной культурой скифо-сарматских племен на окских городищах, особенно для скифского времени, находит себе объяснение в большей удаленности этих районов от границ степи и от путей сообщения этого времени.

Говорить об обратном воздействии культуры племен «рогожной» керамики на степные культуры пока нет данных, за исключением одного случая: в одном из сарматских погребений Заволжья был найден сосуд, покрытый выпуклыми прямоугольниками¹. Может быть, в этом узоре можно видеть заимствование мотива орнаментации от «рогожной» керамики лесных районов.

Взаимоотношения с племенами дьяковской культуры

Обитатели городецких городищ имели тесные связи с племенами дьяковской культуры, с которыми они соприкасались с запада. Несомненно, что однородными условиями быта объясняется свойственный тем и другим ряд общих черт.

Таковыми чертами были сходное расположение городищ на мысах по берегам рек, некоторое сходство в системе укреплений, окружение городища тыном (имевшее, впрочем, место в то время у различных народов), типы жилых сооружений.

Характер этих явлений, взятых в отдельности, общие мотивы в материальной культуре, в частности в орнаментации и технике выделки различных изделий, могут найти объяснение в существовании, повидимому, довольно оживленных взаимосвязей племен, населявших эти две культурные области.

Однако, несмотря на то, что общие черты роднят эти две культурные области, ряд местных оригинальных явлений четко разграничивает их на две самостоятельные культуры, хотя до последнего времени ряд исследователей рассматривали городецкую культуру как вариант дьяковской.

Повидимому, племена и городецкой и дьяковской культур находились на одном уровне экономического развития и отсюда то общее, что имеется в быту и культуре этих племен. Нельзя также не учитывать того, что рязанские городища, имевшие наибольшее количество общих черт с дьяковскими городищами, занимали пограничное положение между двумя культурами. Это косвенно подтверждается тем, что общих черт, в том числе типичной сетчатой керамики, больше всего на городецких городищах по р. Оке, непосредственно граничащих с городищами племен дьяковской культуры, и очень мало в более отдаленных городищах поволжских, что было бы необъяснимо, если бы мы рассматривали эти две большие самостоятельные культурные области как нечто единое.

¹ К. Ф. Смирнов. Альбом диссертации.

Что же общего и отличного имеют эти две культуры по археологическим данным?

Прежде всего общим будет наличие на городищах городецких, наряду с керамикой «рогожной», керамики сетчатой, обычно считающейся характерной для городищ дьяковского типа. Но границы распространения сетчатой керамики гораздо шире, чем территория распространения дьяковской культуры. Этот мотив орнаментации, возникший в предшествующий период и встречающийся в неолитических комплексах¹, является широко распространенным и в последующее время. Сосуды с поверхностями, покрытыми узорами, напоминающими отпечатки сеток, мы находим в разных местах — и на севере и на юге (например, на Кавказе)². Большое количество обломков керамики с сетчатым орнаментом на городецких городищах р. Оки (рязанская группа), возможно, указывает на знакомство с этим орнаментом через посредство племен дьяковской культуры. Но мысль украшать свою посуду подобием отпечатков рогож, сеток и тканей была рождена в недрах предшествующего периода.

Распространенная главным образом в окских городищах, посуда этого типа часто имеет формы, близкие к форме дьяковской керамики. Однако на волжских городищах сосуды с сетчатым орнаментом обычно имеют местные формы, восходящие еще к образцам срубного времени.

В общем сосуды с сетчатым орнаментом на территории, занятой городецкой культурой, в разном количестве встречаются на р. Оке и в Поволжье.

Но, так же как и в дьяковских городищах, этот сетчатый орнамент в городецких городищах неоднороден. Повсюду встречается то крупная, то мелкая сетка; как и в дьяковских городищах, различны формы сеточных ячеек и расположение орнамента, то сплошь покрывающего сосуд, то отдельными участками.

Сетчатый узор встречается также в сочетании с другими видами орнамента, например с ямками, сквозными отверстиями и т. п. Нередко сетчатый узор покрывает сосуд целиком, включая самый обрез его, иногда покрывая днище внутри сосуда.

Надо, однако, отметить, что керамики с характерным для городецких городищ «рогожным» орнаментом на дьяковских городищах не бывает, за исключением немногих случаев. Так, например, среди обломков сосудов с Барвихинского городища имеется один маленький обломок с узором, чрезвычайно напоминающим «рогожный». Несколько таких фрагментов есть в коллекции с Каширского городища³.

Помимо сетчатого орнамента, на сосудах дьяковских городищ имеются узоры в виде ямок и углублений, круглых или фигурных, расположенных в разных сочетаниях, нередко вместе с полосами веревочного орнамента. Эти типы узоров, встречающиеся в поздних слоях Дьякова городища, на Барвихинском городище и других, также имеют аналогии в наиболее поздних городецких городищах. Так, мы находим их, например, среди керамики Троице-Пеленицкого городища, на поволжских же городищах подобные узоры совершенно отсутствуют.

Что касается лощеной керамики, которой довольно много в рязанских городищах и очень мало в поволжских, то, как нам кажется, здесь

¹ М. Е. Ф о с с. Неолитические культуры севера европ. части СССР С А, т. IX, 1947, стр. 29—45.

² Б. А. К у ф т и н. Указ. соч.

³ ГИМ, № 61876.

дело обстоит сложнее. Встречаясь в довольно большом количестве на поздних городищах этой культуры — на Троице-Пеленицком и Вышгородском, — она имеет аналогии в поздних слоях дьяковских городищ (Дьяковское, Огубское, Барвиха и др.), а также в находках калужских из раскопок Н. И. Булычева. Черная и светлокоричневая, она однородна по типу лощения и по формам изделий.

В эту эпоху керамическое лощение является вообще широко распространенным. Лощение посуды мы встречаем в комплексах сарматских. Лощеная керамика известна и в культуре полей погребений. Некоторые виды керамики, например горшочков, мисок, позволяют сближать лощеную керамику позднедьяковских и городецких городищ с керамикой культуры полей погребения.

Не только орнаментация сосудов, но и мотивы узоров на некоторых других изделиях свойственны обоим культурам; например, прямые и волнистые линии, нанесенные техникой накола, в более сложных композициях напоминающие пунктир. Такие узоры мы видим на пряслицах Городецкого, Троице-Пеленицкого, некоторых поволжских городищ.

Много общих черт с изделиями дьяковских городищ имеют предметы из кости, более многочисленные в городищах рязанских и менее распространенные в Поволжье.

Так, многочисленные костяные поделки из Городецкого городища (долотца разных типов, проколки, шилья) чрезвычайно напоминают подобные же вещи из Каширского городища, а костяные орудия для нанесения орнамента на посуду аналогичны таковым дьяковских городищ (Огубского, Каширского).

Итак, ряд общих, чисто внешних черт роднит городища этих двух соседних культур: местоположение поселений, типы жилищ, характер размещения их на городищах, наличие свободного пространства на городищах Каширском, на городище в устье Сонохты и др., в ряде случаев наличие построек общественного характера, как на городище в устье Сонохты. Близки к дьяковским и сооружения культового характера — жертвенники, встречающиеся на ряде городецких городищ. Правда, сложенный из камня в виде большого круга жертвенник Алексеевского городища не имеет аналогий в дьяковских городищах, но жертвенники из глины, подобные исследованным В. А. Городцовым на Городецком городище и М. А. Радищевым на Хвалынском городище № 4, очень близки. Сходного типа глинобитные сооружения встречаем также на городищах Каширском (из более ранних), на городищах Топорок, Барвихинском, Дьяковском (из более поздних).

Взаимоотношения с племенами Прикамья

Взаимоотношения с племенами Прикамья прослеживаются ярко в северо-восточных областях и слабо, неубедительно в остальных районах. Находки керамики со шнуровым орнаментом, а также орнаментом в виде углублений (второго типа по В. В. Гольмстен) встречаются в большом количестве в городищах куйбышевской группы и позволяют говорить о связях этого района с областями Вятки и Камы. Много их также в городищах по Суре и Свияге, что интересно отметить в том случае, если последние, как это покажут дальнейшие исследования, окажутся относящимися к территории городецкой культуры.

Выше уже упоминалось о сходной планировке и особенно конструкции валов некоторых костеносных городищ и городищ рязанского тече-

ния р. Оки. Сходны треугольная форма мыса и небольшие кокошничкообразные валы, характерные для тех и других. Подобные кокошничкообразные валы мы встречаем и на городищах пензенско-тамбовских (Теньгушевское городище). Возможно, что в этом случае мы имеем дело с какой-то традицией, общей для ряда городищ рязанской группы и для прикамских городищ типа Пижемского.

Помимо этого, замечается сходство в типах костяных изделий городецких и прикамских городищ.

Так, наконечники стрел треугольной формы (например, из Троице-Пеленецкого городища), гарпуны (из Городецкого городища), костяные лопаточки (из Чардымского городища) по типам близки к подобным предметам, находимым на прикамских городищах¹, хотя между ними существует некоторое различие. Более близки городецкие костяные предметы к изделиям из кости с дьяковских городищ.

Из керамических поделок среди предметов из саратовской группы городищ имеется один обломок сосуда без орнамента, который по своей профилировке, по резко выступающему вперед плоскому валику напоминает соответствующие формы сосудов Прикамья (обломок этот происходит с Алексеевского городища).

Более определенно о связях с Прикамьем свидетельствует небольшая бронзовая округлая бляшка с двумя петельками с обратной стороны, напоминающая подобные бляхи Гляденовского кострища.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОРОДЕЦКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ ГРАНИЦЫ

Ранние слои городецких городищ

Городецкая культура сложилась на основе предшествовавших ей культур: в Поволжье — на основе культур позднесрубного времени, в районе Оки — на основе местных окских культур. Эта местная подоснова, повидимому, в значительной мере определила различия вариантов Городецкой культуры.

Более древние слои предшествующего периода мы обычно встречаем в качестве подстилающих слоев в городищах «рогожной» керамики. Слои с характернейшей керамикой срубного времени встречаются почти на всех городецких городищах саратовской группы и на многих хвалынских городищах. Слои с находками неолитического облика подстилают городища рязанской и пензенско-тамбовской групп.

Именно в эту более раннюю эпоху, предшествующую становлению городецкой культуры, зарождаются и складываются ее основные и характернейшие признаки. В эту эпоху заселяются, пока еще не укрепляясь, многие из тех пунктов, на которых позднее мы встречаем укрепленные городища. Для городищ саратовской группы характерно наличие этого древнего подстилающего слоя на всех городищах. На городищах хвалынских этот слой обнаружен на многих из них. На городищах рязанских, в том числе на Городецком, более древний слой занимал значительно большую площадь, чем позднейшее городище. К этому периоду сложения культуры относится, например, Ловецкое селище. Именно в эту эпоху зарождаются и появляются наиболее характерные формы и типичные орнаменты («рогожный»). Непрерывная последовательность слоев была прослежена в ряде случаев: для городищ саратовских — на Волы-

¹ МАВГР, т. I, табл. II и III.

ском городище, для городищ рязанских — на городищах, раскопанных В. А. Городцовым.

Следовательно, хронологическое соотношение слоев и времени существования городищ не вызывает сомнений. Повидимому, сложение городецкой культуры происходило в эпоху больших сдвигов в развитии общества и больших изменений в экономической жизни, приведших к необходимости замены существовавших до этого открытых селищ сначала открытыми поселениями на высоких и малодоступных местах, а затем укреплением их. Находки обломков сосудов с «рогожным» орнаментом под валами некоторых из городищ свидетельствуют о том, что укрепление этих городищ произошло вскоре после сложения городецкой культуры.

На раннем этапе городецкой культуры мы находим много фрагментов сосудов с орнаментом из рядов штампованных клеток, напоминающих позднейший «рогожный» орнамент; мы находим их в нижних слоях городищ, в открытых стоянках и в погребениях конца эпохи бронзы. В рязанской группе такие же образцы зарождающейся «рогожной» керамики дает Ловецкое селище. Повидимому, культура городецких племен складывалась на широкой местной основе на территории Оки и Поволжья.

То же самое можно проследить и в памятниках пензенско-тамбовской группы, несмотря на очень небольшое количество материалов, которыми мы располагаем в этом случае: образцы раннего «рогожного» орнамента мы встречаем наряду с более ранней керамикой на поселении на площади Крюковского могильника¹. Такой же процесс, повидимому, можно отметить и для куйбышевской группы городищ: образцы «рогожного» орнамента имеются среди находок в более ранних комплексах (например, селище близ г. Куйбышева).

Словом, процесс сложения городецких племен повсюду протекал одинаково в недрах предшествующего периода и на более широкой территории, чем область, занятая позднее городецкими племенами. В эпоху расцвета городецкой культуры находки «рогожной» керамики не выходят за Волгу, на ее левобережье; образцы же архаического «рогожного» орнамента можно встретить и там, например в Покровском кургане № 4, раскопанном И. В. Синицыным, а также под Куйбышевом. Обычно это обломки сосудов с узором, нанесенным гребенчатым штампом, в виде прямоугольников и квадратов, покрывающих поверхность сосуда то сплошь сверху донизу, то отдельными участками или полосами, иногда в разных направлениях. Мы встречаем этот орнамент среди находок с Хвалынского городища № 17, с городища Пименова гора, с острова Хорошева, со стоянки у д. Ивановка, с Танавского городища (нижние слои) и в других местах.

Мы встречаем также орнаментальные мотивы, характерные для эпохи поздней бронзы: всевозможные шнуровые и нарезные узоры в виде треугольников, пересекающихся и ломаных линий, с обычной для этого времени обработкой поверхности сосудов штрихами и бороздами. Подобные ранние слои мы имеем на городищах поволжских: Хвалынском № 17, Хвалынском № 3, Алексеевском, Вольском, Чардымском, Ахматском, Танавском; на городищах и стоянках пензенско-тамбовской группы — на Крюковском поселении. На рязанских городищах керамику раннего типа мы встречаем на Ловецком селище. На Городецком городище керамика нижнего слоя — типичная неолитическая, с ямочно-гребенчатым орнаментом.

¹ Фонды Моршанского музея.

Что касается хронологических рамок, то, относя конец эпохи бронзы к IX—VIII векам до н. э., мы должны, следовательно, считать это время временем сложения и оформления городецких племен.

Хронология городецких городищ

Хронологические рамки истории городецких племен охватывают время от VII века до н. э. до IV века н. э. Ранняя дата, как уже упоминалось выше, устанавливается на том основании, что нижние слои городецких городищ относятся к рубежу между эпохами бронзы и железа. Существование же городищ в VII—VI веках засвидетельствовано рядом характерных для того времени предметов, обнаруженных на этих городищах. К VII веку В. А. Городцов относил найденные им на Каширском городище костяные, однокрылые, скифского типа наконечники стрел. Аналогичный наконечник стрелы имеется среди находок на Городецком городище (рис. 2, 2). К VI веку относится найденный на Алексеевском городище костяной трехгранный наконечник стрелы, аналогичный скифским. На это же время указывает керамический материал в виде сосудов с защипами, нарезками, сквозными отверстиями вдоль края, аналогии которым имеются в скифских и других памятниках VI века (Бельское городище, Нестеровское поселение на Северном Кавказе, ряд сарматских погребений Заволжья).

Лощеная керамика в сочетании с формами сосудов, характерными для эпохи полей погребений, говорит о существовании городищ в первые века нашей эры. На это же время указывает железный наконечник стрелы римского типа с Теньгушевского городища. На конечную дату городецких городищ указывает найденная в Троице-Пеленицах боспорская монета Савромата IV (276 г.). Из других находок, имеющих аналогии среди находок в могильниках первых веков нашей эры, можно указать на подвеску в виде птички дубровического типа III века н. э., найденную на Троице-Пеленицком городище, на пряжку обычной для этого времени формы, прорезной колокольчик из Теньгушева и пряжку и бляху с Чардымского городища. Формы некоторых горшков вытянутых пропорций из Чардымского, Троице-Пеленицкого и Вышгородского городищ напоминают формы сосудов Борковского и Кошибеевского могильников.

На основании найденных материалов одни из городищ представляются существовавшими в течение почти всего периода городецкой культуры (городища Алексеевское, Ахматское, Березниковское, Чардымское), другие — более короткий срок.

Более древними городищами, существовавшими до нашей эры и имевшими позднейшего материала, являются Городецкое, Сысоевское, Рубцовское, Пименова гора, Хвалынское № 4, № 13, № 17.

Более поздними городищами надо считать Троице-Пеленицкое, Карцевское, Вышгородское, Львовское.

Карта и границы распространения городецкой культуры

О границах распространения городецкой культуры говорить трудно, так как этому препятствует недостаточная исследованность этой территории в археологическом отношении. Некоторые исследователи уделяли внимание этому вопросу (П. Н. Третьяков¹, А. П. Смирнов², и можно

¹ П. Н. Третьяков. Северные восточно-славянские племена. МИА, № 6, стр. 20 и сл.

² А. П. Смирнов. О возникновении государства волжских болгар. ВДИ, 1938, стр. 99—112.

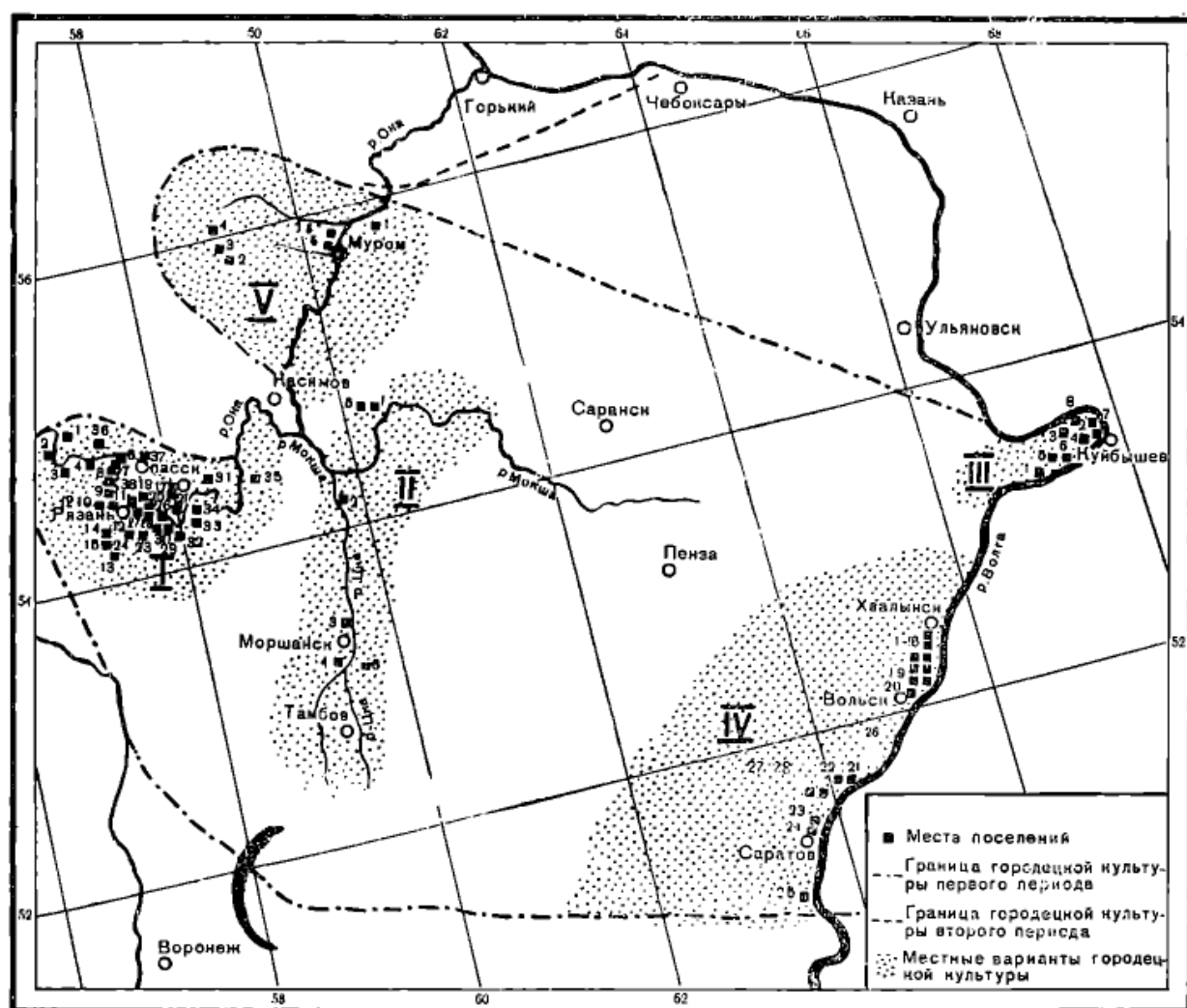

Рис. 4. Карта распространения городецкой культуры:

I — рязанская группа городищ; II — пензенско-тамбовская группа городищ; III — куйбышевская группа городищ; IV — саратовско-хвалынская группа городищ; V — муромская группа городищ

согласиться в основном с очерченной П. Н. Третьяковым территорией городецкой культуры, хотя надо учитывать, что эти границы не оставались неизменными в течение всего периода ее существования.

Непрерывная цепь городищ по Оке от Белоомута (Ловецкое селище) до Касимова позволяет провести определенную границу на этом участке; на основании имеющегося в Муромском музее материала с Кондраковского городища эту границу можно продолжить дальше по Оке до Мурома.

Самым неясным представляется северо-восточный угол этой территории в районе Казани и Чебоксар. В своей работе «О возникновении государства Волжских Болгар» А. П. Смирнов на прилагаемой карте границу городецкой культуры проводит выше Казани таким образом, что она почти достигает г. Горького. Повидимому, в поздний период своего существования племена городецкой культуры действительно занимали этот район, но утверждать, что и в первый период существования городецкой культуры эта территория была занята ею, при малой исследованности в этих местах памятников, затруднительно, хотя в ряде пунктов и были найдены обломки сосудов с «рогожным» орнаментом (см. карту). Они

имеются, например, в находках из нижних слоев Калугинского городища по нижнему течению р. Суры, Елховского городища близ г. Тетюш, в культурном слое на территории Тетюшского могильника¹. Но пока еще не ясно, имеем ли мы дело с еще одной местной группой городецких племен или просто с пограничным районом. Только специальные работы по исследованию городищ данного типа в этих местах могут пролить свет на этот вопрос.

Отсюда восточная граница городецких племен шла вниз по Волге до места, где ныне расположен г. Куйбышев, где памятники этого времени известны, а материал в виде керамики с «рогожным» орнаментом имеется в Куйбышевском музее; дальше мы имеем находки в районе городов Хвалынского и Саратова. Во всяком случае, здесь на всем протяжении восточная граница городецких племен шла по Волге, повидимому, почти нигде не выходя на ее левобережье. От Саратова, точнее Ахмата, находящегося несколько ниже Саратова, южная граница территории городецких племен шла в направлении Воронежа, где на площади самого города было найдено древнее поселение и среди керамики — более ранней — были найдены образцы, сходные с позднейшей «рогожной»². Имеются также сведения о находках «рогожной» керамики на Дону, в Костёнках. Возможно, что в этом случае мы имеем дело с поселением более ранним, относящимся к эпохе зарождения «рогожного» орнамента, аналогичным подобным поселениям в Заволжье, так как в эпоху городецкой культуры в этих местах мы уже встречаем памятники скифские. Западная граница городецкой культуры пролегла в направлении от современного Воронежа на Рязань, по линии водораздела Дона и Цны.

Конечно, в течение длительного существования городецких городищ границы этих племен не оставались неизменными. На отдельных участках можно иногда проследить эти изменения.

Так, для первых веков н. э. можно говорить о некотором продвижении на север сарматских племен, о чем свидетельствует наличие небольшого количества сарматских погребений близ г. Аткарска³.

Недостаточная исследованность памятников городецкой культуры не дает в настоящее время возможности ответить на все вопросы. На археологической карте городецкой культуры остаются белые места, и если известны городища по Цне и Мокше, то район между верховьями последней и Волгой остается пока неясным. Однако наличие здесь памятников типа городецких городищ является совершенно несомненным. На северо-западе и севере городецкая культура граничила с культурой дьяковской; на северо-востоке она сближалась с культурой прикамских племен; на востоке и юге — с миром кочевых племен.

Доклад Н. Ф. Калипина 20 ноября 1949 г. на археологической конференции в Музее Татарской Республики.

² Н. В. Валуйкинский. Разведки в Воронеже. СА, т. IV, 1937, стр. 308—312.

³ И. В. Синицын. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья. Сб. Нижневолжского краевого музея. Саратов, 1932, стр. 56—71

СПИСОК ПАМЯТНИКОВ ГОРОДЕЦКОГО ТИПА

I. Городища и селища рязанской группы

1. Ловецкое селище у д. Ловецкие выселки.
2. Городище Бастанова гора у д. Перевицкий Торжок.
3. Городище у д. Алпатьевской.
4. Городище у д. Вахино.
- 5—7. Городища у д. Новоселки.
8. Городище у д. Пудково.
9. Городище у д. Митино (Чортов угол).
- 10—11. Городища у с. Недостаево (Недостоево).
12. Городище у с. Конищево.
13. Городище у д. Дашково.
14. Городище Гора высокая у с. Семеновского.
15. Городище у д. Дьяконово.
16. Городище у д. Дядьково.
17. Городище у д. Новоселки.
18. Городище у д. Карцево.
19. Городище у с. Льгово.
20. Городище у с. Муромино.
21. Городище у с. Сумбилово (Сумбулово).
22. Городище у с. Глебово.
23. Городище у с. Глебово.
24. Городище у д. Новоселки.
25. Городище у с. Вышгород (Выжгород).
26. Городище у д. Гавердово.
27. Городище у д. Польное.
- 28—30. Городища у д. Половское.
31. Городище у с. Городец.
32. Городище у с. Тронца-Пеленица.
33. Городище у д. Никитинская.
34. Городище у с. Шатрище.
35. Городище Тырнинская слобода.
36. Селище Высокое у с. Кузминского.
37. Селище у д. Рычкова.
38. Селище Большие заводы у с. Солодча.
39. Селище Борки (?).
40. Городище «Седой холм» у с. Шилово.
41. Городище у д. Сысоево.
42. Городище у д. Подлесная слобода.

II. Городища и селища пензенско-тамбовской группы

- 43 (1). * Городище у д. Теньгушево.
- 44 (2). Городище у с. Чернеево.
- 45 (3). Поселение у д. Крюковой.
- 46 (4). Поселение у д. Красная поляна.
- 47 (5). Городище у с. Нароватово.
- 48 (6). Поселение у с. Елисавет-Михайловского.

III. Городища и селища куйбышевской группы

- 49 (1). Городище у с. Осинновка «Каменная коза».
- 50 (2). Городище у с. Подгоры на Белой горе.
- 51 (3). Городище у д. Маркваша на Лысой горе.
- 52 (4). Городище между сс. Шелехметью и Винновкой на Вислом камне.
- 53 (5). Городище у с. Сосновый Солонец.
- 54 (6). Селище близ с. Винновка на берегу оврага «Ближний Крутенький».
- 55 (7). Селище у с. Новинки на берегу р. Воложки.
- 56 (8). Селище близ с. Ширяево.

IV. Городища и селища саратовско-хвалынской группы

- 57—74 (1—18). Городища у г. Хвалынска.
- 75 (19). Городище «Лысая гора» у с. Алексеевка.
- 76 (20). Городище у г. Вольска.
- 77 (21). Городище у с. Березники.
- 78 (22). Городище у с. Чардым.
- 79 (23). Городище Танавское у оврага в устье р. Гусёлки.
- 80 (24). Городище у с. Алексеевское близ Саратова.
- 81 (25). Городище у с. Ахмат.
- 82 (26). Городище Пименова гора у с. Кошели.
- 83 (27). Городище 2-е Чардымское.

V. Городища и селища муромской группы

- 84 (1). Городище у д. Кондраково.
- 85 (2). Городище у д. Ознобишино.
- 86 (3). Городище у д. Карпово.
- 87 (4). Городище у д. Высоково.
- 88 (5). Городище у сл. Дмитриевской.
- 89 (6). Городище у д. Якимановской.

Номера, указанные в скобках, соответствуют номерам на карте.

А. В. УСПЕНСКАЯ

**КУРГАНЫ
ЮЖНОЙ
БЕЛОРУССИИ**

Х--ХІІІ веков

В последнее время в советской археологической науке все более ощущается необходимость изучения древнерусской деревни, без чего не может быть полностью разрешен целый ряд проблем, касающихся общественного и политического строя Древней Руси. В письменных источниках, в частности в древнерусских летописях, история деревни почти совсем не представлена, если не считать нескольких упоминаний о земледельческих работах, о сборах дани и т. п.

Основным источником для изучения древнерусской деревни является в настоящее время курганный материал. Всестороннее изучение курганных комплексов дает возможность осветить ряд вопросов, касающихся хозяйства, общественного строя и других сторон жизни деревни.

Настоящая статья посвящена систематизации и датировке археологического материала из курганов дреговичей и выяснению особенностей погребального обряда в этих курганах. Дреговичи — одна из племенных групп восточного славянства — позднее явились одной из главных составных частей при образовании белорусского народа.

Автор «Повести временных лет», рассказывая о событиях IX столетия, перечисляет все известные ему славянские племена, населявшие Восточную Европу, в том числе и дреговичей: «а дружин седоша межю Припятью и Двиною, и нарекошася дреговичи»¹.

Первые раскопки курганов дреговичей с научной целью были произведены в 50-х гг. XIX века Н. Турбиным и Е. Тышкевичем. В течение нескольких лет в 90-х гг. прошлого века курганы дреговичей раскапывались В. З. Завитневичем, в общей сложности им раскопано в Минской губернии около 600 курганов. Опубликованные отчеты В. З. Завитневича являются основной литературой по данной теме. Фактическая сторона его работ довольно подробна и наиболее ценна. Теоретические выводы В. З. Завитневича имеют ряд ошибок. Будучи профессором Киевской духовной академии, он преклоняется перед всем византийским и все культурные достижения славян объясняет влиянием и заимствованием из Ви-

зантии¹ Отчеты белорусских археологов 20-х — начала 30-х гг., опубликованные в «Працах катэдры археолёгіі Беларускай Акадэміі Навук», содержащие ценный материал, к сожалению, слишком кратки; серьезным недостатком их является также отсутствие исторических выводов, вытекающих из археологического материала.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Многочисленные курганы, городища и селища, сохранившиеся в большом количестве на территории Белоруссии, свидетельствуют о значительной ее населенности в период сложения древнерусского государства. Курганы располагаются группами — могильниками, насчитывающими обычно от 30 до 100 насыпей. Они, как правило, насыпались на возвышенных красивых местах, на берегах рек. Различие в численности и размерах курганных кладбищ свидетельствует о различии в характере поселений, которым эти кладбища принадлежали. В Бобруйском, Минском и Приднепровском районах Белоруссии могильники значительны по числу насыпей и ближе расположены друг к другу, чем в Припятском Полесье, где сами природные условия оказали значительное влияние на плотность древнего населения: в условиях сильной заболоченности и обильного количества леса в этом районе, так же как и на севере, поселений было мало, и они были небольшими.

По внешней форме курганы неоднородны. Среди них встречаются и полушарные, и усеченно-конические, иногда четырехугольные. Форма последних обусловлена наличием прямоугольных срубов в них. Высота курганов в среднем 1—2 м, но иногда достигает 4 м. Диаметр основания 8—10 м.

Курганы по среднему течению Березины (бывш. Бобруйский и частично Борисовский уезды) отличаются наличием на вершине их впадин. О причине этого явления археологами и историками высказывались различные мнения. О. А. Турчинович в то время, когда курганы еще не раскапывались, утверждал, что покойники в них погребены в сидячем положении². Е. Р. Романов усматривал в этих впадинах следы деятельности кладовщиков³. В. З. Завитневич установил, что впадины на курганах связаны с наличием в них срубов-домовин, в которых погребались покойники: после того как потолок сруба сгнивал, происходил обвал земли на вершине кургана⁴.

Погребальный обряд является одним из многочисленных, пока не вполне изученных признаков, на основании которых по археологическому материалу можно проследить деление древних славян на отдельные племенные группы. Эволюция погребального обряда дреговичей в основных чертах совпадает с общей схемой смены погребальных обрядов у всех восточных славян, у которых в конце VIII и начале IX века, в период разложения первобытно-общинного строя и создания государства, коллек-

В. З. Завитневич. К вопросу о культурном влиянии Византии на быт русских славян курганного времени. Труды XII АС, т. I. М., 1905, стр. 109.

² О. А. Турчинович. Обзорение истории Белоруссии с древнейших времен. Спб., 1887, стр. 7.

³ Е. Р. Романов. Раскопки в Могилевской губернии. «Древности», т. XIII, вып. I, стр. 129.

⁴ В. З. Завитневич. Археологические разыскания в бассейне реки Березины. ОАК 1892 г., стр. 129.

тивные усыпальницы в виде домиков мертвых, длинных курганов, сопки заменяются индивидуальными погребениями в курганах, сначала с трупосожжениями, а затем с простыми захоронениями. Но погребальный обряд дреговичей усложняется при этом рядом дополнительных похоронных сооружений — срубы-домины, гробы, обертывание покойника или гроба берестой, подсыпка под покойника песка или золы, — редко встречающихся в курганах других районов.

Курганы южной Белоруссии по погребальному обряду можно разделить на две группы: курганы с трупосожжениями и курганы с труположениями. Среди тех и других намечаются отдельные типы.

В настоящее время трупосожжения известны на всей территории, которую занимали восточнославянские племена на грани I и II тысячелетий. Трупосожжения являются такой стадией погребальных обрядов, через которую прошли все славянские племена. Не случайно летописец подробно останавливается на описании обряда сожжения умерших у наших предков: «аще кто умряше, творяху тризну над нимъ, и по семь творяху кладу велику, и възложашуть и на кладу, мертвеца и сожъжаху, и посемь собравше кости вложашу в судину малу, и поставляху на столпе на путех, еже творять вятичи и ныне»¹.

Более подробное описание обряда трупосожжения приводится в трудах арабских авторов Ибн-Фадлана² и Ибн-Русте³.

Некоторые исследователи делят трупосожжения на полные и неполные. Критерием такого деления служит различная степень деформирования скелета. На материале курганов южной и центральной Белоруссии подобное деление провести едва ли возможно. Когда при сохранившемся костяке встречаются угли и зола, трудно бывает различить по отчетам, было ли то неполным трупосожжением или же то было обжиганием покойника в силу установившегося в качестве пережитка обряда при зарывании покойника в землю.

Трупосожжения бывают трех типов:

- 1) покойника сжигали на костре, который устраивался на горизонте, в том месте, над которым впоследствии насыпали курган;
- 2) костер, на котором сжигали покойника, раскладывался на насыпи, а не на материке; после сожжения покойника курган подсыпался вновь;
- 3) сожжение происходило где-то в стороне от кургана; в кургане находились лишь обожженные кости в сосуде или просто лежащие кучкой.

Первый тип наиболее часто встречается в курганах рассматриваемого района. Костер, на котором сжигался умерший, летописец называл «кладой великой». О величине костра можно судить по остаткам кострища. В некоторых курганах они состоят из большого количества угля, золы и обожженных костей и достигают толщины 50—70 см. Часто встречаются не сгоревшие до конца массивные обуглившиеся бревна.

В курганах № 23, 25 у д. Устье на поверхности материка оказались значительные кострища толщиной в 50—70 см, состоящие из чернозема с примесью большого количества угля и мелких пережженных костей. В кургане № 25 слой угля был обложен небольшими камнями со сле-

¹ «Повесть временных лет», т. 1, М., 1950, стр. 15.

А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах. СПб, 1870, стр. 111.

³ А. Я. Гаркави. Указ. соч., стр. 101

дами действия на них огня. Аналогичные случаи отмечены в курганах юго-восточной части Минской губернии у дд. Холмечь, Казаков Сад, Козлово Курганье.

В кургане № 14 у Нежаровских хуторов оказалось трупосожжение на горизонте: остатки крупных кусков обожженного дерева и жженные кости. Здесь же был найден гончарный горшок с клеймом.

Иногда в кургане остатки кострища и обожженные кости собраны в одну или две кучки, причем кости сложены в одной, а угли и зола в другой.

В кургане № 130—131 у д. Б. Ольса (раскопки В. З. Завитневича 1892 г.) на поверхности отчетливо сохранились следы кострищ. Они имели прямоугольную форму; одно — 3×3 м, другое — $4 \times 3,5$ м. Кости и крупные угли находились в одном месте.

В курганном погребении № 2 у Нежаровских хуторов, на кострище, в кучке собранных вместе кальцинированных костей, угля и золы, были найдены разбитый лепной сосуд и глиняное пряслице, орнаментированное треугольничками, составленными из трех ямок.

Около хутора Староселье (Борисовский район, раскопки 1929 г.), на кострище под курганом, на горизонте, были найдены остатки бронзовых вещей, пастовые бусы и лепная керамика.

Иногда в курганах, где кострище расположено на горизонте, пережженные кости вместе с мелкими углями помещались в насыпи кургана в сосуде или просто были положены кучкой. При таком погребении покойника, очевидно, сжигали на костре, затем собирали жженные кости, среди которых иногда попадали угольки, клали в сосуд и насыпали над ним курган. Сосуд помещали в насыпь, обычно ближе к вершине кургана. Такой обряд известен и Ибн-Русте, по словам которого, славяне по сожжении покойника на другой день «собирают пепел и кладут его в урну, которую затем ставят на холм»¹.

В трех курганах № 122, 123 около урочища Красный берег были найдены кальцинированные кости в верхней части насыпи кургана. В кургане № 122 на кострище была найдена медная прямоугольная бляшка с прорезью².

В кургане № 132 у д. Б. Ольса кострище было расположено на горизонте, а кости собраны в верхней части насыпи.

А. Н. Лявданский раскопал около д. Оздятичи четыре кургана с трупосожжениями. В насыпи курганов были обнаружены пережженные кости и угли, битые лепные сосуды и обожженные медные поясные пряжки. На горизонте во всех этих курганах открыты были массивные кострища.

Большой интерес представляют курганы, расположенные недалеко от правого берега Днепра, около г. Речицы, раскопанные В. З. Завитневичем в 1890 г. В своих отчетах исследователь утверждает, что здесь он встретился в насыпи курганов с остатками столбов, на которых были поставлены сосуды с сожженными костями и углями.

В насыпи двух курганов малейки-городищенской группы были обнаружены следы сгнивших столбов, поставленных вертикально. Начинаясь в верхних слоях насыпи, следы этих столбов заходят на 50—75 см

¹ А. Я. Гаркави. Указ соч., стр. 101.

² А. А. Спицын. Раскопки В. З. Завитневича 1892. Записки Археологического общества (ЗАО), т. X. СПб, 1898, стр. 328.

ниже уровня материка. Диаметр столба достигал 30—35 см. В одном кургане (№ 99) сохранились куски древесины — сосны, прослеженные в вертикальном направлении. Чаще от столбов сохранялись лишь круглые черные пятна, ясно видимые в песчаной насыпи кургана. Под курганами на поверхности материка были обнаружены кострища из угля и золы и мельчайших обожженных костей. В одном из этих курганов на кострище найден железный боевой топор — клевец.

В другом месте (Горки, возле д. Пашковки) в двух курганах на глубине 35—40 см были найдены разбитые глиняные лепные сосуды и около них груды обожженных костей. Здесь же, под этими вещами, В. З. Завитневич обнаружил следы деревянных столбов. Один столб начинался сразу же под скоплением жженных костей.

Аналогичные погребения пока еще не известны. Поэтому в настоящее время едва ли можно утверждать, были ли это действительно следы от столбов, связанных с погребальным ритуалом, или это могло быть случайным явлением.

Второй тип трупосожжений — с кострищами в насыпи — в курганах южной Белоруссии встречается значительно реже, чем первый.

Кострища в насыпи вместе с углями, золой и жжеными костями обнаружены на Березине около пос. Прибар в трех курганах¹. Здесь же были найдены обожженные бусы, бронзовые височные кольца и лепные сосуды. В курганах № 129 и 122 около д. Б. Ольса кострища с остатками пережженных костей оказались в насыпи курганов².

Третий тип трупосожжений, когда сожжение покойника происходило где-то на стороне, а в кургане находят лишь сожженные остатки, встретился только один раз.

В насыпях курганов с трупосожжениями часто встречаются следы погребального пира (стравы), поминок: обломки сосудов, кости животных. В кургане № 197 (д. Волосовичи)³ на материке было обнаружено кострище в виде крупных остатков обожженного дерева и мелких пережженных костей; а выше, в насыпи кургана, встречено было другое кострище с костями животных, черепками лепных сосудов и медной нагрудной пряжкой. В другом погребении⁴ остатки трупосожжения — угли и жженные кости собраны были вместе в северной стороне кургана, и здесь же были разбросаны обломки глиняного сосуда, сделанного на гончарном круге. В центре кургана, в яме, найдено много костей быка, свиньи, собаки, гуся и др. Под костями лежали куски сильно обожженной глины и березовая кора.

Курганы с трупосожжениями не составляют самостоятельных курганных групп. Трупосожжения известны из следующих населенных пунктов: Краснобережье, Устье, Б. Ольса, Волосовичи, Любоничи, Прибар, Староселье, Оздятичи, Точилице, Автюцевичи, пос. Нивки, Каменка, с. Новосад, Нежаровские хутора, Рычево, Огородники Иванские, Городзника, Лоев, Мохов, Козлово курганье, Пашковка, Холмечь, Казаков Сад, Заужелье, Яновка, Сверидовский Шлях, Черниковщина.

В перечисленных курганных группах среди погребений в раскопан-

¹ Працы катэды археалёгіі. т. II. Менск, 1930, стр. 512.

² Бобруйский уезд. Раскопки В. З. Завитневича 1892 г. ОАК 1892 г. М., 1894, стр. 135.

³ Там же, стр. 136.

⁴ Холмечь, курган № 131. См. В. З. Завитневич. Вторая археологическая экспедиция. Чтения в Об-ве Нестора-летописца, кн. 6. Киев, 1892, стр. 29.

ных курганах трупосожжений немного. В каждой курганной группе один, два, три кургана с трупосожжениями.

Лишь в двух могильниках — Ольсинском (восемь раскопанных курганов) и Краснобережском (шесть раскопанных курганов) — все курганы содержали трупосожжения.

При картографировании погребальных обрядов оказалось, что большее количество трупосожжений падает на районы, расположенные по течению Березины и по правому берегу Днепра. В остальных районах — Мозырском, Туровском, Слуцком, Минском — трупосожжения известны в меньшем количестве. Вещи в курганах с трупосожжениями встречаются довольно редко. При такой высокой температуре, которая требовалась для сожжения трупа (более 1000°), мало что могло сохраниться.

Наиболее частой находкой является керамика — глиняные сосуды (26 погребений). Большинство из них — лепленные от руки, без помощи гончарного круга, из грубой глины со значительными примесями. Обжиг неравномерный. Бросается в глаза простота форм сосудов, почти полное отсутствие орнаментации, относительная грубость материала. Венчик или совсем отсутствует (д. Рычево, курган № 7) или только намечается (Нежаровские хутора, курган № 13), форма почти баночная.

Только один раз с трупосожжением встречен гончарный сосуд¹. На кострище стоял сосуд с жжеными костями и бронзовым круглопроволочным разомкнутым браслетом. На днище сосуда клеймо в виде двух concentрических окружностей, вписанных одна в другую. Сосуд не орнаментирован.

Из других находок следует отметить прямоугольную медную бляшку-застежку с прорезью вкось (рис. 1, 1; Бобруйский уезд, курган № 122), глиняное биконическое пряслице, орнаментированное (рис. 1, 4; Нежаровские хутора, курган № 13), полутораоборотные серебряные височные кольца (Бобруйский уезд, курган № 131), круглопроволочный браслет (рис. 1, 5), поясные медные и железные лировидные пряжки (рис. 1, 3), медные нагрудные пряжки (рис. 1, 2), бусы — стеклянные синие, беломрамбические, посеребренные и зонные. Дважды найдены обожженные сердоликовые призматические бусы². Из оружия важна находка боевого железного топора-клевец с сильно вытянутой тыльной частью, превращенной в молот³.

Датировки курганов с трупосожжениями устанавливаются по анализу найденных вещей, хотя количество их невелико.

Лепная керамика имеет много аналогий в курганах с трупосожжениями из других районов и свидетельствует о большей их архаичности. Гончарный круг в Древней Руси появился в X веке, и лепная керамика датируется обычно IX — X веками. Среди лепных сосудов встречаются более древние формы, где венчик совершенно отсутствует. Сосуды цилиндрической формы, происходящие из курганов у д. Точилище⁴ (курган № 3) и из курганов около д. Рычево⁵, близки к сосудам поздней группы длинных курганов Псковщины и из нижнего горизонта Старой Ладogi⁶.

¹ Нежаровские хутора, курган № 14, раскопки 1929 г. Коллекции Ин-та истории Белорусск. Академии наук, 656/18.

² д. Курганы курган № 240; д. Прибар, курган № 2; ГИМ, № 24217

³ д. Козлово Курганье, курган № 75; ГИМ, № 24225.

⁴ Бывш. Борисовский уезд. Раскопки 1929 г

Близ м. Турова. Раскопки 1929 г

⁶ Я. В. Станкевич. Керамика нижнего горизонта Старой Ладogi. СА, № 12, стр. 190.

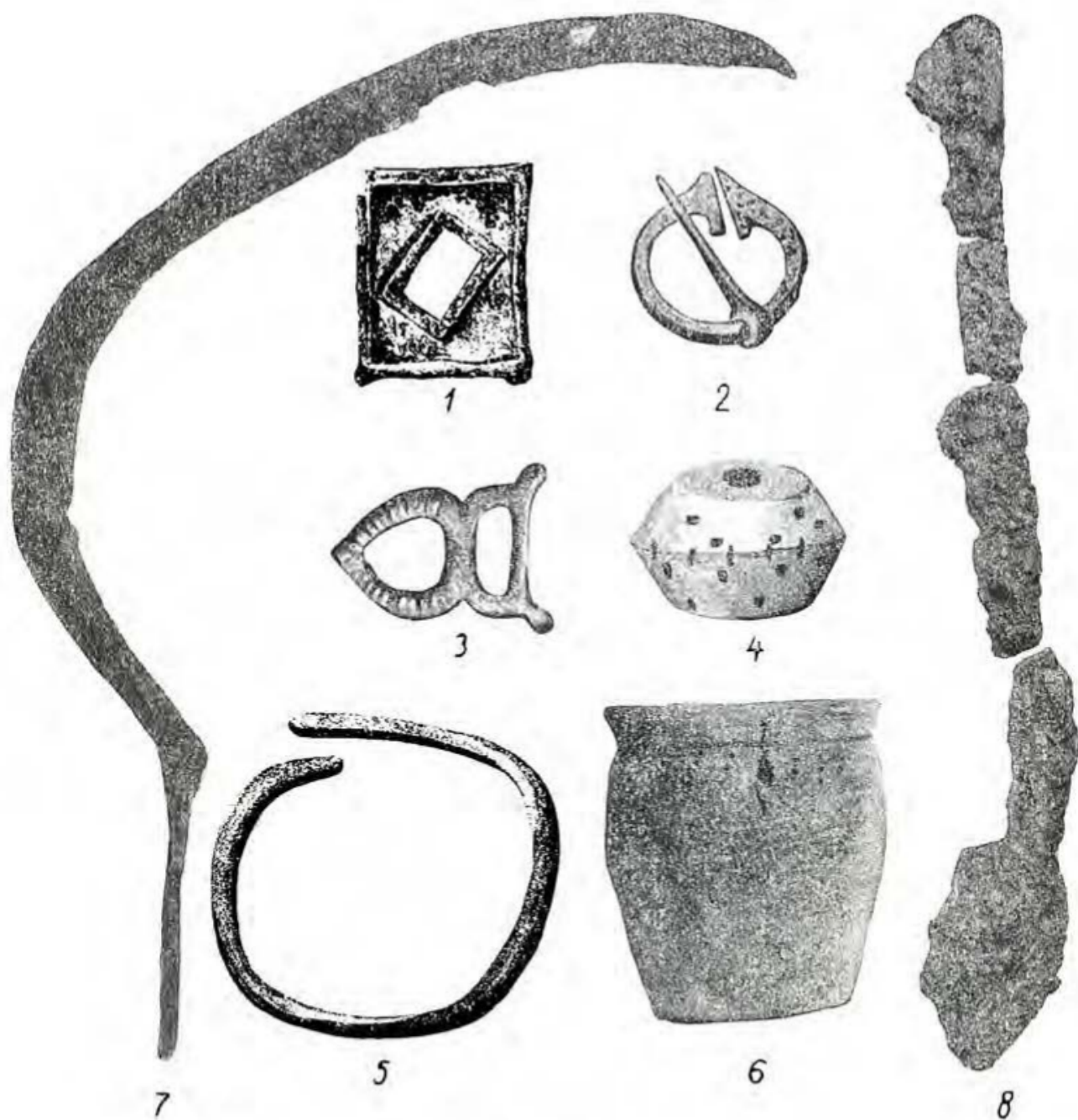

Рис. 1:

1, 2, 3, 4, 5, 6—вещи из курганов с трупосожжениями; 1—5 — $\frac{1}{5}$ нат. вел.; 6 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.; 7 — серп из женского погребения (д. Горки, курган № 22) — $\frac{1}{4}$ нат. вел.; 8 — пс-
ровидное сверло из мужского погребения (д. Уречье, курган № 1) — $\frac{1}{5}$ нат. вел.

Другие сосуды (д. Оздятичи, курганы № 3 и 4, д. Нежаровские хутора, курган № 13, м. Логойск, раскопки Е. Тышкевича и др.) имеют переходную форму, где появляется слегка отогнутый венчик (рис. 1, 6).

Другие вещи подтверждают датировку курганов с трупосожжениями X веком. Прямоугольная бляшка-застежка, найденная при раскопках кургана № 122 у Красного берега¹ (рис. 1), датируется IX и X веками. Она имеет близкие аналогии среди древностей из курганов с трупосожжениями близ Чернигова (Гульбище²), Гнездова³, из погребений под Десятинной церковью в Киеве (погребение № 2)⁴ и курганов южного Приладожья⁵.

Глиняное пряслице (Нежаровские хутора, курган № 13) было найдено вместе с лепным сосудом. Оно орнаментировано круглыми углублениями, расположенными треугольничками; по ребру нанесен орнамент в виде зашипок ногтем. Такие же пряслица были найдены в трупосожжении у д. Рудня, близ Полоцка⁶, а пряслица более грубой работы встречены при раскопках ранних белорусских городищ — Банцеровщины, Лабенщины, Оздятичи, — относящихся к VI—VIII векам. Б. А. Рыбаков считает, что глиняные пряслица в русских курганах встречаются не позднее VIII—X веков⁷.

Топор-клевец тоже является более древней формой по сравнению с боевыми славянскими топорами XI—XII веков.

Призматические сердоликовые бусы, найденные в курганах с трупосожжениями, датируются X веком⁸.

Наша датировка трупосожжений не противоречит общепринятому в советской археологии положению, что переход от обряда трупосожжения к захоронению покойников на всей территории восточных славян относится примерно к одному и тому же времени — к концу X века. Переход этот совершался постепенно, и длительное время оба обряда продолжали бытовать параллельно.

* * *

Курганы с трупоположениями по внешнему виду не отличаются от курганов с трупосожжениями. Типы таких курганов определяются положением костяка, которое может быть различно: 1) погребение на материке, 2) погребение выше материка — в насыпи кургана и 3) погребение в грунтовой яме.

Переходной стадией от обряда трупосожжения к простому захоронению является погребение покойника на поверхности земли, но при наличии следов обрядового огня, как необходимого атрибута погребального ритуала.

В XI веке обряд трупоположения распространяется повсеместно, но пережитки трупосожжения еще долго сохраняются.

Погребальный ритуал с пережитками обряда трупосожжения отличается значительным разнообразием, но всюду неизменно встречаются

¹ Бывш. Бобруйский уезд. Раскопки В. З. Завитневича 1892 г.; ГИМ, № 35127.

² ГИМ, № 86990.

³ ГИМ, № 42536.

⁴ Л. А. Голубева. Киевский некрополь. МИА, т. XI, стр. 105.

⁵ Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. МАР, № 18, табл. VI, стр. 24.

⁶ А. Н. Лявданский. Археологические доследы у Полацкай акрузе. Працы катэдр археалёгіі, т. II. Менск, 1930, стр. 194.

⁷ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948 стр. 194.

⁸ Б. А. Рыбаков. Указ. соч., стр. 177.

следы действия огня. Наиболее частым вариантом таких погребений у дреговичей являются погребения на так называемом огнище (пепелище) В. З. Завитневич называет пепелищем тонкий слой золы с примесью мелких частичек древесного угля, покрывающий площадь, на которой лежит покойник¹.

Иногда в огнище встречаются пережженные кости животных — остатки пищи, положенные с умершим во время погребения. Такие огнища могли остаться от костров, которые устраивали на месте, где будет положен покойник, так как земля под огнищем опалена. Но в некоторых случаях зола могла приноситься из другого места и подсыпаться под покойника или поверх него. На огнищах иногда также встречаются остатки крупных углей, как это бывает при трупосожжениях². Иногда следы огня встречаются у самой могильной ямы. В одном кургане площадка около ямы и дно ямы были покрыты слоем золы с мелкими угольками³. В курганах Бобруйского и Борисовского районов известен обряд обжигания гробов. Гроб с покойником обкладывался слоем березовой коры и зажигался. После того как гроб обугливался в большей или меньшей степени, его засыпали землей. В. З. Завитневич объясняет этот обряд желанием родичей покойника предохранить гроб от быстрого гниения и сырости. По всей вероятности, обжигание гробов является также своеобразной имитацией древнего трупосожжения. Сюда же относятся и случаи нахождения в курганах глиняных сосудов с углями. Такие находки известны в Минском (Петровщина и Рыловщина), Слуцком и Бобруйском районах. Один раз в кургане (Бобруйский район, курган № 185) в сосуде была найдена восковая свеча. В деревнях центральной Белоруссии до недавнего прошлого сохранился обычай выносить из дома за покойником горшок с углями из домашнего очага и бросать его в могилу после того, как опустят в нее покойника⁴. В некоторых хуторах южнее Минска в головах покойника зажигают пучок соломы⁵. Во время раскопок В. З. Завитневич встречал на кладбищах около Бобруйска большое количество глиняных сосудов и мисочек с углями, стоящих около могил.

Курганы с погребениями, в которых наблюдаются пережитки трупосожжений, встречаются на всей территории рассматриваемой области. Лишь в Мозырском районе они более редки.

Следующей ступенью погребального обряда дреговичей является погребение покойника на материке без таких пережиточных явлений. Эта форма погребального обряда является наиболее распространенной и часто сопровождалась дополнительными погребальными сооружениями (срубы, подсыпка из песка, гробы).

Курганы второго типа с погребениями в насыпи составляют незначительный процент раскопанных курганов. Такие погребения встречены всего два раза; одно из них вводное.

¹ В. З. Завитневич. Формы погребального обряда в курганах Минской губернии. Труды IX АС. М., 1895, стр. 227.

² В. З. Завитневич считал, что огнище остается от обжигания покойника березовой корой или деревянными стружками. В Бобруйском районе еще в конце XIX века сохранился обычай сжигания стружек от гроба на том месте, где изготовляли гроб. Возможно, что этот обряд имеет очень древнее происхождение.

³ Белая лужа, курган № 34. Раскопки В. З. Завитневича.

⁴ А. Сербан. Археологічнія раскопки у околицях Менску у 1925 г. Гістарычна-Археологічны Зборник, № 1, Менск, 1927.

⁵ В. З. Завитневич. Археологические разыскания бассейне р. Березины. ОАК 1892 г. М., 1894, стр. 148.

Наиболее многочисленны погребения в ямах в курганах Припятского Полесья. Здесь есть могильники, целиком содержащие такие погребения (д. Буклевка).

Глубина ям под такими курганами неодинакова: она колеблется от очень небольших углублений в 20—25 см до 1,5 м. Форма ям — прямоугольная, узкая и длинная, иногда с округлыми углами — близка к форме гроба. Следы гробов чаще всего встречены в курганах с погребениями в ямах. Известны случаи, когда ямы обмазывались известкой или обкладывались берестой (д. Микуличи). В одной курганной группе (д. Вирков) ямы под невысокими насыпями были обложены мелким булыжником.

Что касается положения костяков в курганах, то оно совпадает с общеславянской ориентировкой: костяк вытянут на спине головой на запад. Часто встречены небольшие отклонения, так как направление определялось на глаз и не всегда было точным; частично это объясняется погребением покойников в разное время года. Встречались и случаи обратного положения — головой на восток (мужские погребения). Известны погребения двойные мужские и женские, женские и детские. Тройное погребение встретилось один раз. Три покойника головой на запад лежали параллельно друг другу (Огородники Иванские, курган № 8).

Дополнительные погребальные сооружения и вспомогательные элементы захоронения в значительной степени различаются у всех славянских племен. Так называемые теремки, или срубы-домовины, наиболее известны по курганам дреговичей и древлян.

Устраивались ли какие-либо погребальные сооружения при сжигании покойников, проследить на археологическом материале невозможно. Обнаруженные при раскопке курганов кострища дают только приблизительное представление о величине погребального костра.

С появлением обряда трупоположений (сначала с пережитками трупосожжений, а затем и без них) эти дополнительные элементы занимают важную роль при погребении. Более или менее ясные следы срубов-домовин открыты в следующих курганных группах: Ясень, курганы № 27, 34, Устюж, курган № 67, Леневка, курган № 98, Любонищи, курган № 146, Старцы, курган № 185, Волосовичи, курган № 192-а, Мохов, курганы № 17, 25, Жуковец, Рыловщина.

Срубы сооружались над погребениями на материке. Иногда в них покойник лежал на огнище или на подсыпке из песка.

В. З. Завитневич помещает в отчете подробное описание этих сооружений¹. Они представляют собой сруб из одного или нескольких венцов бревен с двускатной крышей, спускающейся до земли. В кургане № 185

¹ «В одном кургане над гробом оказался деревянный сруб, форму которого на этот раз удалось восстановить с значительной точностью. Вот она. На поверхности земли на сильном огнище положено было 4 бревна, образовавшие квадрат, каждая сторона которого равна 3 арш. Посредине этого квадрата, в направлении с запада на восток, положена была доска, концы которой лежали на противоположных стенках этого однобрусчатого сруба, т. е. один конец лежал на западной стенке, а другой — на восточной. Эта доска служила дном гроба, продольные стенки которого состояли из двух вертикально поставленных досок, которые высоко поднимались над стенками сруба; высота их была не менее аршина. Верхние концы этих досок соединены были перекладиною, которая послужила основанием для верхней части крышки. Начиная с этой перекладины, крышка опускалась до северной и южной стенок сруба и доходила до самой земли. С восточной стороны крышка пушена была длиннее сруба на один аршин, так что вся длина крышки равнялась 4 аршинам» (В. З. Завитневич, ОАК 1892 г. М., 1894, стр. 33).

сруб состоял из нескольких венцов и был обложен березовой корой. Размеры его $2,65 \times 1,77$ м. В срубе лежал костяк в обычном направлении. У ног стоял глиняный горшок с углями и восковой свечой. В другом кургане (Любоничи, курган № 146) сруб-теремок сложен был из нескольких венцов бревен толщиной в 45 см. Размер $3,75 \times 1,35$ м.

У местного населения до XIX века сохранялся обычай строить домины, так называемые теремки над могилами умерших родичей¹. Мало отличаются от описанных срубы курганов Приднепровского района. В Моховском могильнике (курган № 17) сруб имел четырехугольную форму. По четырем углам сохранились ясные следы от столбов, к которым были прикреплены четыре стены, образующие прямоугольник площадью $3,5 \times 2,25$ м. Высота сруба достигала 0,8—0,85 м; сверху он был покрыт бревенчатым потолком².

В некоторых курганах деревянный сруб сжигался перед погребением³. Внутри погребальных срубов почти всегда встречаются следы от гробов. Инвентарь погребений ничем не отличается от обычных.

Почти одновременно с В. З. Завитневичем аналогичные срубы были открыты В. Б. Антоновичем в древлянской земле (дд. Буна, Ягнятин, Городок), которые в отличие от описанных представляли собой двускатную крышу без стен⁴.

В исторических источниках находим отрывочные сведения, говорящие о существовании у славян обычая строить сооружения на могилах умерших родичей. «Повесть временных лет» (1115 г.), говоря о перенесении мощей Бориса и Глеба, сообщает, что Владимир Мономах хотел их «поставить среде церкви и терем серебрен поставити над нима»...⁵.

Ипатьевская летопись (1175 г.), рассказывая о смерти князя А. Боголюбского, передает слова игумена Арсения: «и долго сему князю лежати? отомкнете божницу, до отпою надъ ним вложимы, любо си в буду, любо си в гроб»...⁶.

Корень слова «бдын», «буда» встречается и в настоящее время в белорусском языке в словах «буда», «будынок», «будка», обозначающих деревянную постройку. Летописное слово «буда», или «бдын», несомненно обозначало какое-то погребальное деревянное сооружение.

Происхождение курганных срубов специально никто не изучал. Вероятно, такие срубы, воспроизводящие в самых общих чертах в миниатюре тип славянского жилища, являлись позднейшими пережитками коллективных усыпальниц в виде домика мертвых, который был открыт П. Н. Третьяковым в 1935 г. на городище у д. Березняки (середина I тысячелетия н. э.)⁷.

В других районах (Верхняя Волга, Западная Двина, Волхов, Псковская обл.) погребальные обряды прослежены уже начиная с первых веков

¹ В. З. Завитневич сообщает, что в 1890 г. он видел много теремков на кладбище д. Ореховка Бобруйского уезда. Последние обычно состоят из четырехугольного, чаще квадратного, деревянного сруба в один или несколько венцов (до трех), покрытых дощатой двускатной крышей. ОАК 1892 г., стр. 151.

² В. З. Завитневич. Чтения в О-ве Нестора-летописца, VI. Киев, 1892, стр. 15.

³ Указание на это находим в отчете Е. Р. Романова (курганы у д. Кордон). ОАК 1905 г. М., 1908, стр. 79—80.

⁴ В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. МАР, № 11, 1893, стр. 6.

⁵ «Повесть временных лет», т. I. М.—Л., 1950, стр. 199.

⁶ Полное собр. русск. летописей (ПСРЛ), т. II. Ипатьевская летопись, стр. 115.

⁷ П. Н. Третьяков. К истории племен Верхнего Поволжья. МИА, т. V, стр. 87—88.

нашей эры. Работы П. Н. Третьякова, С. А. Таракановой, А. В. Арциховского устанавливают переход от родовых «домиков мертвых» (городище на р. Сонохте) и длинных курганов и сопок с коллективными трупосожжениями к насыпям с индивидуальными захоронениями.

В районах центральной и южной Белоруссии не обнаружено таких коллективных усыпальниц, относящихся к V—VIII векам. Разведками открыты в нескольких пунктах (среднее течение р. Случи, около д. Митяевичи, под Туровом Буйрезь, Казаргаць) поля погребений, но они до сих пор не изучены¹. Следы гробов в курганах дреговичей встречены довольно часто; указания на это находим в работах В. З. Завитневича, Е. Тышкевича, Н. П. Авенариуса и А. Н. Лявданского. Гробы помещались на поверхности земли, на подсыпке из песка, на огнище и в ямах. Иногда встречались деревянные доски или просто неопределенные следы дерева выше костяка или под ним. Часто они представляли собой колоды из досок. Устройство гроба проследил В. З. Завитневич на материале курганов бывш. Бобруйского уезда.

На поверхность земли или огнище клали покойника, с четырех сторон обкладывали его досками — двумя длинными продольными и двумя поперечными. Продольные выдавались вперед от поперечных. По четырем углам забивали в землю колышки для крепления стенок гроба или скрепляли стенки гроба зарубинами². В Мозырском, Слуцком, Речицком районах доски гроба скреплялись гвоздями, которые при раскопках встречаются в большом количестве. Над головой покойника помещалась доска. Неоднократно встречались гробы, обожженные берестой.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Характерной чертой погребального обряда всех славянских племен является захоронение покойника с вещами, которые якобы должны были сопровождать его в загробной жизни.

Наибольшее количество вещей дают захоронения на горизонте; погребения в ямах беднее. Мужские и женские погребения у дреговичей отличаются по характеру и количеству содержащегося при них погребального инвентаря. Мужские погребения беднее и содержат главным образом орудия труда, оружие, иногда бытовые вещи; украшения, за исключением поясных пряжек, почти совсем не встречаются. Некоторые категории вещей клались одинаково часто как при погребении мужчин, так и женщин, например керамические изделия, деревянные ведра, ножи, а из украшений — нагрудные пряжки.

Наиболее частой находкой в курганах Белорусского Полесья, так же как и во всех славянских могилах, является керамика. Она сохраняет значение необходимого элемента погребального ритуала при всех типах погребального обряда и встречается в мужских и женских погребениях. Приблизительно в половине раскопанных курганов дреговичей были найдены сосуды в целом или разбитом виде. Глиняные сосуды обычно ставились у ног, головы или с правой стороны покойника. Известны случаи, когда в погребения ставили два или три сосуда.

Большинство сосудов имело обрядовое значение, так как в них часто находят угли и золу (один раз восковую свечу)³. Иногда на дне сосуда

¹ Працы археалёгічнай камісіі Беларускай Акад. Навук, II. Менск, 1930, стр. 511, 340, 352.

² Е. Р. Романов. ОАК 1905 г. М., 1908, стр. 80.

Б. Ольса, курган № 185.

находят зерна злаков или следы сгнившей пищи. Предназначалась ли эта пища для покойника или же для совершения трапезы, сказать трудно.

О древнейшей лепной посуде говорилось выше. Сосуды, сделанные на гончарном круге, из хорошо отмученной глины, имеют более тонкий обжиг. Орнамент на них обычный, линейный и волнистый, реже ногтевой. На днищах горшков появляются клейма в виде концентрических окружностей, вписанных друг в друга, креста в колесе, круга с точкой в центре, круга, разделенного на три части¹. Имеются и более сложные клейма. Одно клеймо представляет собой сложную геометрическую фигуру из сплетения четырех квадратов. Другое представляет сочетание двух фигур, напоминающих трезубцы². Последние обращены основаниями друг к другу и расположены не симметрично по отношению к центру сосуда.

В могилу с покойником клали также и деревянную посуду. От нее сохранились лишь фрагменты в виде железных обручей, дужек, ушек и оковки. Наличие деревянных ведер в погребениях известно также у радимичей и древлян. Обыкновенно их находят у ног покойника. В материалах, хранящихся в Белорусском институте истории, сохранились точные измерения диаметра обручей, расстояний между ними, высоты ведра³.

Ведро имело форму усеченного конуса, расширяющегося книзу, так как нижний обруч большего диаметра. Высота таких ведер достигала 28 см. Средний диаметр 18,5 см, ширина обручей — 1 — 1,5 см. В одном кургане ведро было оковано серебряными пластинками; такая же пластина украшала дно ведра.

По характеру назначения все другие вещи из курганов можно разделить на несколько категорий: 1) орудия труда, 2) оружие, 3) предметы быта и 4) украшения.

Как и у всех восточнославянских племен, в курганах дреговичей мужские погребения беднее женских. Однако имеются исключения: некоторые мужские погребения содержат не только орудия труда и оружие, но и украшения: перстни, пряжки, пуговицы. У других племен украшения при мужских костях известны в курганах радимичей и кривичей.

Наиболее часто находили при раскопках погребений мужчин топоры. Лежат они обычно с правой стороны, у колен или ног покойника.

Топоры в Древней Руси имели двойное назначение: они были одним из наиболее важных сельскохозяйственных орудий и одновременно являлись распространенным видом вооружения древнерусского воина. Всего в курганах дреговичей найдено 15 топоров; большинство из них надо считать рабочими.

Ножи, одинаково часто находимые в мужских и женских погребениях, скорее должны быть отнесены к повседневным орудиям труда, чем к оружию. Ножи железные, рукоятки деревянные. Носились они у пояса, прикрепляясь к нему цепочками или ремешками. Найдены в 51 погребении.

Из других орудий труда следует отметить перовидное сверло по дереву (пёрка), найденное в кургане № 1 у д. Уречье (рис. 1, 8). Оно находилось на груди покойника. Аналогичное деревообрабатывающее орудие было найдено на Княжей горе под Киевом⁴.

¹ Нежаровские хутора, курган № 7. Коллекция Ин-та истории Белорусск. Академии наук, 654/15.

² Митяевичи, курган № 17. Там же, № 663/32.

³ Падзерские Огородники, курган № 1. Там же, № 656/4.

Коллекция Киевского исторического музея (зарисовки Л. А. Голубевой).

Оружие в курганах дреговичей встречается чаще, чем в других районах древнеславянского мира. Топоры боевые найдены в пяти погребениях.

К о п ь я найдены четыре раза, все они втульчатые. Среди них одно — сулица, употреблявшаяся как метательное оружие.

Стрелы, как и везде в Древней Руси, трехгранные, черешковые.

Уд и л а найдены в одном погребении. Они простые, железные.

Из предметов быта в мужских погребениях наиболее часто находят кресала.

К р е с а л а встречаются двух типов: калачеобразные и прямоугольные. Первый тип был распространен у всех славянских племен. Прямоугольные кресала более редки. При раскопках обычно кресала находят на груди покойника и у пояса. В одном погребении кресало находилось у правого бедра, в кожаном мешочке, который прикреплялся к поясу с помощью пряжки. В нем же находились кремь, сера и точильный брусочек — оселок.

Из других предметов следует отметить в е с ы (Микуличи, курган № 114). Сохранилось лишь бронзовое коромысло от маленьких весов, которые в Древней Руси служили для взвешивания монет.

Из украшений в мужских погребениях часто встречаются пряжки и поясные кольца.

П р я ж к и одного типа — сложные, лировидные, состоящие из двух частей: овального кольца, пересеченного язычком, и четырехугольного приемника для ремня. В большинстве они медные, язычок делался иногда железный. Аналогичные пряжки встречаются в курганах всех славянских племен.

П о я с н ы е к о л ь ц а встречаются по одному, по два и даже по три в погребении. Обычно находятся они на поясе; два раза они оказались у колен. Служили по аналогии с поздними пряжками (ср. Белореченские курганы) для расчленения пояса на несколько частей и для подвешивания к поясу на тонких ремешках ножей и мешочков с оселками, кресалами и другими предметами мужского быта. Кольца двух типов: круглые в поперечном сечении (бронзовые и железные) и плоские, образующие в поперечном сечении узкий прямоугольник. Последние обычно литые, бронзовые и орнаментированы на верхней наружной стороне.

Аналогии им имеются среди древностей северной Белоруссии, кривичей и древлян.

Несколько раз при мужских костяках оказались перстни, медные, круглопроволочные (Нежаровские хутора, курган № 7, Пашковка, курган № 84, Холмечь, курган № 124).

Инвентарь женских курганов более многочислен и разнообразен, но орудия труда здесь встречаются реже, чем в мужских погребениях.

С е р п ы являются одной из немногих категорий орудий труда, которые относительно часто встречаются в женских погребениях всех славянских племен, в том числе и дреговичей (рис. 1, 7).

А. В. Арциховский изучил большое количество серпов разных времен и районов методом аналитических уравнений и выделил несколько типов по характеру кривизны лезвия¹. В числе их оказался один серп из курганов южной Белоруссии².

¹ А. В. Арциховский. К методике изучения серпов. ТСА РАНИОН т. IV М., 1928.

ГИМ, № 35127.

Серп этот А. В. Арциховский отнес к типу так называемых днепровских, к группе железных, к отделу черешковых. Лезвие его по форме является частью эллиптической кривой.

В курганах южной Белоруссии серпы найдены шесть раз. Все они могут быть отнесены к эллиптическим днепровским.

Пряслица и веретена, часто находимые в женских погребениях, следует отнести также к орудиям труда. Пряслица сделаны из шифера и известняка. Один раз пряслице в погребение было положено вместе с деревянным веретеном¹, которое плохо сохранилось превратившись в труху. Здесь же были найдены, в составе ожерелья, три малых шиферных пряслица вместе с другими бусами.

Железные ножницы были найдены в одном погребении (Горожки, курган № 17). От них сохранилась лишь верхняя часть. Форма — обычная, распространенная в Древней Руси и напоминающая современные ножницы для стрижки овец.

Прежде чем перейти к типологическому анализу женских украшений, остановимся на материале, из которого они изготовлялись. Золото, редкое в славянских курганах, у дреговичей совсем не найдено. На некоторых бронзовых ложнозерненных подвесках сохранился легкий слой позолоты. Позолотой были покрыты и шарообразные привески с мелкой зернью из кургана № 123 у д. Комаровичи. Некоторые вещи из раскопок В. З. Завитневича, которые он в отчетах называет золотыми, при анализе оказались серебряными, позолоченными. Серебряные украшения в дреговических курганах встречаются нередко. Височные кольца в полтора оборота, которые считались медными, при химическом анализе оказались сделанными из чистого серебра. Ажурные и сплошные крупнозерненные бусы В. З. Завитневич считал медными. В действительности же после реставрации выяснилось, что они представляют красивое сочетание ярко-красного медного ажурного каркаса с напаянными на нем блестящими серебряными шариками.

При классификации украшений мы будем следовать типологии А. В. Арциховского.

Наиболее характерным украшением, свойственным всем славянским племенам, являются височные кольца. По внешнему контуру височные кольца из погребений дреговичей можно разделить на: 1) полутораоборотные, 2) браслетообразные, 3) перстнеобразные и 4) трехбусинные.

Среди проволочных височных колец наиболее многочисленными являются полутораоборотные. Такое их название может употребляться только условно, так как концы колец заходят друг за друга не наполовину, а иногда меньше, иногда больше. Полутораоборотные височные кольца делались из серебряной проволоки, из сплава серебра с оловом и медью и реже из меди. Размеры их неодинаковы; диаметр колеблется от 2 до 3 см, поперечное сечение проволоки 1,5—2 мм. Носились они на висках, по несколько штук с каждой стороны, иногда до двенадцати в одном погребении. Они служили для украшения прически, а не для скрепления волос. Об этом свидетельствует то, что вместе с ними находят часто перстнеобразные височные кольца, которые употреблялись, впрочем, и как перстни, так как их находят иногда на фалангах пальцев. А. А. Спи-

¹ Митяевичи, курганы № 1, 2, 12. Коллекции Ин-та истории Белорусск. Академии наук, № 663/3,859.

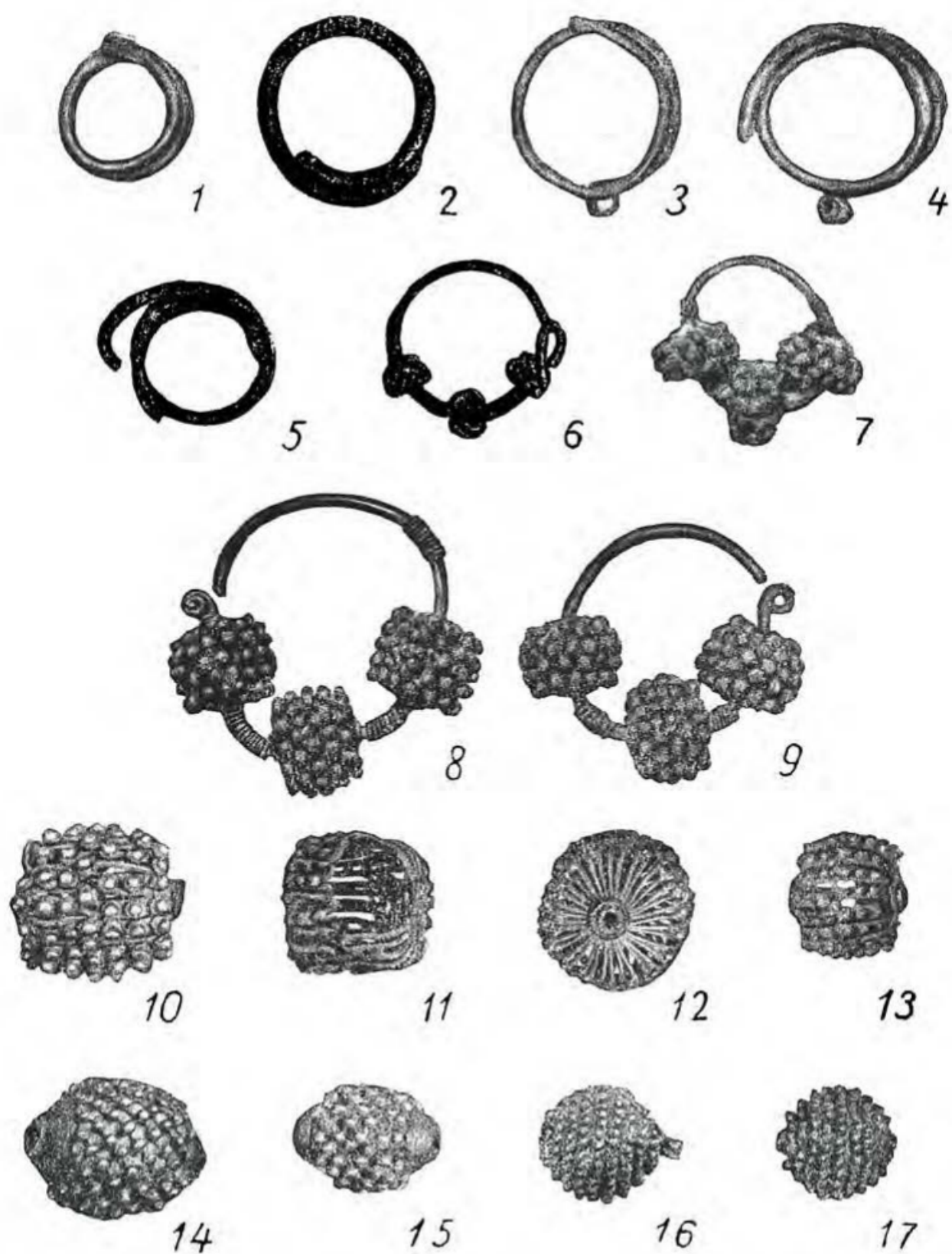

Рис. 2:

1—9 — височные кольца из курганов южной Белоруссии (нат. вел.); 10—17 — крупнозер-
ненные бусы из курганов южной Белоруссии ($\frac{4}{5}$ нат. вел.)

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА КУРГАНОВ ЮЖНОЙ БЕЛОРУССИИ

[illegible]

цып, А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков считают их характерными для племени дреговичей. Правда, распространение этих колец выходит за пределы расселения дреговичей; они встречаются также у древлян, радимичей, кривичей и северян. Но большинство таких колец известно из курганов дреговичей и из пограничных районов.

Полутораоборотные височные кольца делятся на три типа по характеру концов:

1) полутораоборотные простые. Они являются более распространенными, чем другие типы (рис. 2, 1—2). Находки их известны из 84 курганов;

2) полутораоборотные загнутоконечные (рис. 2, 3—4). Один конец таких колец расплюсчен и загнут маленьким кружочком вверх;

3) полутораоборотные с перегибом. Концы у них заходят друг за друга и, кроме того, один из них резко отогнут назад и направлен в противоположную сторону по окружности (рис. 2, 5).

Браслетообразные височные кольца у дреговичей редки и встречаются главным образом на границе с кривичами. Они двух типов: загнутоконечные и сомкнутые.

Перстнеобразные височные кольца одинаково часто встречаются у всех славянских племен наряду с другими кольцами, характерными для этого племени. У дреговичей они представлены тремя типами: 1) сомкнутые, 2) загнутоконечные и 3) эсоконечные с эсовидным завитком на одном из концов, характерные для всех славян.

Из других височных колец у дреговичей распространены трехбусинные. В археологии они называются киевскими, так как большое количество их найдено в киевских кладах. Известны они и из других районов. Дреговичские трехбусинные височные кольца отличаются от киевских ажурными крупнозерненными бусами, характерными и наиболее частыми в составе ожерелий в женских погребениях дреговичей. О способе ношения трехбусинных колец мало что известно. В одном кургане¹, где были найдены два трехбусинных височных кольца, в дужку одного из них было продето простое перстнеобразное, которое с помощью третьего маленького колечка было прикреплено к куску кожи. Кожа, как часть головного убора, неоднократно встречается около головы в женских погребениях, но фрагменты ее так малы, что по ним трудно сказать что-нибудь определенное о характере головного убора. Указания на то, что височные кольца укреплялись на голове с помощью кожаной ленты, имеются у П. Н. Третьякова².

А. В. Арциховский разделяет трехбусинные височные кольца на типы по характеру напускных бус³. В нашем районе встретилось два типа: ажурные крупнозерненные (найжены пятнадцать раз; рис. 2, 7, 8, 9) и узловатые (найжены три раза; рис. 2, 6).

Бусы у всех славянских племен являются многочисленным и наиболее излюбленным женским украшением. У дреговичей они разнообразны и по материалу и по формам. Ожерелья, состоящие только из одного или двух типов бус, встречаются редко. Обычным являлось сочетание металлических, стеклянных золоченых и сердоликовых бус различной величины и цвета. Нанизывались бусы на шнуры из ниток или тонкой проволоки.

¹ Комаровичи, курган № 129. Раскопки В. З. Завитневича 1889 г. Коллекции ГИМ. № 24141.

² П. Н. Третьяков. Костромские курганы. Л., 1931, стр. 14.

³ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, изд. РАНИОН. М., 1930, стр. 68

Шнуры найдены два раза в Логойске, в кургане № 4; шнур, на котором были нанизаны бусы, состоял из трех скрученных льняных ниток; сохранился кусок длиной 5 см; в Комаровичах, в кургане № 131, шнур был скручен из пяти льняных ниток. В Речицком районе между бусами встретились куски тонкой серебряной проволоки, на которую были нанизаны бусы. Иногда бусы употреблялись в качестве пуговиц (в мужских погребениях)¹.

Наиболее распространенными в курганах дреговичей являются бусы металлические, минского типа, или грубозерненные, муфтообразные, как их принято называть в археологической литературе. Ни тот ни другой термин не является исчерпывающим и не может быть принят. Минскими называть их можно лишь условно, так как ни одна такая буса не известна из раскопок в районе города Минска. Грубозерненными их назвать также нельзя, так как они совсем не грубы, а скорее изящны; правильнее было бы их называть крупнозерненными. Большинство этих бус А. А. Спицын считает серебряными², а В. З. Завитневич — медными³. Расчистка их и анализ дали неожиданный результат: оказалось, что основа бус сделана из чистой меди яркокрасного цвета, а шарики зерни, впаянные в колечки из тонкой медной же проволоки, серебряные. Такое сочетание различного материала создавало красивую игру красного и блестящего белого тонов. Эти крупнозерненные бусы делятся на три типа:

1. Крупнозерненные ажурные цилиндрические (рис. 2, 10, 11, 12, 13). Встречаются крупные бусы с диаметром до 22 мм и мелкие, диаметр которых не превышает 8 мм. Распространены во всей земле дреговичей. Найдены в 75 погребениях.

Аналогии этим бусам известны только в пограничных с дреговичами районах: у радимичей и древлян.

2. Крупнозерненные с филигранью, сплошные бочкообразные (рис. 2, 14, 15). Основу бусы составляет сплошная металлическая (медная) поверхность, на которой в колечках напаяны серебряные шарики. Величина бус достигает в продольном сечении 30 мм и в поперечном 25 мм; бывают и более мелкие; область распространения совпадает с зерненными ажурными. Найдены в 20 погребениях.

3. Сплошные шарообразные (рис. 2, 16, 17). Встречаются реже, чем два первых типа. Известны из 10 курганов.

Так как крупнозерненные бусы находятся повсеместно в районе, где, по описанию летописца, находились дреговичи, и их почти совсем нет в других областях древнеславянского мира, то А. А. Спицын, А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков считают их одним из наиболее определенных племенных признаков дреговичей. При просмотре коллекций ГИМ таких бус нам обнаружить нигде больше не удалось. Бусы, украшенные зернью, известны также в киевскихкладах, в Болгарах, на Черниговщине и в некоторых других районах, но они отличаются от крупнозерненных дреговичских бус техникой изготовления, формой и величиной зерни. О происхождении этих бус трудно что-либо сказать, но мнение В. З. Завитневича

¹ Заужелье, курган № 144. Коллекции ГИМ, № 24217.

² А. А. Спицын. Раскопки В. З. Завитневича в Минской губернии в 1892 г. Записки Русского археолог. об-ва (ЗРАО). т. X. Спб, 1898, стр. 326.

³ В. З. Завитневич. Археолог. экскурсия в Припятское Полесье. Чтения в Об-ве Нестора-летописца, кн. IV Киев, 1890, стр. 27

о том, что первые образцы этих бус были завезены сюда иностранными купцами¹, ничем не подтверждается.

Сердоликовые бусы, найденные в большом количестве, носились женщинами в ожерелье вместе с другими бусами. Они отличаются разнообразием форм. Два раза найдены сердоликовые бусы, украшенные белым орнаментом из кружочков и волнистых линий, опоясывающих бусы: форма одних бус бипирамидальная², других — шарообразная³. Такие бусы редки в славянских древностях. Они часто встречаются на Северном Кавказе, в Закавказье и Средней Азии. Г. Г. Леммлейн датирует их VI — X веками⁴. Техника нанесения названного выше орнамента известна на Древнем Востоке со II века. Указание на это находим у Бируни, который говорит, что этот орнамент наносился раствором поташа и нашатыря; при нагревании сердолика эти места становились белыми⁵.

Сердоликовые бусы представлены разнообразными типами.

Бипирамидальные одинаково часто находят во всех районах славянского мира.

Призматические семигранные и восьмигранные бусы встречаются у дреговичей значительно чаще, чем у других славянских племен (кривичей, радимичей, вятичей). Находки их известны в 16 погребениях. Два раза найдены в трупосожжениях.

Много раз были найдены бусы плитчатые со срезанными углами. У других славянских племен, кроме единичных находок у северян, радимичей и кривичей, они почти совсем не встречаются.

Из других сердоликовых бус известны шарообразные, многогранные и рыбовидные.

Хрустальные бусы встречаются редко, но по форме они очень разнообразны: бипирамидальные, многогранные, шаровидные, призматические. Овально-уплощенные бусы встречены только один раз.

Аметистовые бочонковидные уплощенные бусы встречены также только один раз.

Янтарные изделия и, в частности, бусы известны в малом количестве: бипирамидальные, шарообразные, битрапециодные.

Стеклянные бусы, распространенные во всех районах и во все эпохи, у славян особенно многочисленны и разнообразны. Цвет стекла значительно варьируется, но у дреговичей преобладают позолоченные, посеребренные, синие и в некоторой степени желтые и зеленые тона. Стеклянные позолоченные и посеребренные бусы делятся на два отдела: круглые и ребристые.

Круглые бусы имеют несколько типов:

1) бочкообразные позолоченные бусы; они считаются характерными для кривичей⁶, но часто встречаются и в курганах дреговичей — по несколько бус в погребении; район распространения их не является пограничным с районом кривичей, а охватывает всю территорию

¹ В. З. Завитневич. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье. Чтения в Об-ве Нестора-летописца, кн. VI. Киев, 1892, стр. 70.

² Комаровичи, курган № 139.

³ Борисов, курган № 120.

⁴ Г. Г. Леммлейн. Опыт классификации форм каменных бус. КС ИИМК АН СССР, вып. XXXII, стр. 185.

⁵ Г. Г. Леммлейн. Сборник Бируни. М., 1950, стр. 107.

⁶ Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация курганов Верхней Волги. КС ИИМК АН СССР, вып. XXX, 1949, стр. 37.

дреговичей, причем эти бусы больше всего находили в южных районах, около Слуцка; носили их в сочетании с металлическими и сердоликовыми;

2) позолоченные цилиндрические бусы; их находят обычно в курганах всех славянских племен; у дреговичей они найдены во многих женских погребениях;

3) позолоченные битрапецидные бусы; эти бусы также представлены у дреговичей большим количеством; они встречаются и у других славянских племен — северян, кривичей; иногда бусы такой формы бывают очень похожи на чечевицу;

4) ребристые позолоченные бусы; они бывают только одного типа — цилиндрические (найлены в четырех погребениях).

Посеребрённые бусы бывают двух типов: круглые и цилиндрические (найлены в трех погребениях).

Карликовые посеребрённые бусы найдены всего несколько раз.

Цветные стеклянные бусы представлены многочисленными экземплярами. Преобладающим цветом стекла бус, находимых у дреговичей, является синий.

А. В. Арциховский делит их на ряд типов: 1) зонные бусы (в большинстве синие); найдены в девяти погребениях; 2) битрапецидные (синие) бусы; найдены в девяти погребениях и такие же зеленые — в одном погребении; 3) бочкообразные (синие) бусы; найдены в четырех погребениях; 4) призматические бусы; встретились только один раз; 5) ребристые (синие) бусы; найдены в пяти погребениях; 6) лимонообразные (желтые) бусы; контуры и цвет их напоминают лимон; найдены в семи погребениях; 7) белоромбические (синие) бусы; в середину их вкраплено несколько белых ромбов; найдены в четырех погребениях; встречаются они и в трупосожжениях.

Большое количество бус сделано из пасты. Состав пасты до сих пор неизвестен. По всей вероятности, она представляет собой стекловидную массу с добавлением тонко отмученной глины. Среди одноцветных пастовых бус преобладают красновато-коричневые тона. Таких бус несколько типов: битрапецидные бусы, найдены в трех погребениях; цилиндрические бусы, найдены в четырех погребениях; призматические бусы, найдены в трех погребениях.

Среди пастовых найдены бусы и других цветов: желтые в одном погребении и синие — в трех погребениях.

Распространены были у дреговичей, так же как и у радимичей, карликовые пастовые бусы — серые или желтые.

Многоцветные пастовые бусы — черные, желтые и красно-коричневые, среди которых преобладают полосатые (разноцветная паста расположена спиральными полосами или на одноцветном фоне инкрустирована глазками) бывают разных видов: цилиндрические полосатые (в четырех погребениях), полосатые шарообразные (в трех погребениях), бочковидные (в двух погребениях) и глазчатые (в семи погребениях).

Кроме перечисленных типов бус, иногда в ожерельях встречаются пронизки из спиральной медной проволоки, распространенные в древностях литовских.

Помимо бус, частью ожерелья являлись подвески, которые встречаются в древностях всех славян X—XIII веков. Следует отметить, что для курганов дреговичей подвески не являются характерной категорией и никакого особого типа, свойственного этому племени, выделить не уда-

лось. Среди найденных в дреговичских погребениях подвесок можно выделить несколько отделов и типов.

Монетовидные привески имеют форму монеты с различным орнаментом и делятся на следующие типы:

1) ложнозерненные (рис. 3, 1, 2, 3) медные, отлитые по восковой модели; покрыты тонким слоем позолоты, которая сохранилась не на всех привесках; с внешней стороны они имеют завитушки и шарики в кружочках, имитирующие скань и зернь; с оборотной стороны они гладкие; найдены в шести погребениях;

2) филигранно-зерненные (рис. 3, 4) серебряные, украшенные орнаментом из тонкой филигрании и зерни; найдены в двух погребениях;

3) монетовидные штампованные, с орнаментом из выпуклых шариков; найдены вместе с двумя монетами. Монеты в качестве подвесок к ожерелью найдены в трех погребениях: Игумен (курган № 1а), Заужелье (курган № 146), Казаков сад (курган № 157)

Шарообразные зерненные привески найдены вместе с зерненными шарообразными бусами в одном погребении (семь экземпляров)

Лунницы (рис. 3, 10) биллоновые найдены в двух погребениях.

Из зооморфных (рис. 3, 5 и 7) привесок известны коньки, украшенные орнаментом из кружочков. Материал — биллон и медь. Найдены в трех погребениях.

Ажурные птички найдены два раза.

Бубенчики найдены в двух погребениях.

Крестик в качестве привески к ожерелью известен из одного погребения.

Из остальных привесок интересны якоревидные (в одном погребении, рис. 3, 9, 11) и конусовидные (в двух погребениях) в виде полых трубочек. Возможно, что и те и другие употреблялись в качестве пуговиц.

Гривны редко встречаются в курганах южной Белоруссии. Всех гривен найдено пять экземпляров. Они медные, различных типов: жгутовые завязанные и загнутоконечные, полужгутовые загнутоконечные, двускатопластинчатые петлистоконечные (аналоги последним имеются в Люцинском могильнике, в Прибалтике).

Браслеты представлены немногочисленными типами, как это наблюдается у вятичей и в курганах Ленинградской области. Все браслеты, за исключением двух, медные; делятся на следующие отделы и типы:

Отдел витых (рис. 4, 1 и 2). Самый многочисленный; в нем намечаются два типа: витые завязанные (рис. 4, 1 и 2), витые из трех трехпроволочных жгутов (рис. 4, 6).

Отдел пластинчатых. Он делится на следующие типы:

1) змеиноголовые (ушастоконечные) (рис. 4, 4), украшенные орнаментом, воспроизводящим чешуйки змеи; аналогии этим браслетам имеются в Люцине среди литовских древностей. Ф. Д. Гуревич доказала, что у литовцев они являются пережитком культа змеи¹;

2) тупоконечные;

3) плосковыпуклые.

Отдел круглопроволочных (рис. 4, 3) представлен одним типом браслетов — разомкнутых.

¹ Ф. Д. Гуревич. Украшения со звериными головами из прибалтийских могильников. КС ИИМК АН СССР, вып. XV, 1947, стр. 70—73.

Плетеные треугольноконечные найдены в одном погребении.

Стеклянные браслеты, широко распространенные в древнерусских городах, в деревенских курганах встречаются, как исключение. В нашем районе они найдены в одном погребении. Среди них два ребристых из непрозрачного синего стекла и один черный, гладкий. В четырех километрах от этой курганной группы расположено небольшое, еще не исследованное городище Вирков. Эти браслеты из города могли попасть в деревню путем торговли или, возможно, женщина, похороненная в кургане, была горожанкой.

Перстни — широко распространенная категория среди славянских украшений. Их находят не только в женских погребениях, но часто и в мужских. В женских погребениях встречается по два перстня. Перстни изготовлялись в большинстве из меди, иногда из сплава серебра и меди, реже из чистого серебра. Иногда в качестве перстней на фалангах пальцев находят полутораоборотные височные кольца. Типы перстней, встреченных в курганах дреговичей, весьма разнообразны (рис. 4, 7—13).

Отдел проволочных перстней включает: 1) перстни простые, представляющие собой согнутый кусок проволоки; иногда к концам проволока утончается; концы близко подходят друг к другу, но не спаяны; 2) перстни рубчатые; найдены в шести погребениях.

Из других проволочных перстней следует отметить перстень из спирально скрученной проволоки.

Отдел витых перстней, широко распространенных в славянских древностях, делится на три типа: жгутовые, тройные и завязанные.

Жгутовые свиты из нескольких отдельных проволок, концы их часто путем проковки соединены вместе; найдены в пяти погребениях.

Тройные перстни скручены из одной проволоки, сложенной в три раза; найдены в семи погребениях.

Витой завязанный перстень найден в одном погребении.

Ложновитые перстни отливались в формах, снимавшихся с витых перстней; найдены в девяти погребениях.

Плетеные перстни найдены в шести погребениях.

Отдел пластинчатых перстней делится на несколько типов: 1) широкосрединные завязанные, расширенные спереди; постепенно суживаясь, завязываются сзади узлом; найдены в четырех погребениях; 2) рельефные, широкие, украшенные орнаментом из ложной зерни; найдены в двух погребениях; 3) ажурные; 4) усатые; каждый из 3—4 типов найден в одном погребении.

Из остальных типов следует отметить ажурные пластинчатые перстни и перстень прямоугольнощитковый, со вставкой в центре из голубого стекла, найденный в кургане № 11 у д. Митяевичи.

ДАТИРОВКИ

Какое-либо значение для исторических выводов археологический материал может иметь лишь тогда, когда установлены его хронологические границы. Вещей, имеющих точную дату, то есть когда указывается время существования вещи надписью на ней или упоминанием в летописи, очень мало. Датировка массового курганного материала встречает значительные трудности. Основным и наиболее надежным датирующим признаком для курганных комплексов являются монеты, которые, к сожалению, в

курганах Белоруссии найдены в редких случаях. Поэтому для установления относительной хронологии курганного материала приходится обращаться к методу эволюционно-типологических рядов, составные части которых поддаются относительно точной датировке по совместной находке с монетами.

А. А. Спицын, изучивший большое количество курганных древностей из раскопок в Ленинградской области, установил даты некоторых типов вещей: витых браслетов, бус, перстней и некоторых других украшений. А. В. Арциховский разработал типологическую классификацию большей части славянских украшений на основании того, насколько часто отдельные типы вещей встречаются вместе. Этот метод в соединении с корреляционным дал возможность А. В. Арциховскому установить три стадии в развитии курганных комплексов вятичей и затем уже, исследуя аналогичный материал из погребений других районов, перейти к абсолютной датировке вещей. Таким путем А. В. Арциховский подтвердил и уточнил датировку витых браслетов, установленную А. А. Спицыным. Б. А. Рыбаков разработал новый способ датировки как городищенских, так и курганных вещей путем установления синхронности их на основании тщательного изучения техники их изготовления: тождественность украшений, отлитых в одной литейной форме или выбитых одним штампом. Этот метод позволил автору проверить и уточнить датировки А. А. Спицына и А. В. Арциховского. В настоящее время в археологической литературе установлены общепринятые даты для некоторых типов женских украшений, распространенных в большей или меньшей степени почти у всех славянских племен (витые завязанные браслеты, витые тройные, четверные, позолоченные стеклянные бусы, сердоликовые призматические и др.). Поэтому представляется возможность эти типы вещей привлекать в качестве датирующих и в курганах южной Белоруссии.

Трупосожжения, как известно, исчезают на грани X—XI веков вследствие распространения христианства и запрещения церковью сжигать мертвых. Но в деревнях этот обряд еще некоторое время существовал в качестве пережитка. Вместо трупосожжения в конце X и начале XI века повсеместно распространяются трупоположения на горизонте, и большинство погребального инвентаря у дреговичей встречено именно с этим обрядом.

Характерно, что в погребениях на материке с признаками огнищ были найдены арабские и византийские монеты второй половины X века; а так как эти монеты могли попасть в деревенские курганы только некоторое время спустя после года их чеканки, то датировать эти погребения ранее конца X или начала XI века едва ли будет правильным.

Для XI—XII веков характерны для славян трупоположения на горизонте, что подтверждается типами находимых в этих погребениях вещей (бусы сердоликовые призматические и бочкообразные стеклянные, браслеты витые завязанные, тупоконечные, пластинчатые, которые в погребениях в ямах не встречаются совсем).

Погребения в ямах появляются не ранее половины XII века, причем размеры курганных насыпей сокращаются. Количество погребального инвентаря в ямных погребениях значительно уменьшается по сравнению с погребениями на материке; встречаются только единичные находки — одно-два височных кольца, несколько бус, перстень.

Итак, эволюция погребального обряда у дреговичей, как и других славян, шла от трупосожжений через трупоположения на горизонте —

сначала с пережитками культа огня, а потом и без них — к погребениям в ямах.

Переходя к характеристике прилагаемой таблицы, надо сказать следующее.

Материал, хранящийся в Государственном Историческом музее в Москве, с трудом удалось разбить по погребениям, обратившись к архиву передаточных ведомостей бывшей археологической комиссии, ибо по опубликованным отчетам В. З. Завитневича нельзя было установить погребальные комплексы и обряд погребения. Эти сведения были выяснены нами по рукописным отчетам, хранящимся в архиве ИИМК в Ленинграде.

Белорусские археологи предоставили нам возможность ознакомиться и использовать в работе материал из раскопок советских археологов, хранящийся в Институте истории Белорусской академии наук. Путем кропотливого разбора, пользуясь краткими сообщениями, опубликованными в «Працах катэды археолёгіі Беларускай Акадэміі Навук», удалось также распределить все вещи по погребениям. В результате всей проделанной работы были изучены вещи из 255 погребений (72 мужских и 183 женских). Так как датировке лучше всего поддаются женские украшения, то таблица составлена на основании 70 женских погребальных комплексов; остальные погребения содержали единичные находки и в таблицу не вошли. Дата каждого погребения была установлена отдельно по монетам и по типам вещей, совпадающим с типами вещей из курганов других районов, датированных А. А. Спицыным¹, А. В. Арциховским², Б. А. Рыбаковым³, П. Н. Третьяковым⁴ и Т. Н. Никольской⁵.

В результате изучения и сравнения вещей из курганов дреговичей с такими же типами вещей из погребальных комплексов всех восточнославянских племен, у которых они были найдены с монетами, все курганы южной Белоруссии с труположениями удалось разделить на две группы: первая группа — более ранние и вторая группа — более поздние.

Погребения первой группы в отношении инвентаря являются более богатыми и многочисленными. Вторая группа беднее инвентарем, так как к XIII веку у некоторых славянских племен постепенно отмирает обычай класть в погребения украшения и другие вещи. В таблицу вошло 70 комплексов из женских погребений. Из них к первой стадии относится 59 и ко второй 11.

Рассмотрим эту таблицу подробнее.

Полутораоборотные височные кольца, встречаемые почти в каждом женском погребении по несколько пар, одинаково характерны для обеих групп погребений — ранних и поздних. Всего таких колец найдено 157: в погребениях первой группы 139 и в погребениях второй группы 18. Бытуя на протяжении более двух столетий, эти височные кольца, наиболее распространенные на территории дреговичей, в некоторой степени определяли этническую группу населения, оставившего эти курганные группы. В то же время они не могут являться признаком хронологическим, датирующим курганные комплексы. Несколько полутораоборотных височных

¹ А. А. Спицын. Курганы Петербургской губернии. СПб. Материалы по археологии России (МАР), № 20, 1896.

² А. В. Арциховский. Курганы вятичей, изд. РАНИОН. М., 1930.

³ Б. А. Рыбаков. Радзіміці. Працы сэкцыі археолёгіі, т. III, Менск, 1932.

⁴ П. Н. Третьяков. Костромские курганы. Изд. ГЛИМК, вып. X.

⁵ Т. Н. Никольская. Хронологическая классификация курганов Верхней Волги. ҚС ИИМК АН СССР, вып. XXX, 1949, стр. 36—37.

Рис. 3. Привески из женских погребений южной Белоруссии
(нат. вел.)

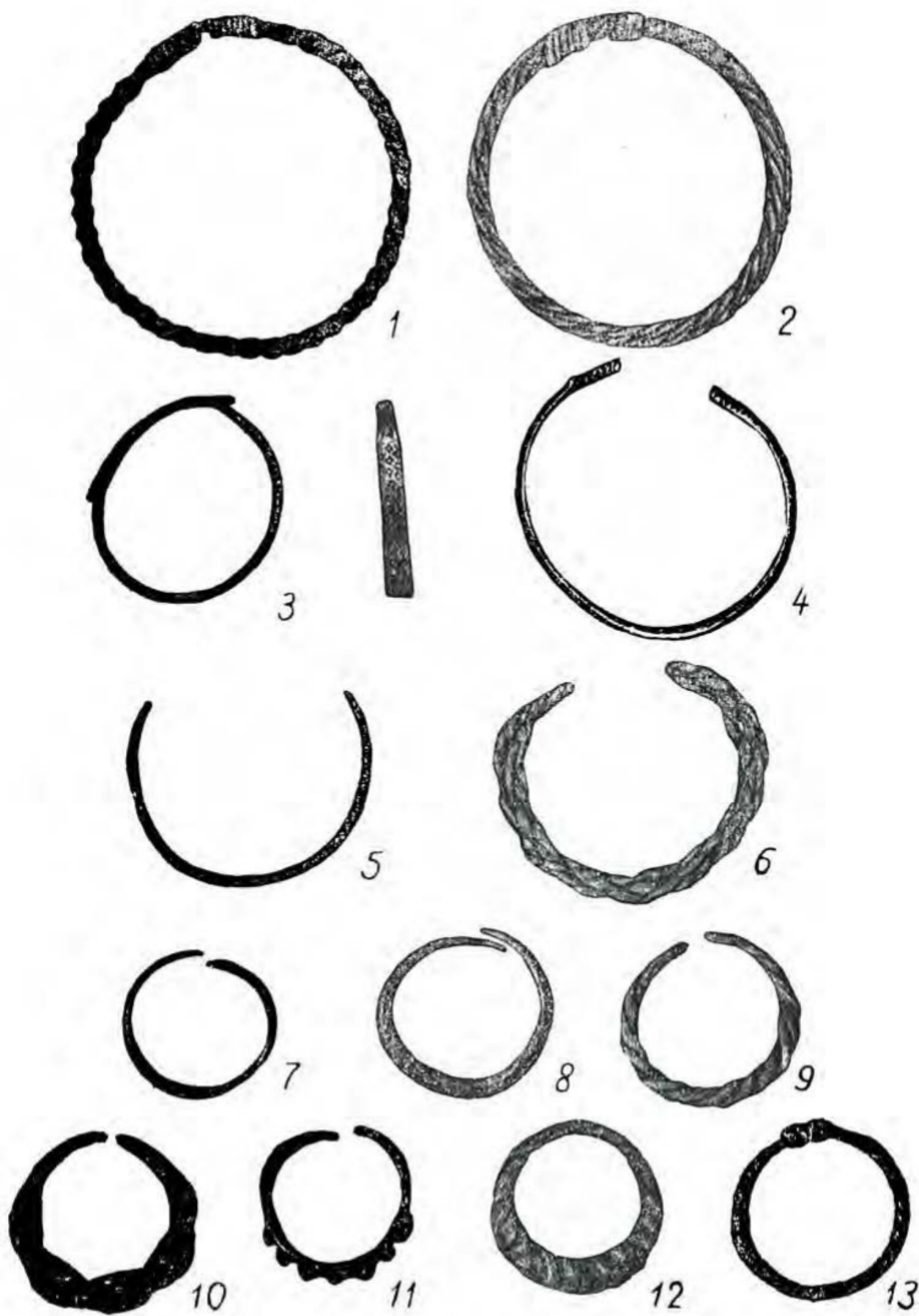

Рис. 4:

1—6 — браслеты из курганов южной Белоруссии (1/2 нат. вел.); 7—13 — перстни из курганов южной Белоруссии (нат. вел.)

колец было найдено даже в трупосожжениях¹. Их распространение в курганах дреговичей, таким образом, можно отнести ко времени второй половины X — начала XIII века.

Браслетообразные височные кольца встречаются лишь на границах территории дреговичей. Наиболее ранними из них являются загнутоконечные, относящиеся к XI веку.

Из височных колец, характерных только для ранней группы памятников, являются трехбусинные узловатые, датируемые А. В. Арциховским² X — XI веками, но в курганах дреговичей они встречаются редко. Трехбусинные крупнозерненные ажурные височные кольца, распространенные в погребениях первого и второго периода, бытуют в течение длительного времени и являются излюбленным, но довольно дорогим украшением женщины-дреговички. Они относятся к XI—XII векам.

Наиболее надежным признаком, определяющим своим распространением территорию, занятую дреговичами, являются крупнозерненные бусы. Разнообразие форм и величины этих бус свидетельствует об овладении в совершенстве техникой их изготовления деревенскими мастерами. О том, что эти бусы являлись значительной ценностью в то время, свидетельствует то обстоятельство, что в погребениях они встречаются не большими ожерельями, а отдельными бусами, вкрапленными в ожерелья из других типов бус. Являясь надежным племенным признаком, они устойчивы во времени. На протяжении XI и XII веков техника изготовления бус остается одной и той же и состав материала также остается постоянным. В погребениях ранней и поздней группы крупнозерненные бусы находят одинаково часто на всей территории, занятой дреговичами, а иногда они встречаются на радимичской территории. Время их существования относится к XI — началу XIII века.

Характерными для ранней группы погребений нашего района являются сердоликовые призматические бусы, изредка встречающиеся и в трупосожжениях. В погребениях поздней стадии они не встречаются совсем. Найдены они с монетами второй половины X века и датируются X — XI веками.

Плитчатые сердоликовые бусы также являются более ранними и встречаются с монетами конца X — начала XI века. Призматические и плитчатые бусы были распространены в XI веке также у новгородских славян и у кривичей.

Бипирамидальные сердоликовые бусы чаще всего находят в погребениях ранней группы, но иногда они встречаются и в поздних погребениях.

Золотостеклянные бочкообразные бусы имеются у дреговичей почти в каждом погребении и характерны для ранней группы. Широко распространены у кривичей, где они составляют большие ожерелья из 30—40 бус, у дреговичей они входят в состав ожерелий из других бус по 4—5—10, иногда и более экземпляров. Общепринятая датировка их — XI — начало XII века — подтверждается материалом из курганов дреговичей.

Золотостеклянные и серебростеклянные цилиндрические бусы относятся к этому же времени.

Битрапецидные золотостеклянные бусы известны у всех славянских племен, но у дреговичей они особенно распространены. Датируются они XI — началом XII века, как и бочкообразные.

¹ Б. Ольса, курган 131.

² А. В. Арциховский. Курганы вятичей, изд. РАНИОН. М., 1930, стр. 137,

Браслеты являются важным датирующим элементом в погребениях. В курганах дреговичей найден 31 браслет.

Характерными браслетами для ранней стадии являются витые завязанные — наиболее ранний тип браслетов, как это установлено А. А. Спицыным и А. В. Арциховским. К концу X и к XI веку относятся ложновитые завязанные, пластинчатые, тупоконечные, круглопроволочные, разомкнутые браслеты. Последние известны из трупосожжений¹.

Змеиноголовые или ушастоконечные браслеты с орнаментом, имитирующим чешуйки змеи, встречаются в погребениях ранней группы вместе с завязанными витыми и завязанными пластинчатыми браслетами. Относятся они к XI—XII векам.

Среди перстней в погребениях ранней группы встречаются витые завязанные, широкосрединные завязанные и усатые. Два последних типа распространены в курганах Новгородской, Ленинградской и Владимирской областей; они известны также в древностях Латвии. Круглопроволочные простые чаще встречаются в погребениях ранней группы.

Из гривен могут считаться более древними жгутовые загнутоконечные, которые находят в погребениях ранней группы, и пластинчатые петлистоконечные.

По сравнению с другими племенами у дреговичей привески в ожерельях являются редким украшением; характерного типа нам выделить здесь не удалось. Датировать их можно только по совместным находкам. В ранней группе погребений найдены ложнозерненные литые привески, филигранно-зерненные серебряные привески, украшенные тонкими филигранными проволочками и зернью, штампованный серебряный жетон и монета с ушками. Сюда же относятся семь серебряных шарообразных с тонкой зернью привесок в виде бус с припаянными ушками. Из зооморфных привесок в погребениях ранней группы найдены ажурные фантастические птички, аналогичные птичкам из приладожских и костромских курганов, и плоские коньки.

Погребения поздней группы представлены в таблице небольшим количеством комплексов. Всего этих погребений, по отчетам и вещественному материалу, насчитывается около 100. Но инвентарь их настолько беден, что в хронологическую таблицу вносить их, как кажется, не имеет смысла. Резких изменений в характере носившихся украшений между ранней и поздней группами проследить не удалось. Наиболее распространенные и характерные вещи (височные полутораоборотные кольца и крупнозерненные бусы) бытуют здесь на протяжении более чем двух столетий, то есть в погребениях обеих групп. Типы вещей, характерные только для поздней группы погребений, немногочисленны. Количество полутораоборотных височных и крупнозерненных бус во второй стадии уменьшается, так же как и всех других металлических украшений.

Из височных колец характерными для второй — поздней — стадии могут считаться полутораоборотные с перегибом и перстнеобразные височные кольца, известные во всех славянских древностях.

Из бус для погребений поздней группы характерны зонные цветные: зеленые и синие. В ранних курганах они почти совсем отсутствуют.

¹ Нежаровские хутора, курган № 19. Коллекции Ин-та истории Белорусск. АН 656/40. Раскопки 1929 г.

Браслетами, характерными для поздней группы погребений и указывающими на их дату, являются витые тройные и витые вдвое из проволоки, сложенной вчетверо, хотя встречены они всего несколько раз. Такие браслеты распространены в курганах вятичей, новгородских славян, во владимирских и костромских курганах. Датируются они серединой XII и XIII веком. Плетеные браслеты, неоднократно встречающиеся здесь, также относятся к более позднему времени¹.

В более поздних курганах часто встречаются витые тройные перстни, очень похожие на тройные браслеты. Они почти все медные. Такие же перстни встречаются у владимирских кривичей и новгородских славян. По всей вероятности, эти перстни синхронны тройным браслетам, так как способ изготовления их совершенно аналогичный; среди других перстней в этот период распространены круглопроволочные — медные и биллоновые.

Из подвесок, встречающихся в курганах поздней группы, следует отметить монетообразные ложнозерненные и, кроме того, кресты и лунницы позднего типа, с острыми концами без орнамента.

Мужские погребения разделить на хронологические группы сложнее, так как украшения при мужских костях встречаются редко, хотя в сравнении с другими районами мужские погребения у дреговичей относительно богаче по инвентарю, главным образом за счет оружия и орудий труда. Всего было изучено 58 мужских погребений дреговичей; в некоторых из них было найдено по несколько вещей: пряжки, поясные кольца, кресала, топоры и др.

Поясные пряжки имеют близкие аналогии среди вещей из курганов Ленинградской области. Большинство пряжек — лировидные, двухчастные; состоят из прямоугольного приемника для ремня и овального кольца с выступом в передней части; иногда они орнаментированы прямолинейными углублениями. Относятся к XI — началу XII века².

Поясные кольца встречаются в погребениях по несколько экземпляров. Круглые в сечении, неорнаментированные медные или железные кольца неоднократно найдены у дреговичей в трупосожжениях и трупоположениях. Они считаются более ранними. Кольца плоские, медные, литые, с орнаментом бытуют, начиная с XII века. Известны их довольно поздние аналогии из белореченских курганов XIV — XV веков.

Из бытовых вещей в мужских погребениях часто встречаются кресала. Кресала калачевидные являются более распространенными у славян и относятся к XI — XII векам. Овальные прорезные относятся к более позднему времени. Кресала первого типа, где верхняя часть завитками почти вплотную прилегает к основанию, известны из трупосожжений Гнездовского могильника.

Удила, найденные вместе с круглыми поясными кольцами и ранней пряжкой, — простые двухкольчатые; относятся к XI веку.

Копья и стрелы найдены несколько раз. Установить их датировку на имеющемся материале не представляется возможным.

Топоры много раз найдены при мужских костях. А. А. Спицын на материале курганов новгородских славян установил хронологические границы для некоторых их типов³.

¹ П. Н. Третьяков. Костромские курганы. Л., 1931.

² А. А. Спицын. Гдовские курганы. МАР, № 20.

³ А. А. Спицын. Курганы Петербургской губернии. СПб. МАР, № 20, стр. 34, табл. XIX.

Боевые топоры-клевцы датируются наиболее ранним временем — X—XI веками. Они известны из трупосожжений и трупоположений.

Топоры с широким лезвием, с глубоким вырезом в нижней части и без выступа у обуха относятся к XI—XII векам. Такие топоры составляют большинство среди найденных в курганах дреговичей (Горожки, курган № 20; Ясень, курган № 34; Заславль, курганы № 2 и 5). Им имеются аналогии из курганов бывшей Петербургской губернии¹. Эти топоры могли быть боевыми и вместе с тем рабочими.

Топоры с глубокой выемкой в нижней части и двумя выступами у обуха также относятся к XI—XII векам (Заужелье, курган № 142)².

Топоры с менее широким и прямым лезвием, с легким вырезом внизу датируются более поздним временем — XIII веком (Микуличи, курган № 112, 116)³.

Среди курганов с мужскими погребениями также удастся наметить более раннюю и позднюю группы, которые являются приблизительно синхронными двум стадиям, установленным по женским украшениям.

Что касается керамики из курганов южной Белоруссии, то она не может быть расчленена хронологически на отдельные группы из-за однотипности сосудов. Лепная керамика, о которой говорилось выше, указывает на более раннюю дату — X век. Сосуды, сделанные на гончарном круге, относятся к XI—XII векам; они почти все украшены волнистым и прямолинейным орнаментом и имеют характерный резкий профиль; некоторые сосуды имеют клейма.

В результате тщательного изучения курганных инвентарей и привлечения сравнительного материала из курганов других восточнославянских племен погребальные памятники дреговичей удалось разделить на три группы.

1. Курганы с трупосожжениями; относятся к X веку, возможно, некоторые из них к концу IX века. Они не вошли в общую хронологическую таблицу, так как содержали единичные находки.

2. Курганы с трупоположениями; относятся к концу X — середине XII века. Это самая многочисленная группа погребений, содержащих большее количество вещей. Погребения на материке очень часто сопровождаются огнищами, подсыпкой из песка и срубами (столпами).

3. Курганы с трупоположениями; относятся ко второй половине XII века — к первой половине XIII века. Как правило, погребения совершались в ямах, но реже встречаются захоронения и на материке. Количество погребального инвентаря сокращается. Большинство курганов этого времени содержит единичные находки.

¹ МАР, № 20, табл. 18.

² Там же, табл. XIX, 18, 21.

³ Там же, табл. XIX, 23.

М. В. ФЕХНЕР

**МАТЕРИАЛЫ К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ
БЕЛОЗЕРСКОГО И КИРИЛЛОВСКОГО РАЙОНОВ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ**

Разведка в Белозерском и Кирилловском районах Вологодской области, организованная ГИМом летом 1950 г. в связи с многолетними археологическими работами музея в бассейне Белого озера, преследовала цель собрать материал для составления карты археологических памятников этих двух районов.

Разведка производилась автором настоящей статьи, как начальником экспедиции, и аспирантом музея Н. Н. Стосковой.

За время работы с 5 по 25 июля 1950 г. было обследовано более 25 памятников — городища, селища, могильники, курганы.

На прилагаемой схематической карте, составленной в результате проведенной работы, нумерация археологических объектов дана отдельно как для каждого района, так и для каждой группы памятников. В этой же последовательности излагаются археологические и топографические данные о каждом объекте.

БЕЛОЗЕРСКИЙ РАЙОН

Городища

1. Белозерское городище расположено на южном берегу Белого озера, на северо-западной окраине г. Белозерска.

Сохранилось известие, что город здесь был основан во второй половине XIV века. До этого времени город Белозерск находился на правом берегу Шексны, у ее истока; после двух сильных эпидемий чумы (в 1352 и 1363 гг.) он был оставлен жителями, которые построили новый город в 18 км к западу от старого, на месте современного г. Белозерска¹.

Городище по форме приближается к кругу. Его диаметр — около 200—250 м; вал 7—8 м высотой окружает городище. Этот земляной вал — «рубленая насыпь» — сооружен в 1489 г. Вокруг вала идет ров, который местами достигает 10 м ширины и до 4—5 м глубины.

---

¹ Т. И. Осминский, Белозерский край в XIII—XVI вв. (автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук). Череповец, 1949.

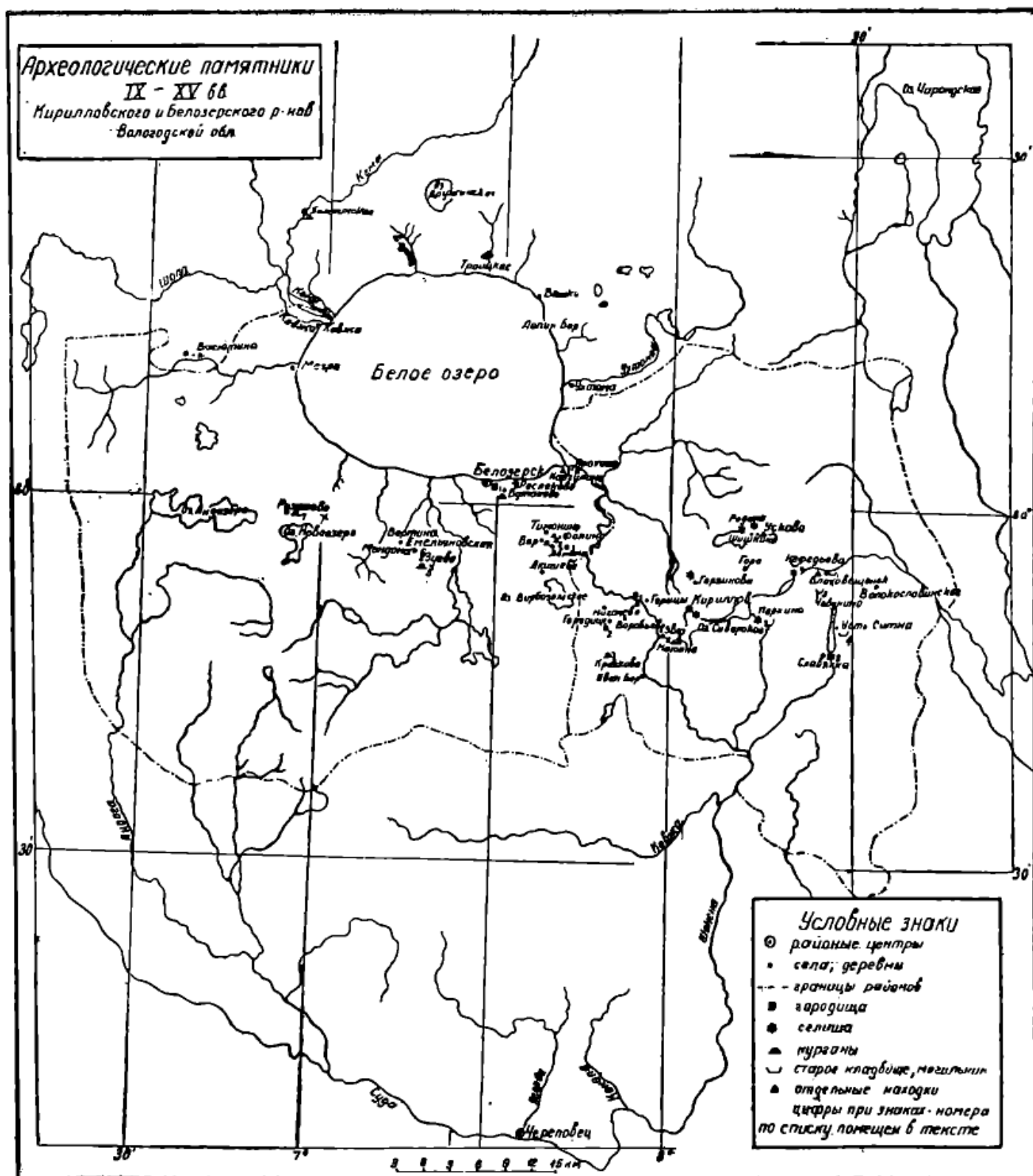

Рис. 1. Археологические памятники IX—XV веков

Внутренняя площадь городища пересечена дорогой, идущей через западный и восточный пролеты в валу. На площади городища расположены два собора и несколько жилых домов, около которых разбиты огороды.

Археологические работы на городище не производились.

2. Городище близ д. Каргулино расположено на правом берегу р. Шексны, в 1,5 км к востоку от деревни. Это городище известно под названием «Старый город». Повидимому, оно не было окружено валами и рвом, так как здесь не прослеживаются следы искусственного укрепления.

На данной территории неоднократно находили при распашке земли большое количество обломков глиняных сосудов, различные металлические вещи: кованые гвозди, топоры, наконечники стрел и копий, костяные гребни, шиферные пряслица, обломки стеклянных браслетов и бус.

Впервые городище было археологически обследовано в начале 20-х гг. Н. И. Репниковым. Затем небольшие исследовательские работы были проведены в 1929 г. В. И. Равдоникасом и Г. П. Гроздиловым. Последние считали, что обнаруженный на городище материал представляет исключительный интерес и что на городище необходимо поставить широкие раскопочные работы. Раскопки Л. А. Голубевой в 1949—1952 гг. явились первыми в этом районе¹.

3. Городище близ д. Лениной находится в 1,5—2 км к северо-востоку от деревни в местности, известной у населения под названием «Песоснево». Несколько столетий тому назад, по преданию, здесь находился город, который неожиданно провалился.

Городище расположено на высокой гряде при впадении безымянного ручья в р. Понжу, приток р. Шексны. Вся поверхность и склоны гряды поросли густым молодым лесом и кустарником, в связи с чем при обследовании городища сотрудниками ГИМа в 1950 г. оказалось невозможным произвести глазомерную съемку этой территории и заложить разведывательный раскоп. Была лишь произведена зачистка стенок ям (эти ямы являются результатом кладонискательства и находятся в южной части гряды), но культурный слой не был обнаружен. Тем не менее общая картина данного пункта дает возможность предполагать здесь наличие городища.

По указанию И. Романцева² в конце прошлого века на этом городище был найден клад серебряных монет (около 100 штук) продолговатой формы.

Курганы

1. Два кургана близ д. Бутаково, в 3 км от г. Белозерска, расположены в 200 м к востоку от деревни и в 150 м к югу от дороги, ведущей из Белозерска в Кириллов (рис. 2).

Первая насыпь имеет несколько асимметричную форму: ее восточный склон более пологий, чем западный. Размеры насыпи по длинной

¹ Они были организованы ГИМом совместно с Череповецким и Вологодским музеями.

² И. Романцев. О курганах, городищах и жальниках Новгородской губернии. Новгород, 1911, стр. 18.

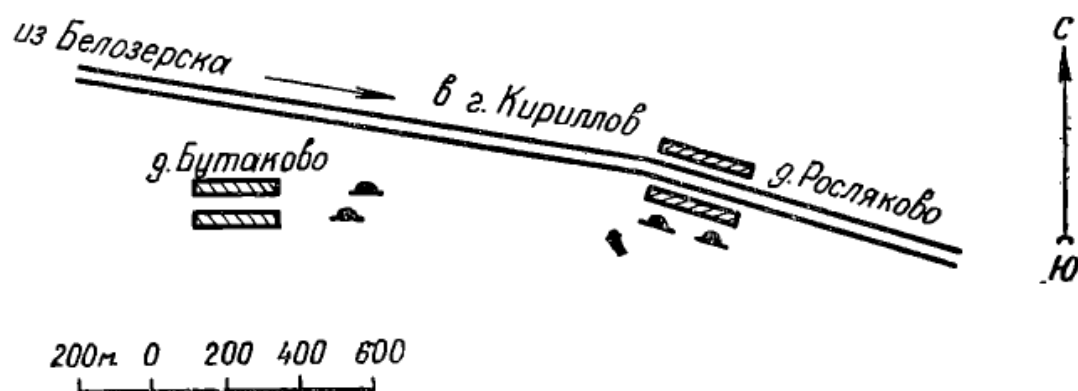

Рис. 2. Курганы при д. Бутаково

оси — около 28—29 м, по короткой — около 25 м, высота около 2 м. Западная часть кургана распахана. Вторая насыпь, расплывчатых очертаний, расположена в метрах 10 к юго-западу от первой. Форма второго кургана приближается в плане к кругу. Диаметр его — около 25 м, высота — около 1 м. Вся поверхность кургана распахана.

Курганы при д. Бутаково упомянуты в работе И. Романцева¹ и находятся в настоящее время на учете Череповецкого музея.

2. Курганы, так называемые Синеусов и Меленьки, находятся на приусадебных землях деревни Росляково к югу от дороги, ведущей из Белозерска в Кириллов (рис. 2). В настоящее время эти курганы почти полностью снесены. Первые сведения о них относятся к 1847 г., когда их осматривал С. Шевырев².

В 1860 г. Синеусов курган и курган Меленьки раскапывались Лазаревским и Иверсеном, причем курган Меленьки был найден ими уже до половины разрытым. Диаметр кургана Синеуса составлял не менее 30—32 м, а высота — 4 м. Никаких находок во время раскопок Лазаревского и Иверсена сделано не было. По словам же местных жителей, при разрытии кургана Меленьки (еще до приезда Лазаревского и Иверсена) попадались истлевшие человеческие кости, погребенные в осиновых колодах³.

В свое время А. А. Спицыным было высказано предположение, что Синеусов курган является насыпью естественного происхождения⁴. К этому же предположению присоединился и П. А. Сухов, обследовавший этот пункт в 1939 г.⁵. Нам кажется невозможным на основании одного лишь внешнего осмотра памятника (притом почти целиком разрушенного) решить вопрос, является ли данная насыпь естественно-ледникового происхождения или искусственно сооруженной.

3. Курган около д. Филино (Тимонинский сельсовет) находится к юго-востоку от нее на берегу ручья, у дороги из Филино в д. Ленино (рис. 3). Насыпь имеет круглую форму. Диаметр ее около 4—5 м. Верх-

¹ И. Романцев. Указ. соч., стр. 17

² С. Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь в 1847 г., ч. 2. М., 1850, стр. 60.

³ ОАК 1850 г. СПб, 1862, стр. XIII.

ЗРАО, т. IX, вып. 1 и 2, 1897, стр. 248.

⁵ П. А. Сухов. Отчет о полевых археологических работах в Кирилло-Белозерском районе в 1939 г., стр. 27. Архив Кирилловского музея.

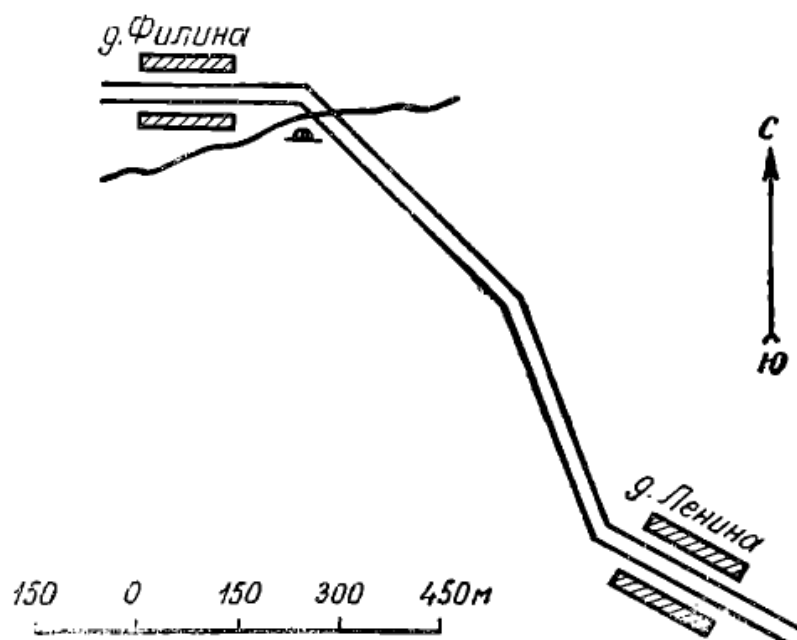

Рис. 3. Курган при д. Филино

няя часть насыпи снесена. Состав насыпи — песок, дрсва, глина, камни. Курган при д. Филино не упомянут в кратком описании археологических памятников Новгородской губернии И. Романцева.

4. В 500 м к востоку от д. Бор (Тимонинский сельсовет), среди болота, расположены два кургана, известных под названием «дворище». Один из курганов, несколько удлиненной формы, сильно порос лесом. Размеры насыпи по длинной оси — около 15 м, по короткой — 8—10 м, высота — 1—1,5 м. Вторая насыпь расположена в метрах 50 к юго-западу от первой. Очертания последней чрезвычайно расплывчаты. Данный памятник упомянут в работе И. Романцева¹

5. По сведениям, полученным от директора Череповецкого музея К. К. Морозова, близ д. Зуево, в 25 км к юго-востоку от г. Белозерска, по дороге в г. Череповец, находится группа курганов. Из-за отсутствия транспорта данный памятник не мог быть обследован.

6. Курган близ д. Емельяновской (Солмасский сельсовет), упомянутый в работе И. Романцева, расположен на окраине деревни, на сенокосном лугу, приблизительно в 50 м к югу от дороги, ведущей из г. Белозерска в Мондому (рис. 4)². Сильно вытянутый в длину курган типа сопки ориентирован с северо-востока на юго-запад. Размеры насыпи по длинной оси — 25 м, по короткой — 13 м; высота около 1,5 м.

7. По данным директора Череповецкого музея К. К. Морозова, близ д. Рожаяево, в 5—6 км к северо-западу от Кирилло-Новозерского монастыря, расположены курганы. Сведения на месте не проверены.

8. Курганы близ д. Каргулино расположены на правом берегу р. Шексны, примерно в 1,5 км к юго-востоку от последней. Они находятся на территории городища, называемого местными жителями «Старый город Белозерск». Первая насыпь, которая находится в 80—90 м от берега реки, имеет несколько удлиненную форму. Она ориентирована по длинной оси с востока на запад. Размеры насыпи по длинной оси 12 м, по короткой 6 м, высота ее около 2 м. На кургане стояла часов-

¹ И. Романцев. Указ. соч., стр. 17

² И. Романцев. Указ. соч., стр. 17; д. Емельяновская является продолжением д. Вертино; деревни разделяют лишь здания сельпо и сельсовета.

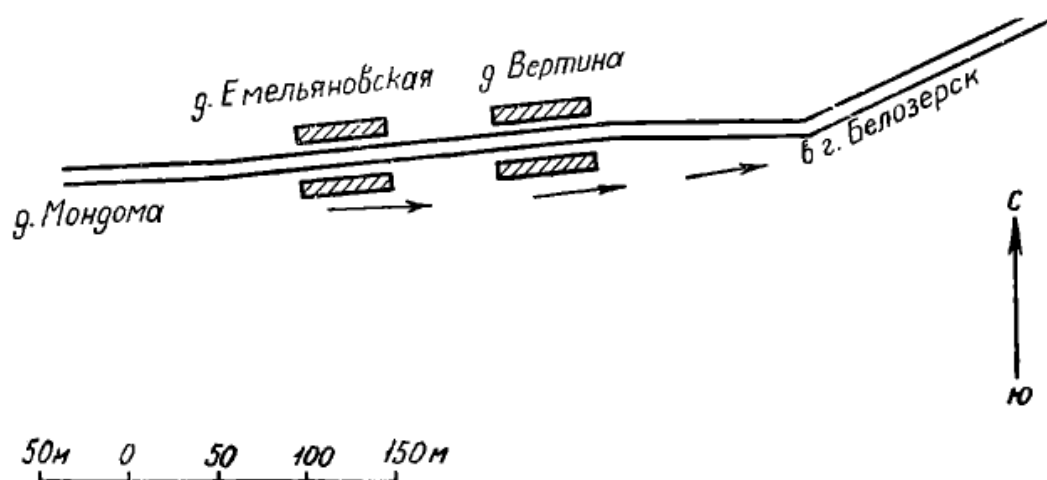

Рис. 4. Курган при д. Емельяновской

ня, где, по преданию, был погребен белозерский князь Глеб Васильевич (умер в 1278 г.). При сооружении здесь колхозного картофельного хранилища были найдены человеческие кости, медный крестик, остатки гроба. Весь материал был передан в Белозерский краеведческий музей. Вторая насыпь расположена метрах в 75 от первой и в 40 м от берега реки. Ее размеры по длинной оси 6 м, по короткой оси 4 м, высота около 1 м. В северо-восточной части насыпи имеется большая яма, сделанная местными жителями, которые искали здесь клад.

Отдельные находки

1. По указанию И. Романцева¹ в 1902 г. близ д. Филино был найден клад серебряных монет (около 150 монет) времени Бориса Годунова и Михаила Федоровича. Куда поступил этот клад, выяснить не удалось.

КИРИЛЛОВСКИЙ РАЙОН

Городища

1. «Федосьин городок» (Горицкий сельсовет), известный по письменным источникам XV века², находится на левом берегу р. Шексны на 2 км выше пристани «Горицы». Он расположен на гряде, вытянутой вдоль р. Шексны, метрах в 100 от берега реки. Длина гряды 700 м, наибольшая ее ширина 275 м, высота гряды, по отношению к ее подножию, около 30 м.

Западный, восточный и южный склоны гряды крутые, северный же склон спускается полого. С юго-восточной стороны (со стороны реки) гряда разветвляется на ряд отрогов, которые на первый взгляд кажутся искусственно сооруженными валами. Однако при обследовании данной местности следы вала и рва на гряде не были прослежены.

¹ И. Романцев. Указ. соч., стр. 106.

² Жалованная грамота белозерского князя Михаила Андреевича Кирилловскому монастырю от 9 февраля 1473 г. Акты археологич. экспедиции, стр. 475.

По предположению Т. И. Осьминского¹ это городище находилось в XIV веке во владении жены белозерского князя Федора, княгини Федосьи (дочери великого Московского князя Ивана Калиты), по имени которой оно и получило свое название.

По словам местных жителей, на городище никогда не было поселка; лишь в восточной части «Федосьино городка» находились в конце XIX и начале XX века два небольших деревянных дома помещика Золотилова. Последние стояли вблизи церкви, которая в настоящее время находится в развалинах. Вокруг церкви расположено кладбище.

За исключением восточной части городища, вся остальная площадь городка распаивалась в течение последних 30 лет и в данное время находится в пользовании колхоза «Комсомолец». При распашке земли здесь находили обильный керамический материал — обломки лепных и гончарных сосудов, фрагменты изразцов, кирпичи; встречали также металлические поделки — гвозди, ножи и др.

Археологическое обследование этой территории было произведено впервые в 1939 г. П. А. Суховым². Им были заложены в 50 м к юго-западу от церкви два шурфа размером 1,5×1 м каждый. Судя по разрезам шурфов, мощность культурного слоя в этой части городища колеблется от 50 до 65 см. В обоих шурфах были найдены лишь один обломок сосуда из грубой, плохо промешанной глины с примесью дресвы без орнамента, отщеп кремня правильной удлиненной формы и несколько пережженных костей. Шурфами была вскрыта также восточная часть ямы позднейшего происхождения с черепками фаянсовой посуды и с мелкой медной поделкой церковного обихода.

В 1950 г. «Федосьин городок» был вторично обследован мною и Н. Н. Стосковой. При этом обследовании был собран большой материал, состоящий из обломков керамики, сосредоточенный в основном в южной части городка. Здесь наряду с фрагментами сосудов, изготовленных при помощи гончарного круга (из сравнительно хорошо отмученной глины), большей частью не орнаментированных, встречалась также лепная керамика из плохо промешанной глины с примесью дресвы без орнамента и с орнаментом в виде глубоких нарезок.

Керамика «Федосьино городка», судя по качеству керамического теста, цвету, обжигу, орнаменту и по форме сосудов, аналогична керамике, обнаруженной при раскопках «Старого города Белозерска» Л. А. Голубевой в слоях X — начала XIII века.

Из собранного на городке в 1950 г. материала особого внимания заслуживают массивные ручки цилиндрической формы, полые внутри, которые, по всей видимости, являются ручками от тиглей. Точно такие же ручки были найдены при раскопках в Суздале в землянках около очагов и датируются А. Ф. Дубыниным XIII — XIV веками.

Следует отметить, что среди подъемного материала были обнаружены также два черепка неолитического типа с ямочным и зубчатым орнаментом.

После того как была произведена глазомерная съемка данной территории, на городище было заложено, с целью исследования его культурного слоя, несколько небольших разведывательных раскопов

¹ Т. И. Осьминский. Указ. соч.

² П. А. Сухов. Отчет о полевых археологических работах в Кирилло-Белозерском районе в 1939 г. Архив Кирилловского музея.

(1×1 м каждый). Раскопы № 1, 2 и 4 были разбиты на участках распаханной земли, находящихся в настоящее время под паром; что же касается раскопов № 3 и 5, то они были заложены на месте имеющихся здесь небольших ям.

Разведывательный раскоп № 1 был заложен в южной части «Городка» (рис. 5) и ориентирован с юга на север. Судя по профилям раскопа, слои залегали здесь в следующем порядке.

1. Слой распахиваемой ежегодно земли мощностью около 20—25 см. В этом слое найдены кованый гвоздь, медное проволочное кольцо, 176 обломков гончарной и лепной керамики, кости домашних животных, уголь, куски обожженного дерева, слюда.

2. Слой глины с песком, достигающий в юго-западной части раскопа около 25 см, а в северо-восточной — 15 см мощности. Этот слой был насыщен углем и кусками обожженного дерева. В западном и частично в северном и южном обрезах прослеживалась угольная прослойка со следами обожженного дерева от 2 до 4 см толщины.

3. Ниже слоя глины с песком залегал светложелтый материковый песок с гравием. В материке (на глубине 48—49 см) близ западного обреза раскопа была обнаружена яма от столба (диаметры ее 28 и 30 см), идущая на глубину 26 см; вероятно, это следы тына, окружавшего некогда городище.

Итак, мощность культурного слоя на этом участке колеблется от 36 до 50 см.

Разведывательный раскоп № 2 был заложен в северной части «Городка», метрах в 90 к западу от церкви. Он, так же как и другие шурфы, был ориентирован по странам света. В отличие от шурфа № 1, слой распахиваемой земли здесь не был богат находками: он содержал шесть маленьких обломков толстостенной керамики и один черепок фаянсового сосуда XX века. В следующем слое — в щебне — находок никаких не было сделано. Лишь на глубине 24—40 см было обнаружено могильное пятно. Мощность культурного слоя на раскопе № 2 равнялась 38—45 см.

Разведывательный раскоп № 3, как уже отмечалось выше, был заложен на месте небольшой ямы¹ в южной части городища, метрах в 25 к западу от раскопа № 1.

Культурный слой в 30—32 см толщины оказался бедным находками. В слое было найдено несколько обломков костей домашних животных и четырнадцать обломков гончарной керамики, которые можно, по аналогии с белозерской керамикой, условно датировать XII—XIV веками.

Разведывательный раскоп № 4 был заложен в 20 м к северу от раскопа № 1. Он дал следующую стратиграфию.

1. Слой распахиваемой земли около 15—20 см. В этом слое было обнаружено четыре кованых гвоздя, железный ножичек без черенка и 27 обломков гончарной керамики, среди которой было несколько обломков черной лощеной керамики XVI—XVII веков.

2. Желтая глина с большим количеством кирпичного щебня, угля, с кусками обожженного дерева и обожженной глины. В слое было найдено несколько обломков лепной керамики. Мощность этого слоя колеблется от 20 до 58 см.

3. Материковый песок с гравием.

---

¹ По словам местных жителей, здесь собирались соорудить картофельное хранилище.

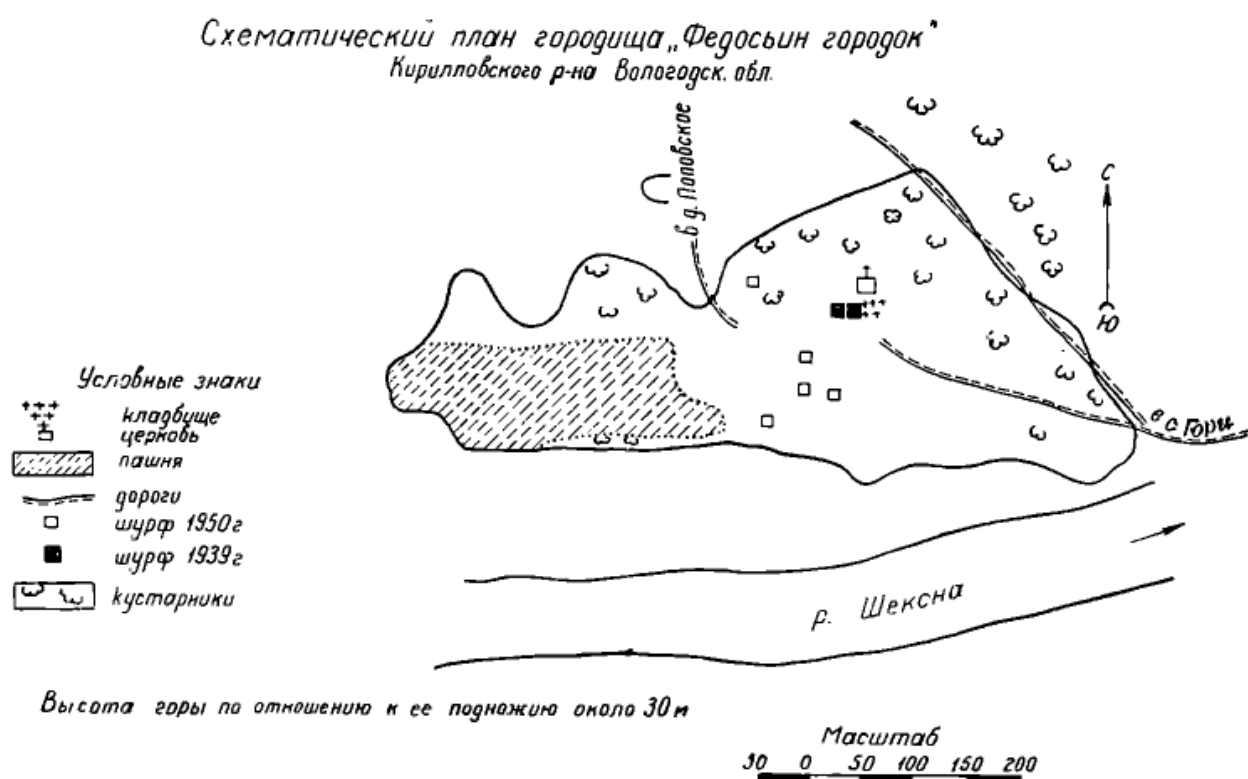

Рис. 5. Городище «Федосьин городок»

Раскоп № 5 был так же, как и раскоп № 3, разбит на месте небольшой ямы (около 5—6 см глубины) в 20 метрах к юго-востоку от раскопа № 1. Толщина культурного слоя здесь достигала лишь 18—22 см. За исключением нескольких фрагментов гончарной керамики (два обломка были с поливой), никаких находок на этом участке не было сделано.

Итак, в результате проделанной работы выяснилось, что культурный слой городища на участках, постоянно подвергавшихся распашке, нарушен не полностью. Повидимому, в восточной части «Городка», которая, как уже указывалось, не распаивалась, стратиграфическая картина будет более удовлетворительной.

2. Городище у д. Городище (Мигачевский сельсовет, колхоз «Сталинский путь», в 6 км к западу от пристани «Горицы») было открыто П. А. Суховым в 1939 г.¹ Городище расположено тотчас же за деревней на гряде, вытянутой от д. Городища в южном направлении. Гряда имеет несколько изогнутую форму с выпуклым западным и вогнутым восточным склонами и известна у населения под названием «Крутик». Вдоль западного склона гряды прослеживается долина высохшей теперь р. Коленки, впадающей в р. Каргачскую, приток р. Шексны.

В 1939 г. П. А. Суховым была произведена глазомерная съемка этой местности (рис. 6). Размеры гряды с севера на юг около 360 м, с запада на восток около 75 м, высота около 6 м. Следов вала и рва на гряде не обнаружено. Вся площадь «Крутика» на протяжении более 10 лет постоянно распаивается. При распашке земли находили, по словам местных жителей, бусы, крестики, топор в форме секиры, а весной 1950 г. была найдена глиняная льячка. Все эти находки не сохранились.

¹ П. А. Су х о в. Славянское городище в южном Белозерье IX—X вв. МИА, т. VI

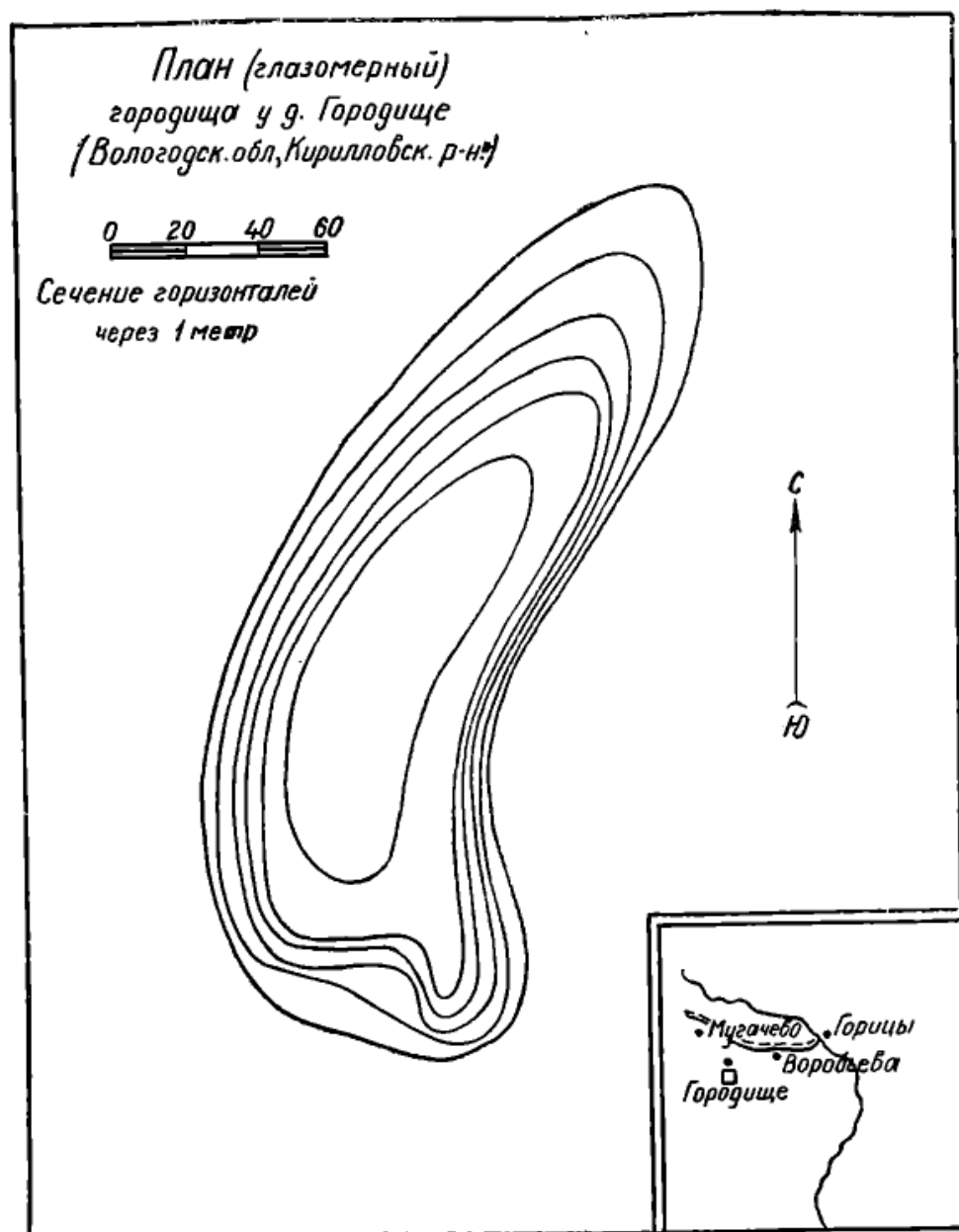

Рис. 6. Городище у д. Городище

Так как площадь «Крутика» во время обследования городища в 1939 г. оказалась засеянной, то П. А. Сухову не удалось заложить на гряде раскоп. Им была лишь произведена зачистка стенок картофельных ям, находящихся на восточном склоне средней части гряды, и осыпи на южном склоне гряды, откуда местное население брало гравий для ремонта дорог. В результате этого выяснилось, что культурный слой, имеющий интенсивно черную окраску, колеблющийся от 22 см до 1 м 05 см, насыщен фрагментами лепной керамики, костями животных, золой, жжеными камнями.

Большое количество обломков лепной посуды из грубой, плохо промешанной глины с примесью дресвы, большей частью неорнаментированной, было найдено, кроме того, П. А. Суховым на пашне, причем керамический материал был сосредоточен почти исключительно в юго-восточной части гряды.

Из собранной на городище керамики особый интерес вызывают фрагменты с орнаментом, нанесенным перевитой веревочкой, штампом,

образующим прямоугольниками, фрагменты с ногтевым орнаментом и с орнаментом в виде зигзага из глубоких нарезок. Аналогичная керамика, как отмечает П. А. Сухов, встречалась в раскопках Старо-Ладожского городища, Рюрикова городища в Новгороде, Гнездовского могильника.

Таким образом, на основании анализа керамического материала, собранного на городище, П. А. Сухов пришел к выводу, что данный памятник можно отнести к славянским городищам IX—X веков. П. А. Сухов предполагает, что городище было расположено лишь в юго-восточной части гряды и занимало площадь около 120×30 м.

Селища

1. Селище между дд. Кузьминкой и Слободкой находится на восточном берегу Сиверского озера (в 1,5—2 км к югу от Кирилло-Белозерского монастыря) на небольшой возвышенности. Здесь сохранилась часть вала, являющаяся, по словам местных жителей, остатками бывшего стрельбища. П. А. Сухов, который это селище обследовал в 1939 г.¹, обнаружил под валом и в разрезе берега на глубине 0,60—0,70 м темную прослойку с обломками керамики. Последняя (с примесью дресвы) была изготовлена на гончарном кругу.

2. Селище близ д. Перхино находится в 200—250 м к западу от деревни, на высоком берегу Уломского озера. Здесь находили во время рытья картофельных ям и при распашке земли различные железные подделки: ножи, топоры и др. В 1939 г. это селище обследовал П. А. Сухов; им была произведена глазомерная съемка данной местности, были заложены три небольших шурфа и зачищены стенки картофельной ямы. Но культурного слоя здесь не было обнаружено, лишь в одном шурфе на глубине 50 см был найден маленький обломок сосуда с большой примесью дресвы. Поверхность черепка была сильно разрушена, вследствие чего оказалось невозможным определить, каким образом был сделан сосуд — на гончарном круге или нет.

При разведках в 1950 г. нам не удалось продолжить работы П. А. Сухова по обследованию данного селища из-за отсутствия свободной от посевов площади.

3. Селище близ д. Славянка (Рожиский сельсовет) находится в 2 км к западу от деревни Славянки в местности «Алюнино». Сотрудниками Кирилловского музея, обследовавшими этот памятник, были обнаружены следы древнего колодца. Еще 150—200 лет назад на этом месте находилась деревня.

4. Селище близ д. Горяиново, находящееся на учете Кирилловского музея, расположено в 3 км к северу от д. Горяиново по обе стороны дороги, ведущей из Кириллова к Ферапонтову монастырю. Местные жители приписывают разорение бывшей когда-то здесь деревни «панам» в начале XVII века.

5. Селище близ д. Нефедьевой (Красновский сельсовет) расположено между последней и д. Сосновкой; оно было обследовано научными сотрудниками Кирилловского краеведческого музея и взято ими на учет.

П. А. Сухов. Отчет о полевых археологических работах в Кирилло-Белозерском районе в 1939 г. Архив Кирилловского музея.

6. Селище близ д. Шишкиной (Щелковский сельсовет) зарегистрировано сотрудниками Кирилловского музея, по сведениям которых здесь сохранились явные следы старого поселения.

7 Селище близ д. Родина расположено в 1,5—2 км к северу от последней. Следы старого поселения сохранились на так называемой горушке «Вашино». Здесь по указанию П. А. Сухова, обследовавшего это место, среди распаханного поля имелась площадка 50×40 м, на которой было обнаружено много камней, разбросанных в беспорядке. На прилегающих к распаханному полю участках П. А. Суховым была найдена керамика XIV—XV веков¹

Курганы

1. Два кургана близ д. Митино (Звозский сельсовет) расположены на низком кочковатом лугу в 600—700 м к востоку от деревни и метрах в 100—150 от берега Сиверского озера. Местное население связывает эти курганы с нашествием «панов», которые якобы отсюда, с западного берега озера, обстреливали Кирилло-Белозерский монастырь и под курганами зарыли свое оружие. Оба кургана имеют удлиненную форму и ориентированы с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Высота насыпи, расположенной ближе к берегу озера, около 0,80 м, диаметры — 8 м и 4 м; насыпь эта задернована, покрыта кочками, не раскапывалась. Высота второй насыпи, находящейся в 12 м к юго-юго-западу от первой, составляет около 1 м; диаметры 10 м и 5 м. В западной части этого кургана имеется шурф (приблизительно 1×2 м), сделанный местными жителями, которые искали здесь клад.

В 1939 г. эти курганы были обследованы П. А. Суховым². Произведенная последним подчистка стенок шурфа показала, что насыпь состоит из местного торфянистого материала. На глубине 0,80 м от вершины в насыпи прослеживается темная углистая прослойка (около 5 см толщины), в которой встречаются булыжники, уголь и кора. Под прослойкой и частично в самой прослойке обнаружены в значительном количестве образования болотной руды.

Вполне можно согласиться с точкой зрения П. А. Сухова, что данные курганы могли быть связаны с каким-нибудь позднейшим местным производством и что для окончательного разрешения вопроса о происхождении этих насыпей требуются раскопки.

2. Курганная группа близ д. Звоз (Звозский сельсовет) находится на расстоянии 0,5 км к северо-западу от деревни у проселочной дороги, ведущей из д. Звоз в Горицы (рис. 7) Она состоит из нескольких десятков жальников — невысоких насыпей около 50—60 см высоты, основания которых обложены камнями-валунами. (На план нанесены лишь наиболее хорошо сохранившиеся курганы.) Поле, на котором, находится курганная группа, известно у населения под названием «Бачево поле».

3. Курган близ д. Красново (Глазатовский сельсовет) расположен в середине деревни и почти весь разрушен.

П. А. Сухов. Отчет о полевых археологических работах в Кирилло-Белозерском районе в 1939 г. Архив Кирилловского музея.

² Там же.

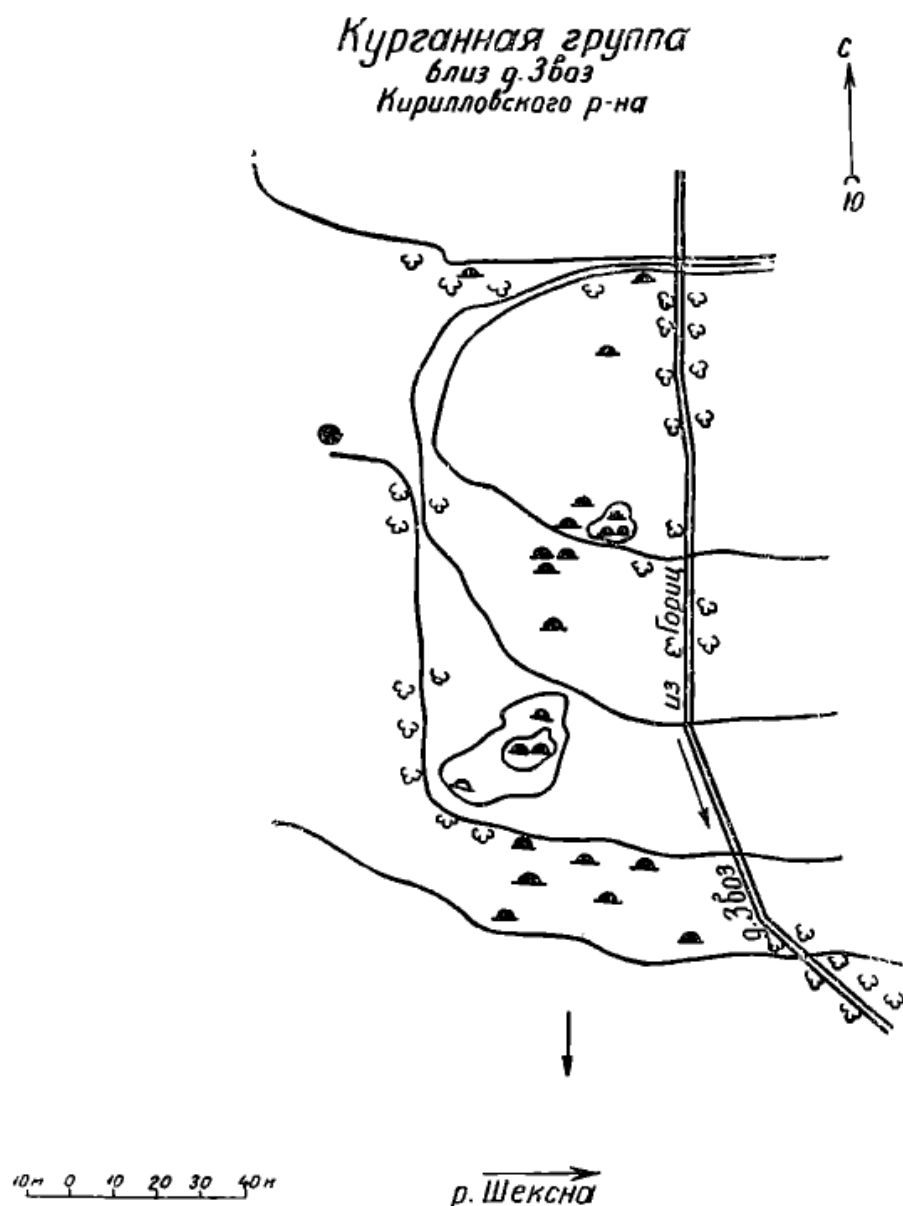

Рис. 7 Курганная группа близ д. Звоз

Старые кладбища, могильники

1. Кладбище у с. Благовещенска расположено на окраине села по обе стороны дороги, ведущей на Волокославинское. Здесь были обнаружены лет 15—20 тому назад остатки деревянных гробов, человеческие кости и отдельные железные поделки, среди которых топор, направленный в Череповецкий музей, датируется XIV—XV веками. Местность, где были сделаны эти находки, и теперь еще известна под названием «Могильцы». Осмотр на месте показал, что в настоящее время могильник мог сохраниться лишь в незначительной своей части под проезжей дорогой из Благовещенска в Волокославинское.

2. Кладбище близ д. Нефедьевой (Красновский сельсовет) расположено к западу от деревни на высоком берегу р. Порозовицы, в 100—150 м от реки. Местные жители неоднократно находили здесь человеческие кости, куски угля и различные металлические вещи (топор, ухват, ножи, куски чугуна). Внешний осмотр с небольшой зачисткой стенок обнажений не дал никакого материала.

3. Могильник близ д. Чебунино (Николо-Торский сельсовет) зарегистрирован сотрудниками Кирилловского музея, по сведениям которых здесь находили при земляных работах человеческие кости, обломки керамики и металлические поделки. В настоящее время территория, где находился могильник, раскопана.

4. Могильник близ д. Усть-Ситна (Бурановский сельсовет) находится на учете Кирилловского музея.

Отдельные находки

1. Близ Горицкого монастыря на самом берегу р. Шексны найдено значительное количество обломков керамики, которая аналогична керамике «Федосьинового городка».

2. Близ «Никитского городка» (Мигачевский сельсовет) на пашне, примыкающей к восточному склону последнего, обнаружены обломки глиняных сосудов, которые напоминают керамику «Федосьинового городка».

3. В Благовещенске, по сообщению местного учителя Н. А. Преображенского, был найден клад серебряных монет с изображением Георгия. Монеты находились в глиняной кубышке. Куда поступил данный клад, выяснить не удалось.

4. Близ д. Усковой, на северо-восточном берегу Ферапонтова озера, в местностях «Тярбола» и «Кукуши», находили, по словам местных жителей, во время полевых работ обломки древних кирпичей, глиняной посуды и металлические поделки.

Поселения, которые находились в названных пунктах, по преданию, были разорены поляками в начале XVII века.

Л. А. ГОЛУБЕВА

РАСКОПКИ

В

г. РУЗЕ

Руза — один из древнейших городов Подмосковья. Наиболее раннее свидетельство — духовная грамота Ивана Даниловича Калиты (1328 г.) — упоминает Рузу в перечне волостей, слобод и сел, выделенных из Московского княжества в удельное владение сыну Калиты — Ивану Ивановичу, князю звенигородскому.

По мнению К. М. Любавского, уже в эпоху Калиты на древнейшей территории Московского княжества обозначаются два больших города — Москва и Звенигород — на р. Москве и небольшие городки на окраинах: Звенигородский пригород Руза на р. Рузе, пригород Радонеж на притоке Вори, Перемышль на р. Моче, притоке Пахры¹.

Была ли Руза уже городом к началу XIV века и к какому времени следует относить ее возникновение? В духовных грамотах XIV века великих князей московских города и волости обычно перечисляются в порядке их значимости: пригород следует за главным городом, волости предшествуют перечню слобод и сел. Следует отметить, что в духовных грамотах великих князей московских первой половины XIV века Руза не упоминалась непосредственно вслед за Звенигородом, а следовала за Кремичной волостью. Так, в духовной Ивана Даниловича Калиты (1328 г.) читаем: «Се даю сыну своему Ивану Звенигород, Кремичну, Рузу, Фоминское, Суходол, Великую Слободу...»².

В духовной грамоте сына Калиты — Ивана Ивановича читаем следующее: «А се даю сыну своему Ивану Звенигород, со всеми волостями и с мытом и с селы и с бортью, Кремична, Руза, Фоминьское, Суходол, Истерва Слободка, слободу Замошьскую»³.

В духовной грамоте Дмитрия Донского от 1389 г., отдающего сыну Юрию Звенигород со всеми волостями, перечисление звенигородских волостей идет в следующем порядке: сначала упоминаются волости, составляющие ядро Звенигородского княжества и исторически вошедшие впоследствии (за небольшим исключением) в состав Звенигородского уезда XVII века, а затем упоминается Руза, впервые названная здесь

К. М. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 33.

² К. М. Любавский. Указ. соч., стр. 39.

³ Там же.

городком, и после нее перечисляются волости (Ростовци, Кремична, Фоминское). Только спустя 45 лет, в завещании князя Юрия Дмитриевича (1434 г.) сыну Димитрию, Руза упоминается уже как город, обросший многими волостями и селами: «Се даю сыну своему Димитрию город Рузу и с волостями и с тамгой и с мыта и с бортью и с селы и со всеми пощлинами, а волости Рузские: Юрьева Слобода, Замощье, Кремична, и бортники Кремиченскими, Скирманово с Белми, Ростовци, Фоминское, да село Михайловское, да Никифоровское и со всеми деревнями»¹

В приведенных выше текстах несомненно нашли свое отражение те исторические перемены, которые произошли за столетие в судьбе небольшого подмосковного городка. То обстоятельство, что в грамотах первой половины XIV века Руза упоминается в числе волостей Звенигородского удела и следует за Кремичной, вряд ли является простой случайностью. Волость Кремична составляла юго-восточную часть позднейшего Рузского уезда по течению р. Москвы. Центр волости — Кремична (впоследствии погост Кремична-Покровский)² лежала на левом берегу р. Москвы приблизительно на 10 км ниже впадения в нее р. Рузы. Примерно на половине этого расстояния, километрах в пяти от устья р. Рузы, находится село Старая Руза с сохранившимся на берегу р. Москвы городищем. При взгляде на археологическую карту Рузского района, составленную мной по данным С. Богоявленского, убеждаешься в том, что наибольшее количество разведанных в Рузском районе курганных групп сосредоточивается в нижнем течении р. Рузы и вдоль течения р. Москвы. Если по течению притоков Рузы эти группы встречаются сравнительно редко, то уже вдоль среднего и нижнего течения Рузы их насчитывается по два-три на каждые 5 км. К устью Рузы это количество увеличивается, и по течению р. Москвы, в ближайшем расстоянии от берегов, можно насчитать до пяти отметок на карте на каждые 5 км. А. В. Арциховский раскопками ряда курганных групп на берегу р. Москвы, расположенных в 10 км выше устья р. Рузы, доказал, что среди захоронений преобладают наиболее ранние для вятичей погребения первой и второй стадии (XII и XIII века). Найденные здесь же отдельные кривичские погребения относятся к наиболее древним в пределах Подмосковья³

Расположенные на важнейшей и издавна освоенной славянским населением края водной артерии Московского княжества — на р. Москве Кремична и Старая Руза, вероятно, и были древнейшими центрами волостей Звенигородского удела, упоминаемыми в начале XIV века, но сложившимися значительно раньше.

Археологически Кремична и Старая Руза не изучались. Осмотренное автором настоящей статьи в 1948 г. городище Старая Руза принадлежит к типу ранних городищ на мысу, обнесенных валами только с напольной стороны. Городище расположено на возвышенном мысу левого берега р. Москвы и с трех сторон окружено оврагами с крутыми склонами. Площадь его (приблизительно 70×35 м) вся занята под современное кладбище. В обрезах ям на городище заметны выходы культурного слоя и сделаны единичные находки керамики XI—XII веков.

В противоположность старорузскому, городище Рузы представляет собой типичный феодальный кремль с мощным валом по окружности го-

¹ Собрание государственных грамот и договоров (СГГД), т. I.

² В. Н. Дебольский. Духовные и договорные грамоты Московских князей, как исторический источник. ЗРАО, т. 12, № 1 и 2, стр. 147.

³ А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1933, стр. 117.

родища. Раскопки 1948 г. не обнаружили на нем домонгольского культурного слоя с его характерным инвентарем (об этом ниже). Таким образом, Руза, как Звенигородский пригород, значительно моложе как Старой Рузы, так и Звенигорода, где раскопками 1944 г. был обнаружен жилой комплекс XII века с обломками стеклянных браслетов и шиферным пряслицем.

Возможно, что первоначальные письменные свидетельства о Рузе следует относить не к Рузе-городу, а к Старой Рузе, центру древней волости. Упомянутый в духовной Дмитрия Донского «Руза-городок» и есть позднейший г. Руза, расположенный на р. Рузе на 8 км выше ее впадения в р. Москву. Таким образом, дату возникновения Рузы следует отнести к XIV столетию, что подтверждается, как об этом будет сказано далее, археологическими данными. Судя по тому, что в 1382 г. Руза вместе с Можайском и Звенигородом упоминается в числе городов, пострадавших от нашествия Тохтамыша, она была уже в это время укреплена, то есть была городом и играла определенную политическую и военную роль.

История Рузы воссоздается с трудом по данным духовных грамот и скудным летописным известиям. Немногочисленность последних связана, несомненно, с тем, что город стоял в значительной мере в стороне от крупных политических событий своего времени и не играл самостоятельной роли центра удельного владения, переходя из поколения в поколение в руки младшей линии московских князей, то возвращаясь в состав великого княжества Московского, то отделяясь от него в составе княжеств Звенигородского и Волоцкого.

В первой половине XIV века Руза вместе с другими волостями Звенигородского удела остается в руках младшего сына Калиты — Ивана Ивановича (1328 — 1359 гг.) и младшего сына Ивана Ивановича — Ивана Малого (1359—1364 гг.). После смерти последнего Звенигородский удел, как выморочный, присоединяется при Дмитрии Донском к великому княжеству Московскому. В 1382 г. Руза, наряду с другими городами юго-западного пограничья великого княжества Московского—Можайском и Звенигородом, — пострадала от нашествия Тохтамыша, мстившего за поражение татарских полчищ 2 года перед тем на Куликовом Поле.

По духовной Дмитрия Донского (1389 г.) Руза в составе Звенигородского удела была дана младшему сыну Дмитрия — Юрию Дмитриевичу. В годы ожесточенной борьбы этого мятежного звенигородского князя и его сына и преемника Дмитрия Шемяки за великокняжеский стол Руза оказалась втянутой в гущу политических событий и служила опорной базой заговорщиков. В ней концентрировались войска звенигородских князей; вероятно, она была тогда сильно укреплена.

Не случайно, заняв в 1432 г. Москву и захватив оставшихся там мать и жену великого князя Московского, Юрий Дмитриевич отправляет своих пленниц в Рузу. В Рузе же, пользуясь ее сравнительной удаленностью от Москвы, копит свои силы Дмитрий Шемяка, задумав «безвестно вооружиться» против великого князя. В 1446 г. к нему подошел с войсками князь Иван Можайский, и оба союзника в ожидании благоприятного момента для выступления против Москвы «совокупившиеся стояли в Рузе, готовы суще яко пси на лов»¹

После крушения политических планов Шемяки и его бегства Руза в числе остальных звенигородских владений вновь перешла в руки москов-

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 173.

ских князей. В 1462 г. по духовной грамоте князя Василия Васильевича она была выделена в составе Волоцкого удела князю Борису Васильевичу, упоминаясь в грамоте на третьем месте после Волока и Ржевы. Отношения между Борисом Васильевичем и старшим братом, великим князем Иваном Васильевичем, были основаны на полном признании первым авторитета великого князя и тесном политическом союзе.

Ружане участвовали в большом походе Ивана III на Новгород в 1477 г., причем князь Борис вел так называемый полк левой руки.

По духовной грамоте 1477 г. князь Борис Волоцкий отказал свои владения, в том числе и Рузу, сыну Федору; однако впоследствии Федор поделил свою отчину с братом Иваном и Руза стала отдельным владением последнего. На этом основании А. В. Экземплярский считает Ивана Борисовича рузским удельным князем (после 1477—1504 гг.), хотя это обстоятельство и оспаривается многими исследователями. Действительно, в источниках Иван Борисович нигде не называется князем рузским, а только волоцким. Не отмеченное никакими индивидуальными чертами княжение Ивана Борисовича протекало в полном подчинении политике Ивана III. По поручению последнего Иван Борисович участвовал в военных действиях против литовцев в 1500 и в 1502 гг и, умирая бездетным и должником великого князя, отказал ему Рузу.

Впоследствии на короткое время Руза придается к владениям сына Ивана III — князя Юрия Дмитровского (с 1504 по 1533 г.) После заключения и смерти последнего в 1536 г. Руза окончательно и навсегда присоединяется к владениям Русского государства.

Значение сильной военной крепости Руза сохранила вплоть до первой половины XVII века. Это ее значение усилилось в начале XVI века, когда Русское государство вело упорные бои с Литовским великим княжеством за возвращение Смоленска и русских верховских княжеств. В 1514 г. к Рузе, находившейся на ближайшем к театру военных действий рубеже, стягивались войска и материальные ресурсы¹. В 1618 г. Руза выдержала осаду соединенных войск польско-литовских интервентов, двигавшихся к Москве с намерением навязать русскому народу польского королевича Владислава. Героическая оборона Рузы явилась заслугой посадских людей — ружан, как это отмечает жалованная грамота царя Михаила Федоровича от 28 августа 1619 г.² Хотя враги сожгли посад и потравили хлеб на полях, ружане, затворившиеся в кремле, терпя нужду и голод, выдержали осаду. Они укрепили кремль, поставив на осыпи острог, выкопали колодец и тайник. По сохранившимся за 1618 г. данным, в Рузе было 80 человек посадских людей и захребетников, 29 детей боярских из ружан, 120 уездных людей и 91 человек смоленских стрельцов. В следующем, 1619 г. пожар, вспыхнувший в городе, истребил без остатка все, что еще уцелело от литовского разорения. В конце XVII века укрепления рузского кремля были уже в значительной мере разрушены. По описанию рузского воеводы Ивана Оксакова (1669 г.), «в Рузе городской стены и острогу нет, только осыпь и на осыпи шесть башен и те ветхи, башня проезжая развалилась до основания и те шесть башен все раскрылись»³. В последующее время эти укрепления уже не восстанавливались. По рисунку в рукописном атласе Московской губернии 1800 г. хранящем-

¹ Н. М. Карамзин. История Государства Российского, т. 7, стр. 95, примеч. 98. В. и Г. Холмогоровы. Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии, вып. I. Рузская десятина. М., 1881, стр. 229.

³ В. и Г. Холмогоровы. Указ. соч., стр. 229.

ся в Государственном Историческом музее, рузский кремль состоял из мощной земляной крепости без каких-либо признаков деревянных стен или башен.

ТОПОГРАФИЯ РУЗЫ

Данные по исторической топографии Рузы весьма скудны и восходят только к XVII веку. Восстановить по ним историю формирования города древнейшей поры невозможно, тем более что археологически город, помимо кремля, не изучался. Поэтому мы в своем очерке ограничимся лишь общими сведениями по топографии города, сосредоточив в дальнейшем свое внимание на топографии рузского кремля¹.

Рузский кремль стоит обособленно от города, расположенный на высоком холме над рекой Рузой и отделенный с северо-востока от территории посада широким оврагом с крутыми склонами, по дну которого течет р. Городенка. Последняя впадает в р. Рузу восточнее кремля; судя по рисунку в рукописном атласе 1800 г., в древности Городенка широко разливалась по всему дну оврага, склоны которого были заняты огородами, а не застроены отдельными домами, как в более позднее время. С северо-запада кремлевский холм отделен от соседних возвышенностей узкой долиной, представлявшей собой заплывший ров, в древности соединявший р. Городенку с Рузой. Территория посада, раскинувшегося на соседних возвышенностях к западу, северу и северо-востоку от кремля, в свою очередь делилась течением р. Городенки и впадающей в нее р. Артюшки и ручья не менее чем на четыре части.

Центром посада в XVII веке была торговая площадь с церквями Успения и Николая, расположенная на холме, что восточнее кремля, по левую сторону р. Городенки, между нею и р. Артюшкой.

Площадь эта, называвшаяся в источниках XVII века «Старым торгом», судя по названиям церквей, очевидно, имела такое же назначение и в глубокой древности. Св. Николай был с эпохи Киевской Руси общепризнанным патроном рыночных церквей в России², а церковь Успения известна по киевскому Подолу.

Попытки выделить другие древние части рузского посада, помимо торгового, при настоящем состоянии источников обречены на неудачу. Известно, что в Рузе на посаде существовала до XVII века церковь во имя Козьмы и Демьяна, считавшихся издавна на Руси патрональными святыми кузнецов. Церковь Козьмы и Демьяна обычно связана с кузнечным кварталом города³. Местоположение ее в Рузе установить не удалось.

Границы посада в Рузе XVI—XVII веков не совпадают с позднейшими границами; посад в XVI—XVII веках был значительно больше, чем в XVIII веке. Об этом можно судить по тому, что церкви Покрова и Бориса и Глеба в документах XVII века названы стоящими на посаде, а в XVIII веке те же церкви упоминаются стоящими в слободах. Косвенным доказательством значительной величины посада до XVII века могут служить данные о количестве городских церквей, приводимые В. и Г. Холмогоровыми: в 20-х гг. XVII века в Рузе при двух действующих церквях

¹ Работ, посвященных истории и исторической топографии Рузы, кроме неоднократно упоминаемой книги В. и Г. Холмогоровых, нет. В этой последней историко-топографические сведения о Рузе даются лишь попутно, поскольку внимание авторов привлечено исключительно к церковным памятникам Рузы и Рузского уезда.

² М. Н. Тихомиров. Древнерусские города. М., 1946, стр. 241.

Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 746—756.

и четырех, стоящих «без пеня», насчитывалось шестнадцать мест, где некогда были церкви.

Об укреплении посада в Рузе нет никаких сведений.

К посаду примыкали слободы: в XVII веке их было восемь, в конце XVIII века — пять. Слободы XVII века назывались по именам и прозвищам старожильцев (Баклашинская, Орехова, Демина); слободы XVIII века — по приходским церквям (Никольская, Покровская, Борисоглебская, Ивановская и раскинувшаяся на противоположном берегу Рузы Зарецкая).

Судя по изысканиям В. и Г. Холмогоровых, расположение слобод XVII века в значительной мере совпадало с расположением слобод XVIII века, но точные их границы остаются неизвестными. Следует полагать, что в XVII веке и тем более еще ранее эти слободы, состоявшие всего из нескольких десятков дворов, были значительно разобщены.

РУЗСКИЙ КРЕМЛЬ

Об укреплениях рузского кремля сохранились свидетельства, начиная с XVII века. На основании их можно судить о том, что земляная крепость в Рузе была обнесена рубленой деревянной стеной с шестью башнями. Сохранилось и изображение, этих башен, извлеченное В. и Г. Холмогоровыми из Дозорных книг¹ Патриаршего приказа 1695 г. На чертеже изображена западная, наиболее высокая, часть вала кремля со стороны соседней возвышенности, на которой стоит церковь Дмитрия Солунского. По гребню вала идет мощная деревянная стена с четырьмя шатровыми башнями. Видны два ряда башенных бойниц; корпуса башен сильно выступают за плоскость стены. Наверху — площадка для наблюдателей, защищенная сплошным бруствером. Рисунок хорошо передает высоту и крутизну склонов холма.

Упомянутая в источниках XVII века проезжая башня имела наверху церковь во имя Николая чудотворца, «что на городских воротах».

Данных о постройках внутри кремля в XVII веке нет. Несомненно, что в нем, как в административном центре, существовал с древних пор и воеводский двор и хозяйственные постройки, а в XVI—XVII веках и осадные дворы. Князья в Рузе жили мало, но княжеский двор в городе, вероятно, существовал и, может быть, также находился в кремле.

По словам дозорных книг 1628 г., раньше внутри города была соборная церковь Воскресения Христова, «а ныне место церковное пусто».

Интересен уникальный рисунок рузского кремля, помещенный в рукописном атласе Московской губернии 1800 г. На нем с большой выразительностью изображен уже без стен и башен мощный вал, опоясывающий северную и северо-западную части холма и поднимающийся высоким кокошникомобразным гребнем в западной части городища. Хорошо передана несколько возвышенная западная часть городища у подножия западного вала и общий спад площади холма к востоку.

Строения внутри кремля расположены в его центральной и северо-западной частях. В этой последней, ближе к выезду из городища, изображены на плане Рузы, помещенном в том же атласе 1800 г., деревянные постройки, оставленные без объяснения.

Второй комплекс зданий помещен в центральной части кремля. На плане Рузы под № 2 они имеют следующее объяснение: «Прежде бывшая воеводская канцелярия каменная, к ней пристроена камора для присутственных мест».

На рисунке, объясняющем план, в этом месте изображены: каменное одноэтажное здание кладовой, деревянное здание казначейства и тюрьма, обнесенная забором. Северо-западнее изображено двухэтажное деревянное здание присутственных мест. Восточнее показаны два двухэтажных здания: деревянный на каменных столбах соляной магазин и рядом «каменный магазин соляной же».

В половине XIX века кремль в Рузе, очевидно в силу удаленности и изолированности от остальной части города, утратил свое значение административного центра. До половины XIX века в нем еще сохранялись здания тюрьмы и соляных амбаров, но и они впоследствии были перенесены на посад. В 1904 г. в юго-западной части кремля над обрывом к реке было построено здание городской читальни, впоследствии отведенное под музей и сожженное немецко-фашистскими захватчиками в период временной оккупации ими Рузы в 1941—1942 гг. В настоящее время, кроме летней эстрады и временной сторожки, расположенных в западной части кремля, других строений на его территории нет.

Высота холма, на котором расположен кремль, около 40 м над уровнем реки.

Размеры рузского кремля по вершине холма: с востока на запад — 355 м, с севера на юг — 132 м. Вал сохранился со стороны, противоположной реке, и по западному краю, где он достигает наибольшей высоты. Невысокий (около 2 м) у северо-восточного мыса вал постепенно повышается к северо-западу, образуя на западной стороне кремля кокошничкообразный выступ высотой до 6 м. С южной, обращенной к реке, стороны городища вал отсутствует. Форма сохранившейся части вала несколько изменена вследствие того, что по его гребню в 1904 г. была проложена дорожка, обсаженная с двух сторон деревьями.

Существующий сейчас въезд на городище с юго-западной стороны существовал, очевидно, на этом месте и в древности. Он отмечен в «Историческом и топографическом описании городов Московской губернии» и на плане г. Рузы в атласе 1800 г. Дорога в кремль идет по кромке южного края холма и выходит на плато по касательной к валу; она пересекает площадь кремля от въезда с юго-западной стороны в направлении на северо-восток и на противоположной стороне холма переходит в крутой пешеходный спуск. Площадь городища имеет уклон к юго-востоку. Восточнее проезжей дороги — небольшое валовидное возвышение, очевидно, следы административных построек конца XVII века. Северо-западнее дороги — овальный заросший прудик диаметром около 10 м. Севернее пруда, у подножья вала по северо-западному краю холма, — ряд прямоугольных западин, следы котлованов от стоявших здесь вплоть до половины XIX века соляных амбаров.

В отличие от западной части, рельеф восточной половины кремля не имеет ни котлованов, ни западин; поверхность его ровная, с понижением к юго-востоку. Судя по письменным источникам и планам, эта часть кремля в XVIII—XIX веках совсем не была застроена. Это обстоятельство послужило одним из оснований для заложения раскопа в восточной части кремля,

РАСКОПКИ РУЗСКОГО КРЕМЛЯ

Раскопок на территории рузского кремля до 1948 г. не производилось. Случайные находки позволяют судить о заселенности его с весьма древнего времени. В числе подъемного материала, собранного в 1948 г. местными школьниками по склонам холма, оказались фрагменты керамики дяковского типа. До Великой Отечественной войны в местном музее хранились найденные в 1904 г. при рытье котлованов под фундаменты здания музея каменные ядра, железные остроги, шестопер, кольчуга, шпора. Там же были найдены погребения без вещей, принадлежавшие, очевидно, древнему кладбищу. Здание музея располагалось недалеко от места, где, по преданию, была в древности церковь.

В задачи раскопок 1948 г., организованных Государственным Историческим музеем под руководством автора настоящей статьи, входило: 1) выяснение стратиграфии кремля; 2) установление древнейшей даты его заселения и времени появления городского поселения; 3) выяснение конструкции вала и датировка последнего.

Раскоп был заложен в юго-восточной части кремля по южному склону северо-восточного вала и у подножья последнего. Общая площадь раскопа, ориентированного по странам света, составляла вместе с прирезками 162 кв. м. По данным нивелировки, наивысшая точка раскопа по склону вала отстояла на 3,8 м выше наиболее низкой точки раскопа на площади кремля. Раскоп был разбит на квадраты по 2×2 м. Были приняты следующие обозначения квадратов: с юга на север квадраты обозначались буквами в порядке алфавита — от А до М, с востока на запад — цифрами — с I по V (рис. 2). Фиксация находок и сооружений велась по пластам в 20 см.

Первый культурный слой. Первый почвенный слой — дерновой (10—15 см), второй — чернозем (20—30 см). Оба слоя вместе образуют первый культурный слой мощностью от 20 до 40 см. Слой залегает довольно ровно по всей площади раскопа, увеличиваясь в мощности ближе к подошве вала, содержит большое количество костей домашних животных и фрагментов керамики. Последняя представлена различными образцами посуды XVI—XVII веков: горшков, кувшинов, фляг и т. д. Около $1/20$ фрагментов найденной посуды принадлежало тонкостенной красной лощеной керамике, единичные экземпляры — черной лощеной. Керамика XVIII—XIX веков была представлена единичными находками, и только в дерновом слое. Помимо керамики, в первом слое найдено большое количество предметов вооружения XVI—XVII веков, конской упряжи и походного снаряжения воина. Слой датирует «деньга» Ивана IV (1533—1547 гг.).

Второй культурный слой. Под первым слоем залегала желтая насыпная глина вала мощностью от 15 до 200 см. В своей верхней части, особенно у подошвы вала, она содержала ряд находок, аналогичных находкам первого слоя. Так, здесь были найдены обломки стремян, ножи, конские подковы, пробой и т. д. Находки датируются копеей Ивана IV (1547—1584 гг.). Слой желтой глины, уменьшающийся в толщину по мере удаления от вала, переходил в тонкую прослойку (от 5 до 10 см толщиной), наблюдающуюся во всей южной половине раскопа и всюду разграничивающую первый слой от третьего слоя. В северной части раскопа у основания вала под желтой глиной залегала слоистая глина, смешанная с песком, более светлого цвета и, возможно, более древнего происхождения. Находок в ней не было,

Рис. 1. Профиль раскопа 1948 г в рузском кремле:

1 — чернозем (первый культурный слой); 2 — желтая глина (второй культурный слой); 3 — темная земля (третий культурный слой); 4 — песчано-глинистая основа вала (четвертый слой); 5 — светлая глина вала (пятый слой); 6 — подсыпка под вал; 7 — обожженная глина; 8 — погребенная почва; 9 — уголь; 10 — керамика XIV века; 11 — скоба; 12 — обгоревшее дерево; 13 — камни; 14 — клетки вала

Третий культурный слой. Темная земля с примесью угля, золы, с большим количеством фрагментов керамики, костей животных. Мощность слоя 25—40 см. Керамика третьего слоя резко отличается от керамики первого слоя. Так, в ней совсем не было встречено образцов черной или красной лощеной посуды.

Керамика третьего слоя представлена образцами курганного типа — красной грубой керамикой и беловатой тонкостенной. Первая аналогична курганной керамике XIII—XIV веков, вторая — керамике, найденной в городских слоях XIII—XIV веков в Коломне, Звенигороде, Вересе и т. д. Кроме того, в третьем слое найдено несколько фрагментов лепной посуды. Наибольшее количество находок этого слоя сосредоточено в квадратах *Е, Ж, З* с первого по третий ряд (см. рис. 1), где были обнаружены остатки наземного жилища. К сооружениям третьего слоя относятся также гончарный горн и остатки кузнечного очага со шлаками и крицей.

Четвертый культурный слой. Слоистая серо-черная почва — подсыпка под вал; встречается только в северной части раскопа, в квадратах *И — М* (см. рис. 1), где она располагается над пятым слоем. В этом слое встречены единичные находки керамики XIII—XIV веков.

Пятый культурный слой. Погребенная гумусная почва яркочерного цвета. Залегает по всей площади раскопа слоем от 10 до 50 см, более мощным к северному склону холма. В слое встречены единичные находки лепной керамики с ямочными вдавлениями по венчику и два глиняных грузика дьяковского типа.

Материк — светлый суглинок и следующая за ним желтая глина (см. рис. 1)

Бурные военные события начала XVII века и осада Рузы 1628 г. оказали влияние на содержание первого и второго культурных слоев городища. В этих слоях найдены предметы вооружения и походного снаряжения воина. Прекрасно сохранилась втоптанная в глину вала сабля длиной 91 см с четырьмя линиями бороздок вдоль тыльной стороны клинка. Перекрестие сабли прямое, снабжено двумя вертикальными стержнями, к одному из которых приклепана петля. По определению М. Денисовой (заведующей отделом оружия Государственного Исторического музея), сабля относится к типу польско-литовских сабель начала XVII века.

Найден втульчатый четырехгранный наконечник копья, аналогичный датированным русским копьям середины XVI века. Длина этого наконечника 17 см, ширина граней у основания 1,7 и 1 см.

Найдено также три наконечника стрел ромбовидной и листовидной формы, свинцовое ядро диаметром 2,5 см.

К предметам снаряжения воина относится шпора с прямоугольными прорезями на концах; по центру дуги — изогнутый стержень с раздвоенными концами для насадки зубчатого колесика. Шпора аналогична такой же, найденной в верхней части верейского вала, и может быть датирована XVI—XVII веками.

Несколько неясно назначение другой находки, происходящей также из верхнего культурного слоя, — дугообразно изогнутой железной скобы, на каждой стороне которой имеется одиннадцать зубчиков. Длина скобы 12 см, ширина 4 см. По центру скобы с внешней стороны — выступ в виде шипа пирамидальной формы. Концы скобы сужены и снабжены колечками. Возможно, что скоба имела назначение шпоры, но отсутствие

материала для сравнения не позволяет решить этот вопрос утвердительно.

Найдены подковки каблучные двух типов: широкие, плоские с шипом в центре (4 экземпляра) и узкие, охватывающие каблуки в виде оковки с загнутыми концами и шипом в центре (3 экземпляра).

Найдены три обломка очажных цепей из трех-четырех звеньев с крюками для подвешивания походных котлов над огнем.

Найдено также несколько обломков от стремян. Все они принадлежат к стремянам одного типа с почти прямоугольным подножием (шириной до 4,5 см) и дужкой с овальной прорезью (3,5×1 см).

Найдены две пары кольчатых удил меньшего и большего размеров; у одних длина стержня 9,5 см, диаметр кольца 7,5 см; найдены также две конские подковы типа, уже известного по находкам в Тушинском лагере (XVII век), — небольшие, с пирамидальным шипом по центру.

Следует отметить также находку глиняной чернильницы в форме горшочка высотой 4,3 см, с диаметром дна в 3,7 см и с наибольшим диаметром в 5,5 см. Сосуд вылеплен из беловатой глины, толстостенный; края венчика почти прямые.

К верхнему слою относится также находка костяной орнаментированной пластинки-накладки размером 6,7×1,5 см, толщиной 0,1 см. Пластика плоско-выпуклая, с круглым отверстием, нижний конец обломан. Орнамент из волнистых и перекрещивающихся прямых линий выполнен довольно неискусно. Резьба грубая.

В том же слое найдена костяная пластинка размером 6×1 см, но уже без орнамента. Поверхность ее гладкая, отполированная, ближе к сохранившемуся концу — отверстие.

В глине вала, на глубине 60 см, найдено кресало с овальной прорезью и вытянутыми, уплощенными, прямоугольными концами; один конец длиннее другого и снабжен отверстием для подвешивания. Длина кресала 15,5 см, ширина конца 2,8 см, толщина пластинки в середине 0,5 см, к концам 0,2 см. Форма кресала необычна для кресал курганного типа и представляет собою более поздний вариант.

Находки третьего культурного слоя характеризуются, в отличие от находок предыдущих слоев, преобладанием предметов хозяйственного значения. Так, здесь были найдены ножи как обычного курганного типа, так и с широким лезвием и уплощенными черенками с обкладками из кости или дерева. Там же найдена коса длиной 33 см, шириной 3,7 см со слабо изогнутым лезвием, обломанная; грузила из глины и камня, два железных цилиндрических замка и ключи к замкам этого типа с бородками различных форм (круглой, овальной с четырьмя выступами).

По керамике слой можно датировать XIV—XV веками; в пользу этой даты говорит также полное отсутствие находок стеклянных браслетов и шиферных пряслиц.

КЕРАМИКА

В связи с достаточно четкой стратиграфией раскопа удалось установить распределение отдельных типов керамики по пластам и культурным слоям. Описание типов керамики дается в хронологическом порядке.

1. Лепная керамика. Горшки со слабо выраженными венчиками почти баночной формы. Тесто с обильными примесями очень крупной дресвы (до 0,5 см), благодаря чему поверхность стенок бугристая; иногда заметны следы вертикального сглаживания. Цвет от серого до

желтовато-коричневого. Толщина стенок от 0,5 до 0,8 см. Днища сосудов имеют большие закраины. Диаметр днищ около 14 см. Орнамент редок. Виды орнамента: 1) ямочные вдавления с вертикальными насечками, произведенными ногтем; 2) сдвоенные ямки, одна под другой, сделанные пальцами небольшой руки; повторяются через равные промежутки; 3) круглые несквозные вдавления; 4) перевитая веревочка, оттиснутая тремя линиями, расходящимися лучами из одного центра. Срез венчика, слегка скошенного наружу, украшен легкими ямочными вдавлениями или защипами; иногда в середине такой лунки имеется углубление, сделанное ногтем.

2. Гончарная керамика — курганного типа. Представлена только горшками. Тесто со значительной примесью крупного песка. Цвет от бело-розового до сероватого. Обжиг от среднего до хорошего. Керамика сработана на ручном гончарном круге; на тыльной стороне горшков заметны следы ленточной техники. Орнамент линейный и волнистый, часто комбинированный. Венчики горшков круто отогнуты, плечи их выпуклые. Высота от 12 до 18 см; диаметр днищ от 6,5 до 12 см. Клейма встречены четыре раза. Рисунки клейм: двойной треугольник, треугольник, вписанный в трапециевидную фигуру, колесо в круге, вилы (или трезубец?). На одном горшке — отпечаток прямоугольного шпателька, вырезанного на гончарном круге. Керамика этого рода известна в поздних курганных погребениях XIII—XIV веков и в городских слоях XIV—XV веков. Она встречена в Коломне, Радонеже, Верее и в незначительном количестве при раскопках в Москве.

3. Красная грубая керамика. Тесто содержит значительные примеси крупнозернистого песка. Обжиг средний. Сделана на ручном гончарном круге. Стенки тыльной стороны сглажены плохо, заметны следы ленточной техники. Толщина стенок до 0,6 см. Типы изделий: горшки, миски, крышки; преобладают горшки. Форма венчиков у последних варьирует. По шейке и плечикам обильный волнистый и линейный орнамент. Клейма встречены дважды: колесо в круге и круг. Миски встречены двух типов: тонкостенные (до 0,5 см), с отогнутым краем высотой до 4 см, и с прямым краем высотой до 3 см. Днище одной такой миски сохранило отпечаток клейма в форме круга. Крышка (единичная находка) — толстостенная (более 1,5 см), выпуклая. Края орнаментированы слабыми вдавлениями и легкой косой насечкой. Керамика этого типа, имеющая ряд переходных ступеней к тонкостенной красной глиняной посуде с лощением, встречена при раскопках А. Ф. Дубынина в слоях XIV—XV веков в Суздале и Б. А. Рыбакова — в Звенигороде.

4. Поздняя красная керамика развивается из предшествующей грубой красной керамики. Глина красная, цвет изделий в изломе от черного до желтого, цвет поверхности от красного до коричневого. Тесто содержит большое количество примеси мелкозернистого песка. Сделана эта керамика на ручном, чаще на потном, круге. На некоторых образцах встречены следы лощения. Типы изделий: горшки, миски. Горшки имеют невысокий, почти прямой край, переходящий снаружи в свешивающийся венчик (валик). По профилю эта посуда совершенно сходна с описанной Н. Н. Ворониным «красной средней» керамикой, найденной в слоях XIV—XV веков в Ярославле. М. Г. Рабинович по раскопкам в Москве относит появление этой керамики только к XVI веку. В Рузе найдена в верхнем слое XVI—XVII веков и в насыпи вала XV—XVI веков.

5. Беловатая тонкостенная керамика (толщина стенок от 0,3 до 0,6 см). Глина беловатая. Тесто хорошо отмучено, содержит очень мелкие примеси песка, но в значительном количестве. Обжиг от среднего до хорошего. Цвет глины в изломе от белого до серого. Сделана на ручном и ножном круге. Типы изделий: горшки, крынки, миски, сосуды с поддонами, крышки. Преобладающий тип изделий — горшки. Венчики горшков высокие, почти прямые, со слегка загнутыми краями. Переход от венчиков к плечикам резкий, последние выделяются как бы ступенькой. По плечикам и тулову обильный орнамент, волнистый и линейный. Миски невысокие (4—5 см), тонкостенные, украшенные волнистым орнаментом. Форма сосудов с поддонами ввиду несохранившихся верхних частей изделий не может быть реконструирована с точностью; вероятно, она была близка к форме крынок или кувшинов. Поддоны представляют собой круглый пустотелый обод высотой около 1 см, диаметром от 7 до 7,8 см, соединявшийся посредством сплошной ножки несколько меньшего диаметра и высотой около 1,5 см с дном сосуда. Как можно судить по сохранившемуся экземпляру, это дно имело яйцевидную форму при толщине около 0,7 см.

По форме горшков «беловатая» керамика имеет некоторое сходство с московской «городищенской керамикой» (определение М. Г. Рабиновича). Однако разница в тесте, обжиге, толщине стенок, а также различие в датах не позволяют сближать между собой ту и другую керамику. Беловатая керамика, появляясь в Рузе в слое XV—XVI веков, преобладает затем среди керамики, встречающейся в насыпи вала, встречается и в верхнем слое.

6. Обваренная керамика. Глина белая. Тесто хорошо отмученное, с мелкими примесями. Обжиг хороший. Стенки хорошо сглажены. Цвет — светлосерый; стенки покрыты коричневатыми пятнами и подтеками. Толщина стенок около 0,6 см. Сделана преимущественно на ножном круге. Типы изделий: массивные горшки с диаметром тулова свыше 30 см. Посуда этого типа появляется значительно позднее других видов, не ранее XVI века. Помимо Рузы, встречена при раскопках гончарной слободы в Москве. Изготовление такой посуды прослежено вплоть до мастерских подмосковных кустарей-гончаров XX века.

7. Белая грубая керамика; аналогична выделенной М. Г. Рабиновичем для московской керамики. Представлена единичными находками толстостенных сосудов-горшков, может быть, корчаг.

8. Лощеная керамика. Представлена: а) красной лощеной керамикой, хорошо известной по многочисленным находкам в слоях XVI—XVII веков древнерусских городов и подробно описанной М. Г. Рабиновичем. Типы сосудов: большие горшки диаметром от 12 до 30 см и кувшины. Составляет всего лишь около $\frac{1}{20}$ всех найденных обломков керамики в Рузе; б) черной лощеной керамикой, представленной несколькими обломками фляги, кувшина и ручки от кувшина.

По культурным слоям типы керамики распределяются следующим образом.

Нижний культурный слой (пятый) — середина I тысячелетия н. э. Лепная керамика и грузики дьяковского типа.

Культурные слои XIV—XV веков (четвертый и третий). Отдельные находки лепной керамики. Преобладание керамики курганного типа наряду с появляющейся керамикой красной грубой и беловатой тонкостенной. В верхнем горизонте появляется поздняя красная керамика.

Второй культурный слой. Насыпь вала XV—XVI веков. Отдельные экземпляры керамики курганного типа и красной грубой керамики при преобладании беловатой тонкостенной и поздней красной керамики. Встречаются также отдельные экземпляры обваренной керамики и красной лощеной посуды.

Верхний культурный слой (первый) XVI—XVII веков. Характеризуется пережиточным бытованием беловатой тонкостенной керамики поздней красной керамики, наличием обваренной посуды и отдельными экземплярами белой грубой керамики. Лощеная керамика представлена образцами красной лощеной и в единичных экземплярах — черной лощеной посуды.

Сооружения в третьем культурном слое

На глубине 80—100 см от современной поверхности в квадратах *Е, Ж, З* первого, второго и третьего рядов, в третьем культурном слое были обнаружены остатки жилой постройки, отмеченные скоплением угля, золы, обожженной глины, разбросанными обломками обуглившегося дерева, камнями (рис. 2). Так как жилище было наземным, то его точные границы установить не удалось. Расчищенная яркокрасная обожженная глина в квадратах *Ж-II* и *З-II* представляла собой развал глинобитной печи. Размеры пласта обожженной глины с севера на юг 235 см, с запада на восток 120 см; толщина пласта 20—30 см. Глина лежала рыхлой, легко рассыпающейся массой, содержавшей небольшое количество потрескавшихся и покрытых налетом угля камней размером в 10—15 см. После расчистки и снятия пласта обожженной глины в рыхлом слое угля и золы, достигающем 30 см толщиной, было расчищено основание печи, состоящее из четырех обуглившихся бревнышек (рис. 3). Последние образовывали прямоугольник, ориентированный с западо-северо-запада на востоко-юго-восток, со сторонами, равными 125 и 110 см. Толщина дерева 10—15 см. Приема соединения концов бревен проследить не удалось. С внутренней стороны прямоугольника сохранились следы обуглившихся бревен второго ряда, лежавших вплотную к первым и параллельных им. При расчистке они распадались на мелкие фрагменты. Пространство внутри прямоугольника было заполнено плотно утрамбованными в землю небольшими камнями (диаметром от 5 до 15 см), покрытыми углем и золой. Лучше всего камни сохранились в юго-восточной половине прямоугольника; их было здесь 26. Печь была сооружена на предматериковой погребенной почве. Помимо фрагментов керамики, на обожженной глине печи были найдены: гвозди кованые, ключ для цилиндрического замка, брусок точильный, глиняные пряслица и грузило. В непосредственной близости от печи были обнаружены: ножи, замок цилиндрический и ключи к нему, каблучные подковки, грузила глиняные, коса. Западнее печи был поднят обломок тигелька для плавки металла. Отчетливых границ жилища обнаружить не удалось. Можно предположить, однако, что крупные камни размером 25×30 и 30×40 см, лежавшие в двух пересекающих друг друга под прямым углом направлениях, параллельных юго-восточному и юго-западному бревнам печи, на расстоянии 190—220 см к югу от юго-западного угла основания печи, имели отношение к нижней части стен жилища, отмечая собой направление этих стен. Как уже указывалось, границы жилища на северо-востоке не были прослежены. Вход мог быть с запада, там, где у западной стенки раскопа в квадратах

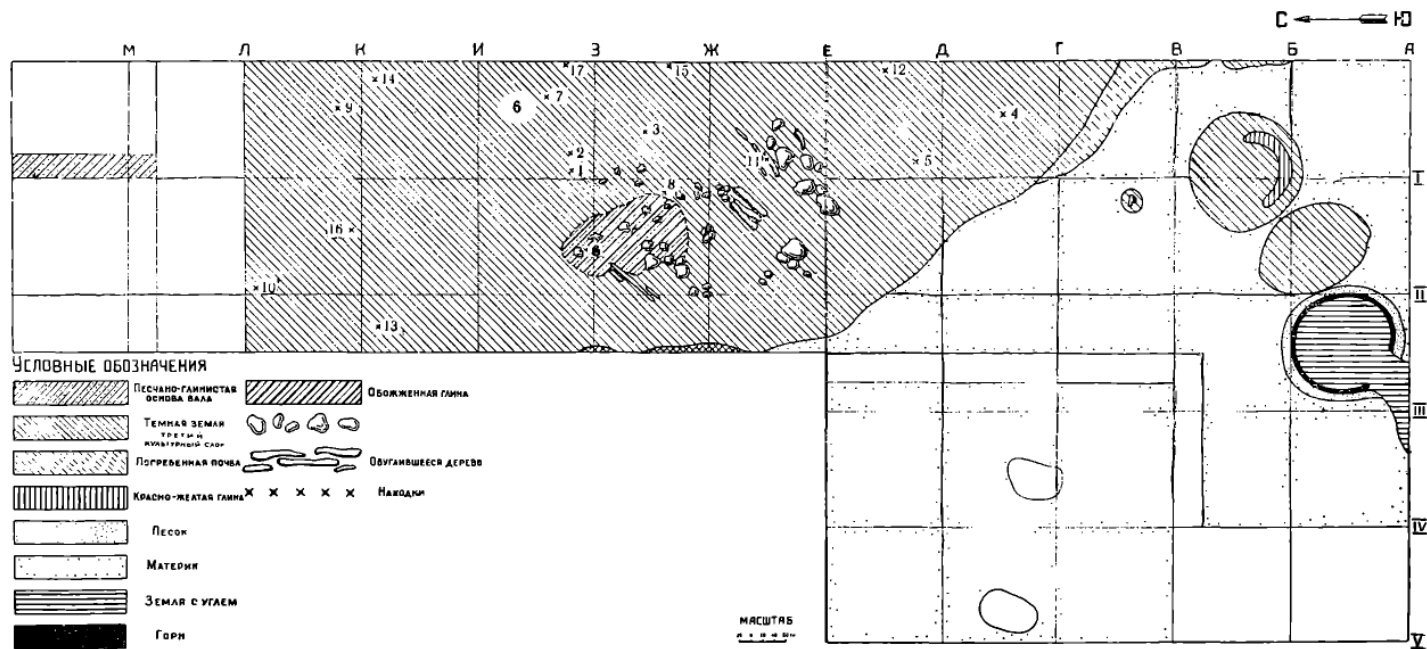

Рис. 2. План раскопа на уровне пятого пласта:

1 — нож; 2 — стержни; 3 — кольцо; 4 — ключ; 5 — замок; 6 — ключ; 7 — бусина; 8 — брусок; 9 — нож; 10 — подковка; 11 — нож; 12 — ключ; 13—14 — ножи; 15 — обломок тигелька; 16—17 — подковки

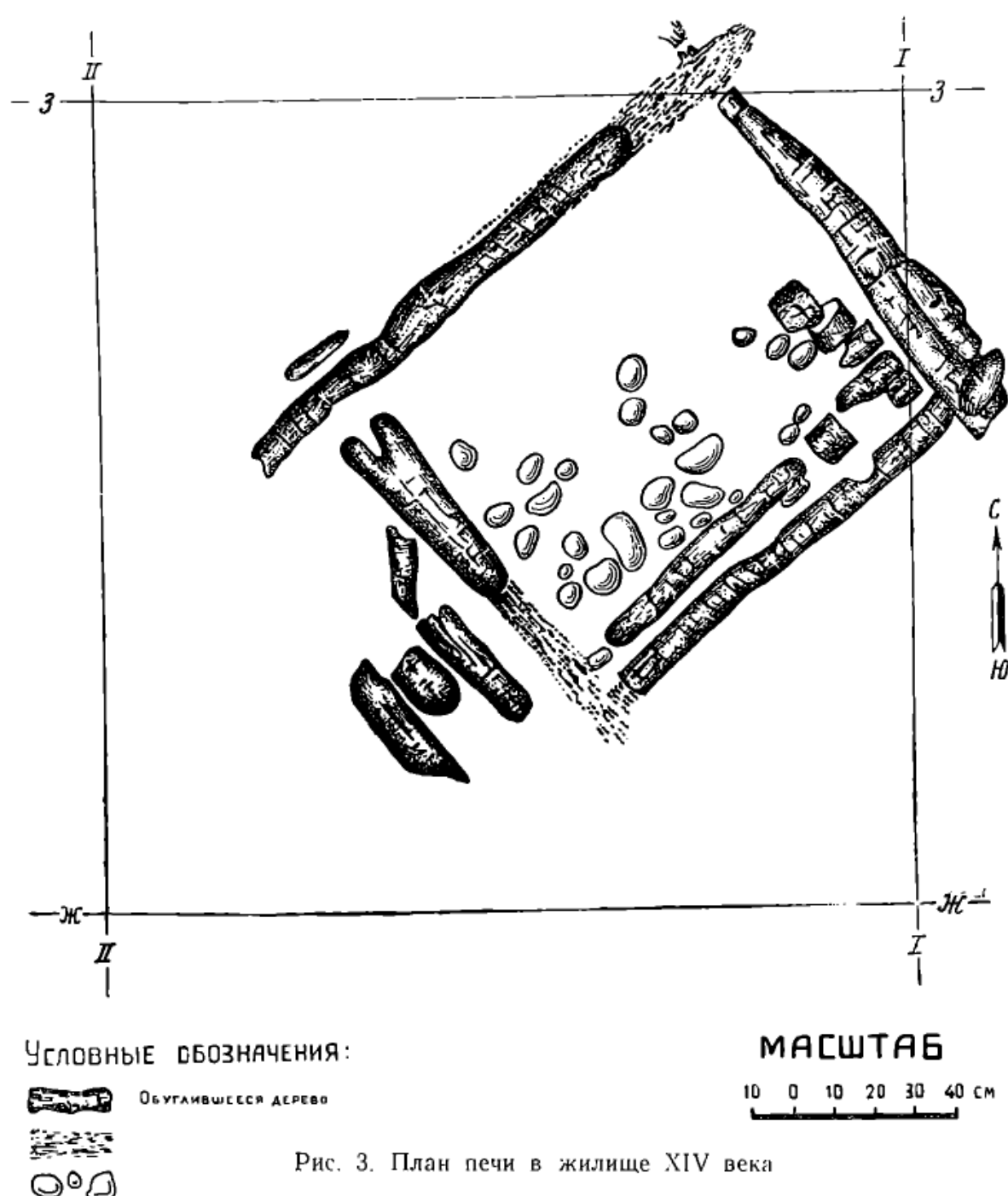

Рис. 3. План печи в жилище XIV века

Е-II и *Ж-III* имелось углубление в материке. В раскоп это углубление входило лишь частично. Но в профиле западной стенки оно рисуется ямой шириной по верхнему краю до 2,5 м, по нижнему — до 60 см, глубиной до 50 см. Углубление заполнено почвой второго культурного слоя с прослойками глины, смешанной с землей. Подстилающий слой — земля с углем.

На север от жилища, в квадрате *И-III* на уровне восьмого пласта в слоистой земле (пятый слой), представляющей собой подсыпку под вал, было обнаружено пятно обожженной глины с углем и золой. Размеры этого пятна, оказавшегося остатками очага, — 140 см в диаметре. На очаге было поднято несколько фрагментов шлака и железная крица. Крица выпукло-вогнутая, круглой формы, диаметр 12 см, высота 7 см, вес 2,15 кг. Глубина очажной ямы около 20 см (рис. 4).

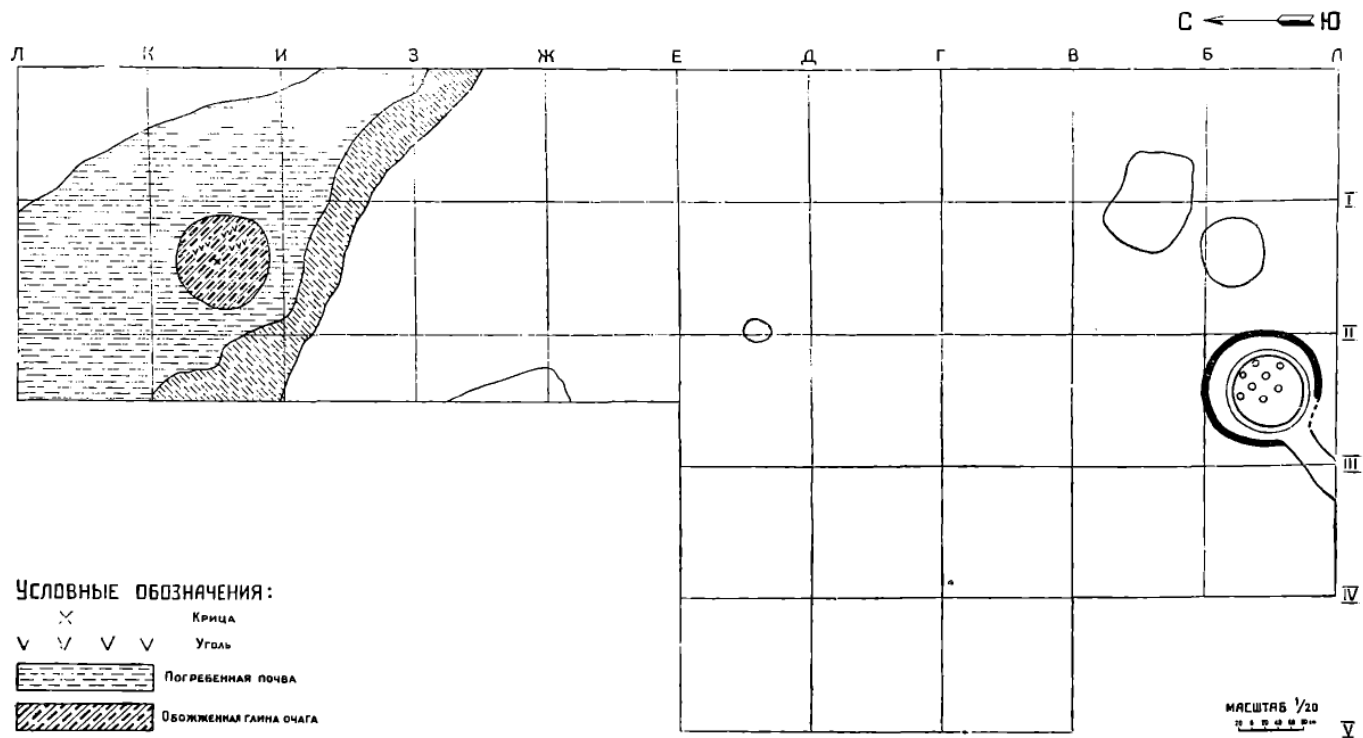

Рис. 4. План раскопа на уровне восьмого пласта

У южной границы раскопа, на расстоянии около 1,5 м от края обрыва городища к реке, был обнаружен гончарный горн. Верхняя граница горна была отмечена на уровне третьего пласта в квадрате *A-III* развалом обожженной глины с углем и золой. Пятно обожженной глины занимало почти всю площадь квадрата *A-III* и части трех соседних квадратов; его размеры с севера на юг 210 см, с запада на восток 240 см. Свод горна не сохранился, обрушившись частично внутрь горна. Глинобитные стенки показали на уровне нижней границы третьего культурного слоя (пласт четвертый). Сам горн был сооружен в круглом котловане, вырытом в материке (рис. 5). Между стенками горна и материком — прослойка песка до 10—15 см. Стенки горна сильно обожжены, твердые, яркокрасного цвета; толщина до 3 см. Горн двухъярусный; разделен черенцом (подом) на две части: верхнюю — обжигательную — и нижнюю — топочную — камеры. Высота горна до пода (высота обжигательной камеры) 73 см. Стенки горна разрушены в юго-западной части над топочным отверстием. Форма горна бочонкообразная. Верхний диаметр 180 см; диаметр пода 110 см (рис. 6). Топочное отверстие горна обращено на юго-запад. К моменту раскопок горн был заполнен черной землей с углем и небольшим количеством битой керамики XIII—XIV веков. Круглый под горна сохранился хорошо. В его восточной части расположено восемь продухов, размещенных в трех параллельных рядах в следующем порядке: в первом наружном ряду два продуха, во втором — четыре, в третьем снова два. Диаметр продухов от 8 до 10 см; расстояние между ними около 16 см. Канальцы продухов скошены по направлению к наружным стенкам горна. Толщина пода до 12 см. На нижней, особенно сильно обожженной, стороне пода сохранились отпечатки дерева и угля, очевидно, остатки каркаса, возведенного при сооружении горна.

В центре нижней части горна — опорный столб («козел»), поддерживавший черенец. В момент раскопок он представлял собой глинобитное сооружение подцилиндрической формы с полостью внутри. Высота «козла» около 35 см, диаметр около 40 см. При постройке горна деревянный столбик, служивший опорой черенца, был обложен толстым слоем глины (до 15 см); последняя под действием огня была обожжена и затвердела настолько, что сама стала служить опорой черенца, когда дерево внутри выгорело. Следы обгорелого дерева внутри полости хорошо сохранились. Опорный столб с его внутренней замкнутой полостью не имел никаких других отверстий. Канальцы продухов обходили камеру опорного столба по наклонной. Нижняя часть горна имела дополнительные перегородки из обожженной глины, примыкавшие к опорному столбу, но имевшие сквозные отверстия для прохода горячего воздуха. В перегородках и в рыхлой глине, заполнявшей вместе с угольками пространство нижнего яруса горна, найдено несколько фрагментов тонкостенной горшковой керамики беловатого теста, аналогичной керамике третьего культурного слоя. Топочное отверстие горна имело в высоту около 35 см, в ширину около 40 см. Расчищены обгорелые головни, лежавшие по оси топки.

Аналогии рузскому горну имеются в горнах Донецкого городища, но ближе всего он стоит к горну XIV—XV веков, открытому А. П. Смирновым при раскопках 1948 г. в Болгарах. От болгарского горна его отличает лишь то, что последний имел глинобитный опорный столб черенца без деревянной основы, а также несколько меньший диаметр черенца.

Рядом с горном, примыкая к нему с северо-востока (квадраты *Б-I* — *A-I* — *Б-II* — *A-II*), находились две ямы, вырытые в материке. Их верх-

Рис. 5:

а — профиль вала; б — черенец горна с продухами; в — разборка черенца; г — вид горна после снятия черенца

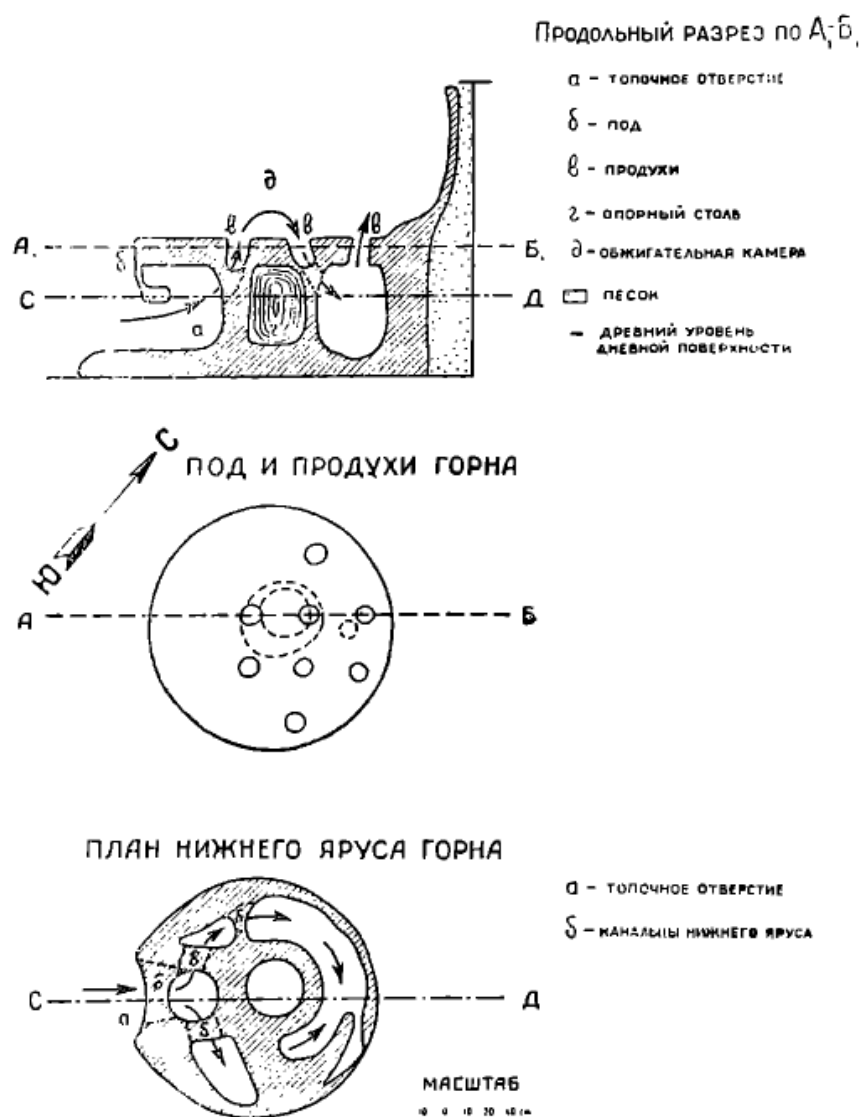

Рис. 6. План горна

ние границы были обнаружены на уровне четвертого пласта. Размеры восточной ямы 200×125 см, западной 195×157 ; глубина первой ямы — 131 см; второй — 160 см. Заполнены были ямы темной землей третьего культурного слоя с угольками, мелкими камнями и фрагментами керамики. Примыкая тесно к горну, ямы имели, очевидно, производственное назначение.

Вал

Раскоп 1948 г. прорезал вал на протяжении 12 м, не доходя до его гребня 3 м. Ввиду большой трудоемкости работ расширить прирезку по валу к северу мы не смогли. Высота вала в точке М — крайней северной точке раскопа — была не менее 5,5 м (до уровня третьего культурного слоя), а в точке К была равна 3,5 м. Вал был исследован полностью в квадратах Ж — Л трех рядов, а в квадратах Л — М лишь на глубину 140 см и шурфом 40×250 см на глубину 2 м. Как уже указывалось, верхняя часть насыпи вала состояла из желтой глины; основание вала было возведено из глины, смешанной с песком светложелтого цвета. Для возведения вала была выровнена площадь по северному склону холма. С этой целью строителям пришлось насыпать более чем на 120 см земли, смешанной со светлым предматериковым суглинком (квадрат К с I по III). В этой почве попадались единичные фрагменты керамики XIII—

XIV веков. Возраст этой насыпной почвы соответствует, таким образом, возрасту третьего культурного слоя. Вал был возведен уже после того, как на площади городища отложился довольно значительный культурный слой (третий культурный слой), который и был впоследствии перекрыт насыпью вала. Разница в составе насыпи вала позволяет допустить, что вал подсыпался и укреплялся спустя значительное время после его сооружения. Участок вала, который был обследован нами, не сохранил никаких следов деревянных конструкций в основании вала. Однако в верхней части вала (квадрат *I*) обнаружены следы деревянной клетки — основание клетки крепостной стены, шедшей по гребню вала. На глубине от 80 до 240 см в северной стенке квадрата *I* сохранились слабые следы восьми тесин, лежавших друг над другом и уходивших в восточную стенку раскопа на границе между квадратами *M-I* и *L-I*. Тесины располагались по оси вала. От соприкосновения с воздухом дерево покорибилось и осыпалось так быстро, что нам не удалось даже сфотографировать его. Длина тесин, уходивших в обе стороны за границы раскопа, составляла около 110 см, ширина — около 15 см. В самой верхней части вала на глубине от 40 до 60 см в квадрате *M-I* сохранились две обуглившиеся балки длиной в 80 и 125 см, ориентированные иначе, чем нижние тесины. Они были соединены друг с другом воткнутой в них железной скобой. Вероятно, эти балки принадлежали сгоревшей части наземной клетки вала. По его гребню шли деревянные срубы, основание которых было опущено в земляную насыпь не менее чем на 2,5 м.

ВЫВОДЫ

Раскопки 1948 г. не выявили в восточной части рузского кремля целостного древнейшего слоя, хотя отдельные его компоненты (лепная керамика и грузики дьяковского типа) и были найдены. Вероятно, этот слой был уничтожен в эпоху интенсивной жизни более позднего поселения на территории кремля. По стратиграфии, а также по инвентарю этот следующий по времени культурный слой вследствие отсутствия находок стеклянных браслетов и шиферных пряслиц и по типичной керамике можно датировать XIII — XV веками. Этот слой (третий культурный слой) отложился в восточной части рузского кремля в период существования здесь городского поселения, к которому относятся как остатки наземного жилища, так и горн.

Древнейшую часть вала можно отнести к концу XIV — началу XV века. Подсыпку вала, перекрывшую собою жилище, можно отнести не позднее чем к XVI и не ранее чем к XIV столетиям.

События рузской истории XVI—начала XVII века оставили яркий след в археологии Рузы. За высокими валами и крепостной стеной горожане Рузы не раз отбивали нападения литовцев и поляков. Именно эти события, к которым относится и героическая оборона Рузы в 1618 г., отражены в тех многочисленных находках вооружения и походного инвентаря, которые оказались втоптаннми в глину вала и затем, покрытые дерном, сохранились до наших дней. В силу того, что кремль Рузы уже в конце XVIII века утратил свое значение крепости и ввиду своей изолированности от остальной части города не представлял удобства для поселения, в нем (по крайней мере в изученной восточной его части) совершенно не отложились жилые слои XVIII—XIX веков.

В. П. ЛЕВАШЕВА

БЕЛОРЕЧЕНСКИЕ
КУРГАНЫ

В окрестностях станицы Белореченской Краснодарского края на р. Белой, левом притоке Кубани, в 1896—1897 и 1906—1907 гг. производились большие раскопки курганов XIV—XV веков. Раскопки были вызваны тем, что на рынке в г. Майкопе стали появляться в большом количестве вещи, серебряные и золотые, извлеченные кладоискателями из курганов. По поручению археологической комиссии Н. И. Веселовский занялся исследованием этих курганов и в первый же год раскопок вскрыл 53 кургана в большой группе к югу от станицы. В следующем, 1897 г. им было раскопано там еще 9 курганов, затем он перенес свои исследования в другие пункты Прикубанья.

В 1906 г. в археологическую комиссию снова поступили сведения о бурном кладоискательстве белореченских станичников, и Н. И. Веселовский опять занялся там исследованием, вскрыв 9 курганов в южной группе и 5 — на границе земель Белореченской и Ханской станицы, а в 1907 г. еще 8 курганов в группе, расположенной к северу от Белореченской. Всего Н. И. Веселовским было вскрыто в окрестностях этой станицы в течение 4 лет 84 кургана, давших очень богатый материал.

Вещи из его раскопок археологическая комиссия распределила между двумя музеями — Эрмитажем (Ленинград) и Историческим музеем (Москва). Распределение производилось по принципу: драгоценные и красивые вещи — в Эрмитаж, рядовые — в Москву. В результате этого произошло даже дробление курганных комплексов. Из 84 курганов 77 содержали находки; 46 комплексов курганных находок (полностью или почти полностью) поступили в Исторический музей, 23 комплекса — в Эрмитаж и 8 были разрознены.

Изданные археологической комиссией отчеты о раскопках¹ слишком лаконичны, но проработка хранящихся в архиве Ленинградского отделения Института истории материальной культуры материалов археологической комиссии² (отчеты Н. И. Веселовского за 1896 и 1906 гг.) и передаточных описей экспонатов с кратким перечнем находок по погребениям, сверка их с наличным материалом коллекций ГИМ и Государственного

---

¹ Отчеты комиссии за 1896, 1897, 1906, 1907 гг.

Архив Ленинградск. отделения Ин-та истории материальной культуры (ЛОИИМК). 56 за 1896 г.; д. 52 за 1906 г.

Эрмитажа позволили автору данной статьи детальнее, чем в старых публикациях, установить картину раскопок и комплексы погребений.

1. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Курганы имели вид земляных насыпей полушарной формы. Высота их от 0,75 до 7 м. Диаметры в отчетах не указаны, но, реконструируя планы и профили курганов по тем скудным данным, какие удалось извлечь из отчетов, можно считать, что малые курганы имели диаметр около 3 м, средние 6—8 м, а большие 15—20 м. Малые курганы высотой до 1,5 м составляют 25 процентов общего количества раскопанных, средние, в 2—3 м высотой, — 60 процентов и крупные, в 4—7 м высотой, — 15 процентов. В земляных насыпях почти всегда встречается уголь или в виде тонкого слоя по материке, или в виде куполообразной насыпи над могилой или наземным склепом. Эти как бы внутренние угольные курганы, засыпанные землей, достигают иногда до 1,8 м высоты и до 6,5 м в диаметре. Так, например, в среднем кургане № 10 (раскопки 1896 г.) угольная насыпь над могилой была едва прикрыта землей. Один раз отмечено, наличие в насыпи горизонтальных меловых прослоек¹, но количество их и толщина не указаны. Каждый курган насыпался для одного погребения; только однажды встретилось два захоронения в одной могильной яме². Никаких более поздних вводных погребений, ни следов древних ограблений не замечено. В насыпи двух больших курганов, содержащих богатые мужские погребения³, найдены разбитые глиняные сосуды, — повидимому, следы тризны.

Погребения совершались большей частью в грунтовых ямах, реже на горизонте, в деревянных склепах. Склепы встретились в 15 курганах, что составляет 18 процентов общего количества погребений, причем, как исключение, в трех случаях они были впущены в материк. Погребения на материке без склепов установлены в 4 курганах раскопок 1896 г.: в кургане № 21 — в гробу с тонким слоем угля, в кургане № 48 — без углей, но на подсыпке желтого песка, и в курганах № 47 и 51 — без гробов и без угля. Встречались ли подобные случаи в раскопках последующих лет, не установлено, во всяком случае можно считать, что большинство погребений совершалось в грунтовых ямах. Могилы и склепы почти всегда находятся под центром насыпи, преобладающая ориентировка их — с запада на восток, положение погребенного — головой на запад. Отклонения встретились лишь четыре раза: в двух случаях — на юго-запад⁴, в одном случае — на юг⁵ и в одном — на восток⁶.

О конструкции деревянных склепов можно судить по приведенному Н. И. Веселовским в рукописном отчете за 1896 г. схематическому рисунку без масштаба, но с указанием размеров, на основании которых можно составить чертеж, изображенный на рис. 1, а, б, в,⁷ Это дубовый склеп, возведенный на горизонте под курганом средних размеров, высо-

¹ Курган № 24, раскопки 1896 г.

² Курган № 3, раскопки 1906 г.

Курганы № 1, раскопки 1896 г.; № 1, раскопки 1897 г.

⁴ Курганы № 2 и 18, раскопки 1896 г.

⁵ Курган № 25, раскопки 1896 г.

⁶ Курган № 5, раскопки 1907 г.

Курган № 2, раскопки 1896 г.

Таблица 1

Год раскопок	Номер кургана	Размер склепа	На материале	В могильной яме	Наличие гроба в склепе	Наличие угля	Пол погребенного
1	2	3	4	5	6	7	8
1896	2	Длина 3 м Ширина 1,5 м Высота 0,87 м	×	—	Есть	Много	Муж.
1896	7	Размеры не указаны	?	?	Есть	Значительное количество	Муж.
1896	10	Длина 3,3 м Ширина 0,9 м Высота 1 м	—		Есть	Много, толщина слоя 1,8 м	Жен.
1896	12	Длина 3 м	×	—	Есть	Много, толщина слоя 0,9 м	Жен.
1896	13	Размеры не указаны	×		Нет	Нет	Жен.
1896	20	Длина 2 м Ширина 0,65 м	×	—	Нет	Нет	Жен.
1896	22	Размеры не указаны	×	—	Нет	Тонкий слой	Жен.
1896	23	Подобие склепа из досок Длина 2,3 м Ширина 0,7 м		—	Нет	Мало	Муж.
1896	38	Длина 2,37 м Ширина 0,8 м Высота 0,5 м	×	—	Есть	Много, толщина слоя 1,1 м	Муж.
1896	39	Длина 2,15 м Ширина 0,9 м Высота 0,6 м	—	×	Нет	Много, толщина слоя 1 м	Муж.
1896	40	Длина 2,32 м Ширина 0,95 м Высота 0,5 м	—	×	Есть	Нет	Муж.
1896	45	Длина 1,8 м Ширина 1,45 м	×		Нет	Много	Жен.
1896	49	Длина 2,45 м Ширина 0,9 м	?	?	Нет	Много, толщина слоя 1,5 м	Муж.
1897	1	Длина 5,32 м Ширина 3,55 м Высота 1,5 м		—	Медный гроб	Много	Муж.
1897	2	Высота 0,57 м		—	Нет		Муж.

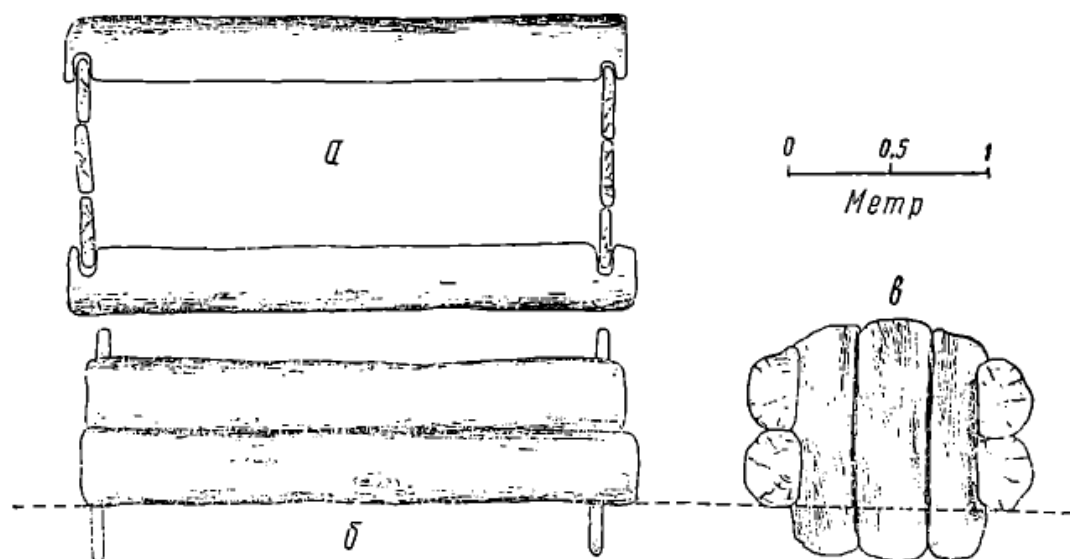

Рис. 1. Деревянный склеп:
а — план; б — продольная стенка; в — поперечная стенка

той 2,46 м¹; сверху склеп был засыпан углем, образовавшим, по выражению Н. И. Веселовского, «купол». Продольные стенки склепа (рис. 1, б) составляли два венца дубовых бревен длиной 3 м, диаметром 38 см, стесанных с внутренней стороны. Поперечные стенки в 1,45 м длиной состояли из трех вертикально врытых толстых досок; крайние из них были врезаны в концы бревен продольных стен (рис. 1, в). Верхние концы досок выступали полукругом выше боковых стен склепа. Сверху это сооружение было покрыто продольными брусками, образующими двухсторонне-покатую крышу.

Такие склепы были найдены в следующих курганах (табл. 1).

Могильные ямы все прямоугольной формы, за исключением одного случая, когда в квадратной яме было захоронено два покойника². Глубина ям различна — от 0,15 до 2 м; длина их от 1,8 до 4,2 м; ширина от 0,6 до 2 м.

Иногда наблюдались «заплечики», то есть ступеньки в стенках ямы, на которые опиралось покрытие могилы³. В двух курганах прослежены покрытия из досок⁴, а один раз — свод из сырцового кирпича⁵. Стенки ям ничем не укреплялись, но раз встретилась обмазка стен ям глиной⁶ и три раза — выкладка одним рядом крупной гальки⁷. В некоторых случаях дно могильной ямы посыпалось песком⁸, иногда делалось возвышение в головной части этой подсыпки⁹ или сама яма выкапывалась так, что средняя часть ее была выше¹⁰, или вырывались канавки в головном конце ямы и в ногах¹¹. Обычным явлением было наличие угля в могильной яме.

¹ Курганы № 2, раскопки 1896 г.

Курганы № 3, раскопки 1906 г.

³ Курганы № 1, 3, 32, раскопки 1896 г.

⁴ Курганы № 8 и 32, раскопки 1896 г.

Курганы № 1, раскопки 1896 г.

⁶ Курганы № 8, раскопки 1896 г.

⁷ Курганы № 34, 36, 39, раскопки 1896 г.

⁸ Курганы № 1, 3, 8, 13, 30, 40, 48, раскопки 1896 г.

⁹ Курганы № 1 и 8, раскопки 1896 г.

¹⁰ Курганы № 3 и 27, раскопки 1896 г.

¹¹ Курганы № 1 и 32, раскопки 1896 г.

Иногда он был насыпан тонким слоем по дну¹, иногда углем засыпалось все погребение² или голова с верхней частью корпуса³, иногда просто встречалось большее или меньшее количество угля в засыпи могильной ямы⁴. Как правило, могильные ямы заполнены просто землей, но в одном из курганов могила оказалась плотно забитой щебнем⁵.

Описанная конструкция насыпей и могил характерна не только для белореченских, но и для всех вообще кубанских курганов того времени.

Все кубанские курганы, за редкими исключениями⁶, насыпались тоже над одной могилой; так же как в белореченской группе, в них встречаются деревянные склепы, засыпанные углем, а иногда (ст. Раевская) в насыпи над срубом наблюдалась засыпка извести, напоминающая известковые прослойки в одном из белореченских курганов. Наличие угля в насыпях и могилах — явление обычное не только для кубанских, но и вообще для северокавказских курганов, особенно пятигорских⁷. В последних подкурганные погребения также совершались или в грунтовых ямах, или на материке, причем дно могильной ямы или место для погребения на материке специально подготавливалось: обмазывалось глиной или засыпалось щебнем, что напоминает кубанский обычай подсыпки желтого песка. Автор 1504 г., генуэзец Георгий, говорит об обычае черкесов насыпать над могилами знатных людей курганы и выставлять за несколько дней до погребения тело умершего для обряда прощания в открытом месте «на возвышенном ложе»⁸, — быть может, остатками такого «возвышенного ложа» и являются площадки щебня или желтого песка погребений на горизонте под курганами.

28 процентов грунтовых ям содержат погребения в гробах; кроме того, гробы обнаружены в семи склепах и, как уже отмечалось выше, одно погребение на горизонте без склепа тоже было в гробу. Остатки гробов дошли до нас в виде частей досок, иногда обитых шелком или парчой, находимых под скелетами и над ними, железных гвоздей и скреп. В одном случае⁹ Н. И. Веселовским прослежен фальц по краям досок гроба, в другом он отмечает наличие «поперечин»; очевидно, доски гроба были пригнаны вплотную без фальца и скреплены поперечными рейками¹⁰. Как правило, гробы обтягивались снаружи и внутри шелком или парчой, иногда эта обивка даже украшалась вышивкой¹¹. В склепе богатого мужского погребения кургана № 1 (раскопки 1897 г.) медный гроб был заключен еще в деревянный саркофаг, на остатках которого сохранились следы золотых нитей, расположенных поясками из параллельных рядов. По определению реставратора Е. С. Видоной, эти золотые нити — растительного происхождения, а не металлические, и она склонна считать их отпечатками позолоченной циновки, тем более что на древесине отпечатались плетение циновки.

¹ Курганы № 14, 19 32, раскопки 1896 г.

Курганы № 3, 19, 27, 30, 50, раскопки 1896 г.

³ Курган № 1, раскопки 1897 г.

⁴ Курганы № 33 и 34, раскопки 1896 г.; № 6, раскопки 1906 г.

Курган № 7, раскопки 1906 г.

⁶ Например, курган № 25 близ ст. Ханской; ОАК 1906 г.

⁷ Д. Я. Самоковсов. Могильные древности Пятигорского округа. Труды V АС, 1887, стр. 41 и сл.

⁸ «Рассказ генуэзца Георгия о быте и правах черкесов 1504 г.». Кубанский сборник, т. V. Екатеринодар, 1899.

⁹ Курган № 2, раскопки 1896 г.

¹⁰ Курган № 7, раскопки 1896 г.

¹¹ Курган № 10, раскопки 1896 г.

Размер деревянного гроба известен по погребению в кургане № 12 раскопок 1896 г., где в склепе был найден обитый шелком гроб длиной 1,7 м, шириной 0,52 м и высотой 0,18 м.

В кургане № 1 раскопок 1897 г., как редкое исключение, оказался металлический гроб, склепанный из кусков листовой меди¹. Длина его 1,83 м, ширина в головном конце 1,1 м, в ногах 0,78 м, высота около 0,5 м. Размер листов, из которых склепан гроб, различен. Узкие стенки гроба образуют в верхней части полукруг, так что над плоским широким дном получалась как бы округло-двускатная крыша, что сближает по форме медный гроб с деревянными склепами. О форме покрытия деревянных гробов в белореченских курганах исследователь не оставил никаких указаний, но, судя по незначительной высоте гроба из кургана № 12, они должны бы быть плоскими, хотя примеры выпуклых крышек деревянных гробов дают курганы Пятигорского округа², имеющие много общих черт с белореченскими. Медные же гробы являются очень большой редкостью. Н. И. Веселовский отмечает лишь один известный ему случай находки медного гроба, тоже на Кубани близ станицы Афипской³; кроме того, в коллекциях Эрмитажа имеется экземпляр прекрасно сохранившегося медного гроба меньшего размера, чем белореченский, тоже найденный на Северном Кавказе⁴.

II. ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

Все погребения белореченских курганов совершались по способу трупоположения на спине головой на запад (за очень редкими исключениями). Покойников хоронили в нарядной одежде с личными украшениями⁵ и большей частью клали с ним в могилу утварь и оружие⁶, но следов «загробной» пищи встречено очень мало: в одном случае⁷ на дне глиняной поливной чашки сохранились остатки маслянистого вещества, в другом — на дне стеклянного кувшина найдены какие-то семена⁸ и в третьем — с покойником был положен кожаный кисет с волошскими орехами⁹. Костей животных как остатков мясной пищи, положенной покойнику, ни в одном погребении не встретилось. Но питье, очевидно, ставилось, так как горла некоторых кувшинов¹⁰ были замазаны глиной с целью сохранения налитой в них жидкости. Находка семян на дне кувшина позволяет предположить, что он содержал какой-то напиток типа бузы (род хлебного вина из проса), употреблявшейся и до настоящего времени на Кавказе. Почти полное отсутствие «загробной» пищи характерно и для других прикубанских курганов такого же типа, но в одновременных пятигорских курганах встречается скорлупа яиц, косточки фруктов и особенно часто волошские орехи¹¹.

П о с у д а была найдена в 38 погребениях: в 28 мужских, 7 женских и,

¹ Экспонирован вместе с погребением в XII зале ГИМ.

² Д. Я. С а м о к в а с о в. Указ. соч. Труды V АС, стр. 41 и сл.

³ ОАК 1896 г.

⁴ Более точного паспорта этот экспонат не имеет.

Украшения и принадлежности одежды найдены в 73 курганах.

⁶ Вещи найдены в 52 мужских могилах и в 21 женской.

⁷ Курган № 8, раскопки 1907 г.

⁸ Курган № 38, раскопки 1896 г.

⁹ Курган № 7, раскопки 1896 г.

¹⁰ Стеклянного в кургане № 5 и глиняного в кургане № 37, раскопок 1896 г.

¹¹ Д. Я. С а м о к в а с о в. Указ. соч.

кроме того, в 3 ограбленных, для которых невозможно установить пол погребенного. Это составляет для мужских погребений 50 и для женских 30 процентов от общего количества. Встречалась посуда преимущественно в богатых погребениях, и главным образом дорогая металлическая, по несколько экземпляров в могиле (табл. 2).

Всего найдено 67 сосудов, не считая миниатюрных вогнутых дисков. Золотые сосуды встретились четыре раза по одному в могиле, серебряные найдены в количестве 37 экземпляров в 25 погребениях, в 2 погребениях оказалось по одному бронзовому сосуду, так что металлическая посуда составляет 64 процента общего количества.

Стеклянных сосудов найдено 12 в 11 погребениях, глиняных (большой частью поливных) 10 в 10 курганах, и в одной могиле оказалась деревянная чашка.

Круглые низкие чаши (20 серебряных, 3 золотых, 2 глиняные поливные и 1 деревянная), составляющие 39 процентов общего количества, и близкие к ним ковши (1 золотой и 8 серебряных), составляющие 14 процентов, были самой распространенной формой посуды.

Часто встречается также посуда в форме кувшинов (18 процентов общего количества). Ковши и чаши представлены преимущественно металлическими сосудами; среди кувшинов имеется лишь 1 бронзовый; среди остальных сосудов — 4 стеклянных и 7 глиняных.

Металлические чаши и ковши все кованые, некоторые из них совершенно гладкие¹, другие же украшены по краю, а иногда и на внутренней стороне дна растительным и геометрическим орнаментом, нанесенным гравировкой² (рис. 2, 1). У более простых типов ковша ручка составляет одно целое с чашей³, у некоторых же она прикреплена к краю⁴.

Необычно украшена одна небольшая серебряная позолоченная чашечка⁵: стенки ее покрыты гравировкой растительного орнамента, а на дне (внутри чашки) прикреплена скульптурная серебряная же фигурка барана. Оригинальны также по своей орнаментике один ковш и две чаши. На внутренней стороне одной из чашек⁶ выбиты в 12 медальонах — сводчатых камерах — выпуклые фигуры птицы, зайца и хищников, чередующиеся с растительным узором в таких же медальонах. Стенки другой чашки⁷ состоят из шести выпукло-желобчатых полуovalов, заполненных на внутренней поверхности растительно-геометрическим узором, а на дне выгравировано изображение птицы. Благодаря желобчатости стенок верхний край этой чашки, при взгляде сверху, дает не круг, а шестилепестковую розетку, так же как и край одного ковша с гранеными стенками дает шестигранник. Ковш этот⁸ орнаментирован снаружи широким пояском растительного и геометрического узора; на верхней стороне ручки ковша — фигуры двух козлов с переплетенными хвостами и с обращенными друг к другу, повернутыми назад, головами.

¹ Курганы № 1, 3, 7, 10, 26, 48, 49, раскопки 1896 г.; № 1, раскопки 1897 г.; № 9 и 11, раскопки 1906 г.; № 2 и 5, раскопки 1907 г.; ОАК 1896 г., рис. 126 и 179.

² Курганы № 26, 32, 53, раскопки 1896 г.; № 3-II, раскопки 1906 г.; ОАК 1896 г., рис. 123, 153, 167.

³ ОАК 1896 г. рис. 167, 179 и коллекции ГИМ, № 37258/337-748, 930.

⁴ ОАК 1906 г., рис. 123.

⁵ Из богатого женского погребения; курган № 10, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 195.

⁶ Курган № 30, раскопки 1896 г., ОАК 1896 г., рис. 109.

⁷ Курган № 38, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 101, 102.

⁸ Курган № 6, раскопки 1897 г.; ОАК 1897 г., рис. 67.

Рис. 2:

1 — серебряная чаша; 2 — глиняный кувшин местной выделки;
3 — глиняный кувшинчик с поливой; 4 — вышитый кошелек
(1, 4 — в $\frac{2}{3}$ нат. вел., 2 — в $\frac{1}{4}$ нат. вел., 3 — в $\frac{1}{5}$ нат. вел.)

Меридиональное расположение рисунка на стенках чаши, желобчатость, мотивы орнаментации (в частности парные животные, окруженные растительными побегами) сближают эти сосуды с киликийской чашей конца XII века из Вильгорта¹ и говорят о малоазийском происхождении этих экземпляров, выделяющихся по своей художественной работе. Основная же масса металлических чаш обычного фасона и отделки, типичных для средневековья и широко распространенных как на Востоке, так и на европейской территории СССР, повидимому, вышла из рук местных мастеров. Это предположение подтверждается и свидетельством генуэзца Георгия (1504 г.), который, описывая быт населения Северного

¹ И. А. Орбели. Киликийская чаша конца XII в. Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.

Кавказа, отмечает обычай богатых черкесов торжественно пить из золотых и серебряных кубков¹. Кроме чаш, в инвентаре белореченских курганов имеются еще два серебряных кубка и одно блюдо.

Один из кубков в форме потира² украшен снаружи гравированным растительным орнаментом поясками и в медальонах, а внутри сосуда вставлена пластинка со скульптурной фигуркой птички, подобная фигурке барана на дне серебряной чаши. Второй кубок³, с низким широким поддоном, сплошь украшен с наружной стороны растительно-геометрическим орнаментом, очень близким по характеру к орнаментации шестигранного ковша (по верхнему пояску) и чаши с баранчиком (по меридиональному расположению растительного орнамента), что позволяет и эти экземпляры ввести в общий круг килийских сосудов.

Серебряное позолоченное блюдо⁴ — тоже иноземного происхождения, но не восточного, а, наоборот, западного, венецианской работы, богато орнаментировано.

Бронзовая посуда представлена всего двумя экземплярами. Это широкогорлый кувшин без ручки с вертикально канелированной поверхностью⁵ и сосуд с носиком типа характерной для золотоордынского Поволжья посуды⁶.

Стеклянная посуда (12 предметов) — вся иноземного происхождения, большей частью восточного.

В четырех погребениях найдены стаканы из прозрачного стекла в форме мензурок⁷; некоторые из них орнаментированы эмалевой росписью: поясками из линий, подражаниями арабским надписям и изображениями рыбок, птиц. Такие формы характерны для стеклянной посуды Сирии и Месопотамии XII—XIV веков⁸. Они неоднократно встречались в раскопках северокавказских курганов, одновременных белореченским. Большая ваза зеленоватого стекла на поддоне, украшенная эмалевой росписью⁹, тоже несомненно восточного происхождения, что ярче всего определяют арабская надпись и фигурки львов с поднятой лапой, помещенные в кругах, в общей композиции сложной росписи верхнего пояса. Н. И. Веселовский указывает на их сходство со львом, фигурирующим в гербе мамелюкских султанов Египта¹⁰. В точности такое же изображение льва имеется на месопотамском стаканчике XIII века в коллекции Ротшильда в Париже¹¹. На стеклянном зеленоватом графине, украшенном сложной полихромной эмалевой росписью с изображением четырех всадников, имеется поясок с подражанием арабской надписи¹². Восточного же происхождения, повидимому, и разбитое блюдо зеленоватого стекла со следами росписи на нижней стороне¹³.

¹ «Рассказ генуэзца Георгия...». Кубанский сборник, т. V. Екатеринодар, 1899.

² Курган № 3-II, раскопки 1906 г.; ОАК 1906 г. рис. 124. Найден вместе с шести-
гранным ковшом.

³ Курган № 41, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 241.

⁴ Курган № 6, раскопки 1897 г.; ОАК 1897 г., рис. 68.

⁵ Курган № 41, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 246.

⁶ Курган № 7, раскопки 1906 г.

⁷ Курганы № 47, раскопки 1896 г.; № 2, раскопки 1897 г. № 7 10, раскопки
1906 г.; ОАК 1896 г. рис. 144.

⁸ R. Schmidt. Das Glass. Berlin und Leipzig, 1922, рис. 26 и 27.

⁹ Курган № 53, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 154.

¹⁰ ОАК 1896 г., стр. 30.

¹¹ R. Schmidt. Указ. соч., рис. 28.

¹² Курган № 1, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 98.

¹³ Курган № 26, раскопки 1896 г. ОАК 1896 г. рис. 173.

Наряду с восточным стеклом в инвентаре белореченских курганов фигурирует и венецианское — прозрачный зеленоватый кувшин на высокой ножке с вертикальными выпуклостями по фигурному тулову и тонкой изогнутой ручкой¹ и широкогорлый кувшин с изогнутой ручкой, украшенный чешуйчатым рисунком белой и красной росписи². Почти такой же кувшин, но темносиний³, был найден тоже на Северном Кавказе, близ Махачека.

Западного происхождения, повидимому, и беловатый стеклянный кубок в форме рюмки с выпуклым пояском на ножке⁴.

Вместе со стеклянной рюмкой был найден и глиняный кубок — кружка с прекрасной густовасильковой поливой и следами золотой росписи⁵. Второй поливной сосуд с золотой росписью по голубой поливе представляет собой широкогорлый кувшин, хранившийся в деревянном футляре⁶. Эти сосуды также являются привозным товаром, возможно западным, но другие сосуды с поливой несомненно восточного происхождения.

К ним прежде всего относятся чашки с синим рисунком⁷, представляющие среднеазиатский тип посуды, широко распространенный в золотоордынское время и излюбленный в Поволжье. К этой же категории керамики может быть отнесен и глиняный поливной кувшинчик, орнаментированный желтыми завитками на светлорыжевном фоне⁸ (рис. 2, 3), и кувшин с голубой подглазурной росписью (листья и подражание арабской надписи) по белому фону⁹. Остальные же кувшины¹⁰ (из красноватой глины с желтой поливой или без нее) представляют собой местную продукцию. Тип их (рис. 2, 2) обычен для позднего средневековья, и на Северном Кавказе он создан на основе местных сармато-аланских форм.

В семи случаях из девяти кувшины стояли в ногах покойника и лишь один раз в изголовье, тогда как чаши и ковши лишь два раза стояли в ногах, а шестнадцать раз около черепа или под ним и одиннадцать раз около рук или под ними. В шести погребениях чаши были подставлены под голову покойника, причем в одном случае, кроме того, еще и под локтями костяка оказались чаша и ковш¹¹. В одном погребении под локтями костяка были подложены не чаши, а пластинчатые вогнутые диски-блюдца из низкопробного серебра¹². В трех могилах такие диски были подложены под голову, локти и пятки покойника¹³, очевидно, взамен настоящих серебряных чаш. Диски были найдены всего в шести погребениях, причем в одном из них под правым локтем был подложен метал-

¹ Курган № 5, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 63.

² Курган № 38, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 100.

³ МАК, вып. VIII, табл. СХII; ГИМ, № 49873.

⁴ Курган № 9, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 131.

⁵ Курган № 9, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 132.

⁶ Курган № 10, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 196.

Курганы № 1, раскопки 1896 г.; № 8, раскопки 1907 г.; ОАК 1896 г., рис. 85, ОАК 1907 г., рис. 89. Кроме того, обломки керамики с темносиней поливой найдены в кургане № 11, раскопки 1896 г.

⁸ Курган № 8, раскопки 1897 г.; ОАК 1896 г., рис. 70.

⁹ Курган № 37, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 64.

¹⁰ Курганы № 1 и 2, раскопки 1897 г.; № 12, раскопки 1896 г.; № 14, раскопки 1906 г., и др.; ОАК 1896 г., рис. 213; ОАК 1897 г., рис. 64 и 70; ОАК 1906 г., рис. 129.

¹¹ Курган № 3, раскопки 1897 г.

¹² Курган № 53, раскопки 1897 г.

¹³ Курганы № 19, 20 и 40, раскопки 1896 г.

личный диск, а под левым — ровно обитое доньшко стеклянного сосуда¹, представляющее как бы замену обычного серебряного диска. В одной из могил под черепом мужчины была подложена серебряная чаша, а под правым локтем деревянная чашка²; в одном случае серебряные чаши были поставлены под кисти рук³, а в другом — под плечи⁴.

Все эти случаи следует рассматривать как выполнение какого-то особого обряда, отличавшегося от обычая ставить в могилу сосуды с пищей. Возможно, что и все остальные случаи нахождения сосудов в форме чаш около головы и локтей следует рассматривать в белореченских курганах как выполнение этого ритуала, тогда как наличие кувшинов и сосудов иной формы, поставленных в других местах могилы, можно относить за счет обычая класть покойнику «загробную пищу».

Обряд положения сосудов под голову и другие части тела покойника имеет местные корни, уходящие далеко в глубь веков. Он был широко распространен в Прикубанье в сарматское время. В раскопках В. А. Городцова курганов IV—II веков до н. э. у станицы Елизаветинской 50 процентов погребений имели поставленные под голову покойника глиняные чаши⁵. Такой же обряд наблюдается и в Усть-Лабинском могильнике⁶, где прослежена еще одна общая с белореченскими погребениями черта — подсыпка желтого песка по дну могильной ямы.

В раскопках К. Ф. Смирнова в Пашковском могильнике под головами покойников встречались опрокинутые кверху дном глиняные чаши⁷. К сарматскому же времени относится и обычай замены в этом ритуале чаш дисками: в раскопках Н. И. Веселовского у станицы Тифлиской был найден под головой покойника золотой диск, а в курганах Воздвиженской станицы — серебряные фалары под пятками⁸.

На Кавказе же, но не на Северном, а на Южном, прослеживаются и еще более древние корни этого обычая: в бескурганных погребениях начала I тысячелетия до н. э. в Мингечауре Халданского района Азербайджанской ССР глиняные чаши поставлены под локти и колени покойников⁹.

По инвентарю погребений, так же как и по устройству могил, белореченские курганы вполне сходны с другими одновременными им курганами Прикубанья, но в то же время выделяются среди остальных своим богатством.

Инвентарь мужских и женских погребений различается по некоторым типам личных украшений (в частности височных колец или серег) и по назначению предметов. В мужских преобладает оружие, в женских — бытовые предметы, характеризующие женщину как хозяйку-рукодельницу и как кокетливую красавицу. Но как в некоторых женских погребениях встречено оружие — нож (11 случаев из 23 уста-

¹ Курган № 2, раскопки 1897 г.

Курган № 7, раскопки 1896 г.

³ Курган № 1, раскопки 1896 г.

⁴ Курган № 11, раскопки 1906 г.

⁵ В. А. Городцов. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. СА, 1935, № 3. Он же. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 г. СА, т. I, 1936.

⁶ М. В. Покровский. Городища и могильники Среднего Прикубанья. Труды Краснодарск. пед. ин-та, т. VI, вып. I, 1937.

⁷ Доклад К. Ф. Смирнова в ГИМе в 1948 г.

⁸ ОАК 1899 г., стр. 44.

⁹ С. М. Казиев. Археологические раскопки в Мингечауре. Материальная культура Азербайджана. Баку, 1949, стр. 16, рис. 4.

новленных), так и в некоторых мужских оказались туалетные несесеры, являющиеся в основном специфически женской принадлежностью.

Из 56 мужских погребений только в пяти не было оружия¹.

Оружие составляют ножи и кинжалы, сабли, стрелы, носившиеся в колчанах; остатки колчанов сохранились далеко не во всех погребениях. При погребении в медном гробу сохранились остатки деревянного лука длиной около 1,3—1,4 м, лежавшего с правой стороны покойника. В других погребениях остатков лука не прослежено, но это может быть объяснено просто плохой сохранностью их. Копья почти не употреблялись. Н. И. Веселовский указывает в отчете на три случая находки копья², но два копья не сохранились в коллекциях, а третье оказалось просто крупным наконечником стрелы³. В одном случае был найден шестопер, лежавший справа у колен⁴, очевидно, подвешенный к поясу за рукоятку.

Ножи были найдены в 29 погребениях⁵, а кинжалы только в 9⁶, причем только два раза нож и кинжал оказались вместе⁷. Обычно они имели деревянные рукоятки, реже костяные⁸; рукоятки часто отделывались серебром. Ножи носились в деревянных ножнах, обтянутых кожей, иногда обложенных серебром. Интересен кованый серебряный наконечник ножен⁹, украшенный гравировкой и напоминающий обкладки ножен современных кавказских кинжалов работы кубачинских мастеров. Были также ножны с частыми кольцевыми горизонтальными обоями на вертикальном стержне¹⁰. Из 21 установленного случая 14 раз ножи были найдены у пояса с левой стороны, 6 раз с правой и 1 раз в головах. Кинжалы из 8 установленных случаев 7 раз были найдены слева и 1 раз справа. Таким образом, можно считать, что ножи и кинжалы обычно носились с левой стороны и лишь как исключение с правой¹¹.

Сабля и колчан, наоборот, как правило, носились с правой стороны. Сабли найдены в 40 погребениях¹², а стрелы в 38¹³. В 19 случаях из 31 установленного сабли были найдены с правой стороны и в 8 случаях¹⁴ с левой (причем в 3 случаях, когда сабля находилась слева, нож, против обыкновения, помещался справа)¹⁵, а в 4 случаях она была положена

¹ Курганы № 5, 16, 18, 37, 52, раскопки 1896 г.

Курганы № 17, 25, раскопки 1896 г.; № 1, раскопки 1897 г. В последнем случае говорится о находке копья не при погребении, а в ямке-тайнике на дне могилы.

² Курганы № 25, раскопки 1896 г.

³ Курганы № 9, раскопки 1906 г.

Курганы № 7, 11, 15, 24, 25, 30, 32, 42, 43, 44, 46, 47, 49, 50, 51, 53, раскопки 1896 г. № 5 и 8, раскопки 1897 г. № 1, 3-I, 3-II, 4, 9, 10, 11, 14, раскопки 1906 г.; № 5 и 6, раскопки 1907 г.

⁶ Курганы № 1, 2, 7, 38, 39, 40, раскопки 1896 г.; № 1 и 5, раскопки 1897 г.; № 2, раскопки 1907 г.

⁷ Курганы № 7, раскопки 1896 г. № 5, раскопки 1897 г.

⁸ Курганы № 1, раскопки 1897 г.

⁹ Курганы № 25, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 59.

¹⁰ Курганы № 44, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 57.

¹¹ Курганы № 1, 24, 25, 47, раскопки 1896 г.; № 3-II, 4, 9, раскопки 1906 г.

¹² Курганы № 1—3, 7, 9, 11, 15, 21—30, 38, 39, 43, 44, 48, 53, раскопки 1896 г. № 1, 3, 5, 6, 9, раскопки 1897 г.; № 1, 3-I, 3-II, 4, 5, 9, 10, 11, раскопки 1906 г. № 2, 3, 5, 6, 7, раскопки 1907 г.

¹³ Курганы № 1, 2, 7, 11, 15, 21—25, 39, 40, 43, 44, 46, 48, 50, 51, 53, раскопки 1896 г.; № 1, 2, 3, 6, 8, 9, раскопки 1897 г.; № 1, 3-I, 3-II, 5, 9, 11, 14, раскопки 1906 г.; № 2, 3, 5—7, раскопки 1907 г.

¹⁴ Курганы № 21, 23, 24, 25, 30, 48, раскопки 1896 г.; № 6, раскопки 1897 г. № 4, раскопки 1907 г.

¹⁵ Курганы № 24 и 25, раскопки 1896 г.; № 4, раскопки 1906 г.

поверх гроба, так что оказывалась лежащей поперек ног¹ или поперек шеи² или вообще в головной части могилы над покойником³; в одном погребении сабля оказалась сломанной⁴, что напоминает обычай порчи оружия. Этот обычай известен по материалу славянских памятников X—XI веков (в Киеве и Гнездове), в памятниках VIII века (Салтово и Борисовский могильник) и еще ранее у сармат. Ближайший же территориально и по времени к белореченским пример порчи оружия можно привести в Шапеугинском могильнике на Кубани⁵.

Сабли из белореченских погребений имеют ясно выраженную кривизну клинка и достигают длины до 1 м и больше (рис. 3, 25). У некоторых эфес прямой, крестовидный при вертикальном направлении плоского черешка насадки рукоятки⁶, но большинство имеет характерные эфесы с опущенными вниз концами при черешке, изогнутом в сторону тыльной части клинка⁷. Прямые крестовидные эфесы имеют концы равной длины, а у второго типа эфесов конец, обращенный к лезвию, несколько длиннее. Кожаные ножны сабель имели на концах уплощенно-цилиндрические с плоским дном втоки для предохранения ножен от прокола острием и медные обоймы с кольцами для портупей у верхнего конца и в средней части. Такого типа сабли были широко распространены на Северном Кавказе и часто встречаются в курганах, одновременных белореченским, но этого же типа оружие употреблялось и в других районах, в частности оно известно из раскопок в Сарае-Берке⁸.

Наконечники стрел лишь в двух случаях из двадцати установленных лежали с левой стороны покойника: раз у плеча⁹ и раз у черепа¹⁰. В других погребениях (где стрелы были, вероятно, положены без колчанов) наконечники стрел лежали то у черепа с обеих сторон¹¹, то в ногах¹², то были разбросаны у плеч¹³. Положение же стрел с правой стороны покойника установлено в 17 погребениях, причем четыре раза колчаны со стрелами были положены справа у головы¹⁴, четыре раза у правого колена¹⁵ и семь раз у плеча¹⁶. В колчан стрелы вставлялись острием вверх. Наконечники стрел все железные, черешковые. Основная масса их имеет узкое остроконечное перо, близкое по форме к ромбу или треугольнику, плоское, но иногда с массивной четырехгранной верхней частью у острия¹⁷. Размеры этих наконечников сравнительно небольшие: длина около 7—9 см и ширина 1,5—2 см (рис. 3, 1—9, 21).

¹ Кургan № 53, раскопки 1896 г.

² Кургan № 11, раскопки 1896 г.

³ Курганы № 38 и 39, раскопки 1896 г.

⁴ Кургan № 39, раскопки 1896 г.

⁵ Материалы Краснодарского музея (по зарисовкам А. П. Смирнова)

⁶ ОАК 1896 г., рис. 53.

⁷ ОАК 1896 г., рис. 54.

⁸ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Золотая Орда. Л., 1937, стр. 11, рис.

⁹ Кургan № 2, раскопки 1897 г.

¹⁰ Кургan № 40, раскопки 1896 г.

¹¹ Кургan № 53, раскопки 1896 г.

¹² Кургan № 15, раскопки 1896 г.

¹³ Кургan № 11, раскопки 1896 г.

¹⁴ Курганы № 10 и 11, раскопки 1906 г. № 2, раскопки 1907 г. № 53, раскопки 1896 г.

¹⁵ Курганы № 1 21, раскопки 1896 г.; № 1, раскопки 1897 г. № 9, раскопки 1906 г.

¹⁶ Курганы № 2 11, раскопки 1896 г. № 1, 3-1, раскопки 1906 г. № 6, раскопки 1907 г.

¹⁷ ОАК 1896 г. рис. (правый) и 92.

В 25 курганах, для которых удалось точно установить комплексы стрел¹, были наконечники этих типов, но в 8 из них были, кроме того, и другого вида наконечники: крупные (до 18 см длины) фигурной формы, плоские и трехлопастные². Эти типы (рис. 3, 15—20, 22) в огромном количестве бытовали у сибирских кочевников VII—XVI веков и лишь вместе с другими местными формами встречаются в памятниках европейской части СССР³ и Венгрии⁴, преимущественно тоже кочевнических. В инвентаре белореченских курганов такие стрелы (рис. 3, 15—20, 22) несомненно привозные; найдены они в следующем соотношении с общим количеством местных (табл. 3).

Как видно из приведенной таблицы, количество стрел, положенных в могилы воинов, весьма различно — от нескольких штук до трех десятков. Привозные типы, бывшие, очевидно, относительно дорогими, встречаются лишь по 1—2 экземпляра в наборе, составляя только 5 процентов общего количества. Генуэзец Георгий отмечает, что у черкесов стрелы «лучшие в мире». Интересно, что среди наконечников того же кургана № 53 есть один от свистящей стрелы (рис. 3, 19), имевший полый костяной свисток, надетый на черешок наконечника под перо⁵. Возможно, что таким же свистком является и конусообразный полый обломок с горизонтальной прорезью, найденный среди наконечников в колчане из другого богатого погребения⁶. Свистящие стрелы известны были у азиатских кочевников с VI—VII веков; о них пишут китайские историки⁷, их находят в сибирских курганах VII—X веков⁸. В европейских же степях они встречаются очень редко; одна такая стрела была найдена в Сарае-Берке⁹.

Колчаны делались из бересты или луба, а в некоторых случаях встречались и деревянные¹⁰; сверху они обтягивались кожей, тканью, иногда украшались вышивкой, железными бляшками или костяными пластинками с резным узором (рис. 3, 11—14)¹¹, такими же как на колчанах степных кочевников. О форме колчанов можно судить по хорошо сохранившемуся экземпляру берестяного колчана, обтянутого кожей и парчей, из погребения в медном гробу. В нижней части колчан этот расширяется (чтобы не мялось оперение стрел), сверху имеет овальную крышку с ручкой-кольцом на фигурной бляхе; колчан подвешивался к поясу, на ремнях, украшенных серебряными бляшками в форме буквы «К».

Вообще же ремни портупей от сабли и колчана, находимые в погребениях кубанских курганов, если и бывают украшены, то обычно не серебряными или бронзовыми, а железными бляшками¹²; даже кольца их и пряжки большей частью делались из железа, чего не наблюдалось

¹ Другие же комплексы смешаны при распределении материала археологической комиссией между двумя музеями.

² ОАК 1896 г., рис. 55 (средний), 155—158.

³ Материалы ГИМ.

⁴ J. Hampe l. *Alterthümer des frühen Mittelalters in Ungarn*. Braunschweig, 1905. ОАК 1896 г., рис. 156.

⁵ Курганы № 1, раскопки 1897 г.

И а к и ф (Бичурин). *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, ч. 1.

⁸ В. П. Левашева. *Из далекого прошлого южной части Красноярского края*. Красноярск, 1939, табл. XV, рис. 5.

⁹ Б. Д. Грсков и А. Ю. Якубовский. *Указ. соч.*, рис. 3.

¹⁰ Курганы № 2, 7 и 39, раскопки 1896 г.

¹¹ Курганы № 1, раскопки 1896 г.; № 2, раскопки 1907

¹² Курганы № 2 и 53, раскопки 1896 г.

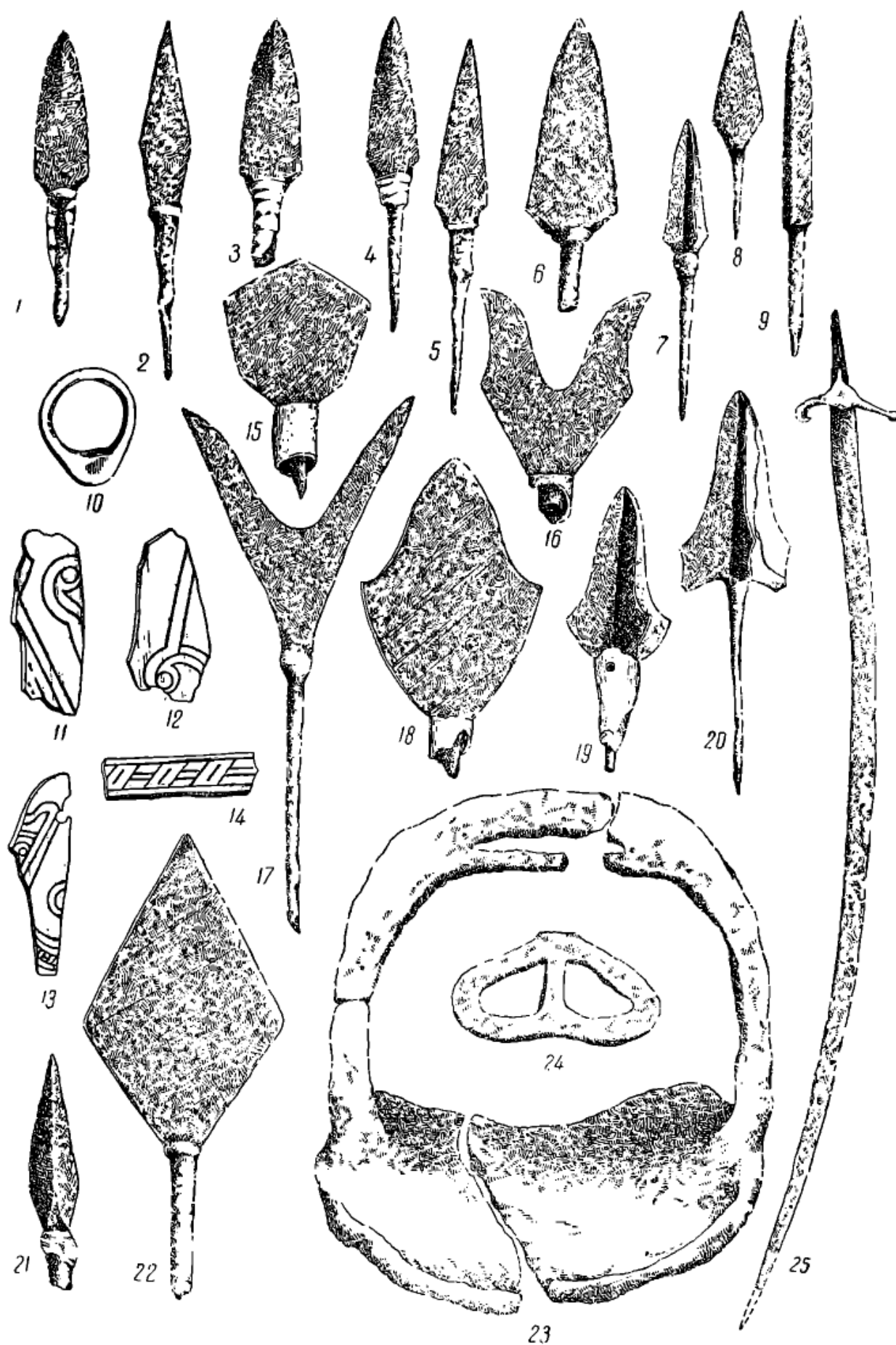

Рис. 3. Вещи из мужских погребений:

1—9, 21 — железные наконечники стрел (местные типы); 10—сердечковидный перстень для натягивания тетивы лука; 11—14 — обломки костяных украшений колчана; 15—20, 22 — железные наконечники стрел (сибирские типы); 23 — железное стремя; 24 — кресало; 25 — сабля (1—24 — $\frac{1}{2}$ нат. вел., 25 — $\frac{1}{3}$ нат. вел.)

Таблица 3.

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ

Год раскопок	Номер кургана	Количество стрел		
		местных	привозных	всего
1896	1	11	—	11
1896	2	11	—	11
1896	3	30	—	30
1896	7	9	1	10
1896	11	2	—	
1896	15	15	—	15
1896	21	16	1	17
1896	25	—	1	1
1896	38	11	—	11
1896	46	4	—	4
1896	48	4	—	4
1896	51	11	—	11
1896	53	2	4	6
1897	1	15	2	17
1897	2	10	1	11
1897	3	16	—	16
1897	6	20—30	—	20—30
1897	8	1	—	1
1897	9	24	3	27
1906	1	5	—	5
1906		27	—	27
1906	9	8	—	8
1906	10	26	1	27
1906	11	21	—	21
1907	5	8	1	9
1907	6	12	2	14
Итого		319	17	336
		95%	5%	100%

в отношении поясных принадлежностей, среди которых лишь один раз встретилась железная поясная пряжка в бедном по инвентарю женском погребении¹.

В рассказе генуэзца Георгия о быте населения Северного Кавказа в начале XVI века имеется указание, что черкесы постоянно имеют при себе огниво в вышитом мешочке, бритву и оселок². Это наблюдение подтверждается курганным материалом. Очень часто в мужских погребениях встречается кресало с кремнем и с остатками матерчатого мешочка, в котором они носились подвешенными к поясу. За исключением одного кресала овально-прямоугольной формы с продольной прорезью, все остальные представляют собой широко распространенный в эпоху позднего средневековья калачевидный тип кресала (рис. 3, 24). Из 18 случаев лишь один раз кресало лежало у плеча³, в остальных же случаях всегда у пояса⁴ с правой или левой стороны.

Точила встречаются в погребениях не часто; в белореченских курганах они найдены в двух могилах⁵. Это узкие прямоугольные каменные бруски с отверстием для подвешивания на одном конце. Носились с правой стороны пояса.

Специфически мужскими принадлежностями являются сердоликовое кольцо для защиты пальца при натягивании тетивы лука⁶ (рис. 3, 10) и золотой свисток⁷. Аналогичный свисток из низкопробного серебра был найден в кургане близ станицы Ханской⁸ (недалеко от Белореченской), а кольца для защиты пальца при натягивании тетивы, но не сердоликовые, а простые костяные и бронзовые, известны по материалам городища Булгал⁹ и Сарая-Берке¹⁰.

Из принадлежностей конской упряжи лишь в одном кургане была найдена пара железных стремян, лежавшая вместе с топором вне гроба в юго-восточном углу склепа. Это стремяна позднего типа, с широкой плоской овальной подножкой, края которой загнуты вертикальным кантом книзу, а вершина дужки плоская с узкой горизонтальной прорезью для ремня (рис. 3, 23). Такой тип стремян встречался на Кубани в раскопках Н. И. Веселовского близ станицы Усть-Лабинской¹¹, в раскопках Сизовым могильника Ногай-Калэ у станицы Раевской¹². Аналогичная форма известна на Днестре в находках у с. Секретарка Каменец-Подольской области. Близки по форме дужки стремяна из д. Вороной Днепропетровской области, из Мануйловки Ростовской области, из с. Марок Воронежской области¹³ и из раскопок Бранденбургом кочевнических курганов на Киевщине¹⁴.

¹ Курган № 35, раскопки 1896 г.

² «Рассказ генуэзца Георгия...» Кубанский сборник, т. V. Екатеринодар, 1899.

³ Курган № 11, раскопки 1896 г.

⁴ Курганы № 3, 5, 29, 53, раскопки 1896 г.; № 2, 3, 6, 8, раскопки 1897 г. № 1, 3-II, раскопки 1906 г.

⁵ Курганы № 1, раскопки 1897 г., № 6, раскопки 1907 г.

⁶ Курган № 9, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 128.

⁷ Курган № 26, раскопки 1896 г.

⁸ Коллекции ГИМ, III/344.

⁹ Коллекции ГИМ, III-872/45.

¹⁰ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Указ., соч., рис. 4, и коллекции Гос. Эрмитажа сар. 1303.

¹¹ ГИМ, III-341/18—19.

¹² ГИМ, III-359/70.

¹³ Коллекции ГИМ, III-981.

¹⁴ Коллекции Гос. Эрмитажа, 896/10-11, 903/3, 922/9 и др.

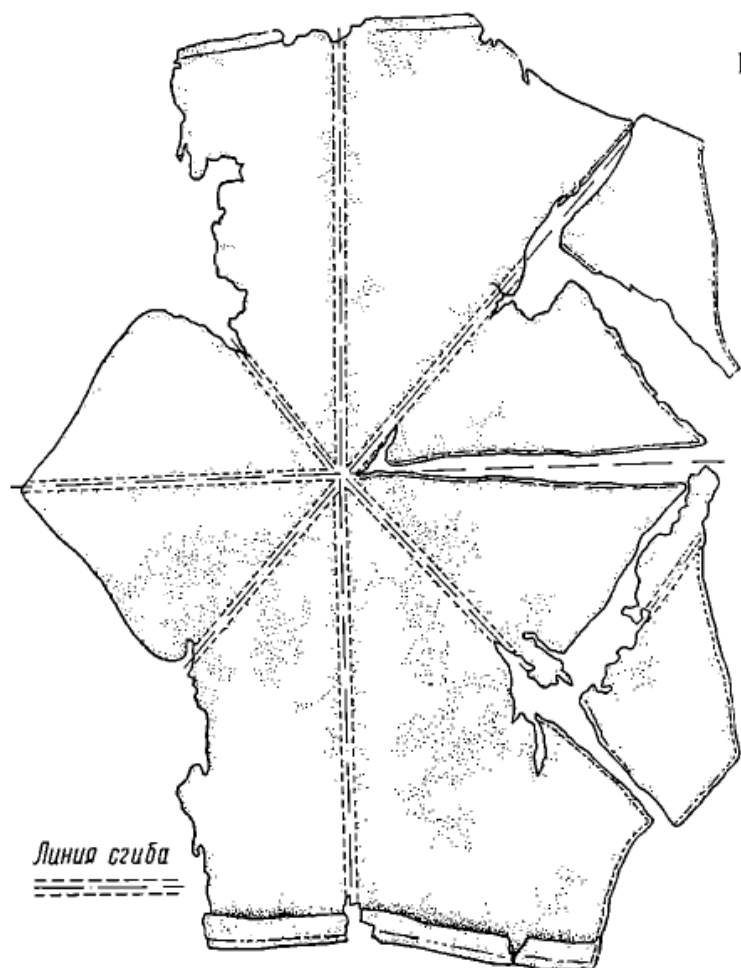

Рис. 4. Кожаный походный
($\frac{1}{3}$ nat. вел.)

Топор, найденный вместе со стременами, имеет круглые щековины обуха и почти равномерно расширяющийся книзу боек с округлым лезвием. Топоры в кубанских курганах встречаются редко. Топоры из курганов станиц Тульской и Губской имеют другую форму: у них боек вытянут лопастью в сторону рукоятки и на обухе имеется выступ — зачаток молота, что сближает эти топоры с болгарскими.

В том же кургане № 1 (раскопки 1897 г.) с внешней стороны гроба, у южной стенки склепа, на кожаной подстилке лежали остатки деревянного предмета с костяными точеными украшениями в виде миниатюрных баясин и цилиндров. Подобные украшения применялись, по наблюдению Н. И. Веселовского¹, в XIX веке на Кавказе для отделки зеркальных рам и мебели. Возможно, что и остатки этого предмета были частью мебели.

В некоторые погребения были положены мешочки с узким устьем, кожаные, на вздержке² и в одном случае мешочек, вышитый шелком и золотой нитью (рис. 2, 4), содержащий внутри еще один миниатюрный типа портмонэ³. Встречались также и кожаные сумки⁴.

В раскопках 1896 г. найден фигурно вырезанный кусок юфти с прямыми, перекрещивающимися в разных направлениях складками (рис. 4). По определению этнографа Е. Н. Студенецкой, это кожаный поход-

¹ ОАК 1897 г., стр. 18.

² Курганы № 25 и 45, раскопки 1896 г. ОАК 1896 г., рис. 223.

³ Курган № 9, раскопки 1896 г.

⁴ Курганы № 7 и 49, раскопки 1896 г.

ный складной стакан, подобный употреблявшимся до настоящего времени на Кавказе.

Видное место в женских могилах занимают туалетные нессеры и деревянные шкатулки-укладки. Шкатулки имеют форму прямоугольного ящика с крышкой, внутренним замком и ручкой-скобой. Поверхность их украшалась глубокой резьбой. Орнамент в основном состоит из треугольных углублений и кругов, образующих розетки и шестиконечные звезды¹, и близок к резьбе деревянного ларчика из склепа XV—XVI веков близ с. Хамхи в Осетии². Одна из шкатулок³ была украшена более сложным рисунком — изображениями растений, животных и людей, вырезанными плоским рельефом; другая⁴ отделана костяными накладками. Обломки таких шкатулок или их металлические части найдены в девяти могилах⁵, причем в одной из них было поставлено даже две шкатулки⁶. Они служили для хранения вещей женского обихода, связанных с рукоделием и туалетом, а также запасных украшений и ценностей.

Почти во всех шкатулках лежали железные ножницы. Ножницы (рис. 5, 4, 5) были найдены в тридцати погребениях⁷, причем (в тех случаях, когда установлено их положение) два раза ножницы лежали у пояса⁸, один раз у черепа⁹, в остальных же восьми случаях в ногах, где обычно ставились и шкатулки. Среди ножниц есть шарнирные¹⁰ и с пружинящей дужкой в верхней части¹¹. Последние принято считать ножницами для стрижки овец, но они могли быть и портновскими.

В одной из шкатулок¹² был найден наперсток (в другом случае¹³ наперсток был надет на палец покойницы). Наперстки эти современного типа, но без донышка, с открытой верхней частью; найденные в белореченских курганах сделаны один из низкопробного серебра, другой — из железа. В других северокавказских могильниках и в раскопках Сарая-Берке встречались такие же наперстки, чаще бронзовые.

В двух шкатулках найдены большие костяные иглы¹⁴. Одна из них (рис. 5, 6), без ушка, с горизонтальными желобками в верхней части¹⁵, такого же типа, как современные азербайджанские¹⁶, употребляющиеся для продевания шнура в юбку. Возможно, что и в XV веке подобные иглы служили для продевания шнура в шаровары.

Часто в шкатулках лежали образцы незаконченных изящных рукоде-

¹ ОАК 1896 г., рис. 210.

² Коллекции ГИМ, III-366, раскопки Е. И. Крупнова.

³ Курган № 20, раскопки 1896 г. ОАК 1896 г., рис. 218.

⁴ Курган № 41, раскопки 1896 г.

⁵ Курганы № 4, 10, 12, 20, 33, 41, раскопки 1896 г.; № 7, раскопки 1897 г. № 8 и 9, раскопки 1907 г.

⁶ Курган № 20, раскопки 1896 г.

⁷ Курганы № 10, 12, 13, 20, 22, 33, 45, раскопки 1896 г., № 7, раскопки 1897 г. № 2 и 7, раскопки 1906 г.; № 4, 8 и 9, раскопки 1907 г.

⁸ Курганы № 22, раскопки 1896 г.; № 7, раскопки 1906 г. (остатков шкатулки в этих погребениях не было).

⁹ Курган № 4, раскопки 1907 г.

¹⁰ Курганы № 13 и 20, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 219.

¹¹ Курганы № 10, 12, 22, 33, 45, раскопки 1896 г. № 2 и 7, раскопки 1906 г. ОАК, 1896 г., рис. 70, 212.

¹² Курган № 41, раскопки 1896 г.

¹³ Курган № 4, раскопки 1896 г.

¹⁴ Курганы № 41, раскопки 1896 г. № 7, раскопки 1897 г.

¹⁵ Курган № 7, раскопки 1897 г.

¹⁶ Материалы историко-бытовой азербайджанской экспедиции ГИМ 1949 г.

лий — вышивка шелком и золотом¹. Металлических игл не встретилось, но находка в одной из могил игольника², наличие наперстков, тонкая вышивка и мелкая строчка швов одежды обуславливают употребление тонких игл.

Из предметов гигиены и косметики найдены губка³, деревянный гребешок⁴, белила⁵ и сурьма⁶.

В одной из шкатулок лежало разбитое дисковидное зеркало из белого сплава, неорнаментированное, с ушком в центре⁷; в другом случае зеркало было найдено у черепа покойницы вместе с ножницами⁸. Вообще же зеркала в кубанских курганах этого времени встречаются очень редко.

Из ценных предметов, хранимых в женских укладках, следует указать прежде всего монеты, найденные в одной из шкатулок⁹ вместе со складным ножом. Монеты эти серебряные золотоордынские хана Узбека 1320 г., Шадибека 1401 г. и (без указания года) Сеид-Ахмета, царствовавшего в 1402—1419 гг.¹⁰; находка их точно датирует весь комплекс началом XV века. В другой шкатулке¹¹, кроме обычных предметов, были положены серебряный перстень с сердоликом и серебряное височное кольцо редкого для Прикубанья, но обычного для Поволжья типа с напускной бусой с зернью.

В шкатулке с монетами лежал еще пучок волос. Такие же пучки волос встречались и в других могилах южной группы курганов, где они лежали то справа, то слева, то у пояса, то в головах¹². Значение их неясно: это могли быть реликвии или амулеты.

Не редкостью для женских погребений является и наличие ножа. Ножи были найдены в 11 могилах¹³, а в одной даже нож и кинжал¹⁴. Носились они у пояса, то с левой, то с правой стороны, и служили, повидимому, одновременно оружием и бытовым инструментом.

Обычной принадлежностью женщины были также туалетные приборы, своеобразные несесеры, носившиеся у пояса¹⁵. Все они серебряные, за исключением одного (золотого¹⁶), и состоят из круглых¹⁷ или цилиндрических¹⁸ флакончиков, подвешенных на цепочках к луннице¹⁹, груше-

¹ Курганы № 10, 20, 33, 41, раскопки 1896 г.

² Курганы № 27, раскопки 1896 г.

³ Курганы № 12, раскопки 1896 г. (в шкатулке).

⁴ Курганы № 20, раскопки 1896 г. (в шкатулке).

⁵ Курганы № 12 и 33, раскопки 1896 г. (в мешочке в шкатулке); № 45, раскопки 1896 г. (в мешочке у пояса).

⁶ Курганы № 13, раскопки 1896 г.

⁷ Курганы № 33, раскопки 1896 г.

⁸ Курганы № 4, раскопки 1907 г.

⁹ Курганы № 12, раскопки 1896 г.

¹⁰ Хранятся в Гос. Эрмитаже (ТБ-307-309).

¹¹ Курганы № 20, раскопки 1896 г.

¹² Курганы № 1, 2, 7, 9, 10, 12, 27, 38, раскопки 1896 г.

¹³ Курганы № 10, 12, 20, 27, 35, 36, 45, раскопки 1896 г. № 7, раскопки 1897 г. № 2 и 7, раскопки 1906 г., № 4, раскопки 1907 г.

¹⁴ Курганы № 45, раскопки 1896 г.

¹⁵ Курганы № 4, 6, 10, 12, 13, 22, 27, 36, 41, 45, раскопки 1896 г. № 7, раскопки 1897 г.

¹⁶ Курганы № 13, раскопки 1896 г.

¹⁷ Курганы № 4, 6, 36, 41, 45, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 66, 67, 225, 245, 263.

¹⁸ Курганы № 4, 27, 41, раскопки 1896 г. № 7, раскопки 1897 г. ОАК 1896 г., рис. 68, 130, 237, 244, 257.

¹⁹ Курганы № 4, 6, 27, 41 (2 экз.), 45, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 67, 225, 237, 244, 245, 257, 263.

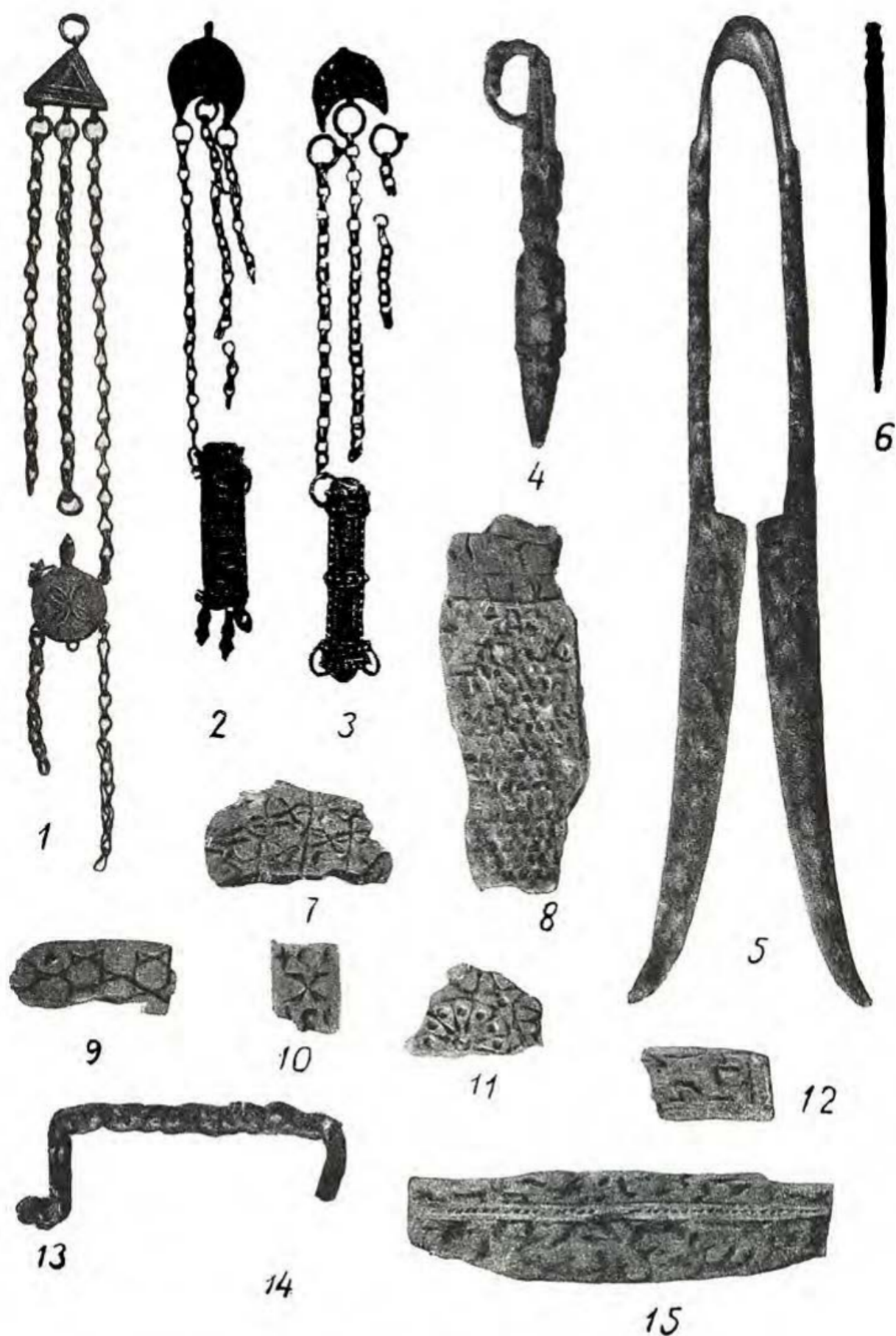

Рис. 5. Вещи из женских погребений:

1—2 — серебряные туалетные приборы; 3 — туалетный прибор золотой; 4—5 — железные ножницы; 6 — костяная игла для продергивания шнура; 13 — железный замок от шкатулки; 14 — ручка от шкатулки; 7—12, 15 — обломки деревянных шкатулок ($1/3$ нат. вел.)

видной¹ или треугольной² бляшке с кольцом наверху, посредством которого весь прибор прикреплялся к поясу (рис. 5, 1—3).

В цилиндрических флакончиках хранились краска и стерженек для сурмления бровей, а в круглых, вероятно, духи. Снизу к флакончикам подвешивался на цепочках набор мелких туалетных инструментов: пинцет для выдергивания волос, копоушка, зубочистка и блохоловка. Последняя представляет собой небольшую ложечку-ситечко³. В нее клали каплю меда, и когда хозяйка этого инструмента осторожно подсовывала его к тому месту, где кусает блоха, то последняя, соблазняясь запахом меда, прыгала на мед и прилипала к нему. Такого рода хитрое изобретение просуществовало очень долго и употреблялось европейскими модницами XVIII века⁴, в более же раннее время оно известно по находкам в Салтовском могильнике, где найден был включающий в себя блохоловку еще более полный набор мелких туалетных инструментов, тоже на цепочках, но без флакона.

Иногда женщины носили по два таких несесера: один с духами, другой с сурьмой⁵; иногда же употреблялся не весь прибор, а часть его: в одном из погребений был найден цилиндрический флакончик без набора инструментов⁶, в других были положены только один пинцет⁷ или зубочистка с копоушкой⁸; в одном случае, кроме обычного несесера, оказались еще добавочно положенные ухвертка и блохоловка⁹. В мужских погребениях туалетный прибор с принадлежностями для сурмления бровей был найден только однажды¹⁰, но отдельные предметы набора (пинцеты для выдергивания волос) встречались и в мужских могилах. Один из найденных в 1896 г. туалетных несесеров¹¹ имеет вид горизонтально подвешенной цилиндрической коробочки, похожей на капторгу (футляр для мусульманского амулета). Подобные предметы известны из раскопок Д. Я. Самоквасова в Пятигорском округе¹², от которых белореченская находка отличается тем, что ее носили не на длинной цепочке на шее, а у пояса; снизу к цилиндрической коробочке вместо привесок подвешен обычный набор туалетных инструментов, что говорит о ее бытовом, а не ритуальном назначении.

В двух погребениях большой белореченской группы были найдены и настоящие капторги¹³ в виде прямоугольных коробочек художественной работы явно не местного происхождения (одна даже с изречениями из корана на внешней поверхности), носившиеся на цепочке на шее. Тот факт, что капторги найдены в женских могилах, а в мужских ни разу не встретились, и то, что капторгообразная цилиндрическая коробочка приспособлена под туалетный несесер, позволяет заключить, что эти капторги использовались не по назначению, а как украшения или туалетный прибор.

¹ Курганы № 4 и 10, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 68, 194.

² Курганы № 12 и 36, раскопки 1896 г.; ОАК, 1896 г. рис. 66.

³ ОАК 1896 г., рис. 287.

⁴ ГИМ, особая кладовая.

Курганы № 4 и 41, раскопки 1896 г.

⁶ Курган № 8, раскопки 1896 г. ОАК 1896 г. рис. 253.

⁷ Курган № 2, раскопки 1906 г.

⁸ Курган № 4, раскопки 1896 г.

⁹ Курган № 45, раскопки 1896 г.

¹⁰ Курган № 9, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 130.

¹¹ Курган № 12, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 202.

¹² Д. Я. Самоквасов. Указ. соч. Труды V АС, 1881 — 1887, табл. IV, рис. 3.

¹³ Курганы № 27 и 45, раскопки 1896 г. ОАК 1896 г., рис. 69, 226, 236.

Обилие вещей, положенных в могилу с умершим, говорит и о личном богатстве покойника, и о его почетном положении в обществе. В начале XVI века¹ у северокавказских черкесов был обычай приносить при прощании с умершим подарки, которые частью шли на издержки угощения, а остальные хоронились в могиле с покойником. Возможно, что за счет такого «приношения» следует отнести пояс с золотым набором, который лежал у плеча покойника², и некоторое оружие, также лежавшее отдельно, как, например, стрелы, найденные в ногах и за черепом, или сабли, положенные на крышку гроба. Подарками же могли быть вторые экземпляры туалетных несесеров в богатых женских погребениях и некоторые сосуды, не связанные с ритуалом.

Обряд погребения с оружием и утварью, повидимому, бытовал на Северном Кавказе очень долгое время; пережитки его сохранились в обычае кабардинцев класть вырезанные из дерева изображения оружия в могилу воина, молотка — в могилу кузнеца, арбы — в могилу колесника и т. п.³; у шапсугов еще в XIX веке ставили изображение кинжала или шашки на могиле мужчин и ножниц на могиле женщин⁴.

В общем можно отметить, что женские и мужские курганные погребения сходны не только по ритуалу захоронения, но и по богатству инвентаря. Такое же сходство наблюдается и в отношении одежды, которая различается у мужчин и женщин не по ценности и качеству материала и отделки, а лишь в некоторых особенностях формы головных уборов.

III. ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Более чем в двадцати могилах сохранились остатки ткани от одежды, а в некоторых⁵ и довольно значительные ее части; в девятнадцати погребениях найдены части головных уборов⁶; в четырех — остатки кожаной обуви⁷. Благодаря этому возможно восстановить в некоторой степени общий вид костюма людей, похороненных в белореченских курганах.

Головные уборы мужчин и женщин были разного фасона. Мужчины носили парчевые или шелковые тюбетейки на подкладке из легкого шелка. Верх шился из четырех клинышков, околыш выкраивался прямой (рис. 6, 2, и ОАК 1896 г., рис. 140). Часто по швам тюбетейка украшалась нашитым шнурком или позументом⁸, иногда вышивалась шелком. Подкладка выкраивалась с таким же околышем, но с верхушкой в виде круга⁹. К макушке пришивался свободно свисавший шнур с кисточкой на конце. В одном кургане¹⁰ была найдена меховая мужская шапка типа папахи.

Женские головные уборы делались остроконечные, с макушкой в виде шишака, с лунницей на стержне. В коллекции ГИМ имеется верхняя часть такой шапочки, войлочная, со стержнем и лунницей из шел-

¹ «Рассказ генуэзца Георгия...». Кубанский сборник, т. V. Екатеринодар, 1899.

² Курганы № 1, раскопки 1896 г.

³ Н. Д у б р о в и н. Черкесы (адыге). Краснодар, 1927.

⁴ Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. М., 1948, стр. 34.

Курганы № 5, 7, 10, 12, 20, раскопки 1896 г.

⁶ Курганы № 2, 10, 12, 15, 20, 22, 23, 24, 25, 28, 31, 37, 39, 41, 45, 47, 49, 50, раскопки 1896 г.; № 7, раскопки 1897 г.

⁷ Курганы № 7, 8, 20, 47, раскопки 1896 г.

⁸ ОАК 1896 г., рис. 82.

⁹ Тюбетейка из кургана № 49, раскопки 1896 г., реставрированная Е. С. Видоной.

¹⁰ Курганы № 2, раскопки 1896 г. ОАК 1896 г., рис. 84.

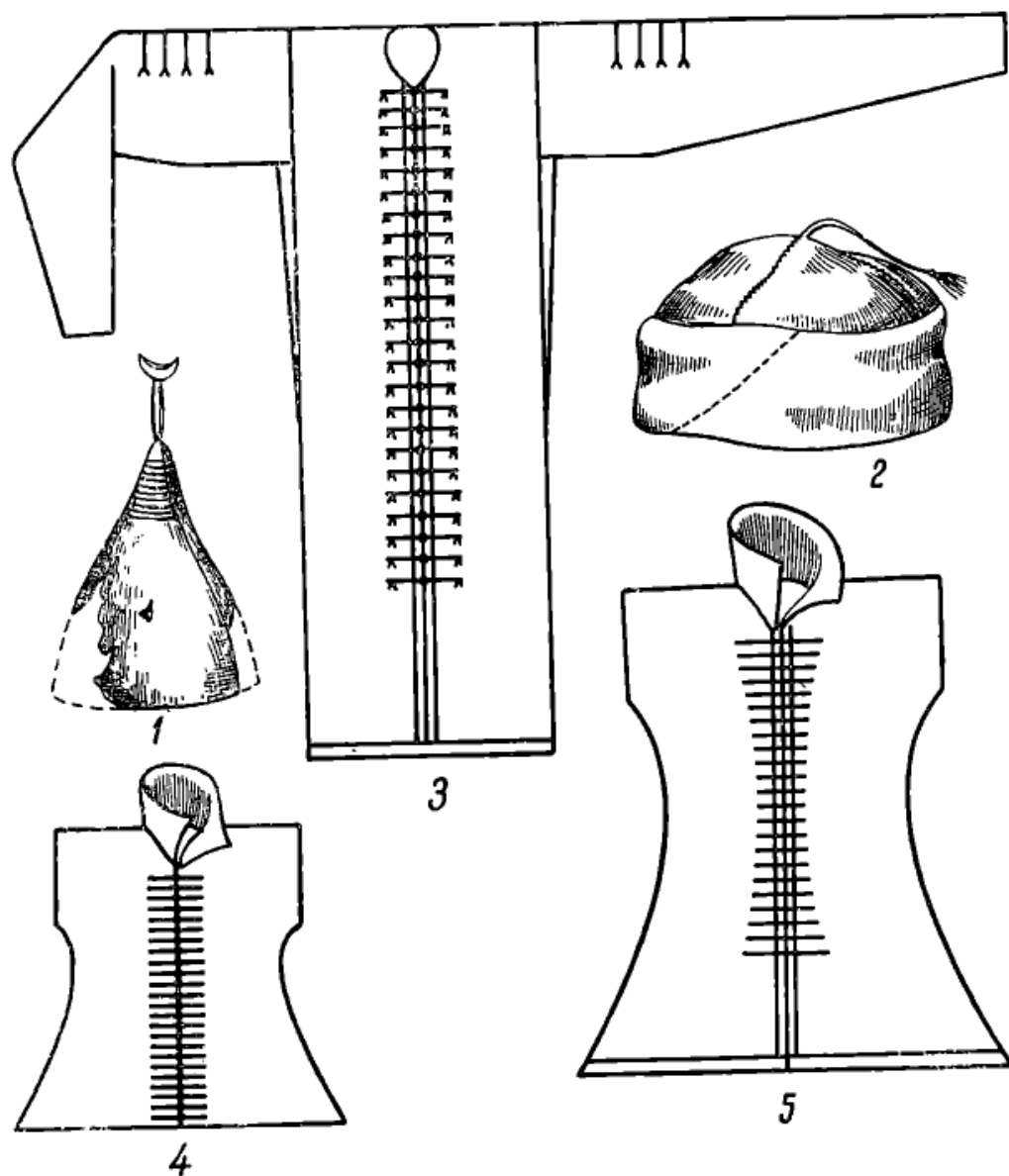

Рис. 6. Головные уборы и реконструкция одежды:

- 1 — войлочная женская шапочка (курган № 22, раскопки 1896 г.); 2 — шелковая мужская тюбетейка (курган № 43, раскопки 1896 г.); 3 — женский халат (курган № 20); 4 — женский кафтан (курган № 10); 5 — мужской кафтан (курган № 5)
(1, 2 — в $\frac{1}{5}$ нат. вел., 3 — 5 — в $\frac{1}{24}$ нат. вел.)

ка¹, расшитая в верхней части шнуром (рис. 6, 1) Такой же формы, но металлическая, верхушка головного убора была найдена в другом богатом погребении². Она сделана из тонкого листового серебра с накладными узорными пластинками вроде сетки с гнездами для вставок камней или жемчуга. Снизу этот шишак, так же как и войлочный, должен был иметь какой-то околыш, матерчатый или меховой, чтобы его можно было надеть на голову. В других погребениях встречались одни металлические стержни с лунницами (золотые и серебряные позолоченные) от подобных же уборов³ или одна лунница без стержня⁴. Одна парчевая ша-

¹ Из кургана № 22, раскопок 1896 г. Реставрирована Е. С. Видоной в 1948 г.

² Из кургана № 45, раскопок 1896 г. В настоящее время хранится в Гос. Эрмитаже в виде обломков; ОАК 1896 г., рис. 232.

³ Курганы № 12 и 20, раскопки 1896 г.

⁴ Курган № 7, раскопки 1896 г.

почка¹ имела наверху обкладку из тонкой серебряной треугольной пластинки, которая придавала шапочке вид шишака, а на вершине ее укреплялась серебряная позолоченная лунница на шарике вместо стержня. Кроме того, эта шапочка была украшена грушевидными привесками на цепочках, свисавшими от макушки, как кисти мужских тюбетеек. Подобные привески встречались, как отделка шапочек, и в других погребениях².

Такого вида головные уборы обычны для памятников Кавказа позднего средневековья; они встречаются почти во всех курганных группах Прикубанья и в Пятигорском районе. В одном из погребений близ станицы Андрюковской была найдена кожаная шапочка с накладками листового серебра, с навершьем в виде лунницы на низком стержне и тремя парами грушевидных привесок³. В раскопках Д. Я. Самоквасова под Пятигорском навершья в виде лунниц на стержне встречались очень часто, а в одном из курганов Карраса⁴ найден был серебряный убор, похожий на белореченский, но более грубой формы и отделки.

Подобные же, но другого фасона головные уборы, называемые «бокка», были иногда очень высокими; носились они женщинами-монголками⁵. В разных местностях эти уборы разные, и даже у очень близких друг к другу кубанских и пятигорских головных уборов контуры и положение лунницы разные.

В современном этнографическом материале к фасону белореченского убора больше подходит вышедшая в XIX веке из употребления адыгейская шапочка девушки-невесты и молодухи⁶, называемая «чиличьпао», что значит «башня-шапка». Ее сменила тюбетейка такого же фасона, как мужские белореченские, но с шариком на макушке⁷ и со спускающимися от макушки шнурами с кисточками и привесками. Бытовала также у адыгейцев, как более позднее заимствование, шапочка с плоским верхом⁸, называемая «татарпао». Уже само название ее говорит о заимствовании, типы же чиличьпао и тюбетейки с выпуклым верхом можно с уверенностью считать коренными местными, идущими от эпохи белореченских курганов. Пережитком стержней с лунницами, украшавших белореченские уборы, на старинных адыгейских шапочках являются шарики на макушке, иногда с птичкой и даже лунницей.

Шуба была найдена только один раз в женском погребении⁹. Она очень плохо сохранилась, так что о фасоне ее судить невозможно; но все же Н. И. Веселовскому удалось определить, что она была сшита из меха дикой козы¹⁰.

В другом женском погребении¹¹ сохранились крупные куски роскошного халата, покроя которого полностью восстановлен Е. С. Видоной. Дорогой золотный аксамитный итальянский бархат этой одежды имел первоначально лиловый цвет, теперь же краски его поблекли и общий тон

¹ Курган № 41; ОАК, рис. 239 и 240.

² ОАК 1896 г. рис. 178.

³ ОАК 1896 г. рис. 272 и 273.

⁴ Труды V АС, т. IV, рис. 1.

Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Указ. соч., 1950.

⁶ Е. Н. Студенецкая. К вопросу о национальной кабардинской одежде. Учен. записки Кабард. научно-исслед. ин-та. Нальчик, 1948.

⁷ Е. Н. Студенецкая. Указ. соч.

⁸ Е. Н. Студенецкая. Указ. соч.

⁹ Курган № 10, раскопки 1896 г.

¹⁰ Рукописный отчет Н. И. Веселовского. Архив ЛОИМК, л. 56, 1896 г.

¹¹ Курган № 20.

коричневатый. Подкладка из зеленого шелка типа камки (тоже западного происхождения) со стилизованным растительным рисунком, очень близким к рисунку фелони XV века Пафнутия Боровского, хранящейся в коллекциях ГИМ. Халат этого прямого покроя, длинный, до пят (длина 150 см), однобортный, со сходящимися спереди полами. Вырез ворота полукруглый, без воротника, плечи сшивные, так что рисунок бархата и на спине и спереди идет в одну сторону крупными букетами вверх, мелкими — вниз. Подол и полы обшиты узорчатой шелковой с золотом лентой шириной 4 см. Застежка, состоявшая из серебряных пуговиц и мягких петель, шла от ворота до пояса. Петли, расположенные по левой поле, образуются из сложенной вдвое тесьмы, сплетенной из шелкового шнура «в косичку», и положены горизонтальными рядами перпендикулярно к борту на расстоянии 3—4 см друг от друга. Такие же нашивки имеются и по правой поле халата, а на концах их у борта были пришиты серебряные пуговицы. Противоположные концы тесемок-нашивок на обеих полах распушены в кисточки. Нашивки эти продолжают и ниже пояса, уже без пуговиц и петель, в виде украшения, не доходя до подола сантиметров на 30. Длина их вместе с петлей и кисточкой около 10 см. Такого же вида нашивки с застежками имеются и у разреза рукавов, проходящего с внешней стороны выше локтя.

Рукава с прямой широкой проймой от локтя скошены с нижней стороны, к кисти постепенно суживаются. Длина их 1 м. Нижние концы рукавов подшиты внутрь обшивкой из того же бархата, а сверху имели манжеты — нарукавники из тонкой орнаментированной серебряной пластины¹. Когда эти нарукавники схватывали руку над кистью, то выше рукав должен был ложиться горизонтальными складками; когда же руку просовывали в разрез рукава, то конец рукава свободно свешивался вниз. Кроился халат из четырех полотнищ ткани: одно целиком шло на спину, второе разрезалось вдоль пополам и шло на полы, а остальные два — на рукава, причем пройма как раз соответствовала ширине ткани². Кроме того, в боковые швы вставлялись длинные клинья широким концом к пройме рукава, заменявшие в пройме ластовку, что облегчало движение рук. Внизу, примерно около колен, эти клинья сходили на нет, так что халат несколько суживался книзу (рис. 6, 3).

О том, что в начале XVI века черкесы носили халаты, говорит генуэзец Георгий³, но он описывает будничный холщевый халат с широкими рукавами (вероятно, подобный изображенному на серебряной бляшке⁴, найденной в одном из белореченских погребений); реконструируемый же халат является образцом дорогой парадной одежды. Адыгейский этнографический материал дает разрезные рукава на старинной верхней одежде — мужских черкесках и женском платье, которые делались, как и белореченский халат, без воротника, с открытой грудью, но другого покроя —

¹ ОАК 1896 г., рис. 215,б.

² При обследовании фрагментов ткани в нижней части халата выяснилось, что халат сшит из целого куска: в швах обнаружены кромки; благодаря этому установлено, что ширина золотой бархатной ткани — 56 или 58 см с кромками. В. К. Клейн в своей статье «Иноземные ткани, бытовавшие в России до XVIII века» (М., 1925, стр. 31) писал: «Венецианские бархаты характеризуются необычайной добротностью ткани... а также необыкновенной величиной раппорта. Нам встречались образцы, имеющие раппорт до 1 аршина 7,5 вершка в высоту и 14,5 вершка в ширину (т. е. во всю ширину ткани в куске)». Ткань описываемого халата имеет в ширину 56—58 см (14,5 вершка), а раппорт рисунка 78 см в высоту (1 аршин 1,5 вершка). — *Примеч. Е. С. Видоной.*

³ «Рассказ генуэзца Георгия...». Кубанский сборник, т. V. Екатеринополь, 1899.

⁴ ОАК 1896 г. рис. 160, а.

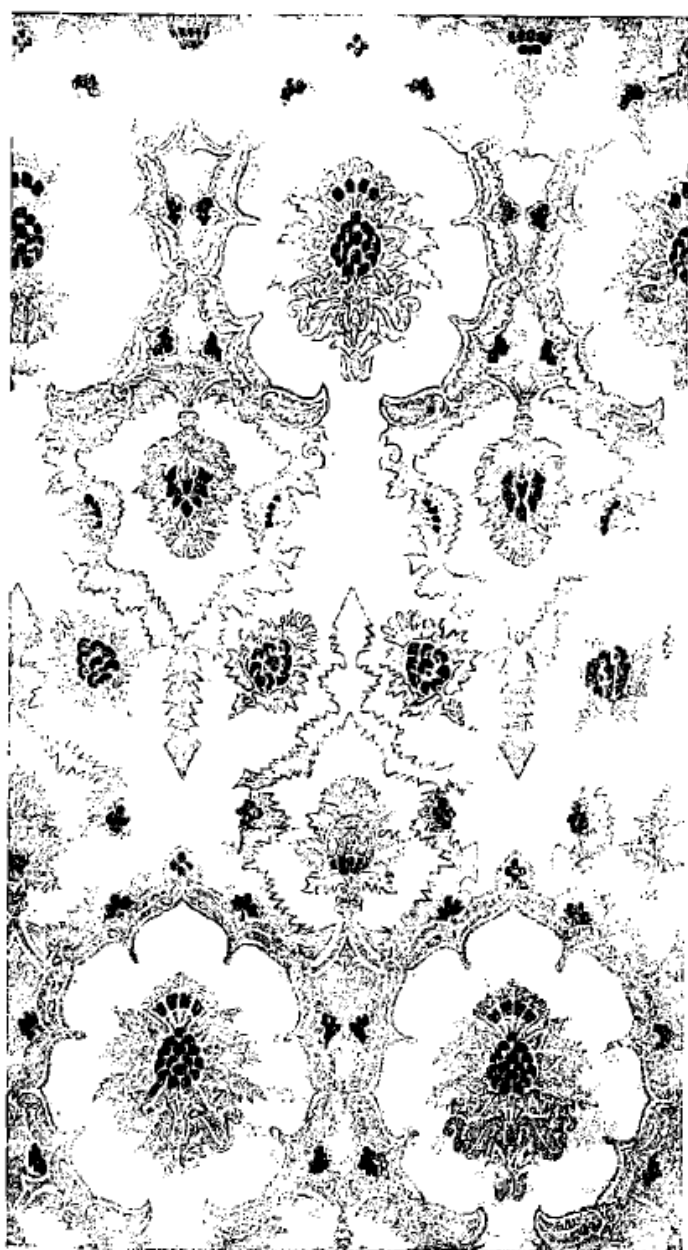

Рис. 7. Раппорт рисунка аксамитного бархата, из которого сделан женский халат (курган № 20, раскопки 1896 г.)

вставлялись клинья, так что от талии к подолу кафтан получался скошенным. Длинной эти кафтаны были выше колен, шились из дорогой золотой ткани (парчи) или шелка⁴, на шелковой же подкладке. Сходившиеся вплотную борта застегивались от ворота до пояса крупными в форме полых эллипсоидов серебряными (реже золотыми) пуговицами и укра-

в талию. Вообще же фасон разрезного рукава был широко распространен в ту эпоху, и даже на русских парадных рубашках XVII века можно проследить пережитки этих прорезей¹. Параллель серебряным нарукавникам можно видеть в отделке одежды тонкими орнаментированными серебряными пластинами в курганах Пятигорского округа, одно-временных белореченским².

Верхняя одежда другого покроя — короткий кафтан, носившийся, повидимому, под халатом, восстанавливается по крупным остаткам, найденным в других курганах большой белореченской группы³. Фасон этой одежды, одинаковый как у мужчин, так и у женщин, реконструируется в следующем виде. Спина прямая, со швом посередине, соединяющим два сложенные вместе и перекинутые через плечи полотна материи, так что плечи не имели шва. Спереди ворот вырезался мысиком и к нему пришивалась прямая, сложенная вдвое полоса материи, образующая довольно высокий стоячий воротник «козырем». Спереди сходились прямые полы, а в бока

¹ Коллекции ГИМ.

² Д. Я. Самоковасов. Указ. соч. Труды V АС, табл. V, рис. 1.

³ Из мужской могилы кургана № 5, раскопок 1896 г. (хранится в Эрмитаже), и из женской могилы кургана 10, раскопок 1896 г. (хранится в ГИМе); парчевые на шелковой подкладке.

⁴ Парчевые мужские в курганах № 5, 26, 30, раскопок 1896 г.; 3-II, раскопок 1906 г.; № 2, раскопок 1907 г.; шелковые мужские в курганах № 2, 7, 15, 23, 49, раскопок 1896 г.; парчевые женские в курганах № 12, 28, 31, 45, раскопок 1896 г.; № 2, раскопок 1906 г.; шелковые женские в курганах № 4, 10, 22, 27, 34, раскопок 1896 г.; № 12, раскопок 1906 г.; ОАК 1896 г., рис. 181, 203 а, 215 а, 216 а, 229.

шались такими же горизонтальными нашивками тесьмы, как на вышеописанном халате, с петлями против пуговиц. Для красоты эти нашивки продолжались и ниже талии, доходя иногда до самого подола. Интервалы между горизонтальными нашивками делались в 3—4 см¹, в некоторых случаях, по наблюдению Н. И. Веселовского, «вершка на два и больше», т. е. около 10 см. Длина нашивок около 7—10 см; иногда они постепенно укорачиваются, приближаясь к талии, и опять удлиняются по мере удаления от талии к подолу². Борта и подол окаймлялись узорчатой шелковой лентой (рис. 6, 5).

Фасон рукава для этого вида одежды не установлен, так как в белореченском материале остатки рукавов сохранились лишь от описанного выше женского халата. Не сохранилось рукавов и у шелкового кафтана из Увека³, фасон которого совпадает с белореченскими (кроме более сложного покроя полуотложного воротника и меньшего количества нашивок застежки). Проймы же у всех этих кафтанов прямые, широкие.

Из современной старинной одежды адыго-черкесов ближе всего к этому типу подходит мужской бешмет, представляющий собою короткий кафтан до колен (иногда выше или ниже колен), в талию, с застежкой и парядными нашивками на груди, со стоячим воротником и длинными рукавами. Женский черкесский кафтанчик к нашему времени видоизменился до неузнаваемости, превратившись в нагрудник, передник (две полы) и нарукавники, в старину же он был близок по покрою к мужскому бешмету⁴. Повидимому, и эти части адыго-черкесской национальной одежды, так же как женский головной убор, имели свои прототипы еще в XIV—XV веках.

Фасон нижнего (нательного) платья мужчин и женщин, которое шилось из тонкого шелка типа камки⁵ или из гладкого, без узоров⁶, неясен, но с несомненностью установлено, что ворот этого платья был виден из полуоткрытого на груди ворота верхнего кафтана и застегивался наглухо до шеи на более мелкие, чем у верхней одежды, пуговицы. Петли для них делались из короткой тесьмы соответствующего размера, как это видно на остатках женского нижнего платья, сшитого из тонкого шелка типа камки⁷.

Шаровары, шелковые и кожаные, остатки которых прослежены Н. И. Веселовским при раскопках, состояли «из двух отдельных половинок, имеющих сверху шнурок (гайтан)»⁸. Такой же фасон имеют и современные черкесские штаны, которые кроются прямыми, с ромбической ластовкой, сверху на вздержке. Черкесские шаровары заправляются в ноговицы, и древние шаровары также, по наблюдению Н. И. Веселовского, заправлялись в сапоги.

Описывая найденную в раскопках белореченских курганов обувь, Н. И. Веселовский говорит, что «на ногах у мужчин находились кожаные

¹ Курганы № 5, 12, 15, 22, раскопки 1896 г.

² Курган № 5, раскопки 1896 г.

³ Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Указ. соч., рис. 18.

⁴ Е. Н. Студенецкая К вопросу о национальной кабардинской одежде. Учен. записки Кабард. научно-исслед. ин-та. Нальчик, 1948.

⁵ Курган № 20, раскопки 1896 г.

Курган № 12, раскопки 1896 г.

Курган № 20, раскопки 1896 г.

⁸ ОАК 1896 г., стр. 14, и рукописный отчет Н. И. Веселовского. Архив ЛОИИМК, д. 56 1896 г.

сапоги с низкими голенищами и прямыми носками без каблуков. У женщин такие же сапоги, только более изящные. Некоторые представляют не гладкую поверхность, а сделаны как бы сборками; на других имеется орнамент в виде кружков и т. п. Цвет их иногда хорошо сохранился: он преимущественно коричневый, иногда с разными оттенками¹. Под коленями голенища стягивались ножными подвязками из узкой ленты с пряжками и металлическими украшениями; остатки таких подвязок сохранились во многих погребениях. Покрой белореченской обуви точно не восстановлен; в пятигорских курганах обувь представлена низкими башмаками типа чупак с отдельными ноговицами; адыго-черкесы XIX и начала XX века носили иногда вместо ноговиц кожаные чулки и башмаки со швом по следу, а свидетель начала XVI века, генуэзец Георгий, говорит и о сапогах и о низких башмаках («штиблеты») у черкесов. Возможно, что и в эпоху XIV—XV веков на Кубани бытовали разные виды обуви. Судя по материалам курганных раскопок, по описанию автора начала XVI века и более поздним этнографическим данным, у северокавказского населения, кроме обычной будничной, употреблялась и парадная яркая обувь.

Имеющиеся в коллекции ГИМ образцы кожи из белореченских курганов, к сожалению, в большинстве утратили связь с определенными комплексами, да и значительная часть их относится не к обуви, а к другим кожаным предметам, но все же они дают возможность судить о различных сортах кожевенного товара, употреблявшегося в эту эпоху на Кубани. Среди них имеются образцы грубого сорта юфти из кожи коровы, тонкая юфть из кожи яловки, но большая часть кожевенных образцов — это козлина с преобладанием более тонкой сафьяновой выделки. Дубление кожи производилось растительными дубителями, качество товара хорошее².

Кожаные сумки и колчаны часто украшались вышивкой³; еще чаще встречалась вышивка шелком и золотом на тканях, причем иногда один и тот же узор повторялся на вещах из разных погребений⁴. Широкое употребление вышивки также связывает культуру белореченских курганов с материальной культурой современных адыго-черкесов, у которых вышивка очень распространена. В частности в современном адыго-черкесском золотошвейном искусстве применяется прием вышивки посредством аппликаций, и в курганном материале мы имеем образцы орнамента, вырезанного из кожи.

Ткани, найденные в курганах, исключительно дорогих сортов: шелк и золотные ткани. Несомненно употреблялись и более дешевые сорта местного производства — холст и сукно, о которых пишет генуэзец Георгий⁵, но, так как умерших хоронили в их лучшей одежде, да и похоронены в белореченских курганах богатые люди, могильный материал дал ткани только дорогих сортов. Почти все они восточного, большей частью иранского, происхождения, но халат из женского погребения⁶ сшит из итальян-

¹ ОАК 1896 г. стр. 16.

² Определение производилось научной сотрудницей Центр. науч.-исслед. кожев. промышл. Е. П. Левашевой.

³ ОАК 1896 г., рис. 56.

⁴ Узор вышивки золотом на обивке гроба в кургане № 10, раскопки 1896 г., совпадает с узором на кисете из кургана № 9 того же года раскопок. Рукоп. отчет Н. И. Веселовского. Архив ЛОИИМК, д. № 56, 1896 г.

⁵ «Рассказ генуэзца Георгия...». Кубанский сборник, V, 1899.

⁶ Курган № 20, раскопки 1896 г.

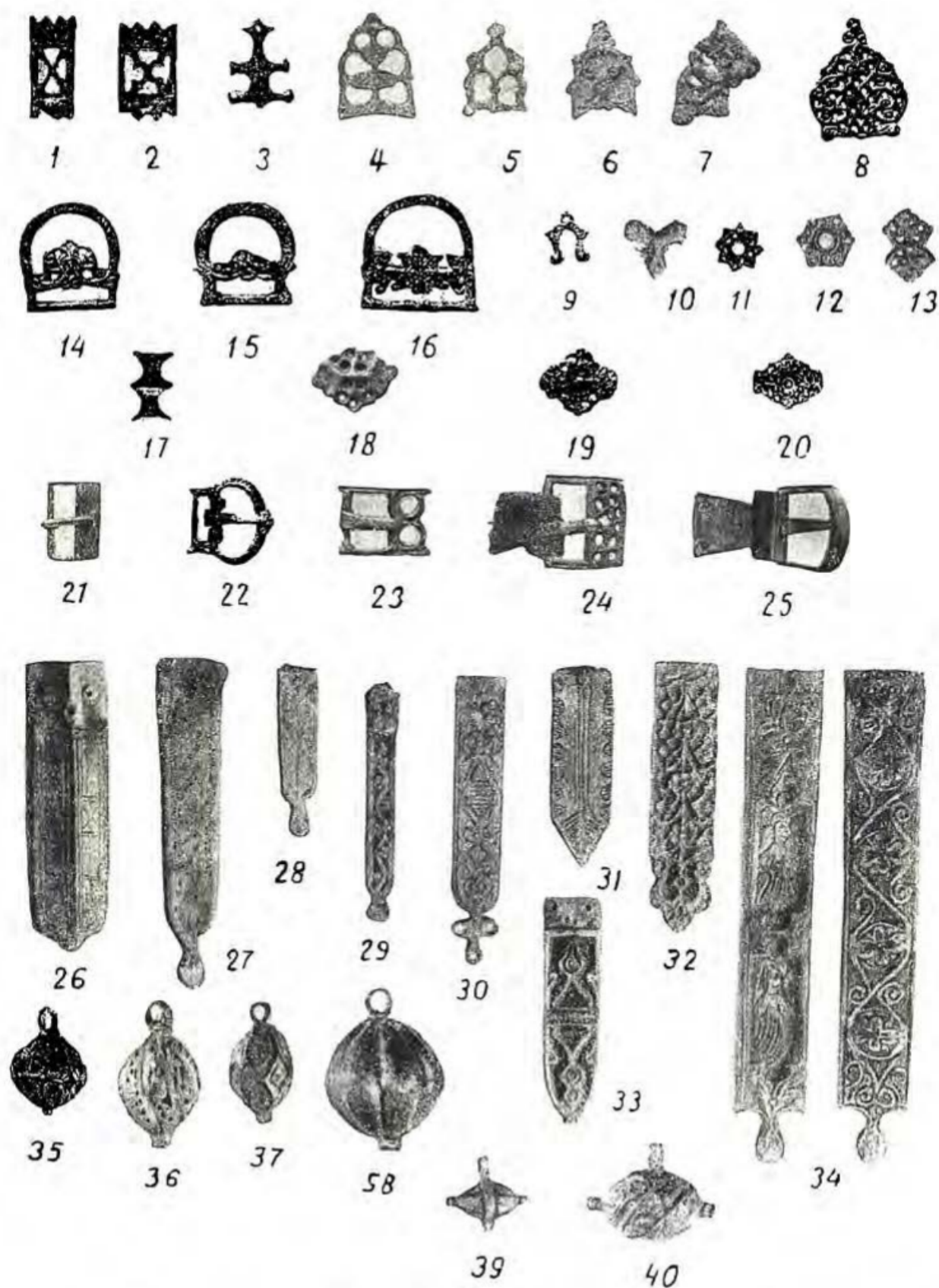

Рис. 8. Серебряные части поясных наборов и пуговицы из разных погребений:

1—13, 17 — бляшки-украшения; 18—20 — обоймицы; 14—16, 21—25 — пряжки; 26—34 — наконечники поясов; 35—40 — пуговицы (1—25 — в $\frac{1}{2}$ нат. вел., 26—34 — в $\frac{2}{3}$ нат. вел., 35—40 — в $\frac{3}{4}$ нат. вел.)

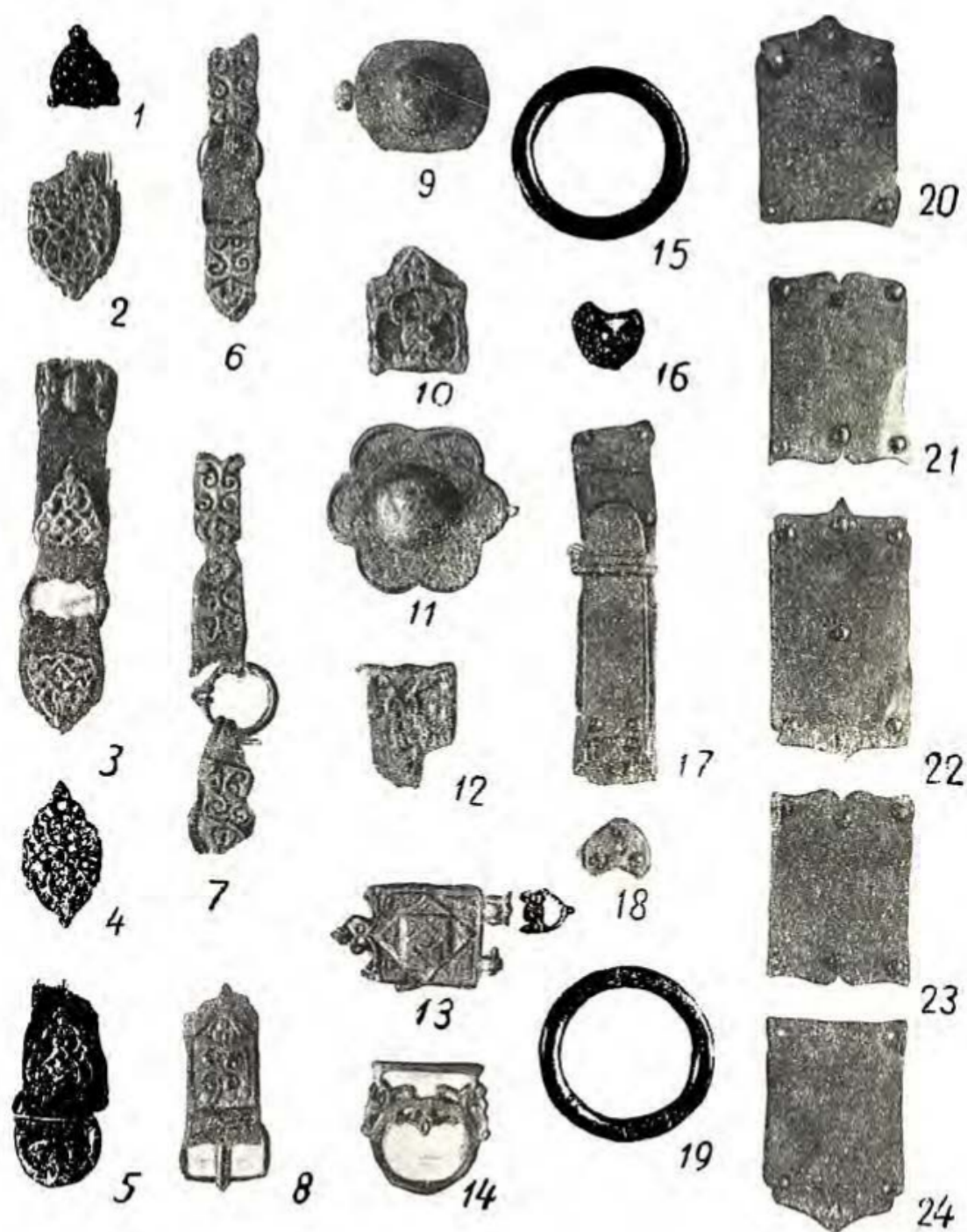

Рис. 9. Серебряные поясные наборы:

1—5 — литые украшения из кургана № 43, раскопки 1896 г.; 6—8 — штампованные украшения из кургана № 7, раскопки 1897 г.; 9 — из кургана № 11, раскопки 1896 г.; 10—12 — из кургана № 15, раскопки 1896 г.; 13—14 — из кургана № 13, раскопки 1896 г.; 15—24 — из кургана № 2, раскопки 1907 г. (1—5, 9—14 — литые украшения, 6—8 — штампованные, 15—24 — пластинчатые (все украшения даны в $\frac{1}{2}$ нат. вел.)

яньских тканей. Довольно часто встречался и китайский шелк типа камки¹.

Пуговицы для одежды, очень нарядные, делались большей частью из низкопробного серебра и покрывались позолотой; но встречались также и золотые пуговицы, а изредка пастовые или стеклянные. Кроме металлических, употреблялись также пуговицы из шнура, завязанного узелком в форме шарика.

По внешнему виду все металлические пуговицы можно разбить на три большие группы.

I. Мелкие шаровидные пуговицы, большей частью золотые², реже серебряные³. Пришивались к нижнему платью у ворота. По технике изготовления мелкие пуговицы чаще делались литые, реже штампованные из двух половинок с горизонтальным швом. Поверхность их всегда гладкая, иногда с поперечным пояском и с шишечкой на конце, противоположном ушку; лишь один раз встретились винтообразно-рельефные пуговицы этой группы⁴ и один раз — граненые⁵.

II. Наиболее распространенные, употреблявшиеся для застегивания верхней одежды (преимущественно серебряные) пуговицы⁶; золотых гораздо меньше⁷. В основном они имеют эллипсоидную форму с ушком на одном конце и гнездом для вставки бирюзы или пирамидкой зерни на другом.

Большинство этих пуговиц штампованные с фигурно-рельефной поверхностью (рис. 8, 36—38), меньшая часть — филигранные ажурные (рис. 8, 35) шаровидной формы⁸. Штампованные спаивались из двух половинок продольным швом, а филигранные поперечным.

III. Поперечно-эллипсоидные пуговицы с ушком на середине длинной стороны (рис. 8, 39, 40). Эта группа также представлена преимущественно серебряными⁹, в меньшей степени золотыми пуговицами¹⁰, все они штампованные, все орнаментированы, иногда охвачены поперечным пояском, образующим петлю¹¹ (рис. 8, 40), иногда имеют вставки бирюзы на обоих полюсах (рис. 8, 39) и на выпуклости, диаметрально противоположной ушку¹². В одном погребении встретились пуговицы с орнаментированной плоскостью, дающие в поперечнике полукруг¹³.

В двух погребениях были найдены стеклянные¹⁴ и пастовые¹⁵ пуговицы. Первые были пришиты к нижнему шелковому платью женщины и

¹ Шапочка-тюбетейка из кургана № 49, подкладка кафтана из кургана № 12, раскопки 1896 г., и др.

² Курганы № 3, 10, 28, 33, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 184, 259.

³ Курганы № 13, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 256.

⁴ Курганы № 21, раскопки 1896 г.

⁵ Курганы № 10, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 183.

⁶ Курганы № 2, 5, 7, 8, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 21, 22, 24, 28, 30, 31, 34, 37, 47, 48, 52, раскопки 1896 г.; № 5, 7, раскопки 1897 г.; № 2 и 12, раскопки 1906 г.; № 9, раскопки 1907 г.; ОАК 1896 г., рис. 73, 113, 114, 152, 166, 233, 242.

⁷ Курганы № 10, 26, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 165, 182.

⁸ Курганы № 7, 12, 26, раскопки 1896 г.; № 2, раскопки 1906 г.; № 9, раскопки 1907 г.; ОАК 1896 г., рис. 233, 242.

⁹ Курганы № 6, 9, 12, 15, 23, 27, 33, 41, 47, 52, 53, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 73, 126, 152, а, 260, 261, 159, а.

¹⁰ Курганы № 10, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 193.

¹¹ ОАК 1896 г., рис. 126, 260.

¹² ОАК 1896 г., рис. 260, 152, а, 159, а.

¹³ ОАК 1896 г., рис. 159, а, 159, б.

¹⁴ Курганы № 12, раскопки 1896 г., ОАК 1896 г., рис. 208.

¹⁵ Курганы № 10, раскопки 1896 г.

состоят из стеклянной эллипсоидной бусы с двумя серебряными розетками, соединенными стержнем, проходящим сквозь канал бусы; одна из розеток имеет петлю, другая шишечку в центре. Форма пастовых пуговиц (от верхнего шелкового кафтана) не установлена.

Очень употребительны были также мелкие пуговицы в виде шариков, сплетенных из тонкого шелкового шнура. В древних погребениях они встречались пришитыми к нижней одежде¹, а в настоящее время такие же, но большего размера пуговицы употребляются на Кавказе и для верхних бешметов².

Как исключение, в одном богатом мужском погребении верхняя одежда была застегнута не на пуговицы, а золотыми спиральными кольцами³, которые в других случаях употреблялись как височные украшения⁴.

По характеру орнаментации пуговицы II и III групп делятся на разнотипные типы, причем в разных погребениях встречаются пуговицы одинакового типа⁵, что говорит об их массовом производстве. Такого рода пуговицы обычны в материале из северокавказских могильников (станции Андрюковская, Ярославская, Абинская, Костромская, Ханская, быв. колония Покровская, Шапсугинский могильник, Майкоп, Махческ, Пятигорский округ и другие пункты), в которых зачастую повторяются белореченские типы. Встречаются такие же пуговицы и в поволжских памятниках золотоордынского времени, но там преобладают ажурно-филигранные, на Кавказе же больше штампованных. Прототипом этих форм на Северном Кавказе можно считать золотые пуговицы IX века из могилы второго зеленчукского храма⁶. Мелкие шаровидные пуговицы типичны для кочевнических и славянских памятников предшествовавшей эпохи, но штампованные пуговицы II и III групп можно считать специфически кавказскими типами.

Необходимой принадлежностью как мужской, так и женской одежды были пояса. Как правило, пояса делались из шелковой ленты (шириной от 1 до 2,7 см) и украшались металлическим набором; изредка употреблялись и целиком металлические пояса-цепи (в одном из белореченских погребений — золотой⁷, в других кубанских курганах⁸ — бронзовые).

Пояса застегивались пряжкой; конец продевался в пряжку, пропущенный сквозь металлическую обоймицу на поясе и свешивался вниз. Часто лента пояса бывает составлена из нескольких кусков, соединенных кольцами; от этих колец иногда отходили вниз ремешки для подвешивания разных предметов — ножей, мешочков и т. п. Эти добавочные ремешки тоже украшались металлическим набором. Подобным же набором украшались и ножные подвязки.

¹ На одежде из кургана № 12, раскопки 1896 г. они застегивались на тонкие золотые петли. ОАК, 1896 г., рис. 207

² Наблюдение 1950 г.

³ Курган № 1, раскопки 1896 г.

⁴ Курган № 37, раскопки 1896 г.; № 7, раскопки 1906 г.; № 9, раскопки 1907 г.

⁵ а) Курганы № 34 и 37, раскопки 1896 г.; № 12, раскопки 1906 г.; б) № 16 и 52, раскопки 1896 г.; в) № 34 и 37, раскопки 1896 г.; г) № 2, 28, 31, 34 и 48, раскопки 1896 г.; д) № 14, 28, 30 и 48, раскопки 1896 г.; е) № 7, 12, 26, раскопки 1896 г.; ж) № 6, 23 и 33, раскопки 1896 г.; з) № 5, 15, раскопки 1896 г.; № 2, раскопки 1906 г.; № 9, раскопки 1907 г.

⁶ ГИМ, экспозиция VII зала.

⁷ Курган № 10, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 52, 186—188.

⁸ Курганы № 19 и 22 близ ст. Ханской, раскопки 1906 г.

Большинство наборов поясных украшений — из низкопробного серебра, но в некоторых погребениях были и золотые¹

29 наборов поясов выдержаны в одном стиле, но встречались и сборные из разнохарактерных украшений.

По технике выделки металлические части пояса бывают литые (рис. 8, 1—20, 22, 29, 32—33; рис. 9, 1—5, 9—14), кованые (рис. 8, 21—28, 30, 31; рис. 9, 15—24) и штампованные (рис. 9, 6—8). Некоторые наборы очень высокой художественной выделки, другие же простые, даже грубоватые, подражающие высоким образцам.

Поясные пряжки белореченских курганов, весьма разнообразные по форме, большей частью сделаны из низкопробного серебра; золотых немного, и они повторяют формы серебряных. По характеру конструкции все пряжки можно подразделить на следующие большие группы:

I группа. Пряжки с простым подвижным язычком, среди которых есть простые одночастные² (рис. 8, 21, 23, 24); сложные двухчастные, состоящие из приемника и петли (рис. 8, 22) или пластинки для прикрепления к тесьме пояса³.

II группа — пряжки с язычком на шарнире; все двухчастные, прикреплявшиеся к поясу при помощи петли⁴ или пластины⁵ (рис. 8, 25).

По технике выделки почти все пряжки этих двух групп кованые, тогда как пряжки III группы «ложные», без язычка, все литые и все двухчастные (рис. 8, 14—16), соединявшиеся с поясом посредством прямоугольной петли⁶.

Каждая группа дает самые разнообразные типы и варианты, различающиеся по своему контуру и орнаментации.

Самые простые формы пряжек имели длительное время повсеместное распространение, но некоторые типы довольно оригинальны и связаны с определенными районами. Так, например, ложные пряжки III группы (рис. 8, 14—16) встречаются исключительно в северокавказских памятниках. Характерны также для Кубани и Северного Кавказа ажурные варианты простых пряжек прямоугольного с вертикальным перегибом типа I группы (рис. 8, 21, 23, 24), а овально-мысиковые сложные пряжки I группы (рис. 8, 22) близки к лировидным славянским; такие же пряжки встречаются и в позднекочевническом материале X—XII веков.

В некоторых поясных наборах употреблялись вместо пряжек застёжки. Самым оригинальным является устройство застёжки пояса с золотым набором из погребения в медном гробу⁷. Внешне это такая же золотая бляшка, как и остальные украшения набора, но полая внутри, с горизонтальной прорезью в листовой подкладке оборотной стороны; она прикреплялась к концу пояса при помощи узкой боковой петли. К противоположному концу пояса на такой же петле прикреплялся замочек в виде Т-образного крючка. Этот замочек вставлялся в щель на оборотной сто-

¹ Полные наборы в курганах № 1, раскопки 1896 г. и № 1, раскопки 1897 г.; отдельные украшения и пряжки в курганах № 1, 8, 9, 12, раскопки 1896 г.; № 7, раскопки 1907 г.

² Курганы № 1 (золотая), 5, 7, 10, 12 (золот. и серебр.), 16, 18, 19, 21, 25, 32, 43, 46, 49, 50, 52, раскопки 1896 г.; № 5, 6, 7, раскопки 1897 г.; № 3, 5, 12, раскопки 1906 г.; № 5, раскопки 1907 г.

³ Курганы № 9, 13, 15, 21, 24, 28, 32, 48, раскопки 1896 г.; № 2, раскопки 1897 г.

⁴ Курганы № 37 и 38, раскопки 1896 г.

⁵ Курганы № 3, 9, 12, 26, 27, раскопки 1896 г.

⁶ Курганы № 8, 13, 16, 28, 30, 42, 45, 48, 49, 50, 52, раскопки 1896 г.

⁷ Курганы № 1, раскопки 1897 г.

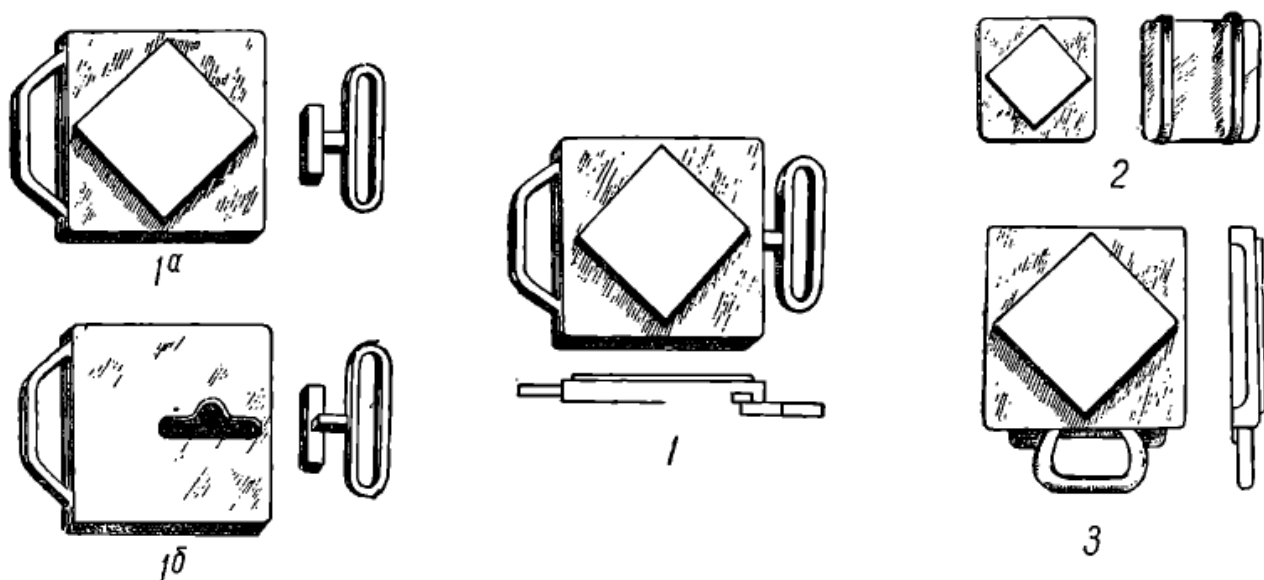

Рис. 10. Части золотого набора пояса из кургана № 1, раскопки 1897 г.:
1 — застёжки в замкнутом виде; 1а и 1б — то же в разомкнутом виде (лицевая и обратная стороны); 2 — бляшка (12 экз.); 3 — крупная бляшка ($\frac{2}{3}$ нат. вел.)

роне бляшки, и поперечная перекладка на конце его принимала внутри бляшки перпендикулярное по отношению к прорези положение, упираясь в передний край бляшки (рис. 10, 1). Таким образом получалось очень прочное и незаметное снаружи скрепление, аналогии которому нам нигде не удалось найти.

Остальные застёжки¹ устроены по более простому принципу: пуговица на металлическом изогнутом стержне и петля. В некоторых случаях петля была металлическая в виде бляшки с прорезью², иногда же пуговица на изогнутом крючке застёгивалась на простую прорезь ремня³. Прообразом этих типов являются застёжки в виде обращенной кверху лапки с крючком, отходящей от фигурной накладки и застёгивающейся на петлю такой же лапки парной накладки, известные среди сибирских памятников VII—XI веков⁴. В кавказском же материале, одновременно белореченскому и более позднему, имеются подобные лапчатые крючки на прямоугольной петле⁵ и пуговицы с овальными петлями на парных продолговатых пластинчатых накладках. Последний тип застёжки сохранился на Кавказе почти до наших дней.

Наконечники поясов и ножных подвязок все продолговатые (рис. 8, 26—34 и рис. 11, 1, 2, 4—6), прямые, плоские. Нижний конец заострен или закруглен, или имеет фигурный выступ; верхний конец представляет собой сплюснутую втулку, в которую всовывался конец ленты, закреплявшийся в ней гвоздиками-шпёнками. Таким образом, наконечники поясов представляют собой как бы плоские коробочки, открытые с узкого конца, или, реже, массивные пластинки с коробочкой-втулкой у верхнего конца. По технике выделки лицевой стороны поясные нако-

¹ Золотая из кургана № 1, раскопки 1896 г., и серебряные из курганов № 47 и 49, раскопки 1896 г.; № 4 и 9, раскопки 1906 г.

² Курган № 49, раскопки 1896 г.

³ Курган № 9, раскопки 1906 г.

⁴ В. П. Левашева. Указ. соч., табл. XIV, рис. 7.

⁵ Например, у с. Дергафс; МАК, т. VIII, 1900, стр. 105—110.

нечники бывают литые¹ или кованые². Обратная пластинка почти всегда кованая. По своей орнаментации и форме нижнего конца наконечники представляют ряд разнообразных типов и вариантов. Одни экземпляры довольно простой, даже небрежной выделки (рис. 8, 27—29), другие высокохудожественны (рис. 8, 34; рис. 11, 1, 2, 3).

Интересны литые наконечники с ажурным звериным орнаментом на фоне вставленной внутри гладкой пластинки (рис. 11, 1, 2, 4—10). Оригиналы их не местного происхождения, а, как доказала путем детального искусствоведческого анализа К. А. Ракитина³, привезены из Киликии. Однако найденные в белореченских курганах наконечники со звериным орнаментом далеко не все привозные. Большая часть их является продуктом местного производства, копированием дорогих импортных образцов. Копирование, очевидно, производилось литьем по восковой модели, причем все внимание было обращено на то, чтобы передать наиболее яркую часть этих предметов — ажурные изображения животных. Другие же детали, как добавочная орнаментация, или совсем не передавались или упрощались, например рельефный узор заменялся графической резьбой. Кроме того, местные мастера иногда сокращали сюжет передаваемого изображения, иногда комбинировали отливку с разных образцов.

В орнаментике наконечников этого типа имеется несколько сюжетов изображения животных. На одном экземпляре⁴ киликийского происхождения изображена сцена охоты: человек спускает стрелу из лука, которая летит прямо в пасть разъяренного льва; перед охотником — бросающаяся на льва собака, позади охотника — оседланная лошадь (рис. 11, 2). Из другого погребения имеется уменьшенная копия этого наконечника⁵, на которой отсутствует фигура лошади и укорочена площадь верхней части наконечника, украшенная вместо сложной плетенки оригинала эсковидной фигурой. Из третьего погребения⁶ до нас дошел образец еще более уменьшенной копии местного производства: миниатюрный наконечник без пластины с нижней стороны, с ажурным изображением одного только льва (рис. 11, 7). Самый крупный из поясных наконечников художественной работы⁷ украшен с обеих сторон ажурными рельефами (на фоне пластинчатой перегородки). На одной стороне изображены лев в спокойной геральдической позе (близкой по трактовке к изображениям на стеклянной вазе, найденной в этой же курганный группе) и два фантастических животных (рис. 11, 1); на другой стороне в центре — тоже лев, а на концах — по паре животных: хищник нападает на копытное животное (рис. 11, 1). Последняя сцена послужила сюжетом для нескольких укороченных копий⁸, причем они укорочены так, что голова копытного животного из левой группы оказалась отрезанной, а голова нападающего на него хищника как бы приставленной к телу копытного (рис. 11, 8, 10). Обратная же сторона на этих экземплярах заменена кованой пластинкой

¹ Курганы № 3, 10, 11, 15, 17, 25, 46, 49, 50, раскопки 1896 г. № 12, раскопки 1906 г.; № 2 и 5, раскопки 1907 г.; ОАК 1896 г., рис. 35, 46, 47, 51, 123, 142.

² Курганы № 5, 8, 12, 16, 18, 19, 21, 23, 26, 27, 28, 38, 43, 44, 46, 47, 48, 53, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 40—45, 48, 49, 105, 106, 151, 164, 175, 206, 234, 251.

³ К. А. Ракитина. Украшения из кубанских могильников. Труды отд. Востока Гос. Эрмитажа, т. III.

⁴ Курган № 8, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 251.

⁵ Курган № 27, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 234.

⁶ Курган № 19, раскопки 1896 г.

⁷ Курган № 5, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 40 и 41.

⁸ Курганы № 28 и 53, раскопки 1896 г.

с гравированным рисунком (рис. 11, 8) Особенно грубо сделан один из наконечников (рис. 11, 8), на котором с трудом можно определить фигуры зверей.

Как примеры видоизменения предмета при копировании можно указать еще два наконечника, украшенные сценой нападения льва на оленя. Один из них, послуживший оригиналом для другого, имеет ажурный конец в виде сложной плетенки, орнаментированную волнисто-растительным узором пластину оборотной стороны и обычной пропорции прямоугольное, тоже орнаментированное, поле верхнего конца с зубчиками по краю¹ Второй наконечник² сделан более крупным за счет удлинения поля верхнего конца, которое оставлено гладким; нижний конец хотя и ажурный, но неясно передает плетенку оригинала (рис. 11, 9) Близкий вариант сюжета нападения льва на козла представлен одним оригиналом художественной выделки (рис. 11, 4)³ и тремя подражаниями местной работы⁴ (рис. 11, 6) Местными произведениями являются еще два наконечника⁵ с ажурным звериным орнаментом, но оригиналы, которым они подражают, пока не найдены. Интересно, что один из них (рис. 11, 5) с изображением льва и крылатого зверя, близким к изображенному на большом наконечнике (рис. 11, 1), является комбинированным подражанием: его ажурный конец с двойной арабской надписью «аллах» представляет отливку половины поясного украшения, какие имеются в оригинале из других погребений этой же курганной группы⁶

Все наконечники со звериным ажурным орнаментом найдены исключительно в первой (большой) группе курганов близ станицы Белореченской. Аналогии им известны лишь в материале грабительских раскопок таких же курганов у станицы Костромской⁷ Из трех найденных там экземпляров один является подражанием наконечнику со сценой охоты, а два других скопированы с того же наконечника, что и изображенные на рис. 11, 6, но более близки к оригиналу, хотя один из них без пластинчатой подкладки, насквозь ажурный, как самый малый из белореченских (рис. 11, 7).

Среди других литых поясных наконечников имеются два с изображениями людей⁸ (рис. 8, 34), один с арабской надписью и шестиконечной звездой в круге⁹, чаще же всего в орнаментике фигурирует мотив плетенки и растительный узор. Кованые поясные наконечники, повидимому, все местной выделки; украшены они гораздо скромнее, а иногда и вовсе не орнаментированы¹⁰.

Обоймы, сквозь которые пропускался конец пояса, застегнутый на пряжку, имеют вид пластинчатого прямоугольного кольца, но внешняя сторона их¹¹ обычно бывает расширена в виде щитка (круглого, овального, ромбического, шестиугольного и другой формы) и в большинстве

¹ Курганы № 23, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г. рис. 44, 45.

² Курганы № 19, раскопки 1896 г.

³ Курганы № 47, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г. рис. 151.

⁴ Курганы № 18, 21 и 36, раскопки 1896 г.

⁵ Курганы № 43 и 47, раскопки 1896 г.

⁶ Курганы № 8, раскопки 1896 г. ОАК 1896 г., рис. 252.

⁷ ОАК 1895 г., рис. 156 и 157.

⁸ Курганы № 38 (и неустановленный), раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 48.

⁹ Курганы № 38, раскопки 1896 г. Перевод надписи: «Усердие и стыдливость суть принадлежности веры». ОАК, 1896 г., рис. 105 и примеч. стр. 21.

¹⁰ Курганы № 49, 50, раскопки 1896 г.; № 2 и 5, раскопки 1907 г.

За исключением прямых обойм: серебряных из курганов № 25, 43, раскопки 1896 г. № 2, раскопок 1907 г., золотой из кургана № 1, раскопок 1896 г.

случаев орнаментирована гравировкой, рельефом, ажуром (рис. 8, 18—20). Особенно интересны ажурные обоймицы с крестообразной надписью повторяющегося четыре раза слова «аллах»¹. Это привозные вещи, вызвавшие в местном производстве много подражаний. С такой обоймицы скопирован при помощи восковой модели фигурный конец поясного наколенника с изображением льва и аспиды (рис. 11, 5); ей подражают литые ажурные обоймицы², на которых крестообразная надпись заменена простыми валиками (рис. 8, 18); в стиле этих украшений делались ажурные поясные бляшки³ (рис. 8, 13).

Поясные кольца, служившие для соединения частей пояса и прикрепления к нему подвесных ремешков, найдены почти во всех курганах. Большей частью они сделаны, как и наборы, из низкопробного серебра, а в золотых наборах — из золота. Все они (круглые, сомкнутые, диаметром 2—3 см) делались обычно из толстой круглой проволоки (рис. 9, 3, 7, 15, 19), но бывают и уплощенные с обеих сторон или с одной нижней или уплощенно-четырёхгранные. Такие же кольца употреблялись и для портупей; но портупейные кольца чаще железные, чем бронзовые и серебряные. Орнаментированные кольца встречаются редко, и одна пара литых колец с рельефным орнаментом почти в точности повторяет тип поясных колец из курганов дреговичей Минской области XI—XII веков⁴.

Бляшки и накладки, украшавшие пояса и ножные подвязки, очень разнообразны по своим размерам, форме и орнаментации. По технике выделки их можно разбить, как уже отмечалось выше, на три большие группы: 1) пластинчато-кованые, 2) штампованные и 3) литые.

Накладки первой группы вырезаны из кованой, сравнительно толстой пластины серебра. Иногда лицевая сторона их бывает украшена гравировкой⁵, но в основном они украшали пояс просто своей блестящей поверхностью и гармоничными очертаниями контура. Часто шляпки шпенок-гвоздиков делались довольно крупными, полушарными⁶; выпукло выделяясь на гладкой поверхности, шляпки гвоздиков усиливали эффект украшения (рис. 9, 16, 18, 20—24). Иногда гладкие пластины имели проштампованные гладкие же выпуклости⁷.

Такого рода поясные и сбруйные украшения характерны для степных кочевников. Они происходят от более ранних массивных литых гладких накладок VII—IX веков простой формы, иногда с вырезами. Их много у сибирских кочевников⁸; близкие по форме литые украшения без орнамента, но большей частью малых размеров, встречаются в славянских и финских памятниках. Для эпохи после XI века характерна смена гладких литых украшений пластинчатыми, и притом более крупными, в некоторых случаях имитирующими массивность своих прототипов; так, пластинчато-кованые бляшки одного из белореченских наборов⁹ — полые с обратной стороны и заполнены какой-то белой пастой.

Украшения второй группы штампованы из тонкого золотого или серебряного листа (рис. 9, 6—8). Некоторые из них имеют совсем простой

¹ Курганы № 8, 47, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 147, 252.

² Курганы № 50, раскопки 1896 г.; № 12, раскопки 1906 г.

³ Курганы № 46, 53 и др., раскопки 1896 г.

⁴ Коллекции ГИМ, № 24220.

Курганы № 3 и 9, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 123.

⁶ Курган № 11, раскопки 1906 г.

⁷ Курган № 5, раскопки 1897 г.

⁸ В. П. Левашева. Указ. соч., табл. XVI, рис. 22—24.

⁹ Курган № 3, раскопки 1896 г.

контур прямоугольника, а если у него срезаны уголки, то пяти-шести-угольника, реже ромба с округлыми углами. Все они украшены выпуклым геометрическим или растительным орнаментом. Бляшки эти стандартны и довольно широко распространены среди белореченских наборов¹; аналогичные украшения встречались и в других кубанских и вообще северокавказских памятниках².

Другие же украшения проштампованы более выпукло, с полушарием в центре, и очертания их контура более разнообразны³. Такие украшения являются как бы дешевым подражанием литым рельефным бляшкам.

Третья группа литых украшений является самой большой по количеству и разнообразию типов. Эффект украшения этими бляшками достигался иногда сложностью очертаний их контура, иногда усиливался ажуром или рельефом орнамента. По этому принципу среди литых украшений можно выделить подгруппы мелкофигурных, ветвистых, крупноажурных, мелкоажурных рельефных и полихромных, разделяющиеся в свою очередь на ряд типов и вариантов.

Мелкофигурные бляшки — столбики, звездочки и т. п. (рис. 8, 9—12) — обычно употреблялись в наборах в сочетании с другими⁴ (как пронизки в ожерелье), но иногда узкие ленты украшались и однотипными мелкими бляшками.

Крупноажурные (рис. 8, 1—6) бляшки характерны для Кавказа. Некоторые из них являются чисто ажурными⁵, то есть сама ткань пояса служила фоном прорезей, другие же делались на подкладке листового серебра⁶ (рис. 8, 6), которая тоже украшалась гравировкой⁷. Эти нарядные бляшки обычно встречаются в сочетании с нарядными ложными пряжками (рис. 8, 14—16)⁸ или литыми крупными розетками (рис. 9, 10—12)⁹.

Прямоугольные ажурные бляшки (рис. 8, 1, 2)¹⁰ обычны для поясных наборов Северного Кавказа¹¹; делались они, вероятно, местными ювелирами. Местной же выделки были и крупные пятиугольные бляшки простейших форм¹², но некоторые экземпляры этого типа, тонкой работы с гравированными подложками, были, повидимому, привозными. По своим контурам пятиугольные бляшки с крупными вырезами напоминают более древние местные формы, в частности мелкие золотые нашивки из курганов римского времени близ станицы Некрасовской¹³.

Мелкоажурные литые бляшки представлены как экземплярами высокой техники¹⁴, привезенными из Киликии (рис. 11, 3), так и более грубыми, отлитыми местными мастерами, вероятно, по образцу привозных, но не

¹ Курганы № 5, 11, 12, 41, 47, 49, раскопки 1896 г.; № 7, раскопки 1897 г.

² Ст. Костромская, раскопки 1896 г. ГИМ, III-345/25.

³ Курганы № 1, 4, 12, 25, 37, 44, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 77, 204.

⁴ Курганы № 13, 15, 19, 30, 47 и др., раскопки 1896 г.; № 11 и 12, раскопки 1906 г. Курганы № 15, 19, 42, 44, 50, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 5, 22, 38, 76, 78.

⁵ Курганы № 15, 17, 30, 45, 46, 53, раскопки 1896 г.

Курганы № 30 и 45, раскопки 1896 г.

⁶ ОАК 1896 г., рис. 2.

⁷ Курганы № 15, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 134.

⁸ Курганы № 15, 19, 44, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 5.

Материалы по археологии Кавказа (МАК), т. VIII, табл. CVII; ОАК, 1895 рис. 356, 363.

¹² Курганы № 42 и 50, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 76.

¹³ ОАК 1906 г., рис. 118.

¹⁴ Например, бляшки набора из кургана № 8, раскопок 1896 ОАК, 1896

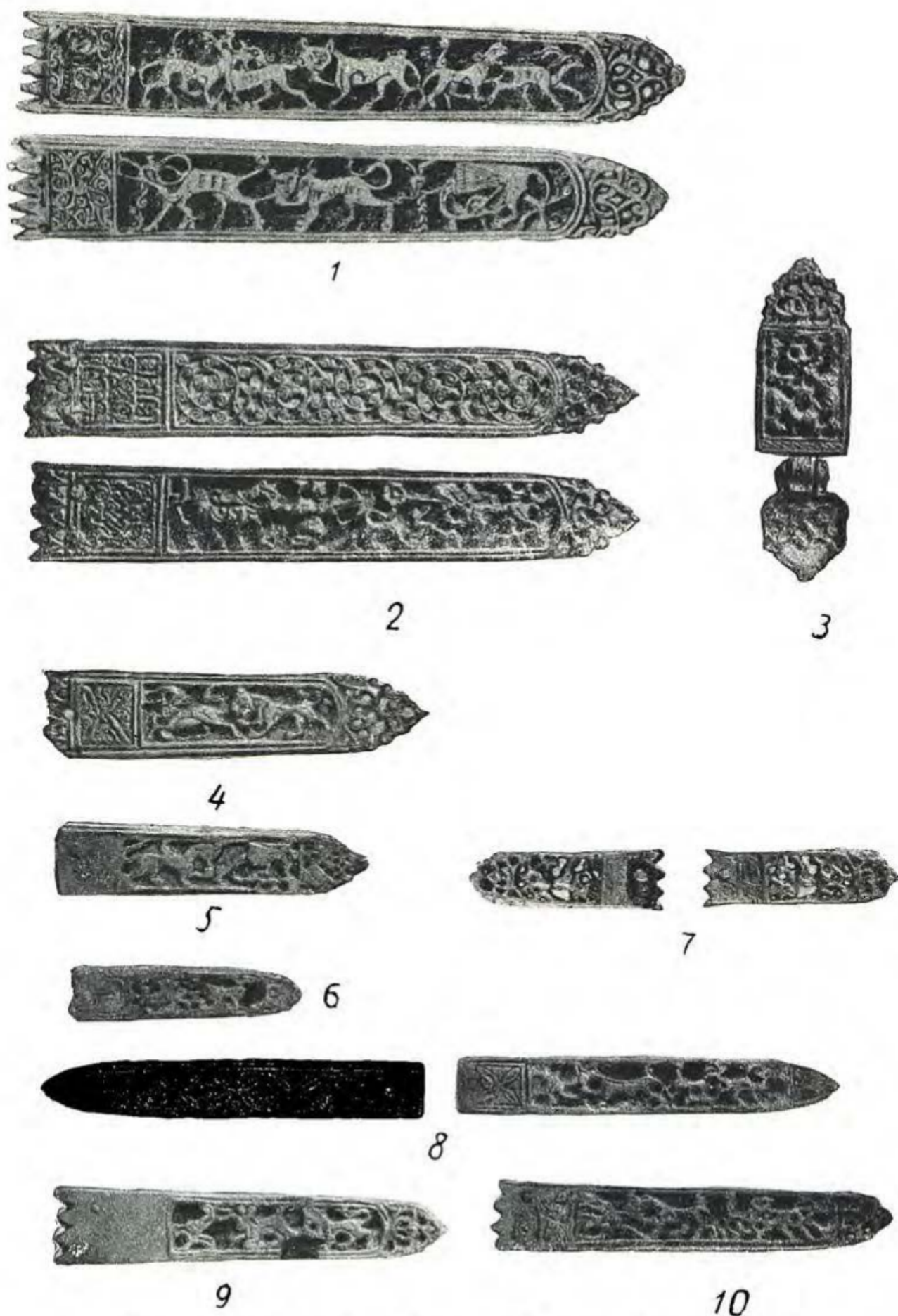

Рис. 11. Серебряные поясные украшения со звериным орнаментом:
 1 — лицевая и обратная стороны наконечника из кургана № 5; 2 — то же, из кургана № 8; 3 — бляшка с привеской из кургана № 8; 4 — лицевая сторона наконечника из кургана № 47; 5 — то же, из кургана № 43; 6 — то же, из кургана № 21; 7 — лицевая и обратная стороны наконечника из кургана № 19; 8 — то же, из кургана № 53; 9 — лицевая сторона наконечника из кургана № 19; 10 — то же, из кургана № 28 (1—3 нат. вел., 4—10 — $\frac{3}{4}$ нат. вел.)

совсем удачно. В результате такого копирования некоторые бляшки получались не вполне ажурными, с углублениями вместо отверстий¹. В большинстве случаев основной мотив этих украшений — сложная плетенка (рис 8, 8—9 и рис. 9, 1—5)

Этот же мотив сложной плетенки преобладает и в орнаментации рельефных литых бляшек² (рис. 9, 9, 11, 13) Контуры крупноажурных бляшек в основном прямоугольные или с прямоугольным основанием, а рельефно орнаментированных без прорезей — большей частью круглые (или в форме розетки)

Если крупноажурные бляшки не имеют близких себе форм в одновременных памятниках других районов и могут считаться специфически кавказскими, то форма круглых блях и крупных розеток обычна для Поволжья³ и доживает там до наших дней в этнографическом материале — в украшениях казанских татар⁴

Среди литых поясных украшений имеются два типа полихромных — это дисковидные бляхи с черной⁵ и цветной эмалью⁶ Поверхность первых украшена тонким рельефным рисунком сложной прямолинейной плетенки, образующей сетку, ячейки которой заполнены эмалью. Такой же рисунок сетки-плетенки заполняет круг бронзовой бляшки-розетки из Сарая-Берке⁷, фестоны которой украшены округлой сложной плетенкой, близкой по мотиву к узору, заполняющему лепестки белореченских блях-розеток⁸ Аналогии рисунку цветных эмалевых блях (очень тонкий растительный орнамент) найти не удалось. Бляхи эти в комбинации с мелкофигурными и прямоугольными крупноажурными бляшками, типичными для Северного Кавказа, украшают широкую ленту с кистью на конце. Эта лента была не поясом, а украшением одежды, свисавшим от плеча. Такие украшения известны в этнографическом адыгейском материале, и, по словам директора Адыгейского музея М. З. Азаматовой, свисавшие от плеча ленты, украшенные вышивкой или бляшками, бытовали до наших дней.

Золотые поясные украшения, кроме полных наборов, встречались и отдельными экземплярами в разных курганах⁹ Среди них есть и пластинчато-кованные, и штампованные, и литые.

Полные золотые наборы поясов найдены в трех погребениях¹⁰ Один из них состоит из пряжки, наконечника, обоймицы и двадцати бляшек четырех вариантов, украшенных гравировкой, чернью и рельефом¹¹ Интересно отметить, что этот пояс был найден не на покойнике, а в узелке в головах, и был, вероятно, положен как запасной, тогда как на самом костяке были найдены принадлежности другого пояса, в том числе золотая пряжка, обойма и бляшка.

Второй золотой поясной набор из погребения в медном гробу состоит из однотипных ковано-пластинчатых квадратных гладких бляшек, укра-

¹ Курганы № 19, 21, раскопки 1896 г.

² Курганы № 13, 15, 26, 27, раскопки 1896 г.

³ Коллекции Гос. Эрмитажа.

⁴ П. М. Дульский. Искусство казанских татар. М., 1925.

Курган № 45, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 224.

⁶ Курган № 15, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 136.

⁷ Коллекции Гос. Эрмитажа из Сарая-Берке.

⁸ Курган № 15, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 134.

⁹ Курганы № 1, 8, 9, 12, раскопки 1896 г.; № 7, раскопки 1907 ОАК 1896 г. рис. 96, 125, 209, 255.

¹⁰ Курганы № 1 и 10, раскопки 1896 г.; № 1, раскопки 1897 г.

¹¹ Курган № 1, раскопки 1896 г. ОАК 1896 г., рис. 87.

шенных выпуклым вписанным квадратом (рис. 10). Двенадцать бляшек мелкие, а две боковые — более крупные и имеют у нижнего края петли для подвешивания: с правого бока — точила, с левого — кинжала. Этот набор прикреплялся к ленте пояса не гвоздиками-шпеньками, как обычно, а посредством продевания ленты в плоские парные петли на оборотной стороне мелких бляшек и между внешней и нижней пластинами крупных боковых блях¹. Описанная выше застежка этого пояса пришивалась к концам ленты за боковые петли. По внешнему виду украшения этого пояса больше напоминают ковано-пластинчатые серебряные наборы, типичные для кочевников, чем характерные кавказские украшения. Кроме того, в этом кургане (при обычном обряде погребения) наблюдается еще одна деталь, сближающая его с кочевническими и совершенно необычная для белореченских курганов: в углу склепа, вне гроба, лежала пара стремян.

Третий золотой пояс имел вид цепи, разделенной на неравные части бляшками-роzetками, с костяными инкрустациями и центральной фигурно-крестовидной бляхой с бирюзой; он был найден в женском погребении². Как застегивался этот пояс — неясно, но нарядный наконечник, свисавший на двух цепочках от передней фигурной бляхи, служил здесь украшением, заменяя подвеску. Подобные пояса-цепи, но более дешевые — из низкопробного серебра или меди, были найдены в курганах той же культуры близ станицы Ханской³. Там цепи разделены не розетками, а просто поясными кольцами; передние парные прямоугольные бляхи с привесками на цепочках служили одновременно и застежкой пояса. У одного из них застежка устроена по принципу пуговицы на изогнутом стержне и петли-прорези, у другого же по принципу шарнира, как на древнерусских браслетах X—XII веков и на белореченских, о которых будет сказано ниже. В этнографическом материале близкие типы имеются среди пряжек-застежек адыго-черкесских поясов⁴; у казанских татар в точности такие же застежки из парных блях с привесками употреблялись на шейном украшении «джиака»⁵, причем бляшки на звеньях цепи этих украшений по своему стилю напоминают центральную бляху белореченского золотого пояса-цепи. Повидимому, украшения такого стиля можно считать характерными для золотоордынской культуры Поволжья, откуда они в XIV—XV веках были занесены на Кубань, а на месте сохранились в искусстве казанских татар. Но наконечник, подвешенный к золотому поясу, совсем другого стиля: тонкая художественная работа и характер орнаментации сближают его с малоазийскими ювелирными вещами. Таким образом, описываемый золотой пояс скомбинирован, повидимому, местными мастерами из привозных вещей.

Интересно отметить также, что дорогие привозные наборы украшений, попадая на Кубань, иногда разрознивались; об этом говорят наход-

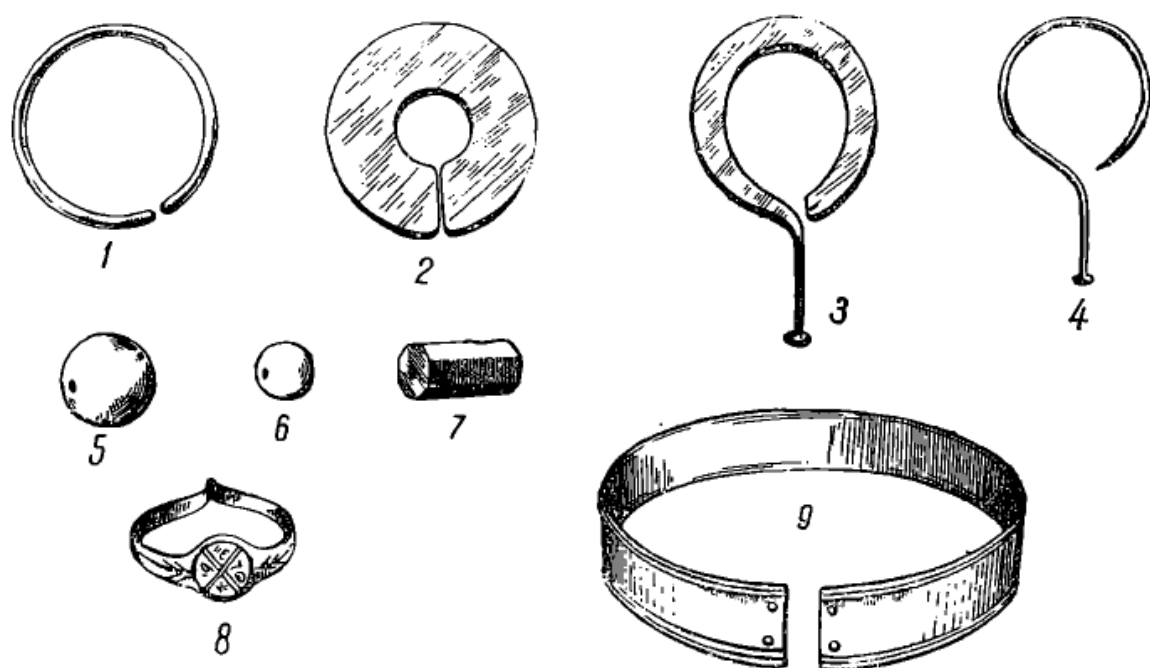
¹ Таким же способом продевания ленты внутри украшения прикреплялся набор пояса из кургана № 8, раскопки 1896 г., детально описанный К. А. Ракитиной («Украшения из кубанских могильников». Труды отд. Востока Гос. Эрмитажа, т. III), и центральные бляхи-роzetки из других погребений, например из кургана № 15; ОАК 1896 г., рис. 134.

² Курган № 10, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 186.

³ ГИМ, № 48479.

Е. П. Студенецкая. Украшения одежды у кабардинцев. Ученые Кабард. научно-исслед. ин-та, т. V. Нальчик, 1950.

⁵ П. М. Дульский и. Указ. соч.

Рис. 12. Мужские и женские украшения ($\frac{2}{3}$ нат. вел.):

1, 2 — мужские височные кольца (золотые); 3, 4 — женские височные кольца (золотые); 5 — буса из белого халцедона; 6—7 — бусы из сердолика; 8 — перстень (золотой); 9 — браслет (золотой)

ки в разных погребениях пряжек и наконечников, составлявших некогда, судя по их орнаментам, один набор¹.

Металлические украшения и принадлежности одежды делались большей частью из серебра; золотых встречено гораздо меньше.

Что касается личных украшений, то они большей частью сделаны из золота и лишь изредка (18 процентов) из серебра. Самым распространенным украшением не только женщин, но и мужчин были серьги, или височные кольца.

Ожерелья из бус не были распространены: бусы встречаются в погребениях обычно одиночными экземплярами; повидному, они нашивались на одежду. Лишь однажды в погребении девочки² встретился небольшой набор бус, сердоликовых и золотых, цилиндрической формы. Зато часто находили на груди мужчин и женщин по одной халцедоновой или сердоликовой бусине, обычно шаровидной формы³ (рис. 12, 5—7).

Серьги, или височные кольца, найдены в 60 погребениях⁴ из 72, содержащих находки; почти все серьги золотые, серебряные же найдены лишь в пяти погребениях⁵; в двух случаях найдено по одной серебряной и одной золотой серьге⁶, а один раз серебряное височное кольцо лежало в шкатулке⁷, как запасное украшение, в то время как на висках покойницы были найдены обычные золотые серьги.

¹ ОАК 1896 г., рис. 42 и 235.

² Курган № 4, раскопки 1896 г.

³ В мужских погребениях: курганы № 1, 3, 5, раскопки 1896 г.; № 3, 4, раскопки 1906 г.; № 2, раскопки 1907 г.; в женских погребениях: курганы № 10, раскопки 1896 г. № 2 и 7, раскопки 1906 г.; № 8, раскопки 1907 г.

⁴ Курганы № 2—5, 7—22, 24—28, 30—53, раскопки 1896 г.; № 4, 6, 7, 9, раскопки 1897 г.; № 2, 3, 7, 12, раскопки 1906 г.; № 4, 5, 8, 9, раскопки 1907 г.

⁵ Курганы № 20, раскопки 1896 г. № 2 и 7, раскопки 1906 г. № 8 и 9, раскопки 1907 г.

⁶ Курганы № 8 и 9, раскопки 1907 г.

⁷ Курган № 20, раскопки 1896 г.

Эти височные украшения, как правило, носили парами, по одному у каждого виска, а в некоторых богатых погребениях оказалось и по две пары¹; иногда встречалось и по одному экземпляру².

Мужские и женские височные украшения различны. Мужские — это просто кольца с несомкнутыми, но сходящимися концами, круглые или плоские в поперечном сечении (рис. 12, 1, 2), женские же имели вид серьги со спускающимся книзу стержнем, на который нанизывались бусы (рис. 12, 3, 4).

Проволочные кольца, круглые (мужские) и в виде вопросительного знака (женские), можно было носить как серьги, то есть продевать в мочку уха. Но плоские кольца мужчин и плоские со стержнем височные украшения женщин неудобны для продевания в мочку уха, так что, вероятнее всего, все эти украшения носились не как серьги, а как височные кольца. Тем более, что в «полуэтнографическом» материале Кавказа, в старинном головном уборе хевсурских женщин³, украшения типа серьги прикреплены как привески к головному убору.

Аналогии круглым проволочным мужским височным кольцам известны, кроме материала прикубанских курганов, в раскопках курганов под Аккерманом⁴, в случайных находках на Полтавщине⁵ и в с. Вязовке Астраханской области⁶; плоские же типы характерны для Кубани и Кавказа. Ни в одновременных белореченским золотоордынских памятниках, ни в более раннем материале поздних кочевников такие кольца не встречаются. Зато в раскопках под Нальчиком⁷, в Махческе⁸, под Пятигорском⁹ они обычны, причем пятигорские серебряные височные украшения воспроизводят тип белореченских золотых.

Женские проволочные кольца в форме вопросительного знака имели очень широкое распространение, но белореченские отличаются одной специфически кавказской деталью: у них, как и у большинства других колец из прикубанских курганов, конец стержня согнут под прямым углом и расплюснен лапкой, которая предохраняла бусы от падения (рис. 12, 3, 4).

Наряду с этим типом колец в некоторых курганах Прикубанья найдены экземпляры, у которых конец стержня вытянут в замотанную вокруг стержня тонкую проволоку, охватывающую бусу и выше бусы. Такой тип обычен для золотоордынских и более ранних памятников Поволжья; встречается в кочевническом материале как в европейских, так и в азиатских степях, включая Монголию¹⁰, и вообще имеет очень широкое распространение. Лапчатый же тип серьги нам удалось проследить только на кавказском материале; но интересно, что в прикубанских памятниках белореченского типа попадаются серьги с лапкой, поддерживающей бусу, и, кроме того, с обмоткой проволоки выше бусы¹¹, где она, казалось бы, в данном случае и не нужна, а является пережитком. Из этого можно за-

¹ Курганы № 12 и 28, раскопки 1896 г.

² Курганы № 13, 18, 19, 20, 21, 27, 30—34, 39—44, 53, раскопки 1896 г.; № 3, раскопки 1906 г.; № 4 и 5, раскопки 1907 г.

³ МАК, т. X, ГИМ, № 80135.

⁴ Коллекция ГИМ, № 26797 о. з. 178, 179.

Там же, № 41004 о. з. 190—191.

⁶ Там же, № 42355 о. з. 283.

⁷ Там же, № 40509 о. з. 172.

⁸ Там же, о. з. 152, 153.

Труды V АС, стр. 37—60, табл. IV и V, коллекция ГИМ, III-684.

¹⁰ Находка в Каракоруме. Монгольская экспедиция Акад. наук СССР 1949 г.

¹¹ Раскопки Н. И. Веселовского у с. Белое на Кубани.

ключить, что именно в Прикубанье выработался более упрощенный способ укрепления бус — лапкой вместо прежнего способа обмотки проволокой.

Плоские подковообразные височные кольца с вертикальным лапчатым стержнем для нанизки бус (рис. 12, 3) можно считать типичными для Кавказа, как и мужские плоские кольца. Кроме Прикубанья, такие украшения (как золотые, так и серебряные) в большом количестве известны из раскопок Д. Я. Самоквасова под Пятигорском, где в могильнике у с. Каррас найдены были подобные височные кольца без бус, но с загнутым спиралью стержнем¹. Этот же тип золотых височных колец известен из раскопок гробниц под Махческом в Северной Осетии, из курганов близ станиц Дагестанской и Костромской на Кубани. Вне Кавказа он не встречается.

Спиральные височные кольца в полтора оборота толстой золотой или серебряной проволоки найдены в четырех погребениях². Такого типа украшения обычны и для более ранних культур Северного Кавказа, в кубанских же курганах типа белореченских они встречаются реже, чем описанные выше варианты.

Височные кольца с напускными бусами в кубанских курганах почти не встречаются; в белореченском материале имеется экземпляр серебряного кольца с одной украшенной зернью бусой³. Зато такого типа украшения в разных вариантах были широко распространены в других районах — у славян, в Поволжье и Приуралье, у кочевников южнорусских степей. Но для славян больше характерны трехбусинные украшения, а для кочевников — с одной, но не круглой, а биконической, бусой⁴. На Кубань такое кольцо попало скорее всего из Золотой Орды и, как дорогое привозное украшение, хранилось хозяйкой в шкатулке, носила же она обычные золотые височные кольца в форме вопросительного знака.

Перстни и браслеты встречались реже, и только в богатых могилах⁵, причем браслеты найдены исключительно, а перстни преимущественно в женских погребениях (из четырнадцати перстней четыре найдены в мужских погребениях и десять — в женских). В мужских погребениях найдено по одному перстню⁶, в женских же в пяти случаях по одному на каждой руке⁷, один раз два перстня на правой руке⁸ и один раз два перстня на левой и один на правой руке⁹. Из найденных в белореченских курганах девятнадцати перстней только три серебряных, один сердоликовый, остальные все золотые.

Самым распространенным среди них типом (73,7 процента) является пластинчатый щитковый золотой перстень¹⁰ (рис. 12, 8). Круглый щиток его, вырезанный из одной пластины с кольцом, украшен гравировкой — косым крестом и значками, имитирующими буквы. Часто по кольцу идет

¹ Коллекция ГИМ, о. з. 271—278.

² Курганы № 37, раскопки 1896 г. (золотые); № 7, раскопки 1906 г. (серебряные); № 9, раскопки 1907 г. (одно золотое, другое серебряное).

³ Курганы № 20, раскопки 1896 г.

⁴ Коллекция Гос. Эрмитажа, 913/1—2, 914, 917/33, 919/1 и др.

⁵ Курганы № 7, 8, 9, 10, 12, 13, 20, 22, 26, 27, 34, 41, раскопки 1896 г. № 6 и 7, раскопки 1897 г.

⁶ Курганы № 7, 9, 26, раскопки 1896 г.; № 6, раскопки 1897 г.

⁷ Курганы № 12, 22, 27, 34, раскопки 1896 г.; № 7, раскопки 1897 г.

⁸ Курганы № 8, раскопки 1896 г.

⁹ Курганы № 10, раскопки 1896 г.

¹⁰ Курганы № 8, 10, 12, 13, 22, 27, 34, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 254.

горизонтальная линия, изображающая ребро массивных перстней, а на расширенной части около щитка сделаны косые нарезки. Почти всегда такие перстни уменьшались путем зажима кольца по величине пальца. Тип этот является подражанием перстням с печатями, какие часто встречаются в золотоордынских памятниках Поволжья, в частности в Сарая-Берке.

Проволочные щитковые перстни найдены в двух погребениях: золотые художественной работы со вставкой камня¹ и серебряный с круглой плоской вставкой сердолика грубоватой выделки², лежавший в одной шкатулке с височным кольцом с напускной бусой, вместе с которым он, вероятно, и попал на Кубань с Поволжья.

Найдены были также перстни с расширенной и выпуклой передней частью, с орнаментированной поверхностью. Два из них золотые, сомкнутые, со вставками красного стекла³, третий серебряный с заходящими друг на друга несомкнутыми концами⁴.

Сердоликовый перстень (рис. 3, 10), найденный при мужском погребении⁵, являлся, как уже говорилось выше, не столько украшением, сколько приспособлением при натягивании тетивы лука.

Браслетов найдено десять экземпляров в шести богатых женских погребениях⁶. Семь из них золотые, два серебряные и один — парчевый браслет с серебряными украшениями.

Золотые браслеты все пластинчатые с несомкнутыми концами, которые соединялись посредством шарнирного затвора (стержень вставлялся в колечки) или завязывались шнурком через дырочки⁷. Все они украшены скромным штампованным орнаментом в виде продольных линий или желобков (рис. 12, 9), но одна пара браслетов орнаментирована еще точками по краям и эсвидными фигурами. Серебряные витые браслеты со вставками красного стекла встретились лишь в одном погребении⁸; этот тип является редкостью в кубанском материале, но зато обычен для Поволжья и в значительном количестве экземпляров найден в раскопках Сарая-Берке. Парчевый браслет⁹ представляет узорчатую ленту с фигурными серебряными бляшками со вставками бирюзы и сердолика. В этой вещи также можно видеть золотоордынское влияние, потому что в этнографическом материале казанских татар обычны браслеты из бляшек со вставками, да и поясные бляхи этого погребения¹⁰ ближе стоят по стилю к украшениям тех же казанских татар, чем к специфически кавказским; в этой же могиле найдена серебряная мусульманская капторга¹¹.

Несмотря на все богатство наряда похороненных в белореченских курганах людей, в общем можно сказать, что население Прикубанья XIV—XV веков употребляло сравнительно немного украшений, не связан-

¹ Курган № 10, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 185.

² Курган № 20, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 220.

³ Курган № 7, раскопки 1897 г.

⁴ Курган № 41, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 243.

Курган № 9, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 129.

⁶ Курганы № 8, 10, 12, 22, 27, раскопки 1896 г.; № 7, раскопки 1906 г.

⁷ ОАК 1896 г., рис. 65 и 201.

⁸ Курган № 7, раскопки 1906 г.; ОАК 1906 г., рис. 125.

⁹ Курган № 27, раскопки 1896 г.; ОАК 1896 г., рис. 238.

¹⁰ ОАК 1896 г., рис. 233 и 234, а, б, в.

¹¹ ОАК 1896 г., рис. 236.

ных непосредственно с одеждой. Это же наблюдается и в отношении современных адыго-черкесских племен¹

Если в Дагестане широко распространены украшения, надеваемые на себя, то на Кубани и в Кабарде, наоборот, преобладают украшения, нашитые на одежду. Ожерелья из бус не употребляются черкешенками и кабардинками, но одиночные бусы нашиваются на одежду, и их носят под платьем, как амулеты; в точности такую же картину дал и анализ курганного материала. Черкешенки любят носить украшения на цепочках: привески головного убора, часы, медальоны; в инвентаре женских погребений белореченских курганов тоже часто встречаются привески и туалетные приборы на цепочках.

Интересно отметить преобладание в курганном материале именно серебряных украшений, связанных непосредственно с одеждой; характерно, что у адыгов все застежки называются словом «серебряная застежка», хотя бы они были сделаны и из другого материала, даже из золота.

Относительно орнаментации металлических черкесских украшений Е. Н. Студенецкая говорит, что заполнение целиком мелкорастительным орнаментом всего поля вещи, характерное для кубачинских мастеров, изредка встречается на мужских черкесских украшениях, но на женских, более самобытных, не встречается. Для последних характерно членение вещи на крупные участки различной формы, разделенные свободным пространством². В орнаментике белореченских вещей мелкорастительный узор встречается на некоторых наконечниках поясов (рис. 8, 32) и на подложках крупноажурных художественных блях, но это как раз привозные украшения или подражания привозным. На украшениях же явно местной выделки излюбленным мотивом орнамента является крупная четырехлепестковая розетка и гравировка незамысловатым орнаментом по краю вещи с оставлением чистого поля внутри (рис. 8, 31; рис. 11, 8). Что же касается орнаментики серебряных чаш, большинство которых местной работы, то в ней как раз ярко выражено членение на крупные участки разной формы со свободным пространством между ними (рис. 2, 1), характерное для черкесского орнамента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для решения вопроса о принадлежности изучаемого памятника к определенной народности самыми надежными источниками являются антропологический материал и исторические данные той эпохи, к которой относится памятник.

Антропологического материала из белореченских курганов в наличии не имеется, кроме одного скелета, экспонированного в XII зале ГИМ. Брал ли Н. И. Веселовский костяки из могил, неизвестно, но он на основании произведенного кем-то определения отмечает в отчете, что черепа были не монголоидные.

Г. Ф. Дебеч и М. М. Герасимов по внешнему осмотру единственного сохранившегося черепа дают заключение об отсутствии в нем монгольских черт. Н. И. Веселовский в свое время высказывал предположение, что белореченские курганы принадлежат черкесам или ногайцам. Одно время существовала тенденция приписать белореченский материал тата-

¹ Е. Н. Студенецкая. Украшения одежды у кабардинцев. Ученые записки Кабард. научно-исслед. ин-та, т. V Нальчик, 1950.

² Е. Н. Студенецкая. Указ. соч.

рам Золотой Орды, но анализ курганного инвентаря показывает, что материальная культура кубанских курганов значительно отличается от золотоордынской культуры Поволжья. Ярче всего бросается в глаза почти полное отсутствие в курганах керамики, в то время как в Поволжье ее очень много. Отличается также и обряд погребения. Татарские погребения этой эпохи как в Поволжье, так и в других районах¹ чисто магометанские — без вещей, на Кубани же — с обильным инвентарем. Правда, в кубанских курганах встречаются мусульманские вещи: капторги, различные поделки с изречениями из корана, но все они привозные и говорят не столько о мусульманстве их хозяев, сколько о мусульманской моде той эпохи, когда даже для искусства христианских стран — Грузии и Армении характерно было использование восточных мотивов и арабских и персидских надписей с изречениями из корана².

Приведенный выше детальный анализ белореченского материала устанавливает наличие гораздо большего количества связей как с современными, так и с более древними кавказскими культурами, чем с культурой золотоордынского Поволжья, так что кубанские курганы можно с полной уверенностью считать принадлежавшими коренному местному населению.

На каталонской карте 1375 г., как раз современной Белореченскому курганному могильнику, на левобережье Кубани, в районе рр. Белой и Лабы, показаны «Маузекия» и «Абазехия»³. Абазехами называется одно из адыго-черкесских племен, живущее и в настоящее время в Прикубанье, именно по рр. Белой и Лабе.

По историческим источникам — восточным, византийским, русским и западным, адыго-черкесские племена (они же керкеты, они же зихи, они же косоги) составляли в начале II тысячелетия н. э. коренное население азово-черноморского побережья и западной части северного склона Кавказа.

Аборигенность адыго-черкесов на этой территории доказывают многочисленные свидетельства древних и средневековых авторов.

Георгий Интериано ясно говорит, что «зихи, так называемые по-итальянски, по-гречески и по-латыни, но которых турки и татары зовут черкесами и которые сами себя называют адыге, живут от р. Дона по берегам Азовского и Черного морей до Пицундской бухты»⁴. К его разъяснению следует добавить еще два названия: русские летописцы называли черкесов косогами, а античные авторы (с середины I тысячелетия до н. э.) — керкетами⁵.

Историки Черкесии Шора Ногмов и Услар считают название «керкет» и «черкес» синонимами, что вполне естественно, если принять во внимание отсутствие в греческом алфавите буквы «ч».

Детальный разбор свидетельств античных авторов выходит за рамки настоящей работы, но все же необходимо отметить, что эти авторы определенно говорят о родстве керкетов с древними синдами (Исакий Алексан-

Например, на р. Мечетке Воронежской области по раскопкам ГИМ 1948 г.

К. А. Ракитина. Указ. соч.

³ П. Г. Фелицын. Генуэзские и венецианские карты кавказских берегов Азовского и Черного морей XIV и XV столетий. Кубанский сборник, т. V. Екатеринодар, 1899.

⁴ Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1890, т. IX, стр. 98.

⁵ В. В. Латышев. Известия древних авторов о Скифии и Кавказе, т. I, Спб. 1893.

дрийский)¹, а первое упоминание о зихах относится к I веку. Страбон пишет, что «у моря лежит азиатская часть Боспорского царства и Синдика, а за ней живут ахеи, зихи, иннохи и керкеты...»².

Таким образом, становятся вполне естественными выявленные в настоящей работе связи культуры белореченских курганов с местной материальной культурой как более ранних эпох, так и более поздних, вплоть до современного этнографического материала. Установление же этих связей служит неоспоримым доказательством принадлежности белореченских курганов и близких к ним памятников Северного Кавказа адыго-черкесам XIV—XV веков. Совпадение района, указанного на карте XIV века, с современным районом расселения абадзехов позволяет увязывать Белореченский могильник именно с этим племенем.

Косоги-кабары X века входили в состав Хазарского каганата, и русская летопись, рассказывая о походе на хазар в 965 г., свидетельствует, что Святослав «и ясы победы и касоги и приведе ко Киеву»³.

Продвижение адыго-черкесских племен от морского побережья к востоку по горным склонам Северного Кавказа, начавшееся еще раньше под влиянием внутренних факторов общественного развития, в X веке было еще усилено походами Святослава и ростом Тмутараканского княжества, а в XIII веке — татаро-монгольским завоеванием.

Татарское завоевание хотя и было для жителей Северного Кавказа таким же грозным бичом, как и для других народов, но все же не привело к полному переселению или уничтожению их, о чем говорит изучаемый материал белореченских курганов — могильников знати абадзехского племени — и неоднократно привлекаемый материал каррасских курганов — могильника кабардинской аристократии.

По свидетельству византийских источников, при первом разгроме Северного Кавказа и Черноморского побережья татарами в 1221 г. (когда один из отрядов прошел из Ирана через Грузию и Ширванское ущелье на Северный Кавказ, а затем в Крым и половецкую степь) в число народов, покоренных татарами, входили «цихи, готфы, россияне и другие окрестные народы»⁴, которые даже были включены татарами в состав своего войска. После Батыева похода и основания многоплеменного государства Золотой Орды вся бывшая Зихия вошла в состав его, так что похороненных в белореченских курганах воинов и военачальников следует считать воинами и военачальниками многоплеменного золотоордынского войска. Состав этого войска хорошо характеризуется словами Шереф-ад-Дина Иезды в его «Рассказе о выступлении Тимура на войну против Тохтамышхана», где говорится, что в 1388 г. у Тохтамыша «из русских, черкесов, болгар, кипчаков, аланов Крыма с Каффой и Азаком, башкирдов и мокши собралось войско изрядно большое»⁵.

Материальная культура адыге золотоордынской эпохи, сложившаяся на местной основе, включает элементы культуры степных кочевников (половцев-кипчаков) и татарской. Первые представлены ковано-пластинчатыми наборами поясных украшений и отделкой колчанов резными

¹ В. В. Латышев. Указ. соч., т. I, вып. III, СПб, 1893, стр. 853.

² В. В. Латышев. Указ. соч., т. I, вып. I, стр. 130.

³ А. П. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. Нальчик, 1948.

⁴ Известия византийских историков, объясняющие российскую историю с древних времен и переселения народов. СПб, 1771, 2, стр. 82.

⁵ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, стр. 156. Акад. наук СССР, 1941.

костяными накладками, но самого характерного признака кочевнического погребального обряда — захоронение коня или частей его туши с предметами упряжи — ни в одном из белореченских курганов не встречено. Единственным исключением является находка стремя при погребении в медном гробе¹, но в этом же кургане имеются налицо и специфически кубанские черты: деревянный склеп, засыпка углем, традиционные серебряные чаши у головы и рук покойника. То же можно сказать и о других погребениях с находками вещей кочевнического и татарского типов: они не выделяются из общей массы по своему инвентарю и ритуалу.

Влияние золотоордынской культуры сказывается в наличии сырцового свода над могилой военачальника в кургане № 1 (раскопки 1896 г.), в находках украшений, типичных не для Кавказа, а для Поволжья, в сердоликовом кольце для натягивания тетивы лука, в поливных чашках такого же типа, как в Сарая-Берке, Увеке и в Болгарах, и, наконец, в предметах, связанных с мусульманским культом.

Влияния эти были взаимными. Некоторые специфически кавказские черты, как, например, орнамент в виде шестиконечной звезды — «печати Соломона», встречаются в татарских² и кочевнических³ памятниках.

Удержавшаяся у адыго-черкесов почти до современности форма женского головного убора в виде шишака с лунницей происходит, повидимому, от монгольской бокки, что же касается одинакового покроя коротких кафтанов из Увека и Белореченской, то здесь трудно решить, кому принадлежит приоритет. Несомненно, что татары, включившие в орбиту своего господства самые разнообразные по этническому составу государственные объединения, немало способствовали сложению и распространению своеобразной «восточной» моды одежды. Через их посредство проникли и на Русь разрезные рукава с параллельными нашивками застежек, характерные для адыго-черкесов. Повидимому, в золотоордынской моде сочетались заимствованные от разных покоренных народов фасоны одежды, в том числе и адыгейские.

То же можно сказать и об оружии: в раскопках Сарая-Берке, наряду со сфероконусами, заимствованными из Средней Азии, найдены были сабли с эфесом белореченско-кубанского типа.

Могильный инвентарь белореченских курганов почти не содержит материала, непосредственно характеризующего хозяйство адыго-черкесов этой эпохи. Исторические источники и нартский эпос рисуют адыге как скотоводов и рыболовов, отчасти земледельцев, причем вся тяжесть труда лежала на крестьянах, а князья и дворяне занимались преимущественно охотой и набегами, обратив последние в своего рода промысел, доставлявший богатую добычу в виде награбленного добра и пленников, продававшихся в рабство.

Генуэзец Георгий Интериано, автор XV века, характеризуя быт черкесов, говорит, что знатные занимались только «дворянским» делом — грабежом и охотой, считая работу унизительным для себя занятием.

По описанию того же генуэзца Георгия, только знатные черкесы имели лошадей, простой народ пользовался волами, мяса они употребляли мало (что подтверждается отсутствием мясной погребальной пищи в могилах); пшеницы не сеяли, но сеяли много проса и из него же варили хмельной напиток «бозу». О распространении культуры проса у древних

¹ Курган № 1, раскопки 1897 г.

² На камнях в городе Маджар и на зеркалах из Сарая-Берке.

³ На рукоятке меча из с. Райгородок Харьковской области; ОАК 1898 г. рис. 156.

керкетов имеются сведения и у античных авторов. У современных черкесов, по данным Шоры Ногмова, основной пищей является пшенная каша и баранина, а любимым напитком — «махсыма» из проса. Подобный напиток, вероятно, и был налит в найденный при раскопках 1896 г. стеклянный кувшин с замазанным горлом и с остатками зерен на дне¹.

Дома, по описанию генуэзца, делались легкие — из соломы и дерева, а укрепленное жилище считалось признаком трусости. Это объясняется также полукочевым образом жизни, который вызывался преобладанием мелкого скота в составе стада и длительными откочевками на дальние пастбища.

Полукочевой быт и набеги мало способствовали развитию и выделению ремесла. Исключение составляли кузнечно-оружейное дело и ювелирное, что доказывается обилием оружия и наличием, наряду с привозными, украшений местной выделки.

Изготовление бурок (о которых пишет тот же генуэзец Георгий), обработка кожи, выделка холста и сукна, так же как и шитье одежды, производились домашним способом в рамках натурального хозяйства семьи.

Относительно слабое развитие ремесла отнюдь не отрицает наличия товарных отношений в среде адыго-черкесов. Товарное производство на Северном Кавказе имеет очень глубокие корни, уходящие в античность, и археологический материал Северного Кавказа как раз ярко иллюстрирует высказанное И. В. Сталиным в его труде «Экономические проблемы социализма в СССР» положение о том, что «Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его...»².

Изделия адыгских ремесленников XIV—XV веков обеспечивали преимущественно потребности местного рынка, но частично (например, оружие) распространялись и шире. Продукты же таких промыслов, как рыболовство, скотоводство, бортничество, шли в порядке торгового обмена далеко за пределы страны.

Еще в античное время население Северного Кавказа было втянуто в торговлю черноморских колоний и Босфорского царства³. Объектами вывоза были главным образом рабы, а также рыба, воск, мед. Рабы поставлялись керкетами в первых веках на рынок Диоскурии на восточном берегу Черного моря, а со второй половины I тысячелетия н. э. — в Кафу, где их скупали партиями работоторговцы и отправляли на кораблях в Малую Азию, Египет и другие страны мусульманского Востока. О работоторговле у черкесов говорит и генуэзский автор XVI века Георгий; продолжалась она вплоть до XIX века, когда черкесы продавали своих рабов и пленников в Турцию.

Торговые связи через перевалы поддерживались также с Закавказьем⁴.

Предметами ввоза с древности до XIX—XX веков были преимущественно предметы роскоши: дорогие ткани, изящная утварь и украшения.

¹ Курган № 38, раскопки 1896 г.

² И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР М., Госполитиздат, 1952, стр. 15.

³ В. А. Ашик. Босфорское царство, ч. I. Одесса, 1848.

⁴ Победоносцев. Черкесия. М., 1940.

Таким образом, найденные в курганах художественные ювелирные вещи, вещи малоазийского происхождения, иранские и китайские ткани можно рассматривать как продукт не только морской, но и сухопутной внешней торговли, а венецианские ткани и посуда и сирийское стекло могли проникнуть на Кубань только при посредстве крымских колоний; следует учитывать, однако, что часть этих иноземных товаров должна приходиться и на долю военной добычи.

То обстоятельство, что найденные в богатом погребении золотоордынские монеты, уступавшие по весу рядовым серебряным украшениям, хранились вместе с особенно ценными вещами, доказывает, что эти монеты имели для местного населения значение денег, в чем можно видеть указание на переход к денежной торговле. И переход этот был вполне закономерен, так как Прикубанье находилось в феодальной зависимости и от золотоордынского государства, имевшего уже развитую денежную систему.

Для характеристики взаимоотношений местного населения с их работодателями-татарами курганный инвентарь не дает конкретного материала. Но несомненно то, что правящей верхушке кубанских адыгов и при татарском иге жилось неплохо, о чем наглядно говорит роскошь их гробниц. Повидимому, местные феодалы получали, наряду с кипчако-монгольской аристократией, ханские ярлыки на самостоятельное управление своими владениями и чувствовали себя на Кубани полновластными хозяевами. Зато двойная тяжесть обрушивалась на плечи незнатного населения (крестьян и рабов), так как исключительно их трудом должны были обеспечиваться и роскошь местных феодалов и татарские поборы.

Источником для определения общественных отношений у черкесов XIV—XV веков может служить почти современный изучаемой эпохе документ — письмо гегуэзца Георгия, проверенное и подтвержденное археологическим материалом. По этим данным устанавливается наличие значительной имущественной и классовой дифференциации: археологический материал характеризует богатые и бедные погребения. Георгием отмечаются колоссальные различия не только в быте, но и в правах знатных и простых людей. Все это дает полное основание говорить о наличии феодальных отношений в черкесском обществе, укреплению которых способствовала и политическая обстановка эпохи — вассальная зависимость черкесских князей от ханов Золотой Орды.

Если обратиться к более позднему времени, к XVIII веку, когда у черкесов еще сохранялись в достаточной чистоте феодальные отношения, то и здесь можно проследить много параллелей с изучаемой эпохой в отношении уклада жизни черкесов: полукочевое скотоводство, низкий уровень земледелия (с преобладанием культуры проса), эксплуатация феодальной знатью крестьян и рабов, грабительские набеги как промысел и «доблесть» знати, работорговля.

Поскольку производительные силы и в XVIII веке стояли почти на таком же уровне, как в золотоордынскую эпоху, можно предполагать если не тождество, то большое сходство и в общественных отношениях.

В XVIII веке крестьяне и рабы, занимавшиеся скотоводством и земледелием, полностью обеспечивали своих господ — князей и владетельных дворян, отдавая им не менее половины своего труда. Владетельные дворяне, подчиняясь князю, были в то же время полными господами в своих аулах. Князья-военачальники имели дружины узденей. Народ после смерти князя делился между новыми князьями — сыновьями умершего, а

в случае пресечения владетельного княжеского рода уздени сами выбирали себе нового князя¹.

Повидимому, такие воины-уздени погребены в более скромных по содержанию курганах белореченской группы, а богатые погребения принадлежат абадзехским военачальникам — князьям и владетельным дворянам с их семьями.

Если принять, что в эпоху позднего средневековья княжеские роды адыго-черкесов, так же как и в XVIII веке, разрастались «почкованием», с выделением самостоятельных князей-наследников, обособлявшихся с группой бывших подданных своего отца, то станет вполне понятным процесс расселения этих племен на новые земли и продвижение их к востоку.

Генуэзец Георгий рассказывает, что черкесы начала XVI века не пользовались никакой письменностью и что христианское богослужение совершалось на греческом языке, которого не понимали и сами местные священники. Во всех работах, посвященных истории адыго-черкесов, говорится о христианстве средневековых адыгов, но в курганном материале никаких следов христианства не прослеживается, хотя христианство проникло к зихам-керкетам из греческих колоний еще в VI веке и епископ зихской епархии участвовал в 526 г. в константинопольском вселенском соборе².

Позже, в XIV веке, зихская епархия подчинялась тмутараканской митрополии. В XI—XV веках существовали епархии в Фанагории и Пантикапее³. Соседство и связь их с христианскими государствами южного Кавказа создавали благоприятную почву для распространения христианской религии в среде черкесов. И действительно, многие адыго-черкесские племена были христианами, пока не подверглись постепенной, насильственно насаждавшейся исламизации. Развалины христианских храмов встречаются на территории Черкесии, но далеко не везде; их нет по Черноморскому побережью от Гагр до Анапы и по линии от Черного моря до верховьев Кубани. Эти области, как отмечает Люлье⁴, оставались в стороне от чужеземных влияний и наиболее сохранили свою самобытность. Отсюда следует, что христианизация адыго-черкесов не была поголовной. Кроме того, как видно из рассказов генуэзца Георгия и религиозных обрядов, зафиксированных этнографами⁵, христианство адыгских племен было полужизненным.

Считаясь христианами, а позже мусульманами, они сохраняли параллельно с новой религией веру в старых богов, поэтому языческий обряд захоронения в курганах представляется вполне естественным и для эпохи XIV—XV веков.

¹ Н. Д у б р о в и н. Указ. соч., стр. 116—118; М а к с и м о в. Кабардинцы. Терский сборник, кн. 2. Владикавказ, 1892.

² «Кавказ», 1846, № 34, стр. 135.

³ Л. Я. Л ю л ь е. Черкесия. Материал для изучения черкесского народа, вып. 4, стр. 19—20. Краснодар, 1927.

⁴ Л. Я. Л ю л ь е. Там же.

⁵ Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов (под ред. С. А. Токарева и Е. М. Шиллинга). Изд. МГУ, 1940.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
ГИМ — Государственный Исторический музей.
ЗАО — Записки Археологического общества.
ЗРАО — Записки Русского археологического общества.
ИАК — Известия археологической комиссии.
КС ИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры.
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры.
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России.
МАК — Материалы по археологии Кавказа.
МАР — Материалы по археологии России.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
ОАК — Отчет археологической комиссии.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
ТСА — Труды секции археологии.
РНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
СУАК — Саратовская ученая архивная комиссия.
АС — Археологический съезд.
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
ТСУАК — Труды саратовской ученой архивной комиссии.
-

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
<i>В. М. Раушенбах.</i> Неолитические стоянки Верхней Клязьмы	7
<i>И. К. Цветкова.</i> Волосовские неолитические племена	19
<i>Т. Б. Попова.</i> Керамика мелекесских курганов	53
<i>Н. В. Трубникова.</i> Племена городецкой культуры	63
<i>А. В. Успенская.</i> Курганы южной Белоруссии X—XIII веков	97
<i>М. В. Фехнер.</i> Материалы к археологической карте Белозерского и Кирилловского районов Вологодской области	125
<i>Л. А. Голубева.</i> Раскопки в Рузе	141
<i>В. П. Левашева.</i> Белореченские курганы	163
Список сокращений	214

Редактор **А. И. Кантер**
Худож.-техн. редактор **Е. Н. Пергаменщик**
Корректоры **Е. А. Дворкина** и **Л. И. Добкина**

А-04874. Сдано в произв. 10/IV 1953 г.
Подп. к печ. 19/VIII 1953 г. Тираж 1 000.
Объем 8,5 бум. л. Печ. л. 20,53 (11 вклеек).
В 1 печ. л. 52.200 зн. Учетн.-изд. л. 18,7.
Формат бум. 70×108. Издат. инд. МД-35.
Цена 16 р. 50 к. Заказ 193.

Типография Госкультпросветиздата. Москва,
ул. Маркса и Энгельса, д. 14.

Редактор **А. И. Кантер**
Худож.-техн. редактор **Е. Н. Пергаменщик**
Корректоры **Е. А. Дворнина** и **Л. И. Добкина**

А-04874. Сдано в произв. 10/IV 1953 г.
Подп. к печ. 19/VIII 1953 г. Тираж 1 000.
Объем 8,5 бум. л. Печ. л. 20,53 (11 вклеек).
В 1 печ. л. 52.200 экз. Учетн.-изд. л. 18,7.
Формат бум. 70×108. Издат. ннд. МД-35.
Цена 16 р. 50 к. Заказ 193.

Типография Госкультпросветиздата, Москва,
ул. Маркса и Энгельса, д. 14.

ТАБЛИЦА 2. НАХОДКИ СОСУДОВ ПО ПОГРЕБЕНИЯМ

Год рас- копок	Номер кургана	Пол по- гребен- ного	Золотые		С е р б р я е						Бронзовые		С е л я н е								Г л и н я н ы е			Деревянные	Всего посуды дисков
			чашка	ковш	чашка	ковш	блюде- диск	блюдо	кубок с под- доном	др. формы	кувшин	др. формы	стакан	блюдо	кувшин	графин	кубок- кружка	ваза с под- доном	блюде- диск	чашка	кувшин	кружка	чашка		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	
1896	1	Муж.	1 (у го- ловы)	—	2 (под кистями)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (в ногах)	—	—	—	1 (в насыпи)	—	—	—	—	5/—
1896	2	Муж.	—	—	—	1 (под черепом)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/—
1896	3	Муж.	—	—	2 (под го- ловой и у плеча)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2/—
1896	5	Муж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (в ногах)	—	—	—	—	—	—	—	—	1'—
1896	7	Муж.	—	—	—	1 (под головой)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (под локтем)	—	2/—
1896	9	Муж.	—	—	—	1 (у пояса)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (у колен)	—	—	—	—	1 (в ногах)	—	—	3'—
1896	10	Жен.	—	—	1 (у ле- вой ки- сти)	1 (под головой)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (у колен)	—	—	—	3/—
1896	11	Муж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (разби- та и об- ломки разбро- саны)	—	—	—	—	1/—
1896	12	Жен.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (в ногах)	—	—	—	1/—
1896	19	Муж.	—	—	—	—	5 (под головой, под лок- тями и пятками)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1896	20	Жен.	—	—	—	—	5 (под головой, локтями и пят- ками)	—	—	1 (мини- атюр- ный)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,5
1896	26	Муж.	—	1 (в ногах)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (у пояса)	1 (в ногах)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3/—
1896	32	Муж.	—	—	1 (у плеча)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/—
1896	37	Муж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (в ногах)	—	—	1/—
1896	38	Муж.	—	—	1 (у головы)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (у головы)	—	—	—	—	—	—	—	—	2/—
1896	40	Муж.	—	—	1 (у головы)	—	5 (под головой, локтями и пят- ками)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,5
1896	41	Жен.	—	—	—	—	—	—	1 (у головы)	—	1 (у пояса)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2/—
1896	47	Муж.	—	—	—	1 (у пояса)	—	—	—	—	—	—	—	1 (у пояса)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2/—
1896	48	Муж.	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 —
1896	49	Муж.	—	—	1 (у головы)	—	1 (под головой)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/1
1896	53	Муж.	—	—	—	1 (у колен)	2 (под локтями)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (в ногах)	—	—	—	—	—	—	2 2
1897	1	Муж.	—	—	2 (у го- ловы и у локтя)	1 (у локтя)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (в насыпи)	—	—	—	4'—
1897	2	Муж.	—	—	1 (под головой)	—	1 (под правым локтем)	—	—	—	—	—	—	1 (у колен)	—	—	—	—	—	1 (под левым локтем)	—	1 (в ногах)	—	—	4/1
1897	3	Муж.	—	—	2 (под головой и локтем)	1 (под локтем)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3/—
1897	6	Муж.	—	—	—	1 (у пояса)	—	1 (в ногах)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2'—
1897	8	Муж.	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2/—
1906	2	Жен.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (в ногах)	—	—	—	—	—	—	—	—	1/—
1906	3,II	Муж.	—	—	—	1 (у левого локтя)	—	—	—	1 (у правого локтя)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2/—
1906	7	Жен.	—	—	1 (у левого локтя)	—	—	—	—	—	—	1 (у левого локтя)	1 (у пояса)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3 —
1906	8	—	—	—	обломки чашек*	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1?
1906	9	Муж.	1 (под головой)	—	2 (у головы)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3/—
1906	10	Муж.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/—
1906	11	Муж.	—	—	1 (под плечами)	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2/—
1906	14	??	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1/—
1907	2	Муж.	—	—	2 (у плеча и в ногах)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2/—
1907	3	?	—	—	обломки чашек***	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1?
1907	5	Муж.	1 (у плеча)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1/—
1907	8	Жен.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1 (у головы)	—	—	—	—	1/—
Всего: .			3	1	22	13	19	1	2	1	1	1	4	1	4	1	1	1	—	3	7	1	1	—	70/19****

*Погребение ограблено местными жителями. Пол погребенного и количество сосудов не установлены.

**То же.

***То же.

****В числителе дано количество сосудов, в знаменателе — количество дисков-блюдец.

